

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

Фридрихъ Фрѣбель.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ

Томъ I.

ВОСПИТАНІЕ ЧЕЛОВѢКА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

И. Д. Городецкаго.

Подъ редакц. Д. Н. КОРОЛЬКОВА.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Учен. Ком. М. Н. Пр. признана подлежащей внесенію въ списокъ книгъ, заслужив. вниманія при пополни. ученич. библ. старш. возр. средн. учебн. зав.

Цѣна 2 руб. въ переплетъ.

Книгоиздательство К. И. Тихомирова.

Москва, Кузнецкій Мостъ, д. Захарьина.

1913.

Незабвенной памяти

основателя

Педагогической Библиотеки

Ксенофонта Ивановича

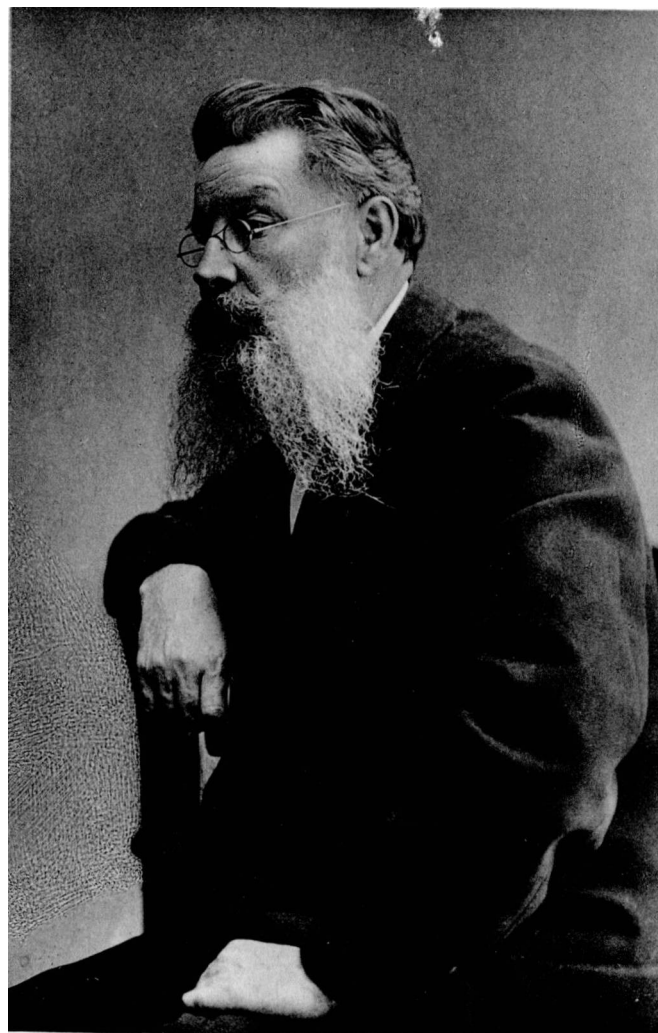
Тихомирова

посвящают этот трудъ

редакторъ и издатели.

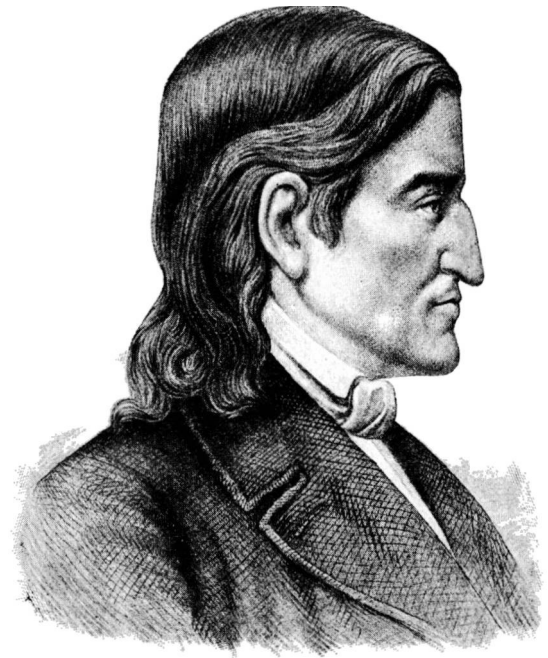
МОСКВА .
Типографія Русскаго Товарищества, Мыльниковъ пер., с. д.
Телефонъ 18-35.

Ксенофонтъ Ивановичъ Тихомировъ.

(Род. 1852 г. † 1913 г.).

Издатель „Педагогической Библиотеки“.

Фридрихъ Фрѣбель.

(Род. 1782 г. † 1852 г.)

**Жизнь и характеристика
Фридриха Фрёбеля.**

«Страницы V—XXXII нѣмецкаго оригинала, пропущенныя въ первомъ русскомъ изданіи, для второго изданіи переведены редакторомъ (стр. 5—37)».

Жизнь Фрѣбеля.

Фридрихъ Вильгельмъ Августъ Фрѣбель родился 21 апрѣля 1782 года въ Обервейсбахѣ, въ Шварцбургъ-рудольштадской деревнѣ въ Тюрингенскомъ Лѣсу; его отецъ былъ мѣстный евангелическій пасторъ.

На первомъ же году своей жизни Фрѣбель лишился матери и, при многочисленныхъ занятіяхъ своего отца, былъ предоставленъ большею частію надзору прислуги и своихъ старшихъ братьевъ. Благодаря послѣдному обстоятельству между братьями развилась горячая любовь, которая въ дальнѣйшіе годы жизни Фрѣбеля самымъ блестящимъ образомъ проявилась съ обѣихъ сторонъ, и братья рѣдко бываютъ готовы приносить другъ для друга такія жертвы, какъ это было въ семьѣ Фрѣбеля.

На четвертомъ году жизни Фрѣбеля у него явилась мачеха, которая относилась къ своимъ пасынкамъ, какъ мать, только до тѣхъ поръ, пока у ней не родился свой сынъ. Съ этого времени между пасынкомъ и мачехой началась холодность, которая сдѣлала нашего Фрѣбеля замкнутымъ и сосредоточеннымъ. Такъ какъ ему далѣе было мало предоставлено внѣшней свободы, то онъ рано привыкъ очень внимательно разсматривать всѣ окружавшіе его небольшіе предметы и стараться проникнуть во внутренность вещей.

При начальномъ обученіи, которое Фрѣбель получалъ подъ руководствомъ своего отца, мальчикъ оказался нѣсколько вялымъ, почему отецъ никогда не былъ высокаго мнѣнія объ умственныхъ способностяхъ Фридриха. Затѣмъ отецъ послалъ его въ существовавшую въ деревнѣ школу для дѣвочекъ, такъ какъ въ ней было болѣе чистоты, тишины,

и разумнаго порядка, чѣмъ въ школѣ для мальчиковъ. Объ этомъ времени своего обученія Фрѣбель всегда отзывался съ благодарностію и уваженіемъ; особенно никогда не забывалъ онъ находившихся въ особомъ сборникѣ прекрасныхъ пѣсень, которымъ онъ здѣсь научился; ими онъ наслаждался до послѣднихъ дней своей жизни.

Такъ какъ дурныя отношенія между сыномъ и мачехой, которая всегда умѣла привлечь на свою сторону и отца, не измѣнялись къ лучшему, то Фридриха на 11-мъ году взялъ къ себѣ братъ его покойной матери Гофманъ, суперинтендентъ въ Штадтильмѣ и отдалъ его въ тамошнюю городскую школу, гдѣ онъ и пробылъ до конфирмаціи. Новая свободная жизнь имѣла на Фрѣбеля самое благопріятное вліяніе. Церковь и школа были для него всегда воспитательными учрежденіями, и онъ посѣщалъ ихъ особенно охотно, а Законъ Божій и ариѣметика были его любимыми предметами. Въ послѣднемъ предметѣ Фрѣбель, который имѣлъ къ математикѣ особенныя способности, почти достигъ того уровня знаній, на которомъ стоялъ его весьма свѣдующій учитель. Обученіе латинскому языку, пѣнію и игрѣ на рояли дали небольшіе результаты. При этомъ Фрѣбель убѣдился въ томъ, что одинъ учитель своей привѣтливостію и ласкою достигаетъ гораздо большихъ результатовъ, чѣмъ другой своей строгостію и педантизмомъ. Равнымъ образомъ дѣятельность своего привѣтливаго и добродушнаго дяди Фрѣбеля называетъ болѣе благотворной и полезной, чѣмъ дѣятельность своего ортодоксальнаго и строгаго отца.

Когда послѣ конфирмаціи Фрѣбеля дѣло шло о выборѣ для него свободной профессіи, согласно съ его желаніемъ, остановились на сельскомъ хозяйствѣ. Фрѣбель хотѣлъ сдѣлаться сельскимъ хозяиномъ въ полномъ смыслѣ этого слова, причисляя сюда знаніе лѣсничества и геометріи. Скоро нашелся и руководитель въ лицѣ одного лѣсника въ Нейгаузѣ у Реннштага на высотѣ Тюрингенскаго Лѣса. Это былъ, правда, чловѣкъ очень подходящій къ своему дѣлу, но у него не было ни таланта, ни времени, чтобы наставлять, какъ слѣдуетъ, своего питомца, и Фрѣбель большею частью

занимался въ хорошей бывшей тамъ библиотекѣ и былъ предоставленъ самому себѣ. Старательной работой и тщательными наблюденіями онъ пріобрѣлъ значительныя познанія по математикѣ и по естествовѣдѣнію. Эти знанія должны были опредѣлить его будущность и весьма пригодиться ему впослѣдствіи. Удивительнымъ образомъ наставникъ Фрѣбеля также призналъ его неспособнымъ сдѣлать въ будущемъ какіе-либо успѣхи и, расставаясь съ нимъ черезъ два года, далъ поэтому его отцу нелестный отзывъ о немъ. Столкновеніе отца съ сыномъ предупредилъ своимъ посредничествомъ старшій братъ Фридриха Кристофъ, который былъ уже пасторомъ. Конечно, мачеха съ удовольствіемъ увидала въ неодобрительномъ отзывѣ лѣсникаго о Фрѣбелѣ подтвержденіе ея собственнаго мнѣнія и постоянно при самомъ началѣ уничтожала надежду Фрѣбеля на полученіе высшаго образованія.

Въ это время отцу Фридриха нужно было второму сыну Трауготту, который былъ въ Іенѣ студентомъ медицины, отправить нѣкоторую сумму денегъ. Послать нужно было спѣшно, и такъ какъ Фридрихъ былъ свободенъ, то ему и поручили отправиться съ деньгами. Оживленная умственная дѣятельность въ Іенѣ такъ понравилась Фрѣбелю, что онъ сталъ просить у отца разрѣшенія остаться въ Іенѣ въ теченіе 8 недѣль, до начала вакацій. Это разрѣшеніе Фрѣбелю было дано, и онъ обучался тамъ топографическому черченію. Послѣ вакацій Фрѣбель, хотя и съ трудомъ, добился отъ отца разрѣшенія вернуться въ Іену и поступить на камеральный факультета; на это онъ могъ израсходовать также свои собственные небольшія деньги, оставленныя ему матерью.

Фрѣбель слушалъ лекціи по математикѣ, минералогіи, ботаникѣ, физикѣ, химіи, камеральнымъ наукамъ, лѣсоводству и архитектурѣ. Сообразно съ его подготовкой всего легче давались ему различныя отрасли математики, и только въ нѣкоторыхъ частностяхъ онъ не былъ въ состояніи вполнѣ слѣдить за лекціями. Но какъ ни блестяща были лекціи и опыты, Фрѣбель чувствовалъ въ нихъ недостатокъ внутрен-

ней связи. Только лекціи по химіи у проф. Гётлинга составляли въ этомъ отношеніи исключеніе. Съ высокимъ уваженіемъ и благодарностью вспоминалъ также впослѣдствіи Фрѣбель о ботаникѣ Бачѣ. Особенно увлекали и удовлетворяли Фрѣбеля двѣ основныхъ идеи, которыя выставлялъ Бачъ: во-первыхъ, идея родства животныхъ, которое распространяется во всѣ стороны, какъ бы сътью, а, во-вторыхъ, идея тожества костяного остова и его устройства у рыбъ, птицъ и у человѣка: выработавшійся въ человѣкѣ типъ нужно считать основнымъ для всѣхъ остальныхъ типовъ. Рвеніе и стараніе, съ которыми Фрѣбель занимался естественными науками, нашли себѣ и внѣшнимъ образомъ признаніе въ томъ, что общество естествоиспытателей въ Іенѣ выбрало Фрѣбеля своимъ членомъ.

Онъ жилъ крайне уединенно и бережливо, видѣлся только своимъ старшимъ братомъ студентомъ медицины Трауготтомъ. Его любовь къ брату должна была пріобрѣсти роковое значеніе. Трауготтъ былъ въ долгахъ. Фридрихъ охотно помогъ ему своими небольшими средствами. Въ обѣщанное время тотъ не могъ уплатить взятыя деньги, и поэтому Фридрихъ долженъ былъ задолжать своему хозяину 30 талеровъ. Отецъ и опекунъ не пожелали ему помочь, и Фридрихъ долженъ былъ подвергнуться заключенію въ карцерѣ, отъ котораго онъ былъ освобожденъ только послѣ девятидѣльнаго заключенія, когда предъ академическимъ судомъ отказался отъ причитавшейся ему въ будущемъ части отцовскаго наслѣдства, а отецъ за то считался съ его хозяиномъ. Время своего заключенія Фрѣбель употребилъ на то, чтобы изучить латинскій языкъ, который онъ зналъ еще очень плохо; при этомъ ему помогъ одинъ другъ. Затѣмъ онъ приготовилъ пробную геометрическую работу и, наконецъ, изучалъ письма Винкельмана объ искусствѣ.

Въ началѣ 1801 года Фрѣбель съ разбитымъ сердцемъ и въ угнетенномъ настроеніи вернулся въ отцовскій домъ. Пользуясь отцовской библіотекой, онъ сдѣлалъ для себя огромную массу выписокъ изъ всевозможныхъ научныхъ

трудовъ. Отецъ считалъ это бесполезнымъ бумагомараньемъ, и только вмѣшательство брата Кристофа, который пріѣхалъ тогда посѣтить отца, спасло это сокровище Фрѣбеля отъ истребленія. Онъ былъ въ душѣ глубоко несчастливъ, вслѣдствіе того, что отецъ совершенно не понималъ его духовнаго міра, но однако Фрѣбель былъ вполне убѣжденъ въ отцовской любви къ нему.

У родственниковъ Фрѣбеля было имѣніе въ Гильдбургаузенѣ; онъ былъ отправленъ, теперь туда, чтобы практически изучать сельское хозяйство. Не имѣя большого интереса къ хозяйственнымъ работамъ, Фрѣбель однако всѣми ими занимался добросовѣстно.

Въ ноябрѣ того же года внезапно онъ былъ вызванъ въ отцовскій домъ, чтобы помогать заболѣвшему отцу въ письменной работѣ. Теперь у Фрѣбеля былъ удобный случай ясно и въ надлежащемъ свѣтѣ открыть отцу свое сердце, и заботы о будущности этого сына отецъ носилъ въ своей душѣ до самой смерти, которая послѣдовала въ февралѣ 1802 года.

Но послѣ Фрѣбель покинулъ отцовскій домъ навсегда. Прежде всего онъ сдѣлался официальнымъ дѣлопроизводителемъ лѣсничества возлѣ Бамберга и здѣсь онъ вступилъ въ дружескія отношенія съ прекраснымъ домашнимъ учителемъ въ семьѣ тамошняго его начальника; эта дружба должна была послужить поворотнымъ пунктомъ въ жизни Фрѣбеля.

Въ февралѣ 1803 года онъ оставилъ это мѣсто, отправился въ Бамбергъ и тамъ занялся землемѣрными работами и черченіемъ картъ; затѣмъ онъ сталъ счетоводомъ въ имѣніи ф. Фельдерндорфа у Байрета, затѣмъ секретаремъ ф. Девица въ Гроссъ-Мильховѣ въ Мекленбургѣ. Но все это не могло удовлетворить Фрѣбеля, и онъ самъ продолжалъ изученіе математики и архитектуры, пока не пришелъ къ рѣшенію стать архитекторомъ. Объ этомъ рѣшеніи Фрѣбель сообщилъ упомянутому выше домашнему учителю, который въ это время побывалъ въ Франкфуртѣ-на Майнѣ и теперь находился въ Нидерландахъ. Тотъ посоветовалъ Фрѣбелю пріѣхать въ Франкфуртъ, гдѣ они должны были встрѣтиться и обсудить принятое Фрѣбелемъ рѣшеніе. Въ концѣ

июня 1805 года Фрѣбель прибылъ въ Франкфуртъ, тогдашній центръ Германіи, имѣя въ своемъ распоряженіи небольшое наслѣдство, которое ему досталось отъ скончавшагося незадолго предъ тѣмъ его дяди Гофмана, суперинтендента въ Штадтильмѣ. Во Франкфуртѣ произошелъ въ жизни Фрѣбеля рѣшительный поворотъ, который долженъ былъ приобрести величайшее значеніе для всего педагогическаго міра. У одного тамошняго архитектора Фрѣбель началъ уже работать, когда упомянутый другъ его, прибывшій во Франкфуртъ въ одно и то же время съ Фрѣбелемъ, представилъ его старшему учителю недавно основанной образцовой школы Грунеру (умеръ въ 1844 году, занималъ мѣсто старшаго окружнаго инспектора и профессора въ Гейдельбергѣ), у котораго сходилось нѣсколько молодыхъ людей. При одномъ разговорѣ Фрѣбель откровенно заявилъ о своихъ планахъ.

«Бросьте, Вы, свою архитектуру», сказалъ ему Грунеръ. «Это — не Ваша специальность. Сдѣлайте воспитателемъ. Въ нашей школѣ недостаетъ одного учителя. Если Вы согласны, то это мѣсто будетъ за Вами».

Другъ Фрѣбеля совѣтовалъ ему принять это мѣсто; Фрѣбель колебался. Тогда произошла случайность, которая рѣшила дѣло: всѣ свидѣтельства Фрѣбеля при невыясненныхъ обстоятельствахъ пропали. Дорога къ отступленію была ему такимъ образомъ отрѣзана, и онъ принялъ предложенную ему руку помощи.

«Лозунгомъ воспитанія и обученія», говоритъ Фрѣбель, «былъ тогда Песталоцци. Этотъ лозунгъ немедленно сталъ и моимъ; Грунеръ и второй учитель въ школѣ были учениками Песталоцци, и Грунеръ написалъ даже книгу о методѣ преподаванія Песталоцци («Письма изъ Бургдорфа»). Это имя дѣйствовало на меня неотразимо тѣмъ болѣе, что оно проникло въ мое развитіе и самовоспитаніе, правда, въ видѣ легкаго вѣянія и незамѣтнымъ путемъ, но зато съ полной опредѣленностью и дѣйствуя на меня ободряющимъ образомъ. Именно я вспоминалъ теперь, что въ моемъ раннемъ дѣтствѣ въ домѣ своего отца изъ какой-то газеты я

слышалъ такое извѣстіе (такъ, по крайней мѣрѣ, оно хранилось въ моей памяти): «Въ Швейцаріи одинъ жившій совершеннымъ отшельникомъ человекъ, по имени Песталоцци въ возрастѣ 40 лѣтъ самъ своими собственными усиліями научился читать, писать и считать». — Это извѣстіе дѣйствовало на меня живо и благодѣтельно. Я уже тогда чувствовалъ медленность и недостаточность своего развитія; поэтому указанное извѣстіе утѣшало меня и исполняло надеждой, что я могу еще собственными усиліями дополнить то, чего нехватало въ моемъ развитіи. И впоследствии въ жизни меня всегда ободряло, когда я узнавалъ, что развитіе людей, оказывавшихъ даже на другихъ весьма сильное вліяніе, нерѣдко падало на сравнительно поздній періодъ ихъ жизни. Вообще я долженъ признать постояннымъ основнымъ характеромъ моей жизни и моего развитія то, что представленіе дѣйствительной жизни людей всегда дѣйствовало на меня, какъ благотворный дождь и согревающая солнечный свѣтъ, и что познанныя ими отдѣльныя истины, высказанныя ими положенія падали въ мою воспримчивую душу подобно дорогимъ сѣменамъ и тѣмъ средствамъ, которыя даютъ имъ ростъ».

Какъ учитель, Фрѣбель вошелъ въ классъ впервые, но онъ чувствовалъ себя такъ хорошо и свободно, какъ будто бы онъ уже давно былъ учителемъ. Онъ прочиталъ сочиненія Песталоцци и увлекся этимъ педагогомъ настолько, что рѣшилъ его посѣтить и поучиться у него.

Въ августѣ 1805 года во время вакацій онъ отправился къ Песталоцци въ Ивердѣнъ и вслѣдствіе рекомендаціи Грунера былъ хорошо тамъ принятъ. То, что видѣлъ и слышалъ тамъ Фрѣбель, произвело на него неодинаковое впечатлѣніе. Однако любящая душа Песталоцци произвела на Фрѣбеля такое притягательное дѣйствіе, что послѣ двухнедѣльнаго пребыванія Фрѣбель рѣшилъ вернуться къ Песталоцци въ скорѣйшемъ времени и на болѣе продолжительный срокъ.

При возвращеніи Фрѣбеля во Франкфуртъ его опредѣленіе въ образцовую школу было утверждено окончательно; онъ былъ хорошимъ и дѣльнымъ учителемъ; это доказыва-

еть также и тотъ фактъ, что Фрѣбелю почти одному было поручено выработать новый учебный планъ для этой школы, которая состояла изъ 5 классовъ для мальчиковъ и 3 классовъ для дѣвочекъ при 200 учащихся. Этотъ планъ былъ утвержденъ высшей властью и при продолжительномъ пользованіи имъ оказался чрезвычайно цѣлесообразнымъ, хотя заключалъ въ себѣ нѣкоторыя неудобства для учителей, требуя отъ нихъ слишкомъ много работы.

Фрѣбелю пришлось преподавать ариѳметику, рисованіе, географію и нѣмецкій языкъ и при томъ большею частію въ среднихъ классахъ. При первомъ экзаменѣ результаты были блестящими и на его классы стали смотрѣть, какъ на образцовые. Онъ впервые на практикѣ ввелъ въ преподаваніе отечествовѣдѣніе.

Два года занималъ Фрѣбель эту должность и затѣмъ поступилъ къ ф. Гольцгаузену въ качествѣ воспитателя троихъ его дѣтей (1807). Здѣсь ему пришлось бороться съ величайшими трудностями; однако онъ преодолѣлъ ихъ благодаря своей энергіи и настойчивости, въ которой сначала видѣли упрямство, но впоследствии были Фрѣбелю за это благодарны. Онъ умѣлъ оживить у дѣтей стремленіе къ дѣятельности при помощи занятій въ саду и работъ изъ бумаги, картона и дерева. Однако Фрѣбель чувствовалъ, что для безупречнаго выполненія обязанностей воспитателя ему не хватаетъ еще слишкомъ многого, и выпросилъ у Гольцгаузена разрѣшеніе съ своими тремя воспитанниками на продолжительное время отправиться къ Песталоцци, чтобы воспользоваться для себя и для трехъ своихъ учениковъ тѣмъ духомъ, который вѣялъ въ воспитательномъ кругу Песталоцци.

Онъ жилъ съ мальчиками вблизи учебнаго заведенія Песталоцци, присутствовалъ съ ними за обѣдомъ и за ужиномъ и на урокахъ и вообще участвовалъ во всей жизни учебнаго заведенія. Въ это время онъ изучилъ всѣ хорошія и слабыя стороны учебнаго заведенія Песталоцци. «Мощныя, бессознательно поднимающія и возбуждающія слова и работа Песталоцци увлекали, ободряли и побуждали къ созданію

высшей, благородной жизни, но не направляли опредѣленнымъ и яснымъ путемъ къ достиженію этого, не указывали средствъ къ осуществленію этой цѣли». — «Каждый былъ въ приподнятомъ настроеніи, но не получалъ удовлетворенія, такъ какъ положеніе дѣла вело всегда къ большому раздѣленію, разъединенію, но вовсе не къ единству». «Серьезно и опредѣленно я переговорилъ объ этомъ съ Песталоцци и, наконецъ, въ 1810 году принялъ рѣшеніе оставить съ своими воспитанниками Ивердѣнъ и учебное заведеніе». Къ лучшимъ воспитательнымъ приемамъ, которые Фрѣбель могъ узнать и наблюдать въ Ивердѣнѣ, принадлежали игры мальчиковъ на открытомъ воздухѣ. Въ этихъ играхъ онъ увидѣлъ главную основу моральной силы воспитанниковъ. Онъ были превосходнымъ укрѣпляющимъ средствомъ воспитанія.

Въ 1810 году Фрѣбель съ своими тремя воспитанниками вернулся въ Франкфуртъ и руководилъ здѣсь ихъ воспитаніемъ до конца іюля 1811 года. Давно уже онъ рѣшилъ навсегда посвятить себя дѣлу воспитанія, но однако чувствовалъ, что для этого ему не хватаетъ высшаго образованія, особенно въ философіи и естествознаніи. Французскій, латинскій и греческій языки до сихъ поръ онъ изучалъ частичнымъ образомъ. Когда теперь благодаря смерти сестры его матери Фрѣбелю снова досталось небольшое наслѣдство, онъ оставилъ свое мѣсто у Гольцгаузена и отправился въ Гёттингенъ.

Здѣсь онъ изучалъ физику, химію, минералогію и всеобщую естественную исторію. Изученіе природы и ея изслѣдованіе представлялась Фрѣбелю «основнымъ, краеугольнымъ камнемъ, чтобы на другой ступени развитія жизни съ увѣренностію выяснить себѣ законы и ходъ человѣческаго развитія «образованія и воспитанія».

Въ ближайшемъ семестрѣ мы находимъ Фрѣбеля въ Берлинѣ, гдѣ онъ желалъ подъ руководствомъ Вейса изучить минералогію, геогнозію и кристаллографію, а сверхъ того еще физику и ея законы. Лекціи все болѣе и болѣе вызвали въ умѣ и въ душѣ Фрѣбеля убѣжденіе въ существованіи очевидной внутренней связи всего міроваго развитія.

Для провѣрки своего вывода онъ давалъ уроки въ школѣ Пальманна, но не нашелъ тамъ ни болѣе высокаго настроенія, ни высшихъ стремленій, ни единства преподаванія.

Насталъ 1813 годъ, принесшій съ собою войну. Всѣ взялись за оружіе, чтобы защищать отечество. Отечество не призывало Фрѣбеля; онъ не былъ пруссакомъ и все-таки онъ поступилъ въ войско, такъ какъ чувствовалъ себя нѣмцемъ; кромѣ того, онъ понялъ, что воспитатель не можетъ, безъ стыда и не вызывая насмѣшки надъ собою, явиться на глаза своимъ будущимъ ученикамъ, если бы онъ, хотя и будучи способнымъ къ военной службѣ, трусливо уклонился отъ нея. На Пасхѣ 1813 года подъ начальствомъ Яна Фрѣбель постунилъ въ корпусъ добровольцевъ Лютцова. Зтѣсь чрезъ Яна Фрѣбель познакомился съ однимъ молодымъ уроженцемъ Эрфурта Генрихомъ Лангеталемъ. Черезъ него затѣмъ Фрѣбель подружился съ третьимъ товарищемъ по оружію Вильгельмомъ Миддендорфомъ изъ Дортмунда въ Вестфалии; до поступления въ войско оба они изучали богословіе въ Берлинѣ. Скоро всѣ трое заключили между собой тѣсный дружескій союзъ, которому суждено было продолжаться до смерти. Фрѣбель, который былъ приблизительно на 10 лѣтъ старше, чѣмъ каждый изъ обоихъ другихъ, сдѣлался центромъ этого маленькаго кружка, и его взгляды, мнѣнія и мысли большею частію брали перевѣсъ. Онъ познакомилъ своихъ друзей съ мыслию основать воспитательное учрежденіе и склонилъ ихъ на свою сторону. Повсюду, въ лагерѣ и на квартирахъ, они говорили объ этомъ планѣ, который скоро сталъ общимъ, и развивали его далѣе. Корпусъ Лютцова остался въ сторонѣ отъ собственнаго театра войны и не могъ участвовать въ большихъ сраженіяхъ; однако нѣкоторыя событія въ этомъ корпусѣ стали всемірно извѣстными и знаменитыми, какъ, напр., смерть Теодора Кёрнера и Элеоноры Прохаски. Фрѣбель признается, что походы вызвали въ немъ энтузіазмъ къ нѣмецкой странѣ и къ нѣмецкому народу и далъ его стремленіямъ національное направленіе.

Послѣ заключенія мира (1814 г.) три друга: Фрѣбель,

Лангеталь и Миддендорфъ вернулись назадъ въ Берлинъ; двое послѣднихъ должны были продолжать свои занятія въ университетѣ, а Фрѣбель долженъ былъ занять у Вейса мѣсто ассистента при минералогическомъ музеѣ. Когда при возобновленіи войны (1815 г.) всѣ трое снова заявили о своемъ желаніи поступить въ войско, они, имѣвшіе теперь офицерскіе чины, не были зачислены въ ряды, такъ какъ на этотъ разъ явилось такое число добровольцевъ, что лицамъ, состоявшимъ на государственной службѣ, не было необходимости бросать свои мѣста, а студентамъ — прерывать свои занятія въ университетѣ. Въ послѣднее время Фрѣбель и Миддендорфъ жили вмѣстѣ, и отъ этого ихъ дружескій союзъ сталъ еще тѣснѣе, но сношенія съ Лангеталемъ, бывшимъ домашнимъ учителемъ у банкира Бендемманна, также продолжались. Фрѣбель познакомилъ Лангетала съ методомъ Песталоцци, который Лангеталь давно уже хотѣлъ изучить. Все болѣе и болѣе укрѣплялась у нихъ идея основать общее воспитательное учрежденіе; не знали только, гдѣ и когда можно было бы осуществить эту идею.

Въ это дѣло вмѣшалась судьба. Кристофъ, старшій братъ Фрѣбеля, бывший пасторомъ въ Гризгеймѣ у Штадтильма, умеръ отъ госпитальной лихорадки, которою онъ заразился, принявъ къ себѣ послѣ битвы при Лейпцигѣ (1813 г.) раненыхъ французовъ и ухаживая за ними. Кромѣ маленькой дочери Доротеи, онъ оставилъ трехъ мальчиковъ, не получившихъ еще образованія: Юлія, Карла и Теодора. Двое первыхъ настолько уже подросли, что образованіе въ деревенской школѣ для нихъ было уже недостаточно. При своемъ безпомощномъ положеніи ихъ мать обратилась за совѣтомъ къ ихъ дядѣ Фридриху. Для Фрѣбеля это было знаменіе Промысла. Онъ пообѣщавъ своей невѣсткѣ взять воспитаніе ея дѣтей на себя; Миддендорфъ далъ ему обѣщаніе немедленно принять участіе въ этомъ дѣлѣ; Лангеталь пока пообѣщавъ только какъ-нибудь приѣхать и познакомиться съ положеніемъ дѣла. Послѣдній между тѣмъ прекрасно сдалъ уже свой богословскій экзаменъ и получилъ приглашеніе занять мѣсто проповѣдника въ одной дивизіи на Рейнѣ, а за-

тѣмъ и предложеніе занять прекрасное мѣсто домашняго учителя у графа Штольберга въ Силезіи; поэтому онъ пока колебался принять рѣшеніе.

Въ октябрѣ 1816 года съ 18 пфенигами въ карманѣ Фрѣбель выѣхалъ изъ Берлина и направился въ Остероде на Гарцѣ, гдѣ жилъ его братъ Христіанъ, маленькій ткачъ-фабрикантъ, который сдѣлался довольно зажиточнымъ. У него было также два сына Фердинандъ и Вильгельмъ девяти и шести лѣтъ. Фрѣбелю удалось уговорить своего брата отдать ему своихъ сыновей для совмѣстнаго воспитанія съ тремя ихъ двоюродными братьями въ Грисгеймѣ. Въ ноябрѣ онъ прибылъ въ Грисгеймъ и съ пятью племянниками открылъ свою школу. Обоимъ своимъ друзьямъ въ Берлинѣ онъ общилъ о себѣ и о своемъ дѣлѣ.

Миддендорфъ немедленно отправился и при посредствѣ Лангеталя привезъ еще съ собою изъ Эрфурта въ качествѣ учителя младшаго его брата Христіана Лангеталя.

Вдова пастора могла жить въ Грисгеймѣ лишь короткое время; затѣмъ она купила въ маленькой деревнѣ Кейльгау на разстояніи двухъ часовъ отъ Рудольштадта небольшое крестьянское помѣстье. Въ іюнѣ 1817 года сюда переселился Фрѣбель съ своей маленькой, зарождающейся школой. Открытіе школы совпало съ голодными годами, и Фрѣбелю часто приходилось бороться съ тяжелыми заботами. Часто приходилось и строиться, такъ какъ существовавшія помѣшенія не были приспособлены къ настоящимъ нуждамъ. Скоро прибылъ и Генрихъ Лангеталя, чтобы взять своего младшаго брата, чтобы обучать его вмѣстѣ съ дѣтьми графа Штольберга, какъ это онъ выговорилъ у графа. Но то, что онъ видѣлъ и слышалъ, заставило его остаться тамъ и отказаться отъ мѣста у графа Штольберга.

Благодаря присоединенію Лангеталя дѣло выиграло, такъ какъ по своимъ научнымъ знаніямъ онъ былъ значительно выше обоихъ своихъ друзей, а мужественная его энергія производила большее впечатлѣніе какъ въ самомъ учебномъ заведеніи, такъ и внѣ его. Фрѣбель обладалъ даромъ творчества, но плохо зналъ классическіе языки. Миддендорфъ

зналъ ихъ, но не обладалъ способностью преподавателя. То и другое было у Лангеталя. Очень скоро изъ Эрфурта и изъ окрестностей онъ привлекъ въ учебное заведеніе новыхъ учениковъ и завоевалъ сердца всѣхъ мальчиковъ, знакомя ихъ съ новыми играми и съ пѣснями Лютцовскаго корпуса добровольцевъ, а равно занимая ихъ рассказами и чтеніемъ, а особенно тѣмъ, что для рыцарскихъ игръ мальчиковъ приготавлилъ изъ картона шлемы, панцири и другіе предметы вооруженія. Миддендорфъ привлекалъ дѣтей рассказами изъ временъ древней Греціи и чтеніемъ сочиненій Кампе для юношества.

На урокахъ дѣти слышали теперь о нѣмецкихъ императорахъ и ихъ величіи, которое нѣкогда возвратится. На урокахъ нѣмецкаго языка особенное вниманіе обращалось на чистоту произношенія и на устраненіе всѣхъ иностранныхъ словъ. Доходили даже до того, что горамъ, рѣкамъ и озерамъ и даже различнымъ семействамъ въ этой мѣстности давали новыя, «усовершенствованныя» имена. Одежда въ будничные дни лѣтомъ и зимою состояла въ употреблявшейся при гимнастикѣ холстины, безъ нижняго платья. Здѣсь много плавали, занимались гимнастикой, бѣгали на конькахъ и ходили по горамъ и по долинамъ въ жару и въ холодъ, въ снѣгъ и въ дождь. Пища была — простая; напитки — только вода и молоко. Вечеромъ въ дружескомъ кругу пѣли пѣсни подъ управленіемъ Миддендорфа, у котораго былъ звучный теноръ, готовили работы изъ картона или Фрѣбель развивалъ новыя мысли, которыя усвоивались дѣтьми.

Что касается преподаванія, то Фрѣбель разработалъ учебный планъ самъ. По его взгляду дѣло воспитанія и обученія должно было составлять одно органическое цѣлое. Онъ искалъ такого школьнаго организма, въ которомъ всѣ учебные предметы были бы гибкими. Руководящимъ принципомъ было пробужденіе у учениковъ самодѣятельности. Ея предполагалось достигнуть живымъ наблюденіемъ преподаваемыхъ предметовъ. Отъ извѣстнаго шли къ неизвѣстному. Фрѣбель утверждалъ, что выученное можно только тогда правильно понять и вполне усвоить, когда выучившій то же самое пре-

подаёт кому-нибудь другому, и поэтому ученики в свою очередь должны были обучать других. Карль Фрёбель признаётся, что у его дяди два учебных предмета, которые преподавал онъ самъ, произвели на него глубокое впечатлѣніе и давали рѣшительное направленіе внутренней жизни воспитанниковъ: это были — геометрія и родной языкъ. Собственно грамматику, греческую и латинскую, преподавалъ Лангеталь. Методъ преподаванія былъ заимствованъ у Песталоцци, и учебное заведеніе въ Кейльгау было тогда единственнымъ, въ которомъ такимъ образомъ принципы Песталоцци были примѣнены на дѣлѣ.

Въ 1817 году Фрёбель написалъ «Воззваніе основать нѣмецкую національную систему воспитанія». Однако его надежды на матеріальную поддержку не исполнились; напротивъ того, это патріотическое стремленіе послужило поводомъ къ подозрѣніямъ, будто бы Фрёбель замышляетъ въ Кейльгау демагогическія интриги.

Послѣ того какъ Фрёбель въ 1818 году купилъ крестьянское помѣстье у своей невѣстки, въ томъ же году онъ женился на дочери члена военного совѣта гофмейстера изъ Берлина Генріэттъ Вильгельминѣ, съ которой онъ познакомился въ Берлинѣ. Въмѣстѣ съ ней пріѣхала ея воспитанница Эрнестина Криспина, которая потомъ стала женой Лангетала.

Жена Фрёбеля была глубоко образованная, нѣжная женщина, и ея вступленіе въ Кейльгау, общество котораго до сихъ поръ представлялось нѣсколько грубымъ и рѣзкимъ, сгладило рѣзкости. Дѣлу своего мужа она посвятила себя съ величайшимъ самоотверженіемъ и самопожертвованіемъ.

Когда въ 1817 году повсюду праздновался 300-лѣтній юбилей реформаціи, при чемъ во многихъ мѣстахъ воздвигались Лютеру всевозможные памятники, Фрёбель также хотѣлъ бы воздвигнуть памятникъ, но дѣломъ живымъ, принявъ въ свое учебное заведеніе одного или нѣсколькихъ потомковъ Лютера. Но это можно было осуществить лишь въ 1819 году, когда, при помощи нѣкоторыхъ сборовъ въ студенческихъ кругахъ, въ Кейльгау могли поступить два

потомка брата Лютера изъ Мёры, 18-лѣтній Георгъ и 13-лѣтній Эрнстъ. Первый сдѣлался пасторомъ, а второй — скульпторомъ.

Такъ какъ помѣщеніе школы должно было расширить, а у Фрёбеля не было на это средствъ, то братъ его Христіанъ, который уже нѣсколько разъ приходилъ Фридриху на помощь, рѣшилъ продать свое имѣніе въ Остероде и съ своимъ семействомъ переселиться въ Кейльгау. Это произошло въ 1820 году. Кромѣ его прекрасной жены, съ Христіаномъ прибыли три его дочери: Альбертина, которая послѣ вышла замужъ за Миддендорфа, Эмилія и Элиза. Число взрослыхъ въ учебномъ заведеніи, кромѣ прислуги, въ 1821 году доходило до 25 человекъ; число учениковъ возросло до 20. Въ 1822 году поступило 6 и въ 1823 году — 14, въ 1824 году — 16 новыхъ учениковъ; а въ 1826 году число ихъ возросло до 56. Конечно, при этомъ были необходимы новыя помѣщенія.

Въ 1823 году въ учебное заведеніе поступило два новыхъ учителя: Герцогъ изъ Люцерна и Шенбейнъ, изобрѣтатель взрывчатой хлопчатой бумаги (нитроклѣтчатки) изъ Вюртемберга. Послѣдній оказывалъ существенныя услуги въ преподаваніи естественныхъ наукъ. Въ то же время были приняты также въ число учителей Георгъ Лютеръ и Фердинандъ Фрёбель.

Начиная съ 1820 года, Фрёбель въ теченіе ряда лѣтъ выпускалъ ежегодно по одной брошюрѣ о состояніи своего учебнаго заведенія, въ которыхъ всегда также заключались общія мысли о воспитаніи.

Въ 1824 году двое изъ племянниковъ Фрёбеля Юлій и Карль могли покинуть учебное заведеніе. Первый изучалъ въ Мюнхенѣ, Іенѣ и Берлинѣ географію и естественныя науки, занималъ учительскія мѣста и выступалъ въ качествѣ писателя, а въ 1882 году занималъ мѣсто нѣмецкаго консула въ Смирнѣ. Карль, къ которому мы вернемся еще позже, былъ учителемъ въ Швейцаріи, а затѣмъ съ своей женой онъ стоялъ во главѣ учебнаго заведенія въ Эдинбургѣ. Третій братъ Теодоръ занимался огородничествомъ въ Цюрихѣ.

Въ 1826 году Фребель написалъ свое главное сочиненіе: «Воспитаніе челоуѣка», въ которомъ онъ подробно изложилъ основныя мысли своей системы воспитанія и образованія. Правда, была написана и напечатана только I часть «до наступленія отроческаго возраста», однако этимъ было положено твердое основаніе, на которомъ можно было вести дѣло далѣе и закончить верхнюю часть зданія.

Въ 1828 году учителемъ въ школу поступилъ племянникъ Миддендорфа Іоаганнъ Баропъ изъ Дортмунда, студентъ богословія; онъ женился на упомянутой выше Эмилиі Фрѣбель и такимъ образомъ сдѣлался своякомъ своего дяди Миддендорфа, какъ и вообще Фрѣбель стремился къ тому, чтобы соединить воспитательныя силы въ Кейльгау въ одну семью и тѣмъ скорѣе достигнуть «объединенной семейной жизни».

Когда во время преслѣдованія демагоговъ возникли подозрѣнія и противъ Кейльгау, подъ давленіемъ Пруссіи Рудольштадское правительство произвело ревизію учебнаго заведенія Фрѣбеля черезъ генераль-суперинтендента Це (Zeh). Результаты ревизіи были для Кейльгау весьма благопріятны, и правительство поставило лишь единственное требованіе, чтобы у учениковъ были острижены волосы. Несмотря на это, интриги противъ учебнаго заведенія Фрѣбеля повліяли на родителей такъ сильно, что многіе изъ боязни взяли своихъ дѣтей, вслѣдствіе чего число учениковъ въ 1829 году съ 60 упало до 5. Само собой разумѣется, что благодаря этому для управленія учебнаго заведенія должны были явиться самыя тяжелыя затрудненія, и, поистинѣ, не было бы ничего удивительнаго, если бы все дѣло рушилось. Однако Фрѣбель и его смѣлые друзья не потеряли мужества и надежды на Бога и все-таки, въ концѣ концовъ, остались побѣдителями.

Въ это тяжелое время Фрѣбель вошелъ въ сношеніе съ философомъ Фридрихомъ Краузе (ум. въ 1832 г.), сочиненіе котораго «Первобытный образъ челоуѣчества» оказало на Фрѣбеля огромное вліяніе. Эти сношенія повели затѣмъ къ дружбѣ Фрѣбеля съ зятемъ Краузе Леонгарди, ко-

торый въ 1875 году умеръ въ Прагѣ профессоромъ философіи, далѣе съ естествоиспытателемъ д-ромъ Карломъ Шимперомъ и проф. Генрихомъ Аренсомъ въ Лейпцигѣ. Для развитія стремленій Фрѣбеля эти связи были чрезвычайно плодотворными.

Фрѣбель составилъ планъ основать воспитательное учрежденіе для народа въ Гольбѣ, имѣннѣ въ долину Верры, принадлежавшемъ герцогу Мейнингенскому. У Фрѣбеля были уже самыя основательныя надежды, что герцогъ и правительство охотно его поддержать. Устно и въ обширномъ письмѣ Фрѣбель разсказалъ герцогу о своей жизни и выяснилъ свои стремленія, а равно и свой планъ до мельчайшихъ подробностей, и проектъ былъ уже близокъ къ осуществленію, но тайныя враждебныя внушенія герцогу разстроили все дѣло. Фрѣбель долженъ былъ ограничиться только опытомъ въ небольшихъ размѣрахъ. На это онъ не согласился и прервалъ всѣ дальнѣйшіе переговоры по этому дѣлу. Неудача при осуществленіи такихъ прекрасныхъ надеждъ подѣйствовала на Фрѣбеля удручающимъ образомъ и онъ былъ близокъ къ отчаянію.

Сюда присоединилось еще одно очень печальное событіе. Прекрасный учитель музыки въ Кейльгау Вильгельмъ Карлъ родомъ изъ Гильдбурггаузена утонулъ при купаньи въ Заалѣ (въ 1828 году), послѣ того какъ въ теченіе трехъ лѣтъ онъ удачно и съ успѣхомъ работалъ въ Кейльгау.

Съ своими франкфуртскими друзьями: Грунеромъ, г-жей ф. Гольцгаузенъ и съ ея сыновьями Фрѣбель находился въ постоянныхъ письменныхъ сношеніяхъ. Онъ ѣздилъ въ Франкфуртъ въ 1831 году, чтобы обсудить съ ними свои основныя положенія и найти новыя точки соприкосновенія. Здѣсь онъ вступилъ въ дружескія сношенія съ композиторомъ Ксаверомъ Шнидеромъ ф. Вартензее (ум. въ 1868 г.), который прежде былъ учителемъ у Песталоцци. Онъ понялъ значеніе Фрѣбеля въ области воспитанія и предложилъ ему въ своемъ имѣніи Вартензее въ кантонѣ Люцернъ основать сообща съ нимъ воспитательное учрежденіе. Фрѣбель съ радостію согласился на это; онъ тотчасъ отправился туда и не-

медленно получилъ отъ правительства разрѣшеніе. Въ учебное заведеніе предполагалось принимать не только нѣмцевъ, но и такихъ мальчиковъ, которые говорили на французскомъ, итальянскомъ и англійскомъ языкахъ. Шнидеръ, кромѣ зданій, предоставилъ въ распоряженіе Фрѣбеля домашнюю обстановку, серебро, бібліотеки и т. п. Домашнимъ хозяйствомъ пока завѣдовала одна родственница Шнидера. Страна и мѣстоположеніе, — все, казалось, благопріятствовало дѣлу. Послѣ того какъ были сдѣланы первыя объявленія объ открытіи учебнаго заведенія, въ одной швейцарской газетѣ появилась полная ненависти, клеветническая статья, направленная противъ личности Фрѣбеля; статья эта, во всякомъ случаѣ, исходила отъ Герцога, вышеупомянутаго учителя въ Кейльгау, который всегда интриговалъ противъ Фрѣбеля. Несмотря на это, учебное заведеніе было открыто. Племянникъ Фрѣбеля Фердинандъ и его младшая сестра Элиза пришли къ нему изъ Кейльгау на помощь; отсюда же были получены и денежныя средства. Наконецъ, выѣхалъ въ Вартензее также и Баропъ. Но такъ какъ здѣсь скоро къ нимъ стали относиться враждебно, какъ къ «еретикамъ», то, по предложенію трехъ купцовъ изъ Виллисау, они перенесли учебное заведеніе въ этотъ городокъ, куда Фрѣбель скоро вызвалъ свою жену. Здѣсь совершенно открыто выступили противъ учебнаго заведенія іезуитски настроенные капуцины, которые угрожали Фрѣбелю и его товарищамъ даже убійствомъ. Послѣ годичнаго пребыванія въ Швейцаріи Баронъ вернулся въ Кейльгау, гдѣ и сталъ во главѣ старой школы, тогда какъ Миддендорфъ и Лангеталь переселились къ Фрѣбелю въ Швейцарію.

Уже въ 1833 году бернское правительство посылало въ Виллисау къ Фрѣбелю пять молодыхъ людей на полтора года для совершенія образованія. Затѣмъ, Фрѣбель и Лангеталь въ Бургдорфѣ, гдѣ прежде дѣйствовалъ Песталоцци, читали образовательный курсъ для учителей; въ этомъ курсѣ принимало участіе пять молодыхъ людей. Наконецъ, правительство соорудило въ Бургдорфѣ сиротскій домъ, въ которомъ однако могли обучаться не одни сироты, и передало Фрѣбелю завѣдываніе имъ. Съ этимъ былъ связанъ также повто-

рительный курсъ для учителей. Лангеталь сталъ здѣсь учителемъ, а Миддендорфъ продолжалъ руководить учебнымъ заведеніемъ въ Виллисау, пока, наконецъ, клерикальная партія не одержала верхъ: въ 1839 году учебное заведеніе было закрыто, и Фердинандъ Фрѣбель направился въ Бургдорфъ, а Миддендорфъ — въ Кейльгау. Въ протестантскомъ бернскомъ кантонѣ работа для Фрѣбеля была легче, и онъ былъ совершенно счастливъ при своемъ новомъ положеніи. Въ Бургдорфѣ приблизительно Фрѣбель осуществилъ то, что онъ имѣлъ уже въ виду въ своемъ прежнемъ планѣ для Гельбы. Онъ принималъ въ младшее отдѣленіе приготовительнаго класса дѣтей въ возрастѣ 4 — 6 лѣтъ и, кромѣ упражненій въ разговорѣ, пѣніи и разсказахъ, онъ заставлялъ ихъ дѣлать фигуры изъ самыхъ различныхъ поддающихся измѣненію матеріаловъ: изъ воды, песка, глины, камней, деревяшекъ, а главное занималъ ихъ играми. Здѣсь также въ его душѣ явилась мысль, что для правильнаго воспитанія прежде всего нужно подготовить хорошихъ матерей. Но этого можно достигнуть не столько посредствомъ книгъ, сколько съ помощію практическаго руководства въ особыхъ воспитательныхъ учрежденіяхъ. И такимъ образомъ мало-по-малу Фрѣбель подходитъ къ мысли о дѣтскихъ садахъ.

Суровый горный климатъ Швейцаріи былъ вреденъ для жены Фрѣбеля. Поэтому онъ покинулъ съ ней Бургдорфъ и въ 1836 году отправился въ Берлинъ, оставивъ учебное заведеніе въ рукахъ Лангеталя. Въ Виллисау энергически продолжали работу Миддендорфъ и Фердинандъ Фрѣбель. Въ 1841 году послѣдній отправился на мѣсто Лангеталя въ Бургдорфъ и неожиданно на пятидесятомъ году умеръ тамъ, всѣми оплакиваемый. Оба круга воспитателей въ Швейцаріи и въ Тюрингіи оставались въ постоянной связи и въ согласіи между собой.

Поѣздка Фрѣбеля въ Берлинъ была вызвана смертью его тещи. Тамъ онъ оставался лишь столько времени, пока не приведено было въ порядокъ ея наслѣдство. Въ теченіе этого времени онъ посѣщалъ основанные въ 1833 году пріюты для дѣтей и при этомъ убѣдился, какъ плохо велись занятія съ

маленькими дѣтьми. Свои собственный мысли объ этомъ онъ выразилъ въ статьѣ: «Наставленія для первыхъ игръ и занятій съ дѣтьми», но статью эту онъ обнародовалъ позже (въ 1838 году).

Обученіе маленькихъ дѣтей часто занимало мысль воспитателей, съ тѣхъ поръ какъ Оберлинъ (въ 1779 году) въ Штейнталѣ вмѣстѣ съ Луизой Шепплеръ основали первое учебное заведеніе для дѣтей дошкольнаго возраста. Оуэнъ и Бьюкананъ въ Шотландіи, Брумъ въ Англіи, княгиня Паулина въ Детмольдѣ, пасторъ Флиднеръ въ Кайзервертѣ, Юлій Фельзингъ въ Дармштадтѣ, графиня ф. Брунsvикъ въ Венгріи восприняли идею Оберлина, развили ее и осуществили. Но только Фрѣбелю было суждено внести въ эту идею мѣру и цѣль, дѣйствительную форму, систему и жизнь.

Съ этого времени всѣ думы, мысли и дѣятельность Фрѣбеля были направлены на разумное воспитаніе маленькихъ дѣтей. Онъ вернулся въ Кейльгау, но предоставилъ веденіе тамошняго учебнаго заведенія умному Барону, а самъ удалился въ отстоявшій на разстояніи одного часа городокъ Бланкенбургъ, чтобы начать выполненіе своихъ теперешнихъ замысловъ. Первые средства для этого доставило наследство его тещи и старая школа въ Кейльгау. Въ 1837 году онъ основалъ «Учебное заведеніе съ цѣлью развитія занятій съ дѣтьми и юношами», а вмѣстѣ съ тѣмъ газету «Воскресный Листокъ» съ девизомъ; «Давайте жить для нашихъ дѣтей» («Kommt, lasst uns unseren Kindern leben!»), въ которой онъ излагалъ свои основные взгляды, свои средства для устройства игръ и занятій съ дѣтьми; кромѣ того, здѣсь были художественныя приложенія и пѣсни съ нотами. Въ этой газетѣ нужно видѣть главный источникъ для этой части Фрѣбелевской педагогики. За исключеніемъ 1839 года, когда умерла жена Фрѣбеля, эта газета выходила до 1840 года.

Миддендорфъ въ 1838 году вернулся въ Кейльгау и усердно занялся проведеніемъ идей Фрѣбеля. Лангеталь также помогъ Фрѣбелю въ этомъ дѣлѣ изъ Бургдорфа. Оба они придумали множество хорошихъ игръ, которыя и теперѣ еще

употребляются въ фрѣбелевскихъ школахъ. Изъ Бланкенбурга Фрѣбель часто предпринималъ поѣздки, чтобы при помощи лекцій распространить свои мысли; онъ бывалъ въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ, Гёттингенѣ, Дрезденѣ и Лейпцигѣ.

Каролина-Луиза, вдовствующая княгиня Шварцбургъ-рудольштадская, Каролина Ида, принцесса Шаумбургъ-Липпе и очень много другихъ знатныхъ дамъ живо интересовались идеями Фрѣбеля и часто посѣщали его учебное заведеніе въ Бланкенбургѣ. Педагоги, какъ Фолькмаръ Стой и Генрихъ Дейнгардтъ и Ляйенъ являлись, чтобы изучить, къ чему стремился Фрѣбель.

Въ 1837 году сталъ выходить вышеупомянутый «Воскресный Листокъ» съ картинами, изображавшими фрѣбелевскія игры; эти картины рисовалъ бывший ученикъ школы въ Кейльгау, художникъ Фридрихъ Унгеръ изъ Гофа, который также далъ прекрасныя картинки къ составленнымъ Фрѣбелемъ «Материнскимъ и ласкательнымъ пѣснямъ», появившимся въ свѣтъ въ 1843 году.

Въ 1839 скончалась жена Фрѣбеля отъ болѣзни, первой причиной которой былъ суровый климатъ Швейцаріи. Она похоронена на кладбищѣ въ Бланкенбургѣ. Велика была о ней печаль Фрѣбеля и его друзей, такъ какъ она была вѣрной подругой Фрѣбеля и разумной носительницей его идей.

На нѣкоторое время вся дѣятельность Фрѣбеля, а также и выходъ «Воскреснаго Листка», благодаря этому печальному событію, пріостановились; въ это время онъ старался успокоиться и прійти въ себя въ Кейльгау, въ кругу своихъ близкихъ.

Затѣмъ Фрѣбель вернулся въ Бланкенбургъ, и его племянница, жившая въ Дѣлльштедтѣ возлѣ Готы, пожилая дѣвица Амалія Мюллеръ стала завѣдывать у Фрѣбеля хозяйствомъ.

Онъ подготовлялъ молодыхъ учителей, какъ учителя для глухонѣмыхъ Керна изъ Эйзенаха и Карла Шнейдера изъ Франкфурта-на-Майнѣ по своей системѣ для обученія маленькихъ дѣтей. Давно уже думалъ онъ о краткомъ и выра-

зительномъ названіи для своего учебнаго заведенія. Когда онъ однажды лѣтомъ 1840 года возвращался изъ Кейльгау въ Бланкенбургъ, и его сопровождали Миддендорфъ и Баропъ, при взглядѣ на цвѣтушую мѣстность онъ воскликнулъ: «Я нашель названіе: учебное заведеніе должно называться дѣтскимъ садомъ».

Скоро послѣ этого, 28 іюня 1840 года, праздновали 400-лѣтній юбилей изобрѣтенія книгопечатанія. Къ этому празднику духовнаго свѣта Фрѣбель приурочилъ основаніе своего дѣтскаго сада. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обнародовалъ планъ, по которому онъ хотѣлъ готовить руководительницъ дѣтей: нянекъ, дѣвочекъ и взрослыхъ, воспитательницъ и воспитателей, руководителей и руководительницъ при школахъ, посвященныхъ играмъ, и при школахъ для малышихъ дѣтей; для всего этого дѣтскій садъ Фрѣбеля долженъ былъ служить практической подготовительной школой. Этотъ дѣтскій садъ долженъ былъ называться «нѣмецкимъ дѣтскимъ садомъ» и долженъ былъ служить разсадникомъ для всѣхъ подобнаго рода учреждений. Нужныя для этого средства, 100.000 талеровъ предполагалось собрать за акціи по 10 талеровъ каждая. Онъ надѣялся на самое живое участіе въ этомъ дѣлѣ. Онъ нашель значительную поддержку: 155 участниковъ подписали его предложеніе, а 37 внесли плату. Въ Бланкенбургѣ образовался комитетъ, во главѣ котораго сталъ городской голова.

Городъ далъ помѣщеніе съ садомъ и мѣстомъ для игры. Учрежденіе очень хорошо начинало свое существованіе. Но собранныхъ средствъ хватило лишь на короткое время, и «нѣмецкій дѣтскій садъ» пришлось зимою закрыть по недостатку дровъ.

Мало пользы принесло также основаніе «воспитательнаго союза», къ которому Фрѣбель призывалъ въ 1845 году и которому онъ положилъ основаніе въ Эйхфельдѣ, селѣ, изъ котораго было основано Кейльгау. Къ сожалѣнію, «нѣмецкій дѣтскій садъ» скоро снова сталъ клониться къ упадку, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ, какъ въ Рудольштадтѣ, Дрезденѣ и пр. дѣтскіе сады существовали.

Упомянутыя уже выше «Материнскія и ласкательныя пѣсни», которыя появились въ 1843 году, заключаютъ въ себѣ стихотворенія Фрѣбеля, въ которыхъ онъ ставитъ себѣ задачею воодушевить матерей для начальнаго воспитанія малышекъ дѣтей и дать имъ объ этомъ свѣдѣнія; съ помощію ихъ матери могутъ, лаская дѣтей, занимать ихъ и, играя съ ними, ихъ воспитывать. Эти пѣсни тѣсно примыкаютъ къ рисункамъ Унгера, которые въ поэтически изукрашенномъ видѣ изображаютъ жизнь и движеніе при самой разнообразной обстановкѣ, окружающей ребенка. Эти картины представляютъ собою, несомнѣнно, самый лучший подарокъ, который сдѣлала до сихъ поръ живопись педагогикѣ. Нѣкоторое число фрѣбелевскихъ «Материнскихъ и ласкательныхъ пѣсенъ» тогдашнимъ законоучителемъ въ Кейльгау Робертомъ Келемъ были положены на музыку въ два голоса, и нѣкоторыя изъ нихъ еще и теперь поются въ дѣтскихъ садахъ и въ семьяхъ; но другія не удержались.

Во время путешествій, которыя Фрѣбель предпринималъ частью для того, чтобы изучить постановку преподаванія въ школахъ для малолѣтнихъ дѣтей, частью для того, чтобы распространить свои дѣтскіе сады, онъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ въ 1843 году жилъ въ Дармштадтѣ, гдѣ д-ръ I. Фельзингъ (ум. въ 1882 году), начиная уже съ 30-хъ годовъ, заботился объ устройствѣ подобныхъ же школъ. Фрѣбель сблизился тамъ съ нимъ и принялъ въ свою систему нѣкоторыя упражненія и игры Фельзинга, такъ что оба были согласны относительно сущности своихъ школъ, но не могли сойтись по отдѣльнымъ вопросамъ, напр., относительно названія школы. Но что касается духа системы, полноты, глубины и оригинальности мыслей, то первенство безусловно остается за Фрѣбелемъ. Въ Дармштадтѣ, для руководства основаннымъ тамъ дѣтскимъ садомъ, Фрѣбель пригласилъ свою первую дѣтскую садовницу Иду Зееле, которая уже въ Бланкенбургѣ блестящимъ образомъ заявила себя какъ руководительница дѣтскаго сада.

Къ числу дѣтскихъ садовницъ, подготовленныхъ Фрѣбелемъ на курсахъ въ теченіе 1847 — 48 годовъ, принадлежатъ,

между прочимъ, Альвина Миддендорфъ, жена д-ра Вихарда Ланге въ Гамбургѣ, оказавшаго огромныя услуги дѣлу Фрѣбеля, Луиза Левинъ, которая была потомъ второй женой Фрѣбеля, и Генриетта Бреіманъ.

Такъ какъ идеи Фрѣбеля теперь нашли уже сильный откликъ у нѣмецкихъ учителей, особенно въ Тюрингіи и Саксоніи, то Фрѣбель вмѣстѣ съ учителями Г. Гейзингеромъ, Ю. Келлемъ, I. Штангенбергеромъ и др. лѣтомъ 1848 года созвалъ въ Рудольштадтѣ собраніе учителей, на которомъ онъ наглядно изложилъ свои мысли. Правда, онъ встрѣтилъ много возраженій, но, благодаря этому, нѣкоторыя неясности въ его изложеніи выяснились, и все дѣло пустило болѣе глубокіе корни.

По предложенію друзей Фрѣбеля Миддендорфъ въ томъ же году написалъ для нѣмецкаго національнаго собранія докладъ: «Дѣтскіе сады. Потребность времени». Однако прямого результата для дѣтскихъ садовъ отъ этого никакого не было.

Изъ мѣстъ, въ которыхъ идеи Фрѣбеля нашли тогда откликъ, видное мѣсто занималъ Дрезденъ, гдѣ сторонниками ихъ выступили Бруно Марквартъ, Генриетта Даленкампъ, Амалия Маршнеръ, Августа Герцъ, Берта Глѣккнеръ и Адольфъ Франкенбергъ, послѣдній уже задолго до этого времени.

Отношенія Фрѣбеля къ правительству герцогства Мейнингенскаго, которыя прежде такъ скоро оборвались, весною 1849 года завязались снова, и Фрѣбель поселился на водахъ въ Либенштейнѣ въ Тюрингенскомъ Лѣсу. Здѣсь на глазахъ у многочисленныхъ посѣтителей водъ съ дѣтьми, собранными въ данномъ мѣстѣ, Фрѣбель устраивалъ свои остроумныя игры. Среди этихъ посѣтителей находилась баронесса Берта ф. Маренгольцъ-Бюловъ, восторженная поклонница Фрѣбеля. При ея посредствѣ сторонникомъ Фрѣбеля сталъ присутствовавшій на водахъ бывший директоръ семинаріи Адольфъ Дистервегъ, который до этого времени стоялъ въ сторонѣ отъ дѣла Фрѣбеля. Послѣ этого Дистервегъ сталъ самымъ ревностнымъ поборникомъ и защитникомъ фрѣбелевской идеи

воспитанія; Фрѣбелю онъ посвятилъ, напр., свой первый «Ежегодникъ» (1851 г.) и тамъ же опубликовалъ біографію Фрѣбеля и характеристику его принциповъ воспитанія и игры.

Зимою того же года Фрѣбель отправился въ Гамбургъ и тамъ собралъ вокругъ себя кругъ единомышленниковъ. Особенно сочувственно принялъ его тамъ «Союзъ женщинъ», но онъ носился съ очень высокими замыслами женскаго образованія и при содѣйствіи племянника Фрѣбеля Карла Фрѣбеля ставилъ своей цѣлю основаніе высшей женской школы. Но Фрѣбель не раздѣлялъ плановъ «Союза», основательницы котораго отчасти были уже затронуты стремленіемъ къ эмансипаціи, но твердо держался своего требованія прежде всего готовить женщинъ къ разумному воспитанію дѣтей. Несмотря на это, его стремленія позже были не поняты и были осуждены; имъ ставили препятствія наряду съ стремленіями къ женской эмансипаціи и политической свободѣ, съ которыми ихъ отождествили.

Возвратившись изъ Гамбурга, гдѣ вмѣстѣ съ ними работалъ Миддендорфъ, въ Либенштейнѣ Фрѣбель сталъ издавать «Еженедѣльникъ», подъ редакціей зятя Миддендорфа Вихарда Ланге, какъ бы въ видѣ продолженія прежняго «Воскреснаго Листка». Въ этомъ изданіи заключаются нѣкоторыя цѣнныя статьи самого Фрѣбеля.

Герцогъ Мейнингенскій предложилъ Фрѣбелю возлѣ Либенштейна небольшой охотничій замокъ Маріенталь. Тамъ жилъ Фрѣбель съ весны 1850 года и снова собралъ вокругъ себя кружокъ молодыхъ дамъ, изъ которыхъ онъ старался образовать дѣтскихъ садовницъ. Конечно, и здѣсь не было недостатка въ дѣтскомъ саду, въ который входили дѣти отстоявшей оттуда на пять минутъ Швейны.

4-го августа 1850 года на Альтенштейнѣ возлѣ Либенштейна, лѣтнемъ мѣстопребываніи герцогской Мейнингенской фамиліи, былъ устроенъ дѣтскій праздникъ, въ которомъ принимали участіе до 300 дѣтей изъ лежащихъ кругомъ селеній; герцогиня предложила дѣтямъ угощеніе. Играми руководилъ самъ Фрѣбель, которому помогали свыше 20 взро-

слыхъ лицъ. Большая толпа народа, явившагося изъ близкихъ и отдаленныхъ мѣстъ, съ большимъ интересомъ и очевиднымъ, неоднократно выражавшимся удовольствіемъ смотрѣла на игры и прислушивалась къ нимъ.

Успѣхъ этого праздника былъ для Фрѣбеля настолько рѣшительнымъ, что альтенштейнскій праздникъ игръ образуетъ блестящій пунктъ въ исторіи его жизни и дѣятельности.

Между прежними ученицами Фрѣбеля въ Кайльгау была Луиза Левинъ, находившаяся въ дружескихъ отношеніяхъ съ семьей Фрѣбелей изъ Остероде. Окончивъ свое образованіе, она занимала мѣсто въ качествѣ воспитательницы въ одной семьѣ въ Рендсбургѣ. Въ 1849 году Фрѣбель вызвалъ ее въ Либенштейнъ для управленія своимъ хозяйствомъ, и, такъ какъ почувствовалъ къ ней высокое уваженіе и полюбилъ ее, а также увидѣлъ въ ней будущую продолжательницу его дѣла, то въ маѣ 1851 года онъ женился на ней; его кругъ снова сталъ семьей и представлялъ то «единство жизни, которое Фрѣбель давно написалъ на своемъ знамени.

Въ своемъ новомъ бракѣ Фрѣбель былъ счастливъ. Возложивъ главную часть своихъ заботъ о хозяйствѣ на свою жену, онъ могъ болѣе углубляться въ свои педагогическія идеи и тѣмъ независимѣе дѣйствовать въ области мысли. Но тогда произошло нѣчто невѣроятное, ужасное для Фрѣбеля: 7 августа 1851 года, министръ фонъ-Раумеръ запретилъ дѣтскіе сады въ Пруссіи. Они были запрещены потому, что, будто бы, учили дѣтей атеизму. Какъ мы уже замѣтили, это было полное непониманіе стремленій Фрѣбеля и клевета на него. Хотѣли преслѣдовать Карла Фрѣбеля и вмѣстѣ съ тѣмъ нанесли ударъ его дядѣ. Никогда Фридрихъ Фрѣбель не мыслилъ и не дѣйствовалъ такъ, какъ ему это приписывалось въ обвиненіи; никогда также онъ не принималъ участія въ политикѣ.

Самъ Фрѣбель и его дѣтскій садъ были невинны, какъ дѣти. Онъ выступилъ противъ запрещенія; онъ ссылался на свои сочиненія. Рядъ педагоговъ, между которыми были: Миддендорфъ, Дистервегъ, Марквартъ, Георгенсъ, членъ окруж-

ного совѣта д-ръ Петеръ изъ Мейнингеца, Пѣше, затѣмъ профессора д-ръ Уле и Мюллеръ изъ Галле и веймарскій членъ совѣта министра фонъ-Виденбургъ созывали собранія и рѣшительно высказывались здѣсь и въ публичныхъ заявленіяхъ въ пользу дѣтскихъ садовъ; все было тщетно: запрещеніе снято не было. Бóльшаго оскорбленія нанести Фридриху Фрѣбелю было бы нельзя. Многие дѣтскіе сады въ Пруссіи закрылись; нѣкоторые едва продолжали свое существованіе, правда, подъ другимъ именемъ («Школа для игръ» и т. п.). Если бы дѣтскимъ садамъ не было разрѣшено существовать въ нѣкоторыхъ свободомыслящихъ мелкихъ государствахъ (Саксенъ-Веймаръ, Готѣ), то, вѣроятно, они погибли бы¹⁾.

Послѣ короткаго существованія «Еженедѣльника» 31 октября 1851 года появился третій «Журналъ для выясненія стремленій Фридриха Фрѣбеля»; его издателемъ былъ Фрѣбель, а редакторомъ — Бруно Марквартъ въ Дрезденѣ.

Послѣдніе радостные лучи озарили закатъ жизни Фрѣбеля въ Троицынъ день 1852 года, когда въ Готѣ засѣдалъ нѣмецкій учительскій съѣздъ; предсѣдателемъ его былъ Т. Гофманъ изъ Гамбурга. Этотъ съѣздъ пригласилъ Фрѣбеля въ свою среду и привѣтствовалъ его, при его появленіи, съ великимъ почетомъ.

Неоднократно Фрѣбель пользовался здѣсь случаемъ высказаться относительно своихъ принциповъ.

Хотя оказанныя здѣсь почести замѣтно подпыли духъ Фрѣбеля, однако падавшія уже его физическія силы скоро были подорваны; 6 іюня онъ тяжело заболѣлъ, и отъ этой болѣзни ему; къ несчастію, не суждено было уже оправиться. Быстро прибыли къ нему Миддендорфъ, Баропъ и ученикъ Фрѣбеля д-ръ Клеменсъ изъ Рудольштадта; въ присутствіи ихъ, своей жены и г-жи Марквартъ вечеромъ 21

---

1) Именно, во время запрещенія дѣтскихъ садовъ въ Пруссіи въ Веймарѣ въ 1858 году авторъ этихъ строкъ основалъ дѣтскій садъ, для чего безъ всякихъ возраженій онъ получилъ разрѣшеніе отъ своего начальства и отъ министерства.

іюня Фрѣбель тихо скончался. Его послѣднія слова были: «Я — христiанинъ».

24 іюня при большомъ участіи живущаго кругомъ населенія, покойный былъ торжественно похороненъ на кладбищѣ Швейны. Каменный памятникъ, состоящій изъ шара, валика и куба, трехъ главныхъ игрушекъ Фрѣбеля, обозначаетъ то мѣсто, гдѣ онъ покоится. Въ 1882 году, по случаю столѣтняго юбилея со дня рожденія Фрѣбеля, этотъ памятникъ былъ возобновленъ. Но вѣчный памятникъ воздвигъ себѣ Фридрихъ Фрѣбель въ сердцахъ своего народа и всего образованнаго міра своими твореніями въ области воспитанія, и ярко будетъ сіять его имя до самыхъ отдаленныхъ временъ. Миддендорфъ, глубоко потрясенный смертью своего друга, котораго онъ неизмѣнно любилъ, описалъ ее въ отдѣльной брошюрѣ подъ заглавіемъ «Кончина Фрѣбеля».

Миддендорфъ продолжалъ дѣло Фрѣбеля и вмѣстѣ со вдовой своего друга руководилъ подготовкою дѣтскихъ садовницъ, сначала въ Маріенталѣ, а потомъ въ Кейльгау. Въ 1753 году на собраніи нѣмецкихъ учителей въ Зальцунгекѣ, Миддендорфъ говорилъ о дѣтскихъ садахъ. Ему было суждено не долго жить послѣ Фрѣбеля. 26 ноября 1853 года онъ умеръ отъ нервнаго удара. Вмѣстѣ съ большимъ числомъ членовъ семейства Фрѣбелей онъ похороненъ въ Кейльгау на кладбищѣ учебнаго заведенія.

Лангеталь, который отдѣлился отъ Фрѣбеля и занялъ должность архидіакона въ Шлейзингенѣ, подъ конецъ жизни, къ несчастію потерявъ зрѣніе, снова жилъ и занимался преподаваніемъ въ Кейльгау, пока 21 іюля 1879 года не умеръ.

Баропъ энергически руководилъ учебнымъ заведеніемъ въ Кейльгау и до своей смерти 5 августа 1878 года поднялъ учебное заведеніе до такой высоты, которой оно ранѣе никогда не достигало.

Въ Тюрингіи, этой колыбели дѣтскихъ садовъ, они скоро проникли во всѣ города, и представители фрѣбелевскихъ принциповъ образовали тамъ фрѣбелевское общество. Въ 1860 году у этого общества возникъ свой органъ, ежемѣ-

сячникъ подъ заглавіемъ «Дѣтскій садъ», который долгое время былъ единственнымъ печатнымъ органомъ, въ которомъ развивались стремленія Фрѣбеля.

Когда съ теченіемъ времени и во многихъ другихъ мѣстахъ, напр., въ Берлинѣ, Бреславлѣ, Данцигѣ, Кѣнигсбергѣ, Гейдельбергѣ, Шпейерѣ, Мюнхенѣ возникли подобныя общества, въ 1873 году они образовали изъ себя «Нѣмецкій фрѣбелевскій союзъ», органомъ котораго сдѣлался вышеупомянутый «Дѣтскій садъ».

Дѣтскіе сады проникли теперъ во всѣ культурныя страны земли; ихъ число велико. Въ Австріи они являются государственнымъ учрежденіемъ съ 1872 года, въ Бельгіи — съ 1880 года. Во всѣхъ почти главныхъ пунктахъ, гдѣ развиты дѣтскіе сады, какъ въ Веймарѣ, Берлинѣ, Лейпцигѣ, Дрезденѣ, Бреславлѣ, Вѣнѣ и пр., существуютъ и семинаріи для подготовки дѣтскихъ садовницъ.

21 апрѣля 1882 года повсюду, гдѣ существуютъ дѣтскіе сады, съ большимъ воодушевленіемъ праздновалось 100-лѣтіе со дня рожденія Фридриха Фрѣбеля; въ этомъ принимали также участіе виднѣйшія лица царствующихъ домовъ какъ, напр., наслѣдный принцъ Пруссіи и Нѣмецкой имперіи съ своей Супругой, Великогерцогская чета Саксенъ-Веймара, Итальянскій король. 4 августа 1882 года по случаю V общаго сѣзда нѣмецкаго фрѣбелевскаго союза въ Бланкенбургѣ въ Тюрингіи былъ открытъ прекрасный памятникъ, который почитатели Фрѣбеля воздвигли основателю дѣтскихъ садовъ на томъ мѣстѣ, гдѣ существовалъ первый дѣтскій садъ.

Характеристика Фрѣбеля.

Какъ педагогъ, Фрѣбель занимаетъ средину между Песталоцци и Фихте. Песталоцци желаетъ, чтобы дѣти были только возлѣ матери и въ своемъ домѣ; Фихте желалъ ихъ взять у матерей и передать національнымъ воспитательнымъ учреждениямъ. Фрѣбель является посредствующимъ звеномъ между этими двумя противоположностями: онъ оставляетъ дѣтей матерямъ, но своими дѣтскими садами оказываетъ послѣднимъ, помощь дѣлаетъ ихъ болѣе способными къ согласному съ природой воспитанію. «Книгу матерей» Песталоцци, состоящую только изъ мертвыхъ словъ, Фрѣбель своими дѣтскими садами превращаетъ въ живое дѣло. Въмѣсто того, чтобы проповѣдывать о воспитаніи, онъ на конкретныхъ примѣрахъ показываетъ, какъ должно воспитывать. Къ принципу Песталоцци о наглядности обученія онъ присоединяетъ принципъ самодѣятельности ребенка. «Человѣкъ есть творческое существо», говоритъ Фрѣбель и этимъ положеніемъ во второй разъ рѣшаетъ загадку Колумба о яйцѣ. Нужно воспитывать не человѣка книги, а человѣка дѣла, такъ какъ въ дѣятельности и творествѣ гармонически развертываются и образуются всѣ силы и способности человѣка. Но дѣятельность ребенка состоитъ главнымъ образомъ въ игрѣ, а поэтому нужно обращать особенное вниманіе на игру ребенка и развивать ее. Для игры нужны средства. Лучшее орудіе игры — это сами дѣти, такъ какъ ни съ чѣмъ ребенокъ не играетъ охотнѣе, чѣмъ съ другими дѣтьми и притомъ преимущественно — своего возраста. Поэтому высшее мѣсто занимаютъ игры, соединенныя съ движеніями. Остальныя средства для игры должны быть просты и способны мѣняться; готовые и дорогія игрушки

нужно отвергнуть. Мячъ, шаръ, валикъ, кубикъ, особенно послѣдній, ради своей большой дѣлимости, дощечки, палочки горохъ, бумага, нитка, глина и т. п., какъ въ старину, такъ и теперь еще являются самыми подходящими средствами для дѣтской игры. Всѣ предлагаемая ребенку средства должны быть во внутренней связи между собою, должны образовывать цѣлое. Эта связь заключается въ математической основѣ игръ. Такъ, напр., шаръ, валикъ, кубъ — тѣла; бумага и дощечки — площади; палочки и нитки — линіи; горошины — точки. На этихъ игрушкахъ можно наглядно наблюдать форму величину, тяжесть, число, цвѣтъ, движеніе, направленіе и тонъ, слѣдовательно, всѣ элементы человѣческаго знанія. Нѣкоторыя занятія, къ которымъ обращаются въ раннемъ дѣтствѣ, какъ, напр., постройки изъ кубиковъ, палочекъ и горошинъ, вырѣзываніе изъ бумаги, лѣпка изъ глины, должны найти себѣ примѣненіе также и на высшихъ ступеняхъ обученія. Однако изъ дѣтей не должно, какъ это недавно стали требовать съ извѣстной стороны, односторонне готовить ремесленниковъ, заставляя ихъ выдѣлывать мутовки, деревянные башмаки и сапожныя колодки.

Но глаза дѣтей слѣдуетъ упражнять; ихъ руку дѣлать ловкой; ихъ вкусъ слѣдуетъ воспитывать; въ нихъ нужно вызывать охоту къ работѣ. Благодаря всему этому впослѣдствіи духовно и физически они будутъ подготовлены ко всему, чего требуетъ общее человѣческое развитіе. Тотъ фактъ, что самые видные современные педагоги вполне или отчасти склоняются къ принципамъ Фрѣбеля, свидѣтельствуетъ о томъ высококомъ мѣстѣ, которое занимаетъ Фрѣбель, какъ педагогъ.

Какъ писатель, Фрѣбель выступалъ только въ области педагогики. Его довольно многочисленныя сочиненія имѣютъ болѣе афористическій характеръ и сперва появились въ собственномъ его изданіи; поэтому въ свое время они нашли весьма ограниченное распространеніе. Главное сочиненіе Фрѣбеля «Воспитаніе человѣка», въ которомъ онъ изложилъ свои основныя мысли и въ общихъ очерченіяхъ намѣтилъ свою систему, къ сожалѣнію, доведено только до начала отроческаго возраста.

Однако на этомъ основаніи можно строить далѣе и при-
близительно, по крайней мѣрѣ, стремиться къ завершеніи
цѣлаго въ духѣ Фрѣбеля. Дары игръ также обработаны и
изданы самимъ Фрѣбелемъ только отчасти. Другіе были обра-
ботаны Луизой Фрѣбель, I. Штангенбергеромъ, Германомъ
Гальдаммеромъ, Фр. Шмидтомъ и мною. Только «Материнскія
и ласкательныя пѣсни» представляютъ собою готовое и пре-
красно законченное цѣлое. Это произведение еще слишкомъ
мало извѣстно, но заслуживаетъ гораздо большаго вниманія,
чѣмъ то, которымъ онъ пользуется, особенно по сравненію
съ тѣмъ вниманіемъ, которое выпало на долю нѣкоторымъ
другимъ новѣйшимъ, бездарнымъ произведеніямъ искусства
и поэзіи. Изложеніе Фрѣбеля вообще нѣсколько тяжелое и
медленное; ему приходится бороться съ формою. Но всегда
онъ богатъ глубокими мыслями, и изучить какое-либо его со-
чиненіе чрезвычайно полезно.

Фрѣбеля нельзя только читать; его нужно изучать. Ни-
когда Фрѣбель не бываетъ непонятнымъ, какъ рѣшаются
утверждать нѣкоторые поверхностные писатели; слѣдуетъ
только сперва, какъ слѣдуетъ, изучить главное его произве-
деніе «Воспитаніе человѣка». Въ нашемъ настоящемъ изда-
ніи этого сочиненія пропущены нѣкоторыя мѣста, которыя
относились къ школьнымъ порядкамъ, теперь уже не суще-
ствующимъ; и къ устарѣвшей литературѣ и не имѣли уже
никакаго значенія. Затѣмъ сочиненіе раздѣлено на главы,
чтобы облегчить его обзоръ и изученіе.

Часто нападали на стихи Фрѣбеля и отчасти не безъ
основанія. Хотя Фрѣбель отъ природы былъ всецѣло поэти-
ческой натурой, однако онъ рѣдко могъ дать своимъ стихамъ
законченность формы. Стихотворенія Фрѣбеля распадаются
на двѣ группы. Первая группа обнимаетъ стихи, риѣмы
и пѣсни для матерей; эти стихотворенія должны только пока-
зать матери, какъ должно сознательно и разумно обходиться
съ своими дѣтьми, какъ, напр. въ «Материнскихъ и ласкатель-
ныхъ пѣсняхъ». При этомъ совсѣмъ не обращается вниманія
на безупречность формы. Вторая группа состоитъ изъ ма-
ленькихъ стиховъ и пѣсень при играхъ для дѣтей, и противъ

этихъ стихотвореній, во всякомъ случаѣ, часто можно дѣ-
лать возраженіе, особенно въ виду того, что нерѣдко въ
нихъ заключаются недѣтскія размышленія.

Однако нужно принять во вниманіе то, что Фрѣбель хо-
тѣлъ выступать здѣсь, не какъ поэтъ, а только какъ педа-
гогъ, и что въ то время, когда онъ выступалъ съ этими
пѣснями, поэты дѣтскихъ пѣсень, какъ Гофманъ ф. Фаллерс-
лебенъ, Фридрихъ Гюль и другіе еще не давали своихъ
простыхъ, прекрасныхъ пѣсень, такъ чтобы Фрѣбель могъ
ими воспользоваться. Неподходящіе пѣсни Фрѣбеля. при
играхъ теперь болѣею частію замѣнены новыми и
лучшими стихами; это можетъ итти еще далѣе, отъ чего
значеніе игръ Фрѣбеля, какъ цѣлаго, ничего не потеряетъ.

Какъ человекъ, Фрѣбель достоинъ удивленія и глубо-
каго уваженія. Непонятый и заброшенный мальчикъ и юноша,
онъ своими силами пробиваетъ себѣ дорогу, по внутреннему
своему влеченію стремится къ образованію и умѣетъ одолѣть
всѣ препятствія, чтобы, наконецъ, достигнуть своей цѣли въ
зрѣломъ возрастѣ. Это — вѣрный своему долгу сынъ, который
спѣшитъ къ одру болѣзни своего отца и оказываетъ ему нуж-
ную помощь, любящій братъ, который, несмотря на ограни-
ченность своихъ средствъ, спасаетъ своего брата изъ затруд-
нительнаго положенія, попадая затѣмъ самъ въ еще большее
затрудненіе. Онъ — заботливый дядя, который принимаетъ дѣя-
тельное участіе въ положеніи не получившихъ воспитаніе
сиротъ, дѣтей своего брата. Это — нѣжный мужъ, который на
рукахъ носить свою первую и вторую жену. Фрѣбель — горячо
любящій отецъ, который, не имѣя дѣтей самъ, посвятилъ свою
жизнь и свои стремленія только дѣтямъ; онъ — вѣрный другъ,
который исполняетъ слово, данное двумъ связаннымъ съ нимъ
дружбою товарищами по научнымъ занятіямъ. Фрѣбель —
истинный патриотъ, который съ смѣлымъ мужествомъ добро-
вольно идетъ въ кровавый бой за родину. Наконецъ, это —
истинный христіанинъ, который словомъ и дѣломъ въ тече-
ніе всей своей жизни и даже въ послѣднія свои минуты
благочестиво и искренно исповѣдалъ свою вѣру въ ученіе
Иисуса Христа.

ВВЕДЕНІЕ.

Всюду кроется, дѣйствуетъ и управляетъ вѣчный законъ; онъ выражался и выражается и во-внѣ, въ природѣ, и внутри, въ духѣ и въ жизни, объединяющей природу и духъ, всегда одинаково ясно и одинаково опредѣленно, какъ для того, чью душу и вѣру всецѣло наполняетъ и твердое убѣжденіе въ томъ, что жизнь должна быть именно такой, а не иной, такъ и для того, чье ясное и спокойное духовное око во внѣшнемъ и черезъ внѣшнее усматриваетъ внутреннее, замѣчая при этомъ, какъ съ роковою необходимостью изъ сущности внутренняго создается внѣшнее. Въ основаніи этого всесильнаго закона лежитъ единство, дѣйствующее повсюду по необходимости, единство, ясное для самого себя, живое, сознающее себя и потому вѣчно существующее. Въ свою очередь, законъ этотъ, равно какъ и самое единство, познаются вѣрою или созерцаніемъ то непосредственно, то путемъ постиженія; поэтому единство это издавна, вѣрно познавалось и всегда будетъ познаваться и простой, безхитростной чловѣческой душой и холоднымъ, яснымъ чловѣческимъ умомъ.

Это единство — Богъ. Все произошло изъ Божественнаго; изъ Бога и единственно обусловлено Божественнымъ, Богомъ, въ Богѣ — единственное основаніе всѣхъ вещей. Всюду живетъ, дѣйствуетъ и управляетъ Божественное, Богъ. Все дѣйствуетъ, живетъ и существуетъ въ Божественномъ, въ Богѣ и черезъ Божественное, черезъ Бога. Всѣ вещи существуютъ лишь оттого, что въ нихъ дѣйствуетъ Божественное. Дѣйствующее въ каждой вещи Божественное есть сущность ка-

ждой вещи. Назначение и цель всех вещей состоятъ въ слѣдующемъ: проявлять въ развитіи свою сущность, т.-е. какъ свои божественныя особенности, такъ божественное само по себѣ, выражать и обнаруживать Бога черезъ внѣшнее и переходящее. Особенное назначение, особенное призваніе чело-вѣка, какъ разумнаго и мыслящаго существа, слѣдующее: довести для самого себя свою сущность, свое божественное, стало быть, Бога, и свое назначение и свое призваніе до полного сознанія, до живого постиженія и до яснаго раз-умѣнія и проявить это божественное на практикѣ, сдѣлать его дѣйствующимъ и обнаружить добровольно и свободно въ собственной жизни.

Вызываніе чело-вѣка къ жизни, обращеніе съ нимъ, какъ съ существомъ, дѣлающимъ самосознательнымъ, мыслящимъ и разумнымъ ради чистой и полной передачи во-внѣ внутренняго закона, божественнаго начала сознательнымъ и добровольнымъ образомъ и приспособлено ради этой цели пути и средствъ, — вотъ въ чемъ заключается воспитаніе чело-вѣка.

Познаніе, усвоеніе этого вѣчнаго закона, проникновеніе въ его основы, въ его сущность, въ совокупность, связь и жизненность его дѣйствій, знаніе жизни и ея явленій въ ея цѣломъ есть наука, наука о жизни; а примѣненіе ея сознательнымъ, мыслящимъ и разумнымъ существомъ къ передачѣ во-внѣ и къ практикѣ черезъ себя и на себя составляетъ науку о воспитаніи.

Вытекающее изъ познанія этого закона, изъ проникно-венія въ него предписаніе для мыслящихъ, разумныхъ су-ществъ ради познанія ихъ призванія и ради достиженія ихъ назначенія есть ученіе о воспитаніи.

Свободное примѣненіе этого познанія для непосредствен-наго развитія и образованія разумныхъ существъ ради до-стиженія ихъ призванія есть искусство воспитанія.

Цѣль воспитанія — передача во-внѣ вѣрной при-званію, чистой, цѣльной и поэтому святой жизни.

Теорія и практика, знаніе и передача во-внѣ, соединен-ный вмѣстѣ ради вѣрной призванію, чистой и святой жизни,

есть житейская мудрость, есть мудрость сама въ себѣ.

Быть мудрымъ — высшее стремленіе чело-вѣка, высшее дѣло самоопредѣленія чело-вѣка.

Воспитывать самого себя и другихъ созна-тельными, свободнымъ и самоопредѣляющимъ образомъ есть сугубое дѣло мудрости; оно началось съ первымъ поярленіемъ отдѣльныхъ людей на землѣ, существовало уже при первомъ появленіи самосознанія индивидуума и теперь начинаетъ высказываться, какъ необходимое общечеловѣческое требованіе и, какъ таковое, находитъ себѣ сочувствіе и осуществленіе на практикѣ. Это дѣло есть ше-ствие по пути, который единственно ведетъ къ жизни, ко-торый приводитъ къ исполненію внутренняго, а черезъ это также и къ исполненію внѣшняго требованія чело-вѣческаго существа, пути, который, благодаря вѣрной призванію, чи-стой и святой жизни, ведетъ къ блаженной жизни.

Такимъ образомъ божественное начало въ чело-вѣкѣ, его сущность, должно посредствомъ воспитанія быть развито въ немъ и передано во-внѣ до сознанія, а онъ, чело-вѣкъ, долженъ быть возвышенъ до свободной со-знательной жизни согласно этому божественному началу, до свободной передачи во-внѣ этого дѣйствующаго въ немъ начала.

Начало божественное, духовное, вѣчное, заключающееся въ окружающей чело-вѣка природѣ, составляющее сущность природы и постоянно высказывающееся въ ней, должны на-глядно представить чело-вѣку воспитаніе и обученіе и сдѣ-лать его познающимъ, равно какъ они же должны въ жи-вомъ взаимодействіи съ назиданіемъ выразить во-внѣ равнодѣйствующую его, т.-е. равнодѣйствующую между приро-дой и чело-вѣкомъ.

Происхожденіе и зависимость чело-вѣка и природы отъ Бога, завершеніе чело-вѣка и природы въ Богѣ должны быть возведены въ чело-вѣкѣ воспитаніемъ въ его совокупности, а именно воспитаніемъ, обученіемъ и назиданіемъ, до сознанія и проведены въ житейской практикѣ.

Воспитаніе должно на практикѣ руководить и привести

человѣка къ ясному самосознанію, къ мирному общенію съ природой и къ единенію съ Богомъ; такимъ образомъ, оно должно привести человѣка къ познанію самого себя, къ познанію Бога и природы и довести до находящейся въ зависимости отъ этого чистой и святой жизни.

Въ зависимости отъ всѣхъ этихъ требованій воспитаніе зиждется на самыхъ сокровенныхъ и самыхъ глубочайшихъ сторонахъ человѣческой природы.

Все внутреннее познается внутреннимъ по наружному и черезъ наружное. Сущность, духъ, божественныя начала вещей и человѣка познаются по ихъ внѣшнимъ проявленіямъ. Хотя согласно этому наружныя проявленія человѣка и вещей и составляютъ то, къ чему примыкаютъ всякое воспитаніе, всякое обученіе, всякое назиданіе, всякая жизнь, какъ продукта свободы, и, исходя изъ внѣшняго, дѣйствуютъ на внутреннее и заключаютъ о немъ, все-таки воспитаніе не должно прямо заключать по наружному о внутреннемъ, но сущность вещей требуетъ, чтобы всегда въ какомъ-нибудь отношеніи дѣлали обратное заключеніе, наблюдая отношеніе внѣшняго къ внутреннему и внутренняго къ внѣшнему. Такъ, исходя изъ разнообразія и множества въ природѣ, нельзя заключать о множественности послѣдней причины, нельзя заключить о множествѣ боговъ, а, исходя изъ единства Бога, нельзя заключать о законченности природы, но въ обоихъ случаяхъ, наоборотъ, отъ разнообразія въ природѣ слѣдуетъ заключать о единствѣ ея послѣдней причины, Бога, и отъ единства, Бога о вѣчно продолжающемся разнообразіи явленій природы.

Непримѣненіе только что высказанной истины, но, напротивъ, постоянное прегрѣшеніе противъ нея, прямое заключеніе отъ нѣкоторыхъ внѣшнихъ явленій въ жизни дѣтей и отроковъ къ ихъ внутреннему міру, есть самая существенная причина странныхъ, непримиримыхъ явленій, столь частыхъ неудачъ въ жизни и въ воспитаніи.

Этимъ до извѣстной степени объясняется столь частое неугадываніе натуры ребенка, отрока и юноши, этимъ объясняется столь часто неудачающееся воспитаніе дѣтей, столь

часто встрѣчающіяся недоразумѣнія между родителями и ребенкомъ, столь ненужныя жалобы на дѣтей, а равно неподобающая кичливость дѣтьми и безумныя ожиданія отъ нихъ. Поэтому эта истина въ своемъ примѣненіи имѣетъ такое высокое значеніе для родителей, воспитателей и учителей, что они совокупными усиліями должны постараться до мелочей познакомиться съ такимъ ея примѣненіемъ; это внесло бы ясность, увѣренность и спокойствіе въ отношеніи между родителями и дѣтьми, воспитанниками и воспитателями, учениками и учителями, что въ настоящее время является предметомъ напрасныхъ стремленій. Межъ тѣмъ какъ наружно высматривающее добрымъ дитя часто бываетъ само по себѣ недобрымъ, т.-е. не желаетъ добра по самоопредѣленію или изъ любви, уваженія или признательности; точно такъ же съ виду грубый, упрямый и своевольный, слѣдовательно, являющійся недобрымъ, ребенокъ или отрокъ часто въ себѣ имѣетъ самое живое, горячее и сильное стремленіе къ выраженію во-внѣ добра по своей доброй волѣ; съ виду разсѣянный мальчикъ нерѣдко имѣетъ въ себѣ устойчивую, твердо опредѣленную мысль, которая мѣшаетъ ему обращать вниманіе на все внѣшнее.

Поэтому воспитаніе, преподаваніе и назиданіе первоначала и въ своихъ первыхъ основныхъ чертахъ должны быть по необходимости пассивными, слѣдящими (только предостерегающими, охраняющими), но отнюдь не предписывающими, рѣшающими, насильственными.

Да воспитаніе и по необходимости должно быть само по себѣ таковымъ: ибо проявленіе божественнаго въ своей неприкосновенности по необходимости хорошо, должно быть хорошимъ и совѣмъ не можетъ быть чѣмъ-либо инымъ, какъ только хорошимъ. Эта необходимость приводитъ къ предположенію, что еще молодой, такъ сказать, только что складывающійся человѣкъ, хотя еще безсознательно, подобно произведенію природы, но все-таки рѣшительно и твердо желаетъ лучшаго и самъ по себѣ и ради себя, и при томъ еще сверхъ того въ совершенно соответствующей ему формѣ, въ формѣ, для проявленія ко-

торой во-внѣ онъ чувствуетъ въ себѣ въ наличности всѣ задатки, силы и средства. Такъ, утенокъ спѣшитъ къ пруду и на воду и въ воду, межъ тѣмъ какъ цыпленокъ роется въ землѣ, а молодая ласточка хватаетъ свою пищу на лету, почти никогда не касаясь земли. Что бы ни говорилось противъ выше высказанной истины обратнаго заключенія и истины осторожнаго слѣдованія за инстинктомъ и ея примѣненія къ воспитанію и въ воспитаніи, какъ бы ни боролись противъ нихъ, онѣ все-таки когда-нибудь оправдаются во всей своей ясности и справедливости у поколѣнія, которое будетъ примѣнять ихъ, всецѣло довѣряя имъ.

Растеніямъ и животнымъ, молодымъ растеніицамъ и молодымъ животнымъ мы даемъ пространство и время, зная, что они тогда, согласно законамъ, дѣйствующимъ въ каждомъ изъ нихъ, прекрасно развиваются и хорошо растутъ; молодымъ животнымъ и молодымъ растеніямъ даютъ покой и стараются не допустить воздѣйствій, насильственно вліяющихъ на нихъ, зная, что въ противномъ случаѣ будетъ задержано ихъ чистое и здоровое развитіе; а молодой человекъ для человека — кусокъ воску, комъ глины, изъ котораго онъ можетъ лѣпить, что ему угодно. — И вы, люди, бродящіе по своимъ садамъ и полямъ, рощамъ и лугамъ, почему вы не откроете своей души и почему вы не прислушаетесь, чему васъ учить природа на своемъ нѣмомъ языкѣ? Взгляните на растеніе, которое вы зовете плевеломъ, и которое, выросши въ тѣснотѣ и принужденіи, едва даетъ понять о внутренней законмѣрности, взгляните на него же на открытомъ пространствѣ, въ полѣ или на грядѣ, и посмотрите какую законмѣрность, какую чистую внутреннюю жизнь, гармоническую во всѣхъ частяхъ и проявленіяхъ обнаруживаетъ это растеніе, — произрастаетъ воплощенное солнце, блестящая звѣзда земли. Такъ же, родители, и ваши дѣти, которымъ вы раньше времени и противъ ихъ природы навязываете (опредѣленную) форму и (опредѣленную) профессію, и которыя поэтому бродятъ вокругъ васъ болѣзненные и неестественныя, могли бы сдѣлаться прекрасно и всесторонне развивающимися существами.

Всякое активное, предписывающее и ставящее опредѣленные рамки ученіе, воспитаніе и преподаваніе, если принять во вниманіе дѣйствіе божественнаго начала и разсматривать людей въ ихъ неиспорченности и первобытномъ здоровьѣ, по необходимости должно дѣйствовать гибельнымъ задерживающимъ и разрушающимъ образомъ. Такимъ образомъ — чтобы и далѣе поучаться примѣрами изъ природы — растеніе, виноградное дерево, должно быть подрѣзано; но подрѣзаніе само по себѣ здѣсь не приноситъ еще никакого вина; напротивъ, виноградное дерево при обрѣзаніи, будь даже послѣднее совершено въ такомъ хорошемъ намѣреніи, можетъ совершенно погибнуть, по крайней мѣрѣ, его плоды и плодородность разрушаются, если садовникъ при этомъ не дѣйствуетъ совершенно пассивно, прилаживаясь къ природѣ растенія. Въ отношеніи къ предметамъ природы и при обращеніи съ ними мы очень часто идемъ правильнымъ путемъ тамъ, гдѣ въ отношеніи къ людямъ мы идемъ совершенно ложнымъ путемъ, и, не смотря на это, въ томъ и другомъ случаѣ дѣйствуютъ силы, которыя произошли изъ одного и того же источника и дѣйствуютъ по однимъ и тѣмъ же законамъ. Вотъ почему вниманіе къ природѣ и наблюденіе ея и съ этой стороны имѣютъ такое важное значеніе для человека.

Правда, природа рѣдко показываетъ намъ такое цѣльное, первобытное состояніе, въ особенности у людей, но тѣмъ болѣе оно должно быть предполагаемо, и у отдѣльнаго человека до тѣхъ поръ, пока не будетъ опредѣлено противоположное; иначе, вѣдь, цѣльное первобытное состояніе, гдѣ оно должно было сохраниться, могло бы также легко быть уничтожено; но если сознаніе въ нарушеніи первобытнаго состоянія вытекаетъ изъ всей совокупности воспитываемаго человека, если это нарушеніе дѣлается очевиднымъ изъ внутренняго и изъ внѣшняго цѣлаго, то прямоопредѣляющій, требующій методъ воспитанія умѣстенъ здѣсь во всей своей строгости.

Потомъ же и не всегда, даже часто трудно удается съ

достоверностью указать нарушенное проявление внутреннего, — по крайней мере, тот пункт, тот источник, в котором выступившее наружу нарушенное имеет свое основание и начало, и направление, которое оно приняло; последнего же по существу несомненного пробного камня относительно этого надо искать только в самом человеке. Поэтому-то и с этой стороны воспитание, учение и всякое преподавание преимущественно должны быть более пассивными, следящими, нежели определяющими, предписывающими; ибо, благодаря исключительному выступлению предписывающего воспитания, решительно погибло бы чистое поступательное развитие, верное, постоянное прогрессирующее рода человеческого, т. е. проявление божественного в человеке и через его жизнь свободным и самоопределяющим образом, что составляет, ведь, лишь цель и стремление всякого воспитания и всякой жизни, равно как и единственное назначение человека.

Поэтому начинается, собственно говоря, чисто определяющей, требующей и предписывающей способ воспитания человека только при начинающемся самопознании, вместе с начинающейся жизнью быединении между Богом и человеком, но наступлении взаимного понимания и общения отца с сыном, ученика с учителем, потому что тогда может быть истина выведена и познана из сущности цѣлаго и из природы индивидуума.

Итак, прежде чем это разстройство и нарушение первобытного, здорового состояния ученика будет сведено в отдельном случае к источнику и направлению и определенно познано, ничего не остается делать, как поставить ученика в отношения и условия, которые позволяют его наблюдать со всех сторон, где перед ним отражается его поведение через него самого, как в зеркале, и где бы он мог легко и быстро распознать последнее в его действиях и последствиях, да таким образом его истинное состояние могло бы легко

быть познано им самим и другими, и где приступы вспыльчивости менее всего вредили бы выступлению внутренней нарушенности жизни.

Предписывающее, насилующее воспитание вообще имеет за себя одно из двух: или ясную, живую мысль, истинную, в себе самой обоснованную идею или существовавший уже раньше и признанный образец. Но там, где повелевает в себе самой обоснованная живая мысль, а дает предписания в себе самом истинное, там как бы господствует само вечное, и потому-то оно и должно выступать только пассивно и как бы идя по следам, ибо живая мысль, само вечное, божественное, как таковое, требуют и обуславливают свободную самостоятельность и самоопределенность созданного для свободы, для богоподобия существа: человека.

Но и существовавший раньше и признанный совершеннейшим образец, признанный совершенной образцовая жизнь будет образцом единственно лишь по своей сущности, лишь по своему стремлению, а отнюдь не по своей форме; это — величайшее непонимание всего духовно-человечески образцового, если оно считается образцовым по форме; отсюда так нередко случается, что сделавшееся образцом явление образцового действует и действовало на человеческий род, на человечество и ради него препятствующим, даже задерживающим образом, вместо того, чтобы действовать на него возвышающим образом. Поэтому сам Иисус Христос всегда борется в Своей жизни и в Своем учении против придерживания внешнего образца; избирая образец, следует придерживаться только духовных стремлений и живого примера, характер же явления, форма образца должны быть самостоятельно избраны. Высшая совершеннейшая идеальная жизнь, какую мы, христиане, видим в Иисусе Христе, и какую только знает человечество, есть жизнь, которая ясно и живо познала в себе самой первобытное и первоначальное основание своего бытия, своего явления, себя самой, кото-

рая произошла самодѣтельно и самостоятельно благодаря вѣчному условію, по вѣчному закону, изъ вѣчно живущего, вѣчно творящаго; и эта высшая, вѣчная образцовая жизнь сама требуетъ, чтобы каждый человѣкъ въ свою очередь сталъ такою копіею своего вѣчнаго образца, чтобы онъ самъ въ свою очередь сталъ такимъ образцомъ для себя и для другихъ, чтобы онъ, этотъ человѣкъ, вышелъ изъ себя свободно, самопроизвольно и по собственному выбору; и это только есть и должно всегда быть задачею и цѣлью всякаго воспитанія, ученія и преподаванія. Такимъ образомъ даже вѣчный идеалъ является слѣдящимъ, пассивнымъ въ выборѣ формы.

Но все таки по существу, и мы видимъ это на опытѣ, живая мысль, вѣчный идеалъ, долженъ въ своемъ проявленіи выступать опредѣляющимъ и требующимъ образомъ, и онъ выступаетъ, какъ таковой; но мы видимъ, какъ это духовно-образцовое, этотъ идеалъ выступаетъ требующимъ и строгимъ, неумолимымъ же и безграничнымъ является онъ тогда и при томъ только тамъ, гдѣ требованіе само высказывается съ необходимостью изъ сущности цѣлаго и природы частнаго, и на томъ, кому высказывается, какъ таковое, можетъ быть познано, гдѣ идеалъ говорить, какъ органъ необходимости и потому всегда обусловливающимъ образомъ. Идеалъ только тамъ выступаетъ требующимъ, гдѣ онъ, входя у другихъ въ основаніе требованія изъ духа, разсматривая это требованіе или вѣруя въ него душою, предполагаетъ таковое; такимъ образомъ, — или въ чисто дѣтскомъ или въ ясномъ, по крайней мѣрѣ, начинающемся возмужаломъ состояніи. И въ этихъ-то случаяхъ идеалъ является требующимъ или посредствомъ примѣра или посредствомъ слова; но всегда только въ отношеніи къ духу и жизни, никогда не предъявляя требованій въ отношеніи къ формѣ.

Въ хорошемъ воспитаніи, въ истинномъ преподаваніи, въ дѣйствительномъ ученіи должны такимъ образомъ необходимость вызывать свободу, а законъ — самоопредѣленіе, при-

нужденіе же извнѣ — свободную волю внутри, ненависть извнѣ — любовь внутри. Тамъ, гдѣ ненависть рождаетъ ненависть, законъ — обманъ и преступленіе, принужденіе — рабство, необходимость — батрачество; тамъ, гдѣ тяжесть уничтожаетъ и унижаетъ, а бремя разрушаетъ и дѣлаетъ низкимъ, тамъ, гдѣ строгость и жестокость рождаютъ строптивость и ложь: тамъ — всякое воспитаніе, всякое дѣйствіе воспитанія, ученія и преподаванія — ничто. Чтобы избѣжать этого и достигнуть противоположнаго, все являющееся предписывающимъ должно дѣйствовать слѣдящимъ образомъ. Это бываетъ тогда, когда всякое воспитаніе, всякое ученіе, всякое преподаваніе, при всѣхъ своихъ необходимыхъ внѣшнихъ ограниченіяхъ вплоть до всѣхъ частныхъ и развѣтвленій, имѣетъ безспорное, непреодолимое выраженіе, такъ что они, а равно и самъ требующій, строго и неуклонно подчинены вѣчно правящему закону, вѣчной неизбѣжной необходимости, при чемъ изгоняется всякій произволь.

Всякое истинное воспитаніе и ученіе, всякое истинное преподаваніе, всякій истинный воспитатель и учитель должны во всѣхъ своихъ требованіяхъ и распоряженіяхъ преследовать двѣ цѣли или двѣ стороны: т. е. быть и дающими и воспринимающими, объединяющими и расчленяющими, предписывающими и уступчиво слѣдящими, активными и пассивными, опредѣляющими и освобождающими, твердыми и подвижными, и точно такъ же долженъ быть поставленъ и ученикъ, воспитанникъ; но между обоими, между воспитателемъ и воспитанникомъ, между требованіемъ и послѣдствіемъ его должно невидимымъ образомъ властвовать нѣчто третье: а именно, то третье, которое по необходимости вытекаетъ изъ условій и высказывается не произвольнымъ образомъ, какъ лучшее и справедливое, то третье, которому одинаково и вполне равномѣрно подчиненъ и воспитатель и воспитанникъ. — Безмолвное признаніе, ясное пониманіе и спокойная, радостная преданность велѣнію этого третьяго, — вотъ что совсѣмъ особенно должно непоколебимо и чисто выразиться въ учителѣ и воспитателѣ, и при

томъ выражаться неоднократно, твердо и серьезно. Дитя же, воспитанникъ пріобрѣтаетъ, благодаря этому, удивительно вѣрный тактъ и удивительно правильное чутье для распознаванія этого третьяго, какъ будто бы то, что высказываютъ и чего требуютъ воспитатель, учитель, отецъ, высказывалось лично и произвольно изъ него самого или вообще, или вытекало бы, какъ необходимость черезъ него самого, и въ этомъ дитя, воспитанникъ и ученикъ ошибаются рѣдко.

Эта преданность, эта покорность, это увѣренное подчиненіе себя вѣлнію неизмѣннаго третьяго, которому подчиняются одинаково и воспитатель и воспитанникъ, должно высказываться поэтому до самыхъ мелочей въ каждомъ требованіи воспитателя и учителя. Поэтому необходимая общая формула преподаванія гласитъ такъ: дѣлай то-то, и смотри, что происходитъ въ данномъ случаѣ изъ твоего дѣйствія, и къ какимъ выводамъ приводить тебя оно; а для жизни самой по себѣ для каждаго эта формула гласитъ такъ: — вырази твою духовную сущность, слѣдовательно живущее въ тебѣ, твою жизнь чисто во-внѣ, а черезъ это и въ поведеніи и посмотри, чего требуетъ твоя сущность и какого свойства она. Самъ Христосъ приводитъ насъ этимъ предписаніемъ къ божественности Своего посланія, Своей сущности и жизни, къ познанію истинности Своего ученія и поэтому это есть заповѣдь, ведущая къ познанію всякой жизни, основанія и сущности всякой жизни и всякой истины.

Этимъ объясняется слѣдующее требованіе и въ то же время указывается и способъ его выполненія. Воспитатель, ученіе должны обобщать единичное и обособленное, обобщенное дѣлать единичнымъ и обособленнымъ и то и другое находить въ дѣйствительности; онъ долженъ наружное сдѣлать внутреннимъ и внутреннее наружнымъ, и для того и другого указать необходимое единство; онъ долженъ созерцать конечное въ безконечномъ, безконечное въ конечномъ и то и другое привести въ согласіе, перевести въ жизнь; онъ дол-

женъ воспринимать и созерцать божественное въ человѣкѣ и указать сущность человѣка въ Богѣ, и то и другое постараться представить во взаимной связи въ жизни.

И это тѣмъ яснѣе и опредѣленнѣе вытекаетъ изъ сущности человѣка, тѣмъ неопровержимѣе высказывается, чѣмъ болѣе человѣкъ созерцаетъ себя въ себѣ самомъ, въ подрастающемъ человѣкѣ и въ исторіи развитія человѣчества.

Итакъ, воплощеніе безконечнаго въ конечномъ, вѣчномъ въ преходящемъ, небснаго въ земномъ, божественнаго въ человѣкѣ и чрезъ человѣка, въ жизни человѣка посредствомъ ухода за его первобытною божественною сущностью во всѣхъ отношеніяхъ является безусловно единственною задачею, единственною конечною цѣлью всякаго воспитанія и ученія, всякаго преподаванія; и поэтому, съ этой единственною правильной точки зрѣнія слѣдуетъ смотрѣть на человѣка съ перваго появленія его на свѣтъ Божій, даже какъ у Богоматери, сейчасъ послѣ перваго предвозвѣщенія о немъ, стало быть, блюсти и ухаживать за нимъ въ его еще невидимомъ состояніи, еще во чревѣ матери.

Каждый человѣкъ въ виду безсмертія его души и духа долженъ быть познаваемъ и пользоваться уходомъ, какъ проявленіе божественнаго въ человѣческомъ образѣ, какъ залогъ любви, близости, милости Божьей, какъ въ дѣйствительности и познавали первые христіане своихъ дѣтей, о чемъ свидѣлствуютъ имена, которыя они давали имъ.

Каждый человѣкъ уже ребенкомъ долженъ быть разсматриваемъ, признаваемъ и первоначально воспитываемъ, какъ необходимый, существенный членъ человѣчества, а поэтому родители, какъ первые воспитатели, должны чувствовать и сознавать себя отвѣтственными передъ Богомъ, ребенкомъ и человѣчествомъ.

А равнымъ образомъ родители должны смотрѣть на ребенка и блюсти его въ необходимой цѣлостной гармоніи, въ ясномъ соотношеніи и въ живой связи съ настоящимъ, прошедшимъ и будущимъ человѣческаго развитія, и такимъ образомъ привести въ связь,

согласіе и гармонію образованіе, воспитаніе ребенка съ современными, прошедшими и будущими требованіями развитія рода человѣческаго, равно какъ точно такъ же слѣдуетъ разсматривать, блюсти и руководить человѣкомъ вмѣстѣ съ его божественными, земными и человѣческими задатками, присущими Богу, природѣ и людямъ, вмѣщающемъ въ себѣ такимъ образомъ одновременно единство, единичность и многообразіе и въ то же время носящимъ въ себѣ настоящее, прошедшее и будущее.

Такимъ образомъ, человѣкъ, человѣчество въ человѣкѣ должно быть, въ качествѣ внѣшняго явленія, разсматриваемо не какъ уже совершенно явившееся, не какъ вполне сложившееся, не какъ уже твердое и установившееся, но какъ постоянно и еще неуклонно поступательно складывающееся, вѣчно живое, никогда не перестающее итти впередъ отъ одной ступени развитія и образованія къ другой въ направленіи къ конечной цѣли, кроющейся въ безконечности и единствѣ.

Взглядъ на развитіе и образованіе человѣчества, какъ на нѣчто остановившееся, законченное и теперь какъ бы все только сызнова и все въ большей всеобщности повторяющееся долженъ быть сочтенъ неудачнымъ до послѣдней степени.

Въ такомъ случаѣ, вѣдь, дитя, какъ и всякое слѣдующее поколѣніе, становится исключительно только подражаніемъ, внѣшнею, мертвою копіею, какъ бы слѣпкомъ съ прежняго, но по новымъ живымъ образцомъ для ближайшаго и для дальнѣйшихъ будущихъ временъ и поколѣній, не образцомъ для своей ступени развитія, на которой оно стояло въ совокупности человѣческаго развитія. И каждое слѣдующее человѣческое поколѣніе и каждый слѣдующій отдѣльный человѣкъ должны на себѣ пройти все въ совокупности прежнее развитіе и образованіе рода человѣческаго, и онъ проходитъ ихъ: иначе онъ не понималъ бы ни предковъ, ни современниковъ, и при томъ не мертвымъ путемъ подража-

нія, копированія, но живымъ способомъ самодѣятельнаго и свободнаго развитія и образованія. Каждый человѣкъ долженъ вновь изъ самого себя представить ихъ для себя и для другихъ; ибо въ каждомъ человѣкѣ, какъ членѣ человѣчества и дитяти Господа, заключается все человѣчество, но представленное и запечатлѣнное въ каждомъ человѣкѣ совершенно своеобразнымъ, особеннымъ личнымъ, оригинальнымъ образомъ, и оно должно быть представлено и запечатлѣно въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ такимъ совершенно своеобразнымъ, особеннымъ образомъ для того, чтобы сущность человѣчества и Бога въ его безконечности, вѣчности, сущность, совмѣщающая въ себѣ всякое разнобразіе, была все болѣе познаваема и все живѣе и опредѣленнѣе чувствуема.

Только при такомъ единственно исчерпывающемъ и удовлетворяющемъ, все охватывающемъ и постигающемъ познаніи человѣка и проникновеніи въ его сущность, познаніи, изъ котораго вытекаетъ какъ бы само собою все остальное, что еще далѣе необходимо знать для ухода за человѣкомъ и для его воспитанія, необходимо при серьезномъ анализѣ, только при такомъ взглядѣ на человѣка съ перваго предчувствія матерью его появленія можетъ имѣть успѣхъ, процвѣтать, приносить плоды, созрѣвать настоящее, истинное воспитаніе человѣка и уходъ за нимъ.

Отсюда просто, опредѣленно и прямо вытекаетъ все то, что должны дѣлать супруги, родители раньше и послѣ перваго предчувствія появленія ребенка: быть чистыми и ясными въ словахъ и дѣлахъ своихъ, исполниться и проникнуться значеніемъ и достоинствомъ человѣка, смотрѣть па себя, какъ на блюстителей и проводниковъ дара Божія, изучать призваніе и назначеніе человѣка, изучать путь и средства, которыми онъ достигаетъ своего назначенія и призванія. Какъ назначеніе ребенка состоитъ въ томъ, чтобы въ гармоническомъ согласіи развивать и образовывать въ себѣ характеръ родителей, отца и матери, сущность отцовскую и материнскую, духовную и душевную — которая

только по задаткамъ и по силѣ даже имъ обоимъ остается пока неизвѣстною и непредчувствованною; такъ точно назначеніе человѣка, какъ созданія Господа и природы состоитъ въ томъ, чтобы представлять въ гармоническомъ согласіи сущность Бога и природы, естественную и божественную, земную и небесную, конечную и безконечную. Какъ назначеніе ребенка, какъ члена семьи, состоитъ въ томъ, чтобы развивать и представлять сущность семьи, ея духовные задатки и силы въ ихъ согласіи, всесторонности и ясности, такъ точно назначеніе и призваніе человѣка, какъ члена человѣчества, состоитъ въ томъ, чтобы развивать, образовывать и представлять сущность, силы и задатки всего человѣчества.

Но дѣти и члены семьи яснѣе и полнѣе всего выражаютъ сущность родителей и семьи — неизвѣстной ни имъ, ни ей и до сихъ поръ далее ни разу не предчувствованной ими, въ томъ случаѣ, если каждое изъ дѣтей, каждый изъ членовъ развивается и представляется во-внѣ самымъ совершеннымъ, самымъ яснымъ и самымъ всестороннимъ, да къ тому же самымъ своеобразнымъ и самымъ оригинальнымъ образомъ. Точно такъ же и люди, какъ дѣти Бога и члены человѣчества, чаще и полнѣе всего выражаютъ совокупную сущность Бога и человѣчества — каковая заключается въ немъ, правда, еще и вовсе не познанная и не признанная вообще, — если каждый отдѣльный человѣкъ, каждое отдѣльное дитя развивается и проявляется во-внѣ самымъ своеобразнымъ и личнымъ образомъ. Это бываетъ въ томъ случаѣ, если человѣкъ развивается и образуется такимъ образомъ, по тому закону, по которому развиваются и образуются, развивались и образовались всѣ предметы, и который повелѣваетъ и господствуетъ повсюду, гдѣ есть бытіе и жизнь, творецъ и твореніе, Богъ и природа: — если каждый человѣкъ проявляетъ свою сущность въ единствѣ въ себѣ самомъ, на себѣ самомъ и черезъ себя самого; въ единичности на чемъ-нибудь отдѣльномъ, исшедшемъ изъ него самого наружу въ чрезвычайной и совершенно особенной

ясности и законченности и въ многообразіи, во всемъ многообразіи во всемъ, на всемъ и черезъ все, что исходитъ изъ него и совершается черезъ него; единственно только въ такомъ тройкомъ, но въ единомъ и согласномъ въ себѣ самомъ и между своими частями представленіи совершается выраженіе, проявленіе и, слѣдовательно, проявленіе до очевидности, откровеніе внутренняго бытія всякаго существа. Гдѣ недостаетъ одной стороны этого тройкаго проявленія во-внѣ въ дѣйствительности или только въ познаніи, пониманіи и признаніи, тамъ проявленіе несовершенно и неполно, а пониманіе не закончено и недостаточно; единственно только такимъ образомъ каждая вещь становится ясной и очевидной въ своемъ единствѣ, по своему существу и во всѣхъ отношеніяхъ; только ясное познаніе и примѣненіе на практикѣ этого тройкаго выраженія каждой вещи, если оно должно сдѣлать ея сущность законченно-ясной и очевидной, единственно приводитъ къ правильному познанію каждой вещи, къ истинному проникновенію въ ея сущность.

Поэтому дитя, молодое существо съ перваго своего появленія на свѣтъ Божій, съ перваго дня рожденія, сообразно своей природѣ, должно непремѣнно быть понято, направляемо и поставлено въ возможность свободнаго всесторонняго употребленія своихъ силъ. Пользованіе однимъ какимъ-нибудь изъ его членовъ или одною изъ какихъ-нибудь силъ не должно итти на счетъ или въ ущербъ развитію другихъ. Ребенка совсѣмъ не слѣдуетъ кутать, связывать или пеленать, равно какъ впослѣдствіи водить на помочахъ. Умѣть находить въ себѣ самомъ центръ тяжести, точку опоры для всѣхъ своихъ силъ и членовъ, покойно пребывать въ этомъ центрѣ, покойно въ немъ пребывая, двигаться, свободно и непринужденно двигаться и дѣйствовать въ немъ, научиться схватывать и держать предметы своими руками, держаться прямо и ходить на своихъ ногахъ, находить и видѣть предметы своими глазами, и, наконецъ, пользоваться всѣми своими членами равномерно и равносильно, — вотъ чему должно научиться съ раннихъ норъ молодое существо, дитя. Съ ран-

них лѣтъ долженъ ребенокъ научиться высшему и труднѣйшему изъ всѣхъ искусствъ: при всякихъ новыхъ положеніяхъ, препятствіяхъ и помѣхахъ твердо держаться на своей позиціи и сохранять равновѣсіе на своемъ жизненномъ пути.

Первое проявленіе ребенка есть проявленіе силы. Въмѣшательство посторонней силы вызываетъ реакцію силы; отсюда — первый крикъ ребенка, отсюда — попираніе ногами того, что стоитъ имъ на дорогѣ, отсюда — крѣпкое схватываніе того, чего касаются его ручки. Вскорѣ вслѣдъ за этимъ чувствомъ и въ совокупности съ нимъ въ ребенкѣ развивается общее чувство, затѣмъ его улыбка, его чувство благополучія, его радость, его подвижность въ пріятной теплотѣ, въ ясномъ свѣтѣ, на чистомъ свѣжемъ воздухѣ. Это — начало самосознанія ребенка, человѣка въ его крайнихъ конечныхъ пунктахъ. И такимъ образомъ первыми проявленіями дѣтской человѣческой жизни является спокойствіе и волненіе, радость и горе, улыбка и слезы. Спокойствіе, радость и улыбка выражаютъ все то, что въ чувствѣ ребенка присуще чистому, незатемненному развитію его существованія, его человеческого существованія, дѣтской, человѣческой жизни во всей ея непосредственной чистотѣ; къ уходу и къ сохраненію въ чистотѣ этого дѣтства должно примкнуть первое воспитаніе, развитіе жизни, поднятіе и выраженіе ея. Безпокойство, горе и слезы выражаютъ въ первомъ своемъ проявленіи все то, что противно развитію человѣка, какъ ребенка; и съ нимъ должно сообразоваться уступающее, противоположное воздѣйствіе, воспитаніе, удаляя причины этихъ явленій; оно должно стремиться выискать ихъ причину или рядъ причинъ и удалить ихъ. Въ самыхъ первыхъ, но почти только въ самыхъ первыхъ проявленіяхъ слезъ, безпокойства и крика ребенку, конечно, чужды всякое упрямство и всякое своеволіе, но они появляются, лишь только у маленькаго существа, которое едва показалось въ видѣ человеческого растенія (еще трудно указать, какимъ образомъ и въ какой степени) появляется чувство, что оно по произволу или изъ невнимательности или лѣности отдается на произволь того,

что ему причиняетъ безпокойство и горе. Разъ только внушено ребенку это злосчастное чувство, то уже упрямство, этотъ первый и безобразнѣйшій изъ всѣхъ пороковъ, создано, уже родился тотъ порокъ, который грозитъ уничтожить ребенка и его среду и который врядъ ли можно изгнать, не причиняя вреда какой-нибудь другой лучшей сторонѣ человѣческой природы, и онъ становится скоро родоначальникомъ притворства, лжи, дерзости, закоснѣлости и всѣхъ позднѣйшихъ столь же печальныхъ, сколько и безобразныхъ пороковъ.

Но, даже идя другимъ правильнымъ путемъ, можно сдѣлать ошибки и въ пріемахъ и въ формѣ. Человѣкъ, согласно своей сущности и своему назначенію, долженъ быть постепенно воспитанъ отъ перенесенія малыхъ незначительныхъ страданій къ поренесенію страданій тяжелыхъ, къ борьбѣ съ угрожающими страданіями и тягостями. Такимъ образомъ, разъ родители и окружающіе ребенка имѣютъ твердое и непоколебимое убѣжденіе, что плачущему и безпокойному ребенку доставлено все, что въ данную минуту можетъ составлять его потребность, и что отъ него удалено все, что въ данную минуту вредно или можетъ вредить его состоянію, то родители и окружающіе не только могутъ, но и должны плачущаго, безпокойнаго, даже кричащаго ребенка преспокойно предоставить себѣ самому, спокойно дать ему время одуматься. Ибо разъ удалось маленькому существу однажды или даже нѣсколько разъ при мнимомъ страданіи и легко переносимомъ неудобствѣ или неловкости вынудить себѣ постороннее участіе и постороннюю помощь, то родители и окружающее ребенка этимъ потеряли многое, почти все, что едва теперь можетъ быть возвращено назадъ даже силою; вѣдь дѣти обладаютъ такимъ тонкимъ чутъемъ, такимъ правильнымъ пониманіемъ слабостей окружающихъ ихъ среды, что сила, искони живущая и дѣйствующая въ нихъ, обнаруживается скорѣе болѣе легкимъ путемъ, разъ только слабость другихъ позволяетъ имъ распоряжаться ею, а не выражать и развивать ее въ себѣ самихъ и въ собственномъ терпѣніи, поведеніи и поступкахъ.

На этой первой ступени образующійся, появившійся человекъ называется груднымъ младенцемъ и онъ въ полномъ смыслѣ таковъ, ибо сосаніе является почти еще исключительно дѣятельностью ребенка (развѣ онъ не всасываетъ въ себя состояніе окружающихъ его людей?), а вышеупомянутыя проявленія плача и улыбки все еще остаются всецѣло внутри него самого и являются еще непосредственнымъ, нераздѣльнымъ послѣдствіемъ вышеупомянутой дѣятельности. Человекъ на этой ступени лишь воспринимаетъ извнѣ въ себя и на себя разнообразіе бытія; онъ, человекъ, всасываетъ; при этомъ все его существо есть лишь усвоивающее око, поэтому-то эта первая ступень человеческого развитія такъ чрезвычайно важна для человека, для его настоящего и будущаго. Для настоящей и будущей жизни человека крайне важно, чтобы онъ на этой ступени не всосалъ въ себя ничего болѣзненнаго, ничего тупого, пошлаго, ничего двусмысленнаго или дурного, а поэтому взгляды и выраженіе лицъ окружающихъ должны быть тверды и увѣренны, должны возбуждать и питать довѣріе; все окружающее должно быть чисто и ясно; чистый воздухъ, обильный свѣтъ, чистая комната, какъ бы она ни была бѣдна въ другихъ отношеніяхъ. Къ сожалѣнію вѣдь часто за цѣлую жизнь едва удается человеку преодолѣть то, что онъ, какъ говорится, воспринялъ съ молокомъ матери, впечатлѣнія своей молодости именно потому, что все его существо словно огромный глазъ было открыто для нихъ, отдано имъ. Часто самая упорная борьба человека съ самимъ собою, и даже его позднѣйшія самыя непріятныя и тяжелыя превратности имѣютъ свое первое основаніе въ этой ступени развитія: поэтому-то такъ важенъ уходъ за груднымъ младенцемъ. Матери, которыя однихъ изъ своихъ дѣтей кормили сами, а другихъ нѣтъ, и наблюдали тѣхъ я другихъ вполнѣ въ ихъ жизненныхъ проявленіяхъ, могутъ съ полнымъ убѣжденіемъ подтвердить это. Такъ, матери знаютъ также, что первая улыбка ребенка составляетъ такой опредѣленный періодъ въ развитіи ребенка, что она является выраженіемъ по меньшей мѣрѣ тѣлеснаго «самонахожденія», если не гораздо большаго; вѣдь

не только въ тѣлесномъ самоощущеніи, но также и въ тѣлесномъ и еще высшемъ общемъ чувствѣ, сначала между матерью и ребенкомъ, потомъ между отцомъ и братьями и сестрами, а потомъ и между этими послѣдними людьми и ребенкомъ имѣетъ свое основаніе первая дѣтская улыбка.

Это первое чувство общаго, общности, впервые соединяющее ребенка съ матерью, отцомъ, братьями и сестрами, чувство, въ основѣ котораго лежитъ высшее духовное единеніе, къ которому вполнѣ примыкаетъ непреложное убѣжденіе, что отецъ, мать, братья и сестры и люди чувствуютъ и познаютъ себя въ общности и единеніи съ высшимъ началомъ: человечествомъ, Богомъ: это общее чувство есть первый зародышъ, первое основаніе всякой истинной религіозности, всякаго истиннаго стремленія къ свободному единенію съ вѣчнымъ, съ Богомъ. Истинная и дѣйствительная религія, сохраняющаяся въ опасностяхъ и въ борьбѣ, въ угнетенномъ и въ бѣдственномъ состояніи, въ радости и веселіи, должна быть у человека съ младенчества. Ибо Божественное, видимымъ образомъ присутствующее въ конечномъ, въ человекѣ, рано знаетъ уже въ неясномъ предчувствіи свое происхожденіе изъ Божественнаго, изъ Бога, и это темное предчувствіе, это еще менѣе, нежели туманное сознаніе, должно быть рано взрощено, усилено, воспитано въ человекѣ, а потомъ уже доведено и прояснено до сознанія.

Поэтому не только трогательное зрѣлище для сторонняго наблюдателя, но и для ребенка — спасеніе и благословеніе, когда мать кладетъ дремлющаго ребенка на свое тихое ложе, обращаясь съ задушевною мольбой о родительской охранѣ и любовномъ попеченіи къ его и ихъ общему небесному Отцу.

Не только трогательно, не только въ высшей степени пріятно, но чрезвычайно важно и полезно для настоящей и будущей жизни ребенка, когда мать поднимаетъ съ постели пробудившееся съ тихою радостью и улыбкой дитя, беретъ его, радостно и спокойно благодарнымъ взоромъ къ ихъ общему Отцу за дарованное спокойствіе и поддержку, съ устами, возносящими благодарственную молитву, беретъ какъ бы вновь

дарованное ей дитя. На все время будущаго совмѣстнаго житія между матерью и ребенкомъ это имѣетъ самое отрадное вліяніе; поэтому настоящая мать лишь съ большою неохотою согласится, чтобы другое лицо отнесло дремлющее дитя въ его колыбель или взяло его оттуда, когда оно проснется. Младенцу, за которымъ ухаживаетъ такъ мать, хорошо спится и по-человѣчески, и въ земномъ и въ небесномъ смыслѣ: молитва усыпляетъ его; благодаря Богу ребенокъ покоится въ Богѣ въ этой послѣдней крайней и въ этой первой исходной основѣ всего сущаго.

Если родители желаютъ для своихъ дѣтей этой непоколебимой, этой никогда не исчезающей точки опоры, какъ высшаго напутствія для жизни, то родители и дѣти должны быть тѣсно соединены между собою и внутренними и внѣшними узами всякій разъ, когда имъ приходится сознавать себя соединенными въ молитвѣ въ тихой ли комнатѣ, на вольномъ ли воздухѣ, въ молитвѣ съ ихъ Богомъ и Отцомъ.

Пусть не скажетъ никто — ибо онъ отнимаетъ этимъ у дѣтей ихъ высшее достоинство, — будто они этого не поймутъ; они понимаютъ и поймутъ это, если только они не успѣли еще одичать, если они не черезчуръ уже чуждаются самихъ себя и своихъ родителей; они понимаютъ это не умомъ, а внутреннимъ чувствомъ. Разъ религіозность, эта внутренняя жизнь въ Богѣ и съ Богомъ во всѣхъ обстоятельствахъ и положеніяхъ жизни и человѣческой души, не возрастетъ такимъ образомъ съ малолѣтства вмѣстѣ съ человекомъ, то въ послѣдствіи ей въ высшей степени трудно будетъ расцвѣсть полнымъ, мощнымъ цвѣтомъ, тогда какъ укоренившееся и взлелѣянное религіозное чувство преодолѣетъ всякія житейская бури и невзгоды. Вотъ каковы плоды ранняго родительскаго религіознаго примѣра, хотя бы намъ и казалось, что ребенокъ не можетъ ихъ или замѣтить или воспринять въ себя! Такое же дѣйствіе имѣютъ и вездѣ живые родительскіе примѣры.

Но не только само по себѣ для развитія божественнаго и религіознаго въ человекѣ, и для общаго его развитія крайне важно, чтобы его развитіе по с т о я н н о исходило изъ

одного пункта и познавалось и разсматривалось всегда, какъ постоянно идущее впередъ. Поэтому чрезвычайно вредно для развитія человекѣ, тормозить и даже уничтожаетъ его, если мы среди постоянно идущаго впередъ ряда человѣческихъ годовъ развитія будемъ ставить такія рѣзкія границы и предѣльныя рамки, что постоянно идущее впередъ, стоящее въ живой связи, живыя границы совершенно исчезаетъ изъ сферы наблюденія. Поэтому чрезвычайно было бы вредно, если ступени человѣческаго развитія: младенецъ — отрокъ — мальчикъ, дѣвочка — юноша, дѣвушка — мужъ, жена — старикъ, пожилая женщина были бы дѣйствительно раздѣлены, а не совершались бы такъ, какъ это бываетъ въ дѣйствительной жизни, переходя безъ пробѣловъ, другъ въ друга, постоянно идя впередъ, но отрокъ и мальчикъ представляли бы совершенно другое, нежели юноша и мужъ, и разсматривались бы какъ нѣчто до такой степени отдѣльное, что общія свойства человекѣ едва-едва слабо проглядывали бы для понятія, ума и слова и совсѣмъ не выступали бы въ жизни и для жизни. И все-таки такъ бываетъ въ дѣйствительности, если взглядѣться въ обыденную рѣчь и жизнь, какъ она здѣсь проявляется и бываетъ; дитя и мальчикъ совершенно отдѣляются другъ отъ друга; въ особенности послѣднія ступени говорятъ о раннихъ, какъ о чемъ-то совершенно чуждомъ, совершенно отличномъ отъ нихъ: взрослый ребенокъ уже не видитъ въ себѣ ребенка малолѣтняго и въ малолѣтнемъ взрослому ребенку; юноша не видитъ въ себѣ уже взрослому и малолѣтняго ребенка и въ этихъ двухъ не видитъ юноши, гордо игнорируя ихъ, смотря только впередъ, черезъ нихъ. Но вреднѣе всего то, что мужчина не видитъ уже ни грудного, ни малолѣтняго, ни взрослому ребенка, ни юноши, не видитъ вообще раннихъ ступеней развитія, а въ нихъ не находитъ и не видитъ себя самого, но, напротивъ, говорить о ребенкѣ, отрокѣ в юношѣ, какъ о существахъ совершенно особаго рода, съ совершенно особыми натурами и задатками.

Это раздѣльное противопоставлено, это столь рѣзкое разграниченіе, имѣющее свое основаніе въ постоянно прогрессирующемъ невниманіи къ развитію и въ недостаточномъ на-

блюденіи личной жизни влечет за собою страшную бѣду — разстройство и задержку развитія и образованія рода чело-вѣческаго, которыя можно лишь отмѣтить, но не говорить о нихъ подробно.

И только рѣдкая внутренняя сила бываетъ въ состояніи перешагнуть границы, поставленныя лицами, воздействующи-ми извнѣ, при чемъ такая побѣда достигается лишь насиль-ственнымъ скачкомъ, насильственнымъ поступкомъ, уничто-жающимъ, по крайней мѣрѣ, нарушающимъ и тормозящимъ другія стороны развитія. Поэтому всѣ проявленія жизни че-ловека, у котораго это было на какой-нибудь ступени, со-храняють на всю жизнь нѣкоторый насильственный отпе-чатокъ.

Какъ было бы во всѣхъ отношеніяхъ хорошо, если бы родители смотрѣли на ребенка въ отношеніи ко всѣмъ чело-вѣческимъ ступенямъ возраста и развитія, не перепрыгивая черезъ нѣкоторыя и не игнорируя имъ совершенно; если бы они въ особенности обращали вниманіе на то, чтобы ка-ждое мощное и совершенное развитіе каждой послѣдующей ступени основывалось на мощ-номъ, совершенномъ и своеобразномъ разви-тіи всѣхъ вмѣстѣ и каждой въ отдѣльности предшествующихъ ступеней жизни. Это-то въ осо-бенности такъ легко забывается родителями, такъ часто оста-вляется ими втуне; такъ, они считаютъ чело-вѣка отрокомъ, разъ онъ достигъ отроческаго возраста, такъ, они считаютъ его юношей или взрослымъ чело-вѣкомъ, разъ онъ достигъ юности или возмужалости; но такъ же, какъ отрокъ стано-вится отрокомъ, а юноша — юношей не оттого, что онъ до-стигъ отроческаго или юношескаго возраста, но оттого, что онъ въ первомъ случаѣ пережилъ дѣтство, а во второмъ юность въ согласіи съ требованіями своего духа, своей ду-ши и своего тѣла; точно такъ же возмужалый чело-вѣкъ ста-новится возмужалымъ не благодаря соотвѣтствующему воз-расту, но лишь благодаря тому, что имъ вѣрно исполнены требованія ступеней его дѣтства, отрочества и юности. Ро-дители, въ другихъ отношеніяхъ такіе внимательные и серь-

езные, требуютъ, чтобы ребенокъ не только уже показывалъ себя отрокомъ и юношей, но въ особенности, чтобы отрокъ показывалъ себя, по меньшей мѣрѣ, взрослымъ чело-вѣкомъ, чтобы онъ былъ подобенъ послѣднему во всѣхъ своихъ про-явленіяхъ и, такимъ образомъ, чтобы онъ какъ бы переско-чилъ ступени отрочества и юности. Совсѣмъ иное дѣло пред-видѣть и уважать въ ребенкѣ и отрокѣ будущаго юношу и мужа въ зародышѣ, въ ихъ задаткахъ и очертаніяхъ, и совсѣмъ иное дѣло уже видѣть въ немъ взросло-го чело-вѣка и обходиться съ нимъ, какъ съ таковымъ, требовать отъ ребенка и отрока, чтобы онъ показывалъ себя, чтобы онъ чув-ствовалъ и думалъ, поступалъ, какъ юноша или взрослый чело-вѣкъ. Родители, требующіе этого, совершенно забываютъ то, что они почти всегда только благодаря тому и постольку сдѣлались хорошими родителями и хорошими людьми, посколь-ку они переживали въ разныхъ отношеніяхъ предшествую-щія ступени въ согласіи съ характеромъ послѣднихъ, тѣ ступени, которыя ихъ ребенокъ, по ихъ требованію, долженъ перепрыгивать.

Такой взглядъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ игнорированіе пред-шествующихъ, а въ особенности самыхъ раннихъ ступеней развитія въ отношеніи къ позднѣйшимъ ставятъ на пути будущему учителю и воспитателю едва устранимыя затруд-ненія, ибо разъ поставленный такимъ образомъ отрокъ те-перь уже думаетъ, что каждое прохожденіе ранней ступени развитія легко можетъ быть обойдено, и тогда на ученіе дѣйствуетъ въ высшей степени пагубнымъ и особенно раз-слабляющимъ образомъ, если ученику рано указывается цѣль для подражанія и стремленій, цѣль чуждая, стоящая внѣ его; такъ, напримѣръ, образованіе для какой-нибудь дол-жности, для какого-нибудь круга дѣятельности. Ребенокъ, отрокъ, взрослый мужчина вообще не должны имѣть ника-кого иного стремленія, кромѣ того, чтобы быть на каждой ступени совершенно тѣмъ, чего требуетъ эта ступень, за-тѣмъ каждая слѣдующая ступень разовьется уже, какъ но-вый отпрыскъ изъ здоровой почки при одинаковомъ стремле-ніи къ совершенству, чтобы снова сдѣлаться тѣмъ, чего требу-

еть эта ступень, ибо только удовлетворительное развитие чело́вѣка на предшествующей ранней ступени порождаетъ вполне удовлетворительное развитие каждой послѣдующей, позднѣйшей ступени.

Это въ особенности важно имѣть въ виду въ отношеніи къ развитію и выработкѣ чело́вѣческой дѣятельности для воспроизведенія внѣшнихъ продуктовъ, для подготовки къ ремесленной дѣятельности и къ трудолюбію.

Чело́вѣкъ имѣетъ въ настоящее время, обыкновенно, совершенно ложное внѣшнее понятіе о работѣ и трудолюбіи, о дѣятельности для внѣшнихъ результатовъ о профессиональной дѣятельности и поэтому это понятіе — безсодержательное, внѣшнее, не пробуждающее и не питающее жизни, не носящее въ себѣ даже зародыша жизни и стало-быть обременяющее, подавляющее, унижающее, задерживающее и мертвящее.

Богъ дѣйствуетъ и творитъ непрерывно; каждая мысль Божья — трудъ, дѣло, произведеніе, и каждая мысль Бога вѣковѣчно дѣйствуетъ, порождая и изображая съ творческою силою, бесконечно творя и дѣйствуя; кто этого не замѣчаетъ, пусть взглянетъ на Иисуса Христа въ его жизни и поступкахъ, пусть онъ взглянетъ, — если только онъ дѣйствительно живетъ, на свои собственные поступки и жизнь. Духъ Божій парилъ надъ безформеннымъ, безобразнымъ и двигалъ имъ, и камни и растенія, животныя и люди получали форму, образъ, существованіе и жизнь. Богъ создалъ чело́вѣка по своему подобію и образу: вотъ почему чело́вѣкъ долженъ поступать и творить подобно Богу. Духъ чело́вѣка долженъ парить надъ безформеннымъ и безобразнымъ и двигать имъ, чтобы изъ него вышли образъ и форма, существованіе и жизнь. Вотъ — глубокой смыслъ и высокое значеніе, величайшая цѣль работы и трудолюбія, дѣйствія и творчества. Рвеніемъ и трудолюбіемъ, поступками и поведеніемъ, сопровождаемыми свѣтлою мыслью или хотя бы только малѣйшимъ чаяніемъ, даже однимъ лишь непосредственнымъ живымъ чутьемъ, что мы такимъ образомъ, внутреннее выражаемъ наружно, — мы придаемъ духовному — плоть, помысламъ —

образъ, невидимому — видимость, вѣчному, живущему въ духѣ — внѣшнее, конечное и преходящее бытіе: вотъ чѣмъ мы по истинѣ уподобляемся Богу, а благодаря богоподобію мы все болѣе и болѣе восходимъ къ истинному богопознанію, къ уразумѣнію сущности Божьей, и такимъ образомъ Богъ все ближе становится къ намъ и наружно и внутренне. Поэтому Христосъ и въ этомъ отношеніи высказываетъ такую вечную истину: «нищихъ духомъ есть царство небесное», если бы они только вдумывались и познавали, если бы они упражнялись прилежаніемъ, трудолюбіемъ, поступками и творчествомъ. Царство небесное принадлежитъ также и дѣтямъ; ибо они съ дѣтской довѣрчивостью, если только ихъ не сбила съ толку мудрость не по разуму и суемудріе взрослыхъ, охотно отдаются дѣйствующему въ нихъ инстинкту творчества и дѣятельности.

Унизительна, едва терпима, но не позволительна для дальнѣйшаго распространенія безумная мысль, мысль, будто чело́вѣкъ дѣйствуетъ, работаетъ и творитъ лишь затѣмъ, чтобы поддерживать свое бренное тѣло, чтобы добывать себѣ пропитаніе, кровь и одѣяніе; нѣтъ! — чело́вѣкъ искони творитъ собственно только для того, чтобы лежащее въ немъ духовное, божественное начало выразилось во внѣ, и чтобы онъ такимъ образомъ позналъ свою собственную, божественную сущность и сущность Бога. Получаемые имъ при этомъ пища, кровь, пропитаніе являются излишкомъ, незначительнымъ придаткомъ. Вотъ почему говоритъ Христосъ: «Ищите прежде царствія Божія», т.-е. изображенія божественнаго въ вашей жизни и черезъ вашу жизнь, тогда остальное все, въ чемъ нуждается конечная жизнь, дастся вамъ уже само собою. Поэтому говоритъ Христосъ: «Пища Моя творитъ волю Божію, творитъ и дѣлать то, что и какъ возложилъ на Меня Богъ». Поэтому полевья лиліи, которыя, по чело́вѣческому возрѣнію, не работаютъ, одѣваются Богомъ великолѣпнѣе, нежели одѣвался Соломонъ во всемъ своемъ великолѣпнѣи. Ибо развѣ лилія не даетъ своихъ листьевъ и цвѣтовъ, не возвѣщаетъ всѣмъ своимъ видомъ Бога, не представляетъ Его сущности? Птицы небесныя,

онѣ, вѣдь, по человѣческому воззрѣнію, не сѣютъ, не работаютъ, но развѣ онѣ не представляютъ всѣми своими поступками, когда онѣ поютъ, когда онѣ вьютъ гнѣзда, въ сотняхъ и тысячахъ различныхъ своихъ поступкахъ духъ и жизнь, которую вложилъ въ нихъ Богъ? Вотъ почему питаетъ и поддерживаетъ ихъ Богъ. Поэтому пусть человѣкъ учится отъ полевыхъ лилій и отъ птицъ небесныхъ всегда проявлять во внѣ заложенную въ него сущность своими дѣлами и поступками такимъ образомъ, какъ этого требуютъ мѣсто и время, положеніе и профессія — какъ бы она ни была мала и незамѣтна или велика и значительна; и затѣмъ касательно своего содержанія онъ долженъ быть увѣренъ, что Богъ укажетъ ему для этого сотни путей, что онъ при приложеніи своихъ духовныхъ силъ найдетъ въ себѣ и внѣ себя всякій разъ навѣрное одно средство, одинъ путь, и даже болѣе, разъ только идетъ вопросъ не объ одномъ удовлетвореніи его земныхъ потребностей. И если бы внѣшнимъ образомъ исчезло все, то и тогда не только не убывала бы, но, напротивъ, еще болѣе возрасла бы божественная сила, которая помогла бы ему терпѣливо мириться съ недостатками.

Но такъ какъ всѣ духовныя созданія, какъ конечныя явленія, обусловливаютъ извѣстную послѣдовательность во времени, извѣстный постепенный распорядокъ, то отсюда съ роковою послѣдовательностью вытекаетъ, что разъ человѣкъ въ какое бы то ни было время своей жизни, близкое или отдаленное, раннее или позднее, не воспроизвелъ во-внѣ своей силы, какъ силы божественной, и не примѣнилъ ея къ дѣлу, или, по крайней мѣрѣ, не развилъ ея для дѣла и труда, то никогда ему не удастся то, что ему удалось бы, если бы онъ всегда былъ вѣренъ своему призванію, употребленію своихъ силъ, какъ божественной силы; ибо согласно земнымъ и міровымъ законамъ, подъ властью которыхъ мы живемъ, должно наступить время, въ которое должно будетъ сказаться послѣдствіе этой забытой дѣятельности; разъ не было самой дѣятельности, какъ можно ждать какихъ-либо послѣдствій? — При этомъ обнаруживающемся въ свое

время недостатокъ человѣку ничего не остается, кромѣ того чтобы проявить вторую сторону своей духовной силы, силы отреченія и терпѣнія, и такимъ образомъ устранить самый недостатокъ, и дѣйствовать самымъ рьянымъ образомъ, дѣятельностью ради будущаго избѣгнуть всякаго подобнаго недостатка.

Поэтому-то такъ важно двойное основаніе, двойное, сугубое требованіе, внутреннее и внѣшнее (и такъ какъ послѣднее включаетъ въ себѣ и первое), въ высшей степени важное, вѣчное, чтобы появившійся на свѣтъ, зарождающійся и растущій человѣкъ рано развивался къ дѣятельности, для внѣшней дѣятельности, для труда, и этого требуетъ также сама по себѣ и природа человѣка. Дѣятельность физическихъ чувствъ и членовъ грудного ребенка есть первый зародышъ, первая физическая дѣятельность, почка, первый позывъ къ образованію; игра, постройки суть первые нѣжные цвѣты юности, и это является тою порою, въ которую человѣкъ долженъ быть подготовленъ для будущаго труда, прилежанія и производительности. Ни одинъ ребенокъ, а позднѣе ни одинъ отрокъ или юноша, какого бы сословія или положенія онъ ни былъ, не долженъ существовать, чтобы по меньшей мѣрѣ, хотя бы часъ-два не посвящать себя серьезной дѣятельности для производства опредѣленныхъ внѣшнихъ произведеній. Дѣти, люди вообще въ настоящее время черезчуръ много занимаются безформеннымъ и безобразнымъ ¹⁾, и слишкомъ мало работой, хотя ученіе посредствомъ работы во время нея, посредствомъ жизни всего вразумительнѣе и понятнѣе, плодотворнѣе и само по себѣ и для того, кто имъ занимается. Дѣти и родители, къ своей собственной величайшей невыгодѣ, пренебрежительно относятся къ дѣятельности труда самого по себѣ и настолько игнорируютъ при этомъ свое будущее положеніе, что воспитательныя и учебныя заведенія должны сдѣлать свою важнѣйшую задачу направлять ихъ въ этомъ отношеніи на настоящій путь.

---

1) Т.-е. умственными интересами. Прим. пер.

Современное домашнее, а равно и школьное воспитание поддерживаетъ въ дѣтяхъ физическую вялость и лѣность; масса человѣческой силы остается при этомъ неразвиту, пропадаетъ! Въ высшей степени было бы полезно, кромѣ часовъ, посвящаемыхъ научнымъ занятіямъ, ввести уроки ручного труда, и къ этому еще люди придутъ въ свое время; ибо человѣкъ, благодаря употребленію своей человѣческой силы до сихъ поръ незначительному и только обусловленному внѣшними соображеніями, утратилъ ея внутреннюю и внѣшнюю мѣру и черезъ это значеніе, смыслъ и достоинство, а также вѣрную оцѣнку ея.

Какъ крайне важно раннее образованіе для религіи, точно такъ же крайне важно раннее образованіе для истинной производительности, для трудолюбія. Ранній трудъ, руководимый подобно его внутреннему значенію, укрѣпляетъ и возвышаетъ религію. Религія безъ труда, безъ дѣятельности рискуетъ превратиться въ пустыя грѣзы, въ ничтожную мечту, въ бессодержательный призракъ, равно какъ и трудъ, дѣятельность безъ религіи дѣлаетъ человѣка вычнымъ животнымъ, машиной. Трудъ и религія одновременны, какъ самъ отъ вѣчности творившій вѣчный Богъ. Если бы это было признано, если бы люди были проникнуты этой истиной, если бы люди согласно ей поступали и дѣйствовали, до какой степени поднялся бы тогда родъ человѣческой!

Но человѣческая сила (способности) должна развиваться, образоваться, дѣйствовать, не только покоясь въ себѣ самой въ видѣ религіи и религіозности, не только проявляясь во внѣ въ видѣ труда и производительности, — но и какъ воздержаніе, умѣренность и бережливость. Это чрезвычайно важно дать понять человѣку, еще не вполне отчужденному отъ самого себя? — Тамъ, гдѣ эта собственно нераздѣльная, стоящая во внутренней связи троица, религія, трудолюбіе и умѣренность дѣйствуетъ въ истинно перво-бытной гармоніи, тамъ земной рай, тамъ — миръ, отрада, благодать, милость и благословеніе!

Пусть такимъ образомъ въ ребенкѣ видятъ человѣка,

т.-е. цѣлое, а въ дѣтствѣ пусть видятъ такъ же сразу и дѣтство человѣчества и человѣка, пусть такимъ образомъ и въ ребенкѣ видятъ всю будущую дѣятельность человѣка. Отсюда слѣдуетъ: человѣкъ, чтобы совершенно развить себя, какъ человѣка, и въ себѣ человѣчество, уже въ дѣтствѣ долженъ быть разсматриваемъ въ совокупности земныхъ отношеній, какъ цѣльная единица. Но такъ какъ всякое единство проявляется во-внѣ въ отдѣльныхъ явленіяхъ, а всякая всесторонность въ послѣдовательныхъ проявленіяхъ обуславливаетъ извѣстную послѣдовательную законмѣрность, то и міръ и жизнь развиваются въ ребенкѣ, какъ отдѣльныя явленія и въ извѣстной послѣдовательности; поэтому и силы, задатки, дѣятельность членовъ и физическихъ чувствъ человѣка должны развиваться въ необходимой послѣдовательности, въ которой они представляются сами въ ребенкѣ.

I. Грудной ребенокъ.

Для появившагося человѣка, для ребенка, внѣшній міръ, который, хотя и состоитъ все изъ тѣхъ же предметовъ и изъ той же разчлененности, выступаетъ изъ своего ничто прежде всего въ туманной, безобразной неясности, въ хаотическомъ безпорядкѣ, сливая въ одно и ребенка и внѣшній міръ, да и самые предметы выступаютъ для него изъ этого ничто, изъ этого тумана главнымъ образомъ благодаря раннему вмѣшательству слова со стороны родителей, со стороны матери по преимуществу, сначала раздѣляющаго ребенка и внѣшній міръ, а затѣмъ снова соединяющаго ихъ во-едино, — сначала въ отдѣльныхъ и рѣдкихъ случаяхъ, и, наконецъ, все разнообразіе и чаще, въ замкнутой твердой опредѣленности и такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, человѣкъ, ребенокъ, выступаетъ для самого себя, какъ вполне опредѣленный предметъ, стоящій совершенно особнякомъ отъ всего остального.

Такимъ образомъ въ душѣ и умѣ, въ исторіи духовнаго развитія, въ исторіи сознанія человѣка, въ каждомъ ребенкѣ, въ опытѣ каждаго ребенка, отъ его появленія на землѣ повторяется исторія развитія и созданія всѣхъ вещей, какъ намъ ее передають священныя книги, вплоть до тѣхъ поръ, когда появляется человѣкъ въ раю, въ открытой для ребенка прекрасной природѣ и отыскиваетъ самого себя; точно такъ же позднѣе въ каждомъ ребенкѣ по существу повторяется тотъ же самый процессъ, съ котораго начинается нравственное человѣческое освобожденіе. разумность, какъ съ него началось нравственное человѣческое освобожденіе, разумность всего человѣческаго рода и какъ оно должно было начаться у человѣческаго рода, созданнаго для свободы. Все это, весь историческій процессъ развитія рода человѣческаго вплоть до того пункта, на которомъ онъ стоитъ въ настоящее время, или вплоть до любого опредѣленнаго пункта, дается разсмотрѣть каждому человѣку, въ особенности же человѣку, внимательно относящемуся къ своему развитію. Поэтому-то каждый человѣкъ долженъ съ самыхъ раннихъ поръ всегда познавать и цѣнить свою жизнь и жизнь своего ближняго, какъ устойчивое цѣлое, развивающееся по божественнымъ законамъ. Только такимъ образомъ понимаетъ человѣкъ исторію, исторію развитія человечества, равно какъ самого себя, исторію и явленія, факты своего собственнаго развитія, исторію своего собственнаго сердца, души, ума, только такимъ образомъ понимаетъ онъ другихъ, только такимъ образомъ понимаютъ родители, мать и отецъ, своего ребенка.

Дѣлать внѣшнимъ внутреннее, а внѣшнее внутреннимъ, находитъ между ними единство, вотъ — та общая внѣшняя форма, въ которой высказывается назначеніе человѣка; поэтому-то каждый внѣшній предметъ какъ бы приступаетъ къ человѣку съ требованіемъ, чтобы послѣдній позналъ его въ его сущности и въ его отношеніяхъ къ другимъ предметамъ для этого человѣкъ обладаетъ физическими чувствами, т.-е. орудіями, посредствомъ которыхъ онъ удовлетворяетъ этому требованію.

Но каждая вещь и каждая сущность, все познается лишь постольку, поскольку оно сопоставляется съ однороднымъ противоположнымъ предметомъ и поскольку отыскиваются общія съ нимъ единство, гармонія и равенство, и познаніе совершается тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ совершеннѣе происходитъ соединеніе съ противоположнымъ и отыскиваніе общихъ свойствъ.

Предметы внѣшняго міра представляются, смотря по обстоятельствамъ, то въ болѣе твердомъ, то въ болѣе жидкомъ, или въ болѣе газообразномъ состояніи. Согласно съ этимъ человѣкъ и одаренъ чувствами для воспріятія твердаго, жидкаго и газообразнаго.

Но вѣдь каждый предметъ, въ свою очередь, является или въ спокойномъ состояніи или въ состояніи движенія. Согласно съ этимъ каждое изъ этихъ физическихъ чувствъ въ свою очередь подраздѣляется на два совершенно различныхъ органа, изъ которыхъ одинъ имѣетъ дѣло главнымъ образомъ съ познаваніемъ предметовъ, находящихся въ спокойномъ состояніи, а другой, напротивъ, — съ предметами, находящимися въ состояніи движенія; такимъ образомъ чувствомъ для воспріятія газообразнаго надѣлены органы слуха и зрѣнія; чувствомъ для воспріятія жидкаго надѣлены органы вкуса и обонянія, и чувствомъ для воспріятія твердаго — органы чувствованія и осязанія.

Согласно закону познаванія вещей посредствомъ противоположнаго развивается уже въ ребенкѣ чувство слуха, слухъ, и только впослѣдствіи развивается чувство зрѣнія, зрѣніе, руководимое, обусловленное и вызванное послѣднимъ; благодаря такому развитію этихъ обоихъ чувствъ только и становится возможнымъ для родителей и окружающихъ соединять предметы съ ихъ противоположностью, съ словомъ, а потомъ съ знакомъ, тѣснѣйшимъ образомъ, какъ бы во-едино, въ одно неразрывное цѣлое, и такимъ образомъ привести ребенка къ созерцанію, а потомъ къ познанію предметовъ.

По мѣрѣ развитія физическихъ чувствъ въ ребенкѣ равномѣрно и одновременно развивается способность

распоряжаться своимъ тѣломъ, его членами и при томъ опять въ послѣдовательности, обусловленной ихъ природою и свойствами предметовъ физическаго міра.

Предметы внѣшняго міра бываютъ сами или болѣе близки, спокойны, и поэтому какъ бы сами уже требуютъ спокойствія, или же они бываютъ болѣе подвижными, неустойчивыми и, какъ таковыя, требуютъ, чтобы ихъ удержали, схватили, поймали; или же они, такъ сказать, прикрѣплены къ твердымъ, удаленнымъ мѣстамъ и пространствамъ и вслѣдствіе этого побуждаютъ того, кто хотѣлъ бы ихъ приблизить къ себѣ, хотя бы уже благодаря одной своей отдаленности, какъ вышеупомянутые, благодаря своимъ движеніямъ, подвинуть себя къ нимъ или ихъ къ себѣ. Такимъ образомъ развивается употребленіе членовъ (сноровка) для сидѣнія и лежанія, для обниманія и схватыванія, для хожденія и прыганья. Стояніе есть цѣльная и притомъ самая совершенная совокупность всякихъ навыковъ тѣла и его членовъ: это — нахожденіе центра тяжести для тѣла. Физическое стояніе для этой ступени такъ же важно, какъ была важна для ранней ступени улыбка, это физическое самонахожденіе, такъ же важно, и какъ важна нравственно-религіозная устойчивость для послѣдней ступени человѣческаго развитія.

На этой ступени развитія для появившагося, складывающагося человѣка главнымъ образомъ дѣло идетъ о пользованіи своимъ тѣломъ, своими чувствами, своими членами, только о пользованіи и примѣненіи, объ упражненіи, а не о томъ, что проистекаетъ изъ этого пользованія тѣломъ, чувствами и членами; послѣднее для него совершенно безразлично или, точнѣе, объ этомъ онъ ничего еще вовсе не предчувствуетъ; отсюда начинающаяся на этой ступени игра ребенка со своими членами, со своими ручками, пальцами, со своими губами, языкомъ, со своими ножками, а также со своими глазами и выраженіемъ лица.

Въ основѣ этой игры выраженіемъ лица и членами въ движеніяхъ лица и тѣла, вначалѣ вовсе, какъ было только что сказано, не лежитъ никакого изображенія внутренняго съ помощію внѣшняго, и это изображеніе выступаетъ соб-

ственно лишь на слѣдующей ступени развитія; но эти игры въ качествѣ дѣтскихъ проявленій суть какъ бы первое важное предостереженіе, чтобы ребенокъ не привыкалъ къ движеніямъ тѣла и въ особенности лица безъ всякаго внутренняго основанія, на примѣръ, къ движеніямъ глазъ и рта и чтобы такимъ образомъ онъ не могъ рано вкоренить въ себѣ разладъ, расколъ между чувствами и ихъ внѣшнимъ выраженіемъ, между духомъ и тѣломъ, между внутреннимъ и внѣшнимъ, который ведетъ или къ лицемѣрью или къ тому, что тѣло усвоиваетъ движенія и манеры, которыя впослѣдствіи уже вовсе не подчиняются силѣ воли, не исчезаютъ болѣе никогда и сопровождаютъ человѣка, какъ маска, на протяженіи всей жизни.

Поэтому дѣти съ раннихъ поръ не должны никогда слишкомъ долго предоставляться себѣ самимъ ни въ кровати, ни въ колыбели безъ какого-нибудь предмета для занятія внѣ ихъ самихъ, — сверхъ всего и ради того, чтобы избѣжать тѣлесной изнѣженности; ибо послѣдняя порождаетъ и обуславливаетъ роковымъ образомъ и духовную изнѣженность и слабость. А чтобы избѣжать послѣдняго, постель дѣтей нужно дѣлать возможно раньше, съ самаго начала не очень мягкой; она должна приготовляться изъ сѣна, изъ морской травы, изъ тонкой соломы, изъ мякины или, въ крайнемъ случаѣ, изъ щетины, но никогда не изъ перьевъ; равнымъ образомъ и одѣяло ребенка во время сна должно быть довольно легкимъ, доступнымъ для вліянія свѣжаго воздуха.

Для того, чтобы избѣгнуть первой опасности, т.-е. предоставленія самому себѣ передъ засыпаніемъ или послѣ пробужденія на постели, очень цѣлесообразно повѣсить передъ колыбелью качающуюся клѣтку съ веселой птичкой; это приковываетъ дѣятельность физическихъ чувствъ и ума ребенка и даете послѣдному многостороннюю пищу.

II. Ребенокъ.

Вмѣстѣ съ развитою дѣятельностью чувства, тѣла и членовъ, когда ребенокъ начинаетъ самостоятельно изображать внутреннее внѣшнимъ образомъ, прекращается младенческая ступень человѣческаго развитія и начинается дѣтская ступень. До этой ступени внутренній міръ человѣка представляетъ нерасчлененное, лишенное разнообразія цѣлое. Съ вмѣшательствомъ языка начинается внѣшнее проявленіе и изображеніе внутренняго міра человѣка, начинается расчлененіе, начинается разнообразіе во внутреннемъ мірѣ человѣка, разнообразіе, обусловленное въ своихъ отношеніяхъ средствами и цѣлью; внутренній міръ человѣка расчленяется, разламывается и стремится дать себѣ внѣшнее выраженіе; человѣкъ стремится собственной самодѣятельной силой представить и изобразить свой внутренній міръ на твердомъ и посредствомъ твердаго, и это самодѣятельное, самостоятельное развитіе человѣка, это самодѣятельное изображеніе внутренняго міра посредствомъ своей собственной силы въ твердомъ заключается также всецѣло въ словѣ обозначающемъ эту ступень человѣческаго развитія «Kind, — K-in-d».

Такимъ образомъ со ступени дѣтства, съ этой ступени проявленія во внѣшнемъ и черезъ внѣшнее внутренняго и исканія и стремленія къ единенію обоихъ, согласно соединяющему то и другое единству, начинается собственное воспитаніе человѣка посредствомъ, правда, уменьшеннаго физическаго ухода, но зато посредствомъ усиленнаго умственнаго ухода и надзора. Но человѣкъ, т.е. воспитаніе человѣка на этой ступени все еще предоставлено матери, отцу, семьѣ, тѣмъ, съ кѣмъ онъ черезъ природу и сообразно законамъ природы составляетъ нераздѣльное цѣлое, ибо средство изображенія, языкъ, разсматривается лишь постольку, поскольку онъ слышится, языкъ на этой ступени — еще нѣчто, совершенно нераздѣльное отъ человѣка; человѣкъ даже не различаетъ его, какъ нѣчто свое

собственное, языкъ составляетъ съ нимъ одно цѣлое, какъ его рука, его языкъ (органъ), при чемъ самъ онъ ничего не знаетъ о немъ.

Хотя между различными степенями образованія и развитія человѣка, кромѣ необходимаго порядка ихъ явленія, по которому раннее всегда является сравнительно важнѣйшимъ, — нельзя установить въ отношеніи ихъ большей или меньшей важности никакого распорядка, мы все-таки должны сказать, что всякая ступень одинаково важна на своемъ мѣстѣ и въ свое время, но все-таки данная ступень въ особенности важна, такъ какъ она заключаетъ въ себѣ развитіе перваго момента, имѣющаго связь и единеніе со средою и окружающимъ внѣшнимъ міромъ, первое ради уясненія и пониманія послѣднихъ, ради усвоенія ихъ внутренняго содержанія. Важна эта ступень потому, что она имѣетъ значеніе для развивающагося человѣка безразлично, представляется ли ему внѣшній міръ чѣмъ-то благороднымъ или неблагороднымъ, низкимъ, мертвымъ, или дѣломъ, созданнымъ только ради пользы, потребленія, уничтоженія, наслажденія другихъ, или является самостоятельною цѣлью, чѣмъ-то высшимъ и живымъ, какъ нѣчто духовное, божественное и одухотворенное; является ли онъ яснымъ или смутнымъ, облагораживающимъ ли и возвышающимъ или унижающимъ и гнетущимъ; видитъ ли и познаетъ человѣкъ вещь въ ея истинныхъ, или въ ея искаженныхъ отношеніяхъ. Поэтому на этой ступени ребенокъ долженъ все правильно и вѣрно разсматривать, равно какъ правильно, вѣрно, опредѣленно и чисто обозначать, какъ самые предметы, такъ и сущность и свойства ихъ. Онъ долженъ правильно обозначать отношенія предметовъ, какъ къ пространству и времени, такъ и другъ другу, каждое своимъ правильнымъ именемъ, словомъ, и каждое слово само по себѣ ясно и чисто со стороны своихъ составныхъ частей: тона, звука и окончанія. Но такъ какъ эта ступень развитія человѣка требуетъ, чтобы онъ, будучи ребенкомъ, все обозначалъ ясно, правильно и отчетливо, поэтому-то такъ необходимо, чтобы и ему представлялось все окружающее

ясно, правильно и отчетливо, чтобы онъ все видѣлъ и познавалъ также ясно, правильно и отчетливо; то и другое нераздѣльно и взаимно обуславливаете другъ друга. Но на этой ступени, такъ какъ языкъ еще составляетъ единое цѣлое съ говорящимъ человѣкомъ, и языкъ и словесныя выраженія для говорящаго ребенка совпадаютъ съ обозначаемымъ предметомъ, т.-е. онъ не можетъ различить слова и вещи, тѣла и духа, они для него все еще одно и то же. Это особенно видно изъ игръ и забавъ дѣтей въ это время; за этотъ періодъ ребенокъ охотно и много говоритъ во время игры. Игра и разговоръ — вотъ стихія, въ которой живетъ теперь ребенокъ, поэтому-то на этой ступени человѣческаго развитія и приписываетъ ребенокъ каждому предмету способность жить, ощущать и говорить, и относительно каждого предмета дитя думаетъ, что онъ обладаетъ слухомъ; и такъ какъ ребенокъ начинаетъ свой внутренній міръ изображать во-внѣ, то онъ предполагаетъ подобную же дѣятельность и во всемъ остальномъ, что окружаетъ этотъ міръ, будь это камень или кусокъ дерева, будь это растеніе, цвѣтокъ или животное.

И подобно тому какъ для ребенка на этой ступени развивается его жизнь сама по себѣ, т.-е. развивается его жизнь съ родителями и семьей, жизнь въ единеніи съ началомъ общимъ для него и для нихъ, началомъ высшимъ, невидимымъ, такъ точно развивается въ особенности его жизнь въ единеніи съ природой, какъ чѣмъ-то, ведущимъ однородную съ нимъ жизнь, какъ это онъ чувствуетъ въ себѣ самомъ, и, какъ главная основа всей дѣтской жизни въ это время, въ особенности должна быть культивируема родителями и членами семьи жизнь въ единеніи съ природой и съ ясными, тихими предметами природы; а это въ особенности легко достигается благодаря игрѣ, благодаря уходу за дѣтской игрой, которая вначалѣ есть только естественная жизнь.

Игра есть высшая ступень дѣтскаго развитія, развитія человѣка этого періода; вѣдь она есть произвольное изображеніе внутренняго міра, изображе-

ніе его по его собственной необходимости и потребности, что выражается улсе самымъ словомъ. Игра — самое чистое и самое духовное проявленіе человѣка на этой ступени, и въ то же время она является прообразомъ и копіей всей человѣческой жизни, внутренней, сокровенной естественной жизни какъ въ человѣкѣ, такъ и во всѣхъ вещахъ; поэтому игра порождаетъ радость, свободу, довольство, покой въ себѣ и около себя, миръ съ міромъ. Источники всего хорошаго лежатъ въ игрѣ и исходятъ изъ нея. Дитя, которое играетъ самодѣятельно, спокойно, настойчиво, даже до тѣлеснаго утомленія, непременно сдѣлается также способнымъ, спокойнымъ, настойчивымъ, самоотверженно радѣющимъ о чужомъ и собственномъ благѣ. Развѣ не представляетъ играющій ребенокъ лучшее проявленіе дѣтской жизни этого времени? — Или ребенокъ, открывшій въ игрѣ всю свою натуру и заснувшій посреди ея?

Игра этого времени, какъ было выше вскользь замѣчено, не есть пустая забава, она имѣетъ высокій смыслъ и глубокое значеніе; заботься о ней, развивай ее, мать! береги, охраняй ее, отецъ! Спокойному, проникательному взгляду истиннаго знатока людей въ самопроизвольно избранной игрѣ ребенка этого періода ясно видится его будущая внутренняя жизнь. Игры этого возраста суть какъ бы почки всей будущей жизни, потому что въ нихъ развивается и проявляется весь человѣкъ въ своихъ самыхъ тончайшихъ задаткахъ, въ своемъ внутреннемъ чувствѣ. Вся будущая жизнь человѣка вплоть до его самаго послѣдняго часа имѣетъ свой источникъ въ этомъ періодѣ жизни, и будетъ ли эта будущая жизнь ясною или мрачною, кроткою или кипучею, спокойною или бурною, производительною или бездѣятельною, богатою или бѣдною подвигами, глухо вдумчивою или ясно творческою, глухо удивляющеюся или ясно созерцающею, созидательною или разрушительною, приносящею согласіе или раздоръ, войну или миръ, его будущее отношеніе къ отцу и матери, къ семьѣ и своимъ братьямъ и сестрамъ, къ гражданскому обществу и къ людямъ, къ при-

родѣ и Богу будутъ зависѣть, согласно особеннымъ природнымъ задаткамъ ребенка, въ особенности отъ образа его жизни въ этомъ возрастѣ. Разъ жизнь ребенка сама по себѣ и въ единеніи съ собою и своими, въ природѣ и съ природою и съ Богомъ здѣсь еще покоится во всей своей цѣлости, то врядь ли ребенокъ знаетъ въ этомъ возрастѣ, дороже ли ему цвѣты, или своя собственаая радость по поводу нихъ, или та радость, которую онъ доставляетъ своей матери, своимъ родителямъ, когда онъ приноситъ или показываетъ ихъ имъ, или же смутное предчувствіе благого Творца. Кто можетъ разобрать эти радости, которыми такъ богатъ этотъ возрастъ? — Если ребенокъ въ этомъ возрастѣ бываетъ поврежденъ, или повреждены въ немъ зародыши его будущей жизни — тогда лишь съ величайшимъ трудомъ и огромнѣйшимъ усиліемъ дитя окрѣпнетъ для зрѣлой жизни, и на пути развитія и образованія къ ней лишь съ трудомъ, съ очень большимъ трудомъ уберется отъ уродства, — по меньшей мѣрѣ, отъ односторонности.

Чрезвычайно важны въ эти годы дѣтства выборъ и способъ питанія, не только для этихъ годовъ, такъ какъ ребенокъ вслѣдствіе своего питанія, вслѣдствіе своей пищи можетъ сдѣлаться лѣнивымъ или дѣятельнымъ, утомленнымъ или живымъ, вялымъ или расторопнымъ, слабымъ или сильнымъ — но и для всей будущей жизни; ибо впечатлѣнія, наклонности, желанія, даже самыя направленія жизни, направленія дѣятельности съ трудомъ поддаются измѣненію даже у человѣка, впредь ставшаго на свои ноги, они составляютъ одно цѣлое съ его физическимъ организмомъ, а вслѣдствіе этого и съ его духовною жизнью, по крайней мѣрѣ, съ жизнью ощущенія и чувства.

Поэтому первая пища ребенка послѣ молока матери должна быть простой и умеренной; она не должна быть ни утонченнѣе, ни изысканнѣе, нежели это необходимо, она не должна быть ни возбуждающей, ни жирной, ни острой благодаря примѣси пряностей, чтобы не ослабить дѣятельности внутреннихъ органовъ.

Родители и воспитатели всегда должны помнить общую

истину, изъ которой вытекаетъ каждое отдѣльное правило, помнить, что человѣкъ всегда бываетъ тѣмъ счастливѣе и сильнѣе, тѣмъ производительнѣе во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ проще и умереннѣе, чѣмъ сообразнѣе съ неискаженною человѣческою натурою были средства жизни и тѣлесныя потребности, въ которыхъ росъ этотъ человѣкъ въ дѣтскомъ возрастѣ. Кому не приходилось чуть ли не на каждомъ шагѣ замѣчать въ дѣтяхъ, черезчуръ избалованныхъ пряностями или неумѣренностью, наклонности самага низменнаго пошиба, отъ которыхъ они уже не могутъ долѣе избавиться; эти похоти, которыя, повидимому, и ушли куда-то далеко, но которыя лишь дремлютъ, при случаѣ возвращаются съ еще большею силою и отнимаютъ у человѣка все его достоинство и угрожаютъ отвлечь его отъ исполненія долга. Когда бы родители приняли во вниманіе, насколько благодаря этому страдаетъ не только будущее счастье исключительно личное, но даже и будущее счастье семьи и дома, даже гражданское благо, — они поступали бы тогда совсѣмъ иначе. Но, увы, здѣсь мы видимъ безразсудную мать, тамъ — легкомысленнаго отца, какъ они преподносятъ ядъ за ядомъ своимъ дѣтямъ во всѣхъ формахъ и видахъ, то грубый, то тонкій, тамъ вслѣдствіе подавляющей массы пищи, которую только предлагаютъ, никогда не позволяя тѣлу ребенка переработать его, даже часто лишь для того, чтобы прогнать скуку, терзающую незанятаго ребенка, здѣсь вслѣдствіе черезчуръ утонченнаго матеріала, который возбуждаетъ тѣлесную, физическую жизнь, безъ духовныхъ и истинныхъ условій жизни, и такимъ образомъ дѣйствуетъ на тѣло гибельнымъ и ослабляющимъ образомъ. Тамъ на физическую лѣность и вялость смотреть, какъ на отдыхъ, благотворно дѣйствующій на ребенка, а здѣсь физическую подвижность ребенка, независящую отъ духовнаго, истиннаго прилива жизни, но являющуюся слѣдствіемъ чрезмѣрнаго возбужденія отъ прямой пищи, этой настоящей отравы, считаютъ истиннымъ подспорьемъ жизни, истиннымъ ея прогрессомъ.

Проще, гораздо проще, нежели мы думаемъ, можемъ мы содѣйствовать основанію и устроенію благосостоянія, счастья

и спасенія рода человѣческаго; для этого средства у насъ подъ руками и при томъ средства легкія; но мы не замѣчаемъ ихъ; они у насъ передъ глазами, но мы не обращаемъ на нихъ вниманія; въ своей простотѣ, въ своей естественности къ его примѣнимости и близости они кажутся намъ слишкомъ ничтожными, мы презираемъ ихъ; мы ищемъ помощи гдѣ-то вдали, тогда какъ мы можемъ помочь себѣ только сами, мы одни. Поэтому-то впоследствии не хватаетъ половины нашего состоянія, даже всего нашего значительнаго состоянія, чтобы дать нашимъ дѣтямъ то, что мы при большей проницательности и при болѣе ясномъ взглядѣ на вещи должны были бы признать за лучшее для нихъ, чего теперь они вовсе не получаютъ или получаютъ не въ надлежащей чистотѣ и изобилии, и что досталось бы имъ какъ бы само собою, если бы мы въ пору ихъ дѣтства хотя только немножко болѣе обращали на нихъ вниманія, нѣтъ! нѣтъ! — что досталось бы имъ тогда легко, если бы мы раньше извели значительно меньше денегъ на ихъ физически уходъ.

О, если бы только каждой молодой, новобрачной четѣ можно было сообщить одинъ изъ печальныхъ опытовъ или фактовъ въ ихъ небольшомъ простомъ и незначительномъ на видъ основаніи и въ его послѣдствіяхъ непредвидѣнныхъ и способныхъ совершенно уничтожить всѣ хорошіе плоды позднѣйшаго воспитанія, къ которому воспитатель принужденъ теперь прибѣгать сотни разъ, и знаніе котораго почти не въ состояніи обезвредить эти дурныя вліянія въ послѣдующей жизни тѣхъ, у которыхъ онъ бы замѣтилъ ихъ; ибо кто не знаетъ всемогущества впечатлѣній въ молодости!

И, чтобы избѣгнуть здѣсь порочнаго и найти то, что нужно, нужно не забывать очень, очень простого: пища всегда должна служить цѣлямъ питанія и никогда ничему другому, никогда не должна пища быть цѣлью самостоятельною, но лишь средствомъ ради улучшенія физической и духовной дѣятельности; еще гораздо менѣе должны быть независимою цѣлью свойство пищи, ея вкусъ и изы-

сканность, но — лишь средствомъ, обусловленнымъ цѣлью дать хорошую, чистую и здоровую пищу; иначе и въ томъ и въ другомъ случаѣ пища дѣйствуетъ губительнымъ образомъ на здоровье. Поэтому пища ребенка должна быть самою простѣйшею, какую только могутъ дать условія, въ которыхъ приходится жить ребенку, и она должна даваться ему въ той степени, которая стоитъ въ одинаковомъ отношеніи и съ его физическою и съ его духовною дѣятельностью.

Но для того, чтобы человѣкъ, чтобы ребенокъ могъ въ это время совершенно свободно и безпрепятственно въ физическомъ и духовномъ отношеніи двигаться и играть, развиваться и образовываться, для этого нужно, чтобы и его платье не было ни тѣсно, ни узко, ни неудобно, потому что такое платье будетъ стѣснять, сжимать и угнетать также и духъ человѣка. Платье въ этомъ, какъ и въ послѣдующемъ возрастѣ не должно никоимъ образомъ рѣзать или жать тѣла; ибо то же дѣйствіе, какое они имѣютъ на тѣло, оно будетъ имѣть и на духъ, на душу ребенка, человѣка. Одежда, фасонъ, цвѣтъ, покрой платья никогда не должны быть самостоятельною цѣлью, иначе они способствуютъ тому, что ребенокъ рано перестаетъ быть самимъ собою, дѣлаютъ его тщеславнымъ и любящимъ показной блескъ, куклой, маріонеткой вмѣсто того, чтобы сдѣлать его человѣкомъ. Поэтому отнюдь не безразлично одѣяніе ни для ребенка, ни для будущаго человѣка, какъ оно было безразлично даже для самого Христа, и какъ одежда Христа была изъ одного цѣлаго куска безъ всякихъ швовъ, таковы же были и его жизнь и поступки, таково же его ученіе.

Такимъ образомъ пробужденіе и развитіе, возбужденіе общихъ силъ, общихъ задатковъ, и упражненіе всѣхъ членовъ и органовъ человѣка съ тою цѣлью, чтобы они были способны удовлетворять требованіямъ его задатковъ и силъ — вотъ предметъ и цѣль ухода за ребенкомъ со стороны матери и отца въ домашнемъ и семейномъ кругу. Безъ всякаго ученія, исключительно лишь руководясь своимъ инстинктомъ, дѣлаетъ это каждая простая мать; но это недостаточно,

и необходимо, чтобы она дѣлала это, какъ сознательное существо, дѣйствуя на существо, дѣлающеее сознательнымъ, содѣйствуя сознательно постоянному развитію человѣка, дѣйствуя такимъ образомъ въ цѣляхъ нѣкоторой внутренней живой, разумной связи (между ребенкомъ и человѣчествомъ). Поэтому женщина должна пріобрѣсть сознание о необходимости такой дѣятельности въ согласіи съ ея сущностью, значеніемъ и высокою связью. Конечно, этого могла бы достигнуть самая простѣйшая мать, и если бы она внимательно относилась къ своей задачѣ, она могла бы достигнуть этого вѣрнѣе и совершеннѣе и глубже; но къ совершенству человѣкъ идетъ, вѣдь, черезъ несовершенство. Пусть же все изложенное пробудитъ вѣрную и тихую, чувственную и разумную родительскую любовь и поможетъ намъ сознательно понять процессъ развитія въ нашемъ дѣтствѣ въ его цѣломъ видѣ.

«Дай ручку!» — «Куда ты спряталъ свои пальчики!» такъ старается образующая мать ознакомить ребенка съ много-различіемъ его тѣла и съ разнородностью его членовъ. — «Укуси свой пальчикъ!» Вотъ — вѣрный способъ, который, будучи направляемъ глубокимъ инстинктомъ умной и любящей матери, способенъ довести ребенка до сознанія, что существуютъ предметы отдѣльные и въ то же время стоящіе съ нимъ самимъ въ связи, и уже съ раннихъ поръ пріучить ребенка къ предстоящему ему впереди размышленію. Не менѣе важна мило-игривая, шуточная манера матери, практикуемая ею для того, чтобы познакомить ребенка съ тѣми частями тѣла, которыя не видны ребенку: съ носомъ, ушами, языкомъ и зубами. Мать тихонько тянетъ его за ухо или за носъ, какъ будто бы она хотѣла оторвать ихъ отъ головы, и говоритъ, показывая ему наполовину спрятанные концы пальцевъ: «Вотъ твое ушко, вотъ твой носикъ» — и ребенокъ быстро хватается за свой носикъ или ушко и, улыбаясь, радуется въ душѣ, что они оба стоятъ на своемъ мѣстѣ. Такой пріемъ является вначалѣ руководствомъ и средствомъ возбужденія для ребенка, чтобы онъ могъ когда-нибудь позна-

комиться со всѣмъ, даже съ тѣмъ, чего онъ снаружи не можетъ увидѣть и рассмотреть. Все это имѣетъ цѣлью привести ребенка постепенно съ раннихъ лѣтъ со временемъ къ сознанію самого себя, къ размышленію надъ самимъ собою. Одинъ десятилѣтній ребенокъ, переданный на воспитаніе, руководимый подобнымъ образомъ своимъ природнымъ чутьемъ, говорилъ однажды самъ себѣ, думая, что его никто не замѣчаетъ: «Рука моя — не я, ухо мое — тоже не я! — Я могу отдѣлить отъ себя всѣ мои члены и органы, и все-таки я остаюсь я; кто же собственно я, кто же, что есть собственно то, что я называю «я»? — Мать продолжаетъ дѣйствовать въ томъ же духѣ, когда она въ разговорѣ съ своимъ ребенкомъ говоритъ такія слова: «Покажи мнѣ твой язычекъ!» — «Покажи мнѣ твои зубки!» — «Укуси твоими зубками!» — и такимъ образомъ она научаетъ его употреблять свои члены. — «Всунь свою ножку»... въ чулокъ, въ башмакъ! «Ножка — здѣсь» ... въ чулкъ, въ башмакъ! Такимъ образомъ, мать, руководимая своимъ материнскимъ инстинктомъ и своею материнскою любовью, мало-по-малу приближаетъ къ ребенку его маленькій внѣшній мірокъ, идя отъ простого къ сложному, отъ ближайшаго къ дальнѣйшему, и когда она хочетъ такимъ же способомъ показать ребенку предметы сами по себѣ и въ ихъ пространственныхъ отношеніяхъ, то она показываетъ сначала ихъ свойства и при томъ естественнымъ образомъ сначала во время дѣйствія, а потомъ только въ ихъ спокойномъ состояніи: — «Огонь жжется», говоритъ она, приближая осторожно пальчики ребенка къ свѣчѣ, чтобы онъ могъ ощутить огонь, не обжегшись серьезно, и чтобы предостеречь его отъ невѣдомой ему еще опасности. Или — «Ножикъ колется», говоритъ заботливая мать, осторожно показывая кончикомъ ножа пальчикъ ребенка. «Супъ горячъ» — Позднѣе лишь говоритъ мать, какъ бы предполагая уже существованіе дѣйствующаго свойства или основанія для него: «Супъ горячъ, онъ жжется. Ножъ остеръ, колеть, имъ можно уколоться, обрѣзаться: не трогай его». Отъ понятія о дѣйствіи мать переходитъ

къ объясненію спокойной, постоянной причины, къ спокойному постоянному свойству острый, колючій; а позднѣе отъ понятія о спокойномъ свойствѣ къ понятію о дѣйствіи самомъ по себѣ («колоть, рѣзать»), не испытывая этого дѣйствія лично на себѣ. Далѣе мать знакомитъ ребенка съ его собственнымъ дѣйствіемъ сначала посредствомъ чувства, потомъ ужъ посредствомъ созерцанія дѣйствія самого по себѣ. Постоянно сопровождая свои дѣйствія словами, мать, ласково поучая своего ребенка, говоритъ, когда ему время кушать: «Открой ротикъ»; — когда [будетъ] умывать его: «Зажмурь глазки». — Или мать знакомитъ ребенка съ тѣмъ, зачѣмъ онъ дѣлаетъ тотъ или иной поступокъ; въ такомъ смыслѣ мать, напримѣръ, говоритъ, укладывая его въ постельку: «Спи, спи!» — Или поднося къ его губамъ ложку съ кушаньемъ: «Кушай, дѣточка!» — Или для того, чтобы обратить его вниманіе на вкусовые нервы, на отношеніе пищи къ тѣлу, она говоритъ: «Это вкусно». — Чтобы обратить вниманіе ребенка на запахъ цвѣтовъ, мать дѣлаетъ видъ, будто она чихаетъ, и говоритъ: «Какъ хорошо пахнетъ! Понюхай, милый!» Или, напротивъ, отворачиваетъ съ видомъ неудовольствія носъ и лицо отъ того цвѣтка, который она хочетъ удалить отъ ребенка. Такъ, всякая, даже самая простая мать, почти стыдятся, какъ бы непосвященные глаза не осквернили ея святилища, держась въ уединеніи съ своимъ любимцемъ, стремится самымъ естественнымъ образомъ всесторонне развить дѣятельность всѣхъ его чувствъ и членовъ.

Къ сожалѣнію, вслѣдствіе нашего суемудрія, мы теряемъ изъ виду эту естественную и самимъ Богомъ указанную точку отправленія всякаго человѣческаго развитія и стоимъ въ недоумѣніи, потерявъ и исходную и конечную точки, а стало быть и настоящій путь. Утративъ Бога и природу, мы идемъ за совѣтомъ къ человѣческой мудрости и къ человѣческому остроумію и строимъ лишь карточные домики, но тамъ нѣтъ мѣста для дѣятельности матери-природы, нѣтъ мѣста и для намѣченной Богомъ дѣятельности, и малѣйшее проявленіе натуры ребенка, которою руководитъ живой ин-

тересъ къ жизни, можетъ разрушить ихъ до основанія, если же они и устоятъ, то ребенокъ долженъ быть скованнымъ если не въ физическомъ, то въ духовномъ смыслѣ. Куда же мы пришли теперь въ своей бесѣдѣ? — Въ дѣтскую умныхъ на словахъ, такъ называемыхъ ученыхъ, которые врядъ ли вѣрятъ тому, что все, что лежитъ въ ребенкѣ, должно непременно быть развито съ самаго ранняго дѣтства, разъ мы хотимъ добиться изъ него какихъ-нибудь серьезныхъ результатовъ; еще того менѣе знаютъ они, что все, чѣмъ долженъ когда-нибудь сдѣлаться ребенокъ, если только оно имѣется въ немъ хотя бы въ незначительныхъ задаткахъ и если ему необходимо, чтобы оно проявилось во-внѣ, только благодаря тому выходитъ наружу, что оно развивается изъ него. Поэтому какъ все здѣсь (въ дѣтской) мертво, какъ холодно, какъ много здѣсь ненужнаго крику и шуму! — Но развѣ здѣсь нѣтъ матери?! Увы! Вѣдь, это — не комната матери, это — лишь дѣтская!..

Ахъ, пойдемъ опять скорѣе туда, гдѣ нѣтъ отдѣльныхъ комнатъ для матери и для дѣтей, но гдѣ мать и ребенокъ составляютъ еще одно цѣлое, гдѣ мать только съ неохотою разстается съ своимъ ребенкомъ и передаетъ его чужимъ; посмотримъ и послушаемъ, какъ знакомитъ она своего ребенка съ предметами въ ихъ движеніи: — «Слушай, какъ птичка чирикаетъ!»; «Собачка лаетъ: вау вау!» И сейчасъ же послѣ указанія переходитъ къ имени, отъ развитія слуха къ развитію зрѣнія: «Гдѣ воробушекъ? — гдѣ вау, вау?» — Мать идетъ еще дальше отъ совмѣстнаго представленія предмета и свойства его къ отдѣльному разсмотрѣнію свойства самого по себѣ: «Птичка летитъ», говоритъ сначала мать, указывая на дѣйствительную летящую птицу. «Взгляни на птичку!» говоритъ мать потомъ, уже указывая ребенку на «зайчика», т.-е. на движущуюся свѣтовую точку, произведенную отраженіемъ водной или зеркальной поверхности. А чтобы объяснить затѣмъ, что это явленіе безплотное, у которой съ дѣйствительной птицей есть всего одно общее свойство, — движеніе, мать говоритъ ребенку; «Поймай зайчика!» и въ то же время заставляетъ его закрыть своими ру-

ками этого «зайчика», или для того, чтобы дать ребенку понятие о движении в отдельности и в собственном смысле, мать говорит ребенку: «тикь-такь!», указывая на маятнико-образное движение какого-нибудь прямого предмета — или: «туда-сюда».

Подобным же образом мать старается обратить внимание на перемену состояния вещей; например, показывая на свѣчу, она говорит: «Вот огонек!» — и, приняв ее: «Нѣтъ огонька!» Или — «Папа идетъ» — «Папа ушелъ!» Или желая обратить внимание ребенка на движение вещей: «Подойди, киска, къ дѣвочкѣ». — «Киска убѣжала». — Чтобы возбудить дѣятельность тѣла и членовъ ребенка, она говорит: «Возьми этотъ цвѣточек!» — «Поймай киску!» Или, медленно бросая мячъ: «Догони, принеси мячикъ!»

Всеобъемлющая материнская любовь старается пробудить и укрѣпить столь важное чувство взаимной симпатии между ребенком и его отцомъ и братьями и сестрами, и для этого она говорит: «Приласкай милаго папу!»; или, проводя ручкой ребенка по щекамъ отца, она говорит: «Папа у насъ милый, хорошій!» Или: «Приласкай сестрицу!» и опять: «Сестрица добрая, хорошая» и т. д.

Кромѣ общаго чувства взаимной симпатии, взятаго самого по себѣ, этого зародыша, изъ котораго развиваются такіе великолѣпные плоды, — материнская любовь, всеобъемлющій материнскій инстинктъ старается ребенку дать почувствовать и понять также и жизнь, заключающуюся въ немъ самымъ посредствомъ движения, и при томъ движения закономѣрнаго, тактическаго, ритмическаго, посредствомъ такъ называемаго пѣствованія, т.е. посредствомъ ритмическаго, тактическаго движения подъ ритмическіе, тактические звуки. Такъ слѣдитъ истинная неискверканная мать за жизнью ребенка, развивающейся медленно, всесторонне укрѣпляетъ ее и такимъ образомъ все болѣе и болѣе пробуждаетъ все еще дремлющую, еще болѣе всестороннюю жизнь и развиваетъ ее. Посторонніе вносятъ въ ребенка обыкновенно пустоту и, желая вдохнуть въ него жизнь, дѣлаютъ это съ такою бессодержательностью, какъ будто пред-

полагаютъ, что такъ и нужно, — и такимъ образомъ убиваютъ его; и такимъ образомъ, то начало, которое такъ просто ведетъ къ развитію ритмическаго, закономѣрнаго связаннаго въ сферѣ всѣхъ человѣческихъ проявленій жизни, въ свою очередь, какъ средство для развитія языка и звуковъ, совсѣмъ пропадаетъ, потому что немногіе понимаютъ его во всемъ его значеніи, немногіе сохраняютъ и развиваютъ далѣе въ согласіи съ запросами жизни и человѣческой природы, немногіе присоединяютъ къ нему дальнѣйшее развитіе и образованіе человѣка.

И все-таки раннее развитіе ритмически закономѣрнаго движения могло бы быть въ высшей степени полезнымъ и въ ближайшей и въ послѣдующей жизни ребенка и человѣка во всей ея совокупности; мы отнимаемъ слишкомъ много у себя, какъ у воспитателей, и еще болѣе у ребенка, какъ у воспитанника и человѣка, вслѣдствіе того, что ритмическое, тактическое движение, столь сообразное съ развитіемъ, такъ скоро отходитъ на задній планъ въ раннемъ образованіи; воспитанникъ могъ бы легче усвоить закономѣрную, настоящую мѣру своей жизни; много произвола, безтактности и грубости исчезло бы изъ жизни, поступковъ и внѣшнихъ манеръ; въ нее вошло бы болѣе выдержки и мѣры, болѣе гармоніи; равно какъ и вполнѣдствіи развилось бы болѣе глубокое пониманіе природы и искусства, музыкальныхъ и поэтическихъ произведеній.

И подпѣваніе еще маленькихъ, спокойныхъ, въ особенностяхъ, засыпающихъ дѣтей не остается безъ вниманія со стороны внимательныхъ и разумныхъ матерей, и на него, должны смотрѣть воспитатели, какъ на первое зерно будущаго мелодическаго и вокальнаго развитія, зерно, которое они должны развить, и тогда, конечно, и здѣсь обнаружится такая же самодѣятельность, какъ и при развитіи рѣчи, во время котораго у дѣтей какъ бы сами собою при развитой и поздно наступающей способности говорить являются слова для обозначенія новыхъ понятій, своеобразныхъ соединеній и отношеній, еще не замѣченныхъ свойствъ. Такъ, совсѣмъ маленькая дѣвочка, которую мать воспитывала, какъ надо

воспитывать ребенка послѣ долгаго осязанія и разсматриванія листьевъ, покрытыхъ густымъ мягкимъ пушкомъ, радостно сообщила своей матери: «Какія они шерстяные!» — Мать и не воображала, чтобы ребенокъ когда-нибудь обратить вниманіе на подобное свойство. Этотъ же ребенокъ, увидавъ однажды въ ясную звѣздную ночь на небѣ двѣ звѣзды, которыя стояли близко другъ къ другу, сказалъ радостно: «Это папина и мамина звѣзда». Мать никакъ не могла объяснить себѣ, какимъ образомъ въ ея дѣвчкѣ могла пробудиться подобная ассоціація въ примѣненіи къ звѣздамъ.

Для обученія человѣка стоянію и бѣганію не должны употребляться никакія подпоры, никакія помочи; онъ долженъ стоять, когда у него есть силы держаться самодѣтельно и самостоятельно въ равновѣсіи, и долженъ ходить, когда онъ, самодѣтельно подвигаясь впередъ, будетъ въ состояніи самостоятельно держаться въ равновѣсіи. Онъ не долженъ стоять раньше, нежели онъ научится сидѣть, сидѣть прямо и вставать, держась за неподалеку стоящій отъ него высокій предметъ, и, наконецъ, свободно держаться въ равновѣсіи; онъ долженъ не прежде ходить, чѣмъ онъ научится ползать и самодѣтельно подыматься, самостоятельно держаться въ равновѣсіи и, соблюдая послѣднее, двигаться впередъ. Прежде всего къ тому, чтобы самодѣтельно подыматься по-одаль отъ матери, его побудитъ возвращеніе къ груди матери; но скоро ребенокъ уже чувствуетъ силу въ своихъ ногахъ, радуется этому и повторяетъ только ради удовольствія ходить, какъ прежде доставляло ему удовольствіе стояніе, вновь выученное искусство; и спустя нѣкоторое время онъ снова безсознательно практикуетъ искусство чувствовать, и теперь раздражаетъ его пестрый, круглый, гладкій камешекъ, пестрая, цвѣтная глянцевитая бумажка, плоская равномѣрная, треугольная или квадратная дощечка, прямоугольный кирпичикъ, пригодный для разныхъ построекъ, листокъ, отличающійся своею формою, краскою, блескомъ, составомъ, и онъ старается освоиться съ этимъ листкомъ по-

средствомъ новоизученнаго употребленія членовъ, чтобы соединять однородное и различать разнородное. Взгляните на этого малютку: онъ едва держится на ногахъ и только съ огромнымъ трудомъ можетъ двигаться впередъ; онъ замѣчаетъ хворостинку или соломинку, онъ старательно беретъ ихъ и несетъ, словно птичка, что вьетъ весною гнѣздышко; а вотъ, — взгляните на ребенка, что старательно сгибается и возится около водосточной трубы. Сила падающаго съ крыши дождя вымыла изъ земли, изъ песка маленькіе, плоскіе и пестрые камешки, и внимательный глазъ ребенка собираетъ ихъ, какъ камни, какъ матеріаль для будущей постройки; и развѣ онъ не правъ? Развѣ не такъ обстоитъ дѣло въ дѣйствительности? Развѣ ребенокъ не собираетъ матеріалы для будущаго зданія жизни, для будущей постройки?

Но однородное должно быть соединено въ отдѣльныя группы, разнородное должно быть различено; человѣкъ долженъ собирать не грубый матеріаль, но обработанный. Если мы хотимъ, чтобы зданіе было хорошимъ, то мы должны основательно знать потребный для него матеріаль не только по имени, но и по его свойствамъ и пригодности, и что этого хочетъ также ребенокъ, доказываетъ намъ дѣтскій интересъ ко всякому предмету, исполненный такой тпхой внимательности къ нему. Мы называемъ это ребячествомъ, потому что мы этого не понимаемъ, потому что у насъ нѣтъ глазъ, чтобы видѣть, ушей, чтобы слышать, еще менѣе чувства, чтобы чувствовать съ ребенкомъ; поэтому и мы мертвы, и жизнь нашего ребенка мертва; если мы не можемъ себѣ объяснить это, то какъ же мы объяснимъ это ребенку; и все-таки ребенка тянетъ къ намъ прежде всего его любознательность; какъ можемъ мы дать предметамъ дѣтской жизни названіе, разъ они сами нѣмы для насъ? — и все-таки это составляетъ завѣтное желаніе ребенка, съ которымъ ребенокъ несетъ въ крѣпко зажатой рученкѣ свою находку и кладетъ къ намъ на колѣни; это должно какъ бы освѣтить ему свѣдѣніе о самомъ себѣ. Дорого ребенку все, что входитъ вновь въ его еще такой маленькій кругозоръ, все, что расширяетъ его еще такой узкій міръ, самый пустякъ — для него

новое открытіе; но онъ не долженъ входить мертвымъ въ маленькій міръ, и не долженъ мертвымъ оставаться въ немъ; иначе помрачить онъ свой маленькій кругозоръ, обременить свой молодой мірокъ. Поэтому ребенокъ самъ хотѣлъ бы знать, почему ему все это дорого, онъ хотѣлъ бы знать всѣ свойства, всю сокровенную сущность окружающаго его, чтобы когда-нибудь понять самого себя въ своей склонности. Поэтому-то ребенокъ и перевертываетъ предметъ на всѣ манеры, поэтому-то онъ разбираетъ его по частямъ и часто разламываетъ совсѣмъ; поэтому-то онъ беретъ его въ ротъ, раскусываетъ его или, по крайней мѣрѣ, старается его раскусить. Мы бранимъ и порицаемъ его, называя его поступокъ безобразнымъ и неблагоразумнымъ, но развѣ онъ не благоразумнѣе, чѣмъ мы, бранящіе его? — Ребенокъ хочетъ знать внутреннюю сущность предмета; это стремленіе — не пустой капризъ его; его побуждаете то стремленіе, которое, будучи правильно понято и поддержано, имѣетъ въ виду познать Бога во всѣхъ его твореніяхъ. Но развѣ тѣ, кому Богъ далъ для этого разумъ, умъ и языкъ, мы, старшіе, его окружающіе, не дѣлаемъ этого, не можемъ этого сдѣлать, то гдѣ же ему и искать въ другомъ мѣстѣ удовлетворенія своему стремленію, какъ не въ самомъ предметѣ. Но, конечно, и разломанная вещь все еще остается нѣмой, но развѣ она не показываете въ своемъ раздѣленномъ видѣ прежде всего или однородный или разнородныя части, тамъ разбитый камень, здѣсь расщипанный цвѣтокъ, и развѣ это не есть уже расширение знаній? — Развѣ мы, взрослые, увеличиваемъ свои знанія инымъ путемъ? — Развѣ внутренность растенія не бываетъ то съ сердцевиной, то пустой, то заполненной деревомъ? — Развѣ разрѣзъ его не круглъ или не угловатъ, не бываетъ треугольнымъ, четырехугольнымъ или многоугольнымъ? — Развѣ поверхность при разрѣзѣ не бываетъ ровною или неровною, гладкою или шероховатою, плотною или скважистой, щепистой или раковистой или зубчатой или волнистой? — Развѣ частицы дѣленія не бываютъ остроугольными или тупоугольными? — Развѣ не бываютъ однѣ изъ нихъ хрупкими, а другія болѣе упругими,

нежели хрупкими? — Все это дѣлаетъ ребенокъ для того, чтобы изъ внѣшнихъ проявленныя вещи узнать ея внутреннюю сущность и ея отношеніе къ самому себѣ и чтобы прежде всего узнать причину своей любви, своей склонности, своего влеченія къ ней. Да развѣ мы сами, большіе, взрослые, изслѣдующіе, поступаемъ иначе? — Но это имѣетъ значеніе и цѣну для насъ только тогда, когда это дѣлаетъ учитель съ каѳедры, когда учитель съ каѳедры побуждаетъ къ этому нашихъ сыновей; но въ поведеніи ребенка мы этого не хотимъ видѣть. Поэтому-то и теперь вразумительно слово самаго толковаго учителя зачастую остается для нашихъ сыновей безъ дѣйствія, такъ какъ имъ теперь приходится съ каѳедры учиться тому, чему должны были бы научить ихъ дѣтскіе годы уже черезъ насъ, черезъ наше пояснительное живое слово, чему они могли бы научиться почти самоучкой. И немного, очень немного должна давать среда ребенку, чего требуютъ дѣтскіе годы: только обозначать, называть, нужно для ребенка давать названія всему тому, что ребенокъ дѣлаетъ, чѣмъ онъ занимается, что видитъ и что находитъ. Богата жизнь ребенка, дѣлающагося отрокомъ, но мы не чувствуемъ этого; она сообразна съ назначеніемъ и призваніемъ челоуѣка, но мы не чувствуемъ этого. Мы не только не бережемъ, не выхаживаемъ, не развиваемъ внутренняго зерна его жизни, но мы заставляемъ его пасть и заглохнуть подъ бременемъ своего собственнаго стремленія или оно находитъ себѣ выходъ какою-нибудь слабою стороною въ неестественность, и мы тогда замѣчаемъ то же явленіе, которое мы въ примѣненіи къ растенію называемъ завистливою или тунеядною вѣтвью: ложнымъ направленіемъ силы, соковъ; склонности и порывы въ ребенкѣ, челоуѣческомъ растеніи, тѣ же, что и во всякомъ растеніи. Теперь мы хотѣли бы, конечно, силы и соки, склонности и порывы ребенка, переходящаго въ возрастъ отрочества, повести иначе, но уже слишкомъ поздно; ибо мы не только не познали великаго значенія дѣтской жизни, переходящей въ отрочество, но и узнали ее невѣрно, не только не выходили этой жизни, но сбили ее съ толку и заглушили.

Посмотрите — вонъ тамъ ребенокъ по только что найденному камешку, который онъ, чтобы заключить по его дѣйствіямъ о его свойствахъ, потеръ о первую попавшуюся ему дощечку, открылъ свойство окрашиванія; онъ узналъ, что это — кусочекъ извести, или глины, или кирпича или мѣла; взгляните, какъ онъ радъ вновь открытому свойству и какъ онъ спѣшитъ всюду проявить его гдѣ-нибудь; уже наружная поверхность дощечки совсѣмъ измѣнилась. Прежде радовался ребенокъ еще незнакомому свойству, потомъ же измѣненной поверхности, то красной, то бѣлой, то черной, то коричневой; но вскорѣ его уже занимаютъ извивающіяся, прямые, кривые и другія формы; благодаря этимъ линейнымъ явленіямъ ребенокъ обращаетъ вниманіе на линейное свойство окружающихъ предметовъ, и теперь голова превращается для него въ круглую линію и круглая окружность — въ голову, а связанная съ нею продолговато-длинная окружность представляется ему туловищемъ; руки и ноги представляются ему прямыми или ломанными линіями, и такія линіи представляются ему руками и ногами; пальцы представляетъ себѣ онъ, какъ сходящіяся въ одномъ пунктѣ линіи, а линіи, находящіяся въ такомъ соединеніи, представляются ему, творящему ребенку, руками и пальцами. Глаза являются ему въ видѣ точекъ, а точки представляются ему глазами; и передъ нимъ является и раскрывается новый міръ; ибо что человекъ стремится изображать, то онъ начинаетъ понимать.

Передъ ребенкомъ, который скоро придетъ въ возрастъ отрочества, благодаря усвоенію и изображенію линейного, открывается во многихъ отношеніяхъ новый міръ; — передъ нимъ не только что уменьшается и какъ бы омолаживается внѣшній міръ, и благодаря этому дѣлается болѣе доступнымъ и для его глазъ и для его чувствъ, и онъ не только можетъ изобрѣтать внѣ себя то, что онъ носить въ себѣ, въ видѣ воспоминанія или въ видѣ какой-нибудь новой комбинаціи, но передъ нимъ, такъ сказать, въ корню открывается также знаніе совершенно новаго невидимаго ми-

ра силъ. Шаръ, который прокатился, камень, который былъ брошенъ кверху и упалъ, вода, которую задержали въ одномъ мѣстѣ и которая потекла по разнымъ небольшимъ рвамъ, — всѣ они научили ребенка, что дѣйствіе силы — въ отдѣльномъ явленіи, что направленіе дѣйствія силы всегда имѣетъ линейный характеръ. Изображеніе предметовъ посредствомъ линій приводитъ ребенка скоро къ пониманію и изображенію направленія, въ которомъ дѣйствуетъ сила. Вотъ течетъ ручей; говоря это, ребенокъ проводитъ черту, обозначающую направленіе ручья. Ребенокъ соединилъ нѣсколько линій, которыя означаютъ для него дерево: «Вотъ еще вырастаетъ вѣтка, а вотъ и еще», и, говоря это, онъ проводитъ отъ дерева линіи, обозначающія вѣтви. Очень характерно говоритъ затѣмъ ребенокъ: «А вотъ пролетѣла птичка», и въ направленіи воображаемаго полета тотчасъ же проводитъ свою изогнутую линію. Дайте ребенку мѣлъ или что-нибудь подобное, и скоро передъ нимъ и вами будетъ стоять новое созданіе. Пусть также и отецъ самъ нарисуетъ ему въ немногихъ штрихахъ человекъ, лошадь; и этотъ линейный человекъ, эта линейная лошадь доставляютъ ребенку больше радости, нежели дѣйствительный человекъ, нежели дѣйствительная лошадь.

Какъ же вы, матери и окружающіе ребенка, должны подойти къ этому? — Смотрите, будьте лишь внимательны, — ребенокъ самъ научитъ васъ этому. Вотъ срисовываетъ для себя ребенокъ столъ, въ то время какъ онъ обходитъ его границы и углы, поскольку онъ можетъ достигнуть ихъ, — онъ какъ бы срисовываетъ предметъ по самому предмету: первая и вѣрнѣйшая для ребенка ступень для того, чтобы познакомиться съ предѣлами и формами предмета. Такимъ же образомъ рисуетъ ребенокъ стулъ, скамью и окно. Но вотъ ребенокъ идетъ уже дальше, вотъ онъ проводитъ поперечный линіи по квадратнымъ доскамъ, по столу, по скамьѣ и по сидѣніямъ стульевъ въ смутномъ предчувствіи, что такимъ образомъ могутъ быть установлены форма и отношенія поверхностей. Теперь онъ уже рисуетъ форму въ уменьшенномъ видѣ. Посмотрите, — вотъ онъ нарисовалъ себѣ на листкѣ бумаги столъ,

стулъ и скамью и еще рядъ предметовъ. Развѣ вы не видите, какъ онъ развивалъ себя, какъ образовывалъ себя для этого? Движимые предметы, которые могъ обозрѣть его взоръ, клалъ онъ на гладкую поверхность, — или на доску, или на скамью или на столъ, и рисовалъ ихъ, водя рукою вокругъ границъ предмета. Скоро такимъ образомъ были срисованы ножницы, коробки, а затѣмъ листья и вѣтки, даже собственная рука и тѣневые очертанія предметовъ. Благодаря этому многое развилось въ ребенкѣ, гораздо больше, чѣмъ возможно высказать: ясное пониманіе формы, возможность изображенія ея отдѣльно отъ предмета, запоминаніе формы самой по себѣ, укрѣпленіе и развитіе сноровки руки для свободнаго изображенія ея.

Заботливая мать или рачительный отецъ, хорошая семья, совсѣмъ не умѣя сами ничего нарисовать, стало быть, при полномъ отсутствіи въ семьѣ настоящаго рисовальщика, могутъ ребенка-подростка настолько подвинуть въ рисованіи, что онъ довольно точно и похоже сумѣетъ нарисовать прямую линію, поперечную линію, даже прямоугольный предметъ въ перпендикулярномъ положеніи, напримѣръ, зеркало, окно и проч. — Но будетъ не только хорошо, но прямо необходимо для развитія и укрѣпленія силы и способности ребенка, если матери и отцы, не вдаваясь при этомъ въ большія мелочи, дѣйствія, поступки ребенка всегда будутъ связывать со словомъ; напримѣръ: «Я рисую столъ зеркало, теперь я веду поперечную линію стола». Такой процессъ увеличиваетъ внутреннюю и внѣшнюю силу, умножаетъ знаніе, чрезвычайно пробуждаетъ разсудокъ и размышленіе, предостерегающее отъ столь многихъ пороковъ, что у человѣка должно развиваться, какъ можно ранѣе, естественнымъ путемъ, ибо слово и рисунокъ, такъ какъ въ отдѣльности ни то, ни другой не исчерпываютъ удовлетворительно изображаемаго предмета, всегда объясняютъ и дополняютъ другъ друга. Рисунокъ, собственно говоря, занимаетъ среднее мѣсто между словомъ и предметомъ, имѣетъ общія свойства и съ словомъ и съ предметомъ, и

потому очень важенъ и для ребенка и для отрока и для взрослого человѣка, какъ образовательное и развивающее средство. Настоящій рисунокъ имѣетъ съ вещью то общее, что онъ стремится изобразить ее въ ея формахъ и очертаніяхъ, а со словомъ у него — то общее, что онъ никогда не представляетъ самой вещи, но лишь копию ея. Въ свою очередь, слово и рисунокъ противоположны другъ другу по своей натурѣ; рисунокъ — мертвое, тогда какъ слово — живое, рисунокъ — видимое, а слово слышимое. Поэтому слово и рисунокъ нераздѣльно принадлежать другъ къ другу, какъ свѣтъ и тѣнь, день и ночь, духъ и тѣло. Поэтому способность къ рисованію такъ же непосредственно заключается въ человѣкѣ, въ ребенкѣ, какъ и способность къ языку, и требуетъ такъ же безусловно, какъ и эта послѣдняя, своего развитія и образованія, о чемъ уже на опытѣ громко засвидетельствовали охота и стремленія ребенка къ рисованію.

Рисованіе, т.-е. изображеніе предмета посредствомъ рисунка и необходимо обусловленная рисованіемъ острая наблюдательность заставляютъ ребенка очень быстро приходитъ къ пониманію постоянно повторяющагося сочетанія одинаковаго количества однородныхъ предметовъ, какъ, напримѣръ, два глаза, двѣ руки, пять пальцевъ на каждой рукѣ и на каждой ногѣ, шесть ногъ у жука или у мухи: и такимъ образомъ рисованіе предмета приводитъ къ пониманію и наблюденію числа, неоднократное повтореніе одного и того же предмета обусловливаетъ число, а опредѣленное, различное множество находящихся въ какомъ-нибудь отношеніи однородныхъ предметовъ есть количество, число этихъ предметовъ. И такимъ образомъ, опять благодаря подмѣчанію и познанію, благодаря постепенному развитію способности счисленія развивается кругозоръ ребенка, міръ его жизни и существенная потребность его души, нѣкоторое томленіе его духа удовлетворяется развитіемъ его; ибо съ нѣкоторымъ томленіемъ, съ нѣкоторымъ смутнымъ предчувствіемъ, что у него еще нѣтъ какихъ-то средствъ познания, разсматривалъ до сихъ поръ ребенокъ представляющіяся ему большія или незначительныя количе-

ства, кучи однородныхъ или разнородныхъ предметовъ, при чемъ количественное отношеніе этихъ различныхъ кучъ для него было еще невозможно ни узнать, ни понять, ни опредѣлить; но теперь онъ знаетъ, что онъ имѣетъ два большихъ и три маленькихъ камешка, четыре бѣлыхъ и пять желтыхъ цвѣтковъ и т. д. Знаніе количественныхъ отношеній чрезвычайно возвышаетъ самую жизнь ребенка.

Но умъ ребенка требуетъ, чтобы мать и другіе окружающее съ самыхъ раннихъ поръ развивали въ ребенкѣ способность счисленія по надлежащему методу и согласно законамъ человѣческаго мышленія, сообразно тому, поскольку требуетъ этого сама жизнь. Понаблюдайте внимательно за спокойнымъ ребенкомъ, и вы легко увидите, какимъ образомъ онъ идетъ самъ собою, если и безсознательно, то во всякомъ случаѣ вѣрно по пути, согласному съ законами человѣческаго мышленія, восходя отъ наиболѣе конкретнаго къ невидимому и отвлеченному. А именно ребенокъ прежде всего прибавляетъ однородные предметы къ однороднымъ и получаетъ такимъ образомъ, напримѣръ: яблоки, орѣхи, груши, бобы. Мать или любящая руководящая среда пусть только добавляетъ теперь еще пояснительное слово, т.-е. соединяетъ видимое съ слышимымъ и такимъ образомъ приближаетъ это къ разумнѣю и познанію, къ внутреннему созерцанію ребенка, а именно:

Яблоки — груши — орѣхи — бобы и т. д.

Кто же не видѣлъ, кому же не приходилось имѣть случай видѣть, какъ ребенокъ складываетъ и группируетъ отдѣльные предметы въ разныя группы? Матери остается и здѣсь лишь прибавить пояснительное живое слово, напримѣръ:

яблоко — яблоко — яблоко — яблоко и т. д. просто яблоки,
груша — груша — груша — груша и т. д. просто груши,
орѣхъ — орѣхъ — орѣхъ — орѣхъ и т. д. просто орѣхи,
бобъ — бобъ — бобъ — бобъ и т. д. просто бобы,

или что-нибудь иное, камешки или листья; пусть ребенокъ группируетъ ихъ въ группы, — всегда найдется подъ руками нѣсколько предметовъ одного рода. Но чтобы это особенно

пошло въ пользу ребенку, пусть мать говоритъ вмѣстѣ съ нимъ за-одно, какъ было только что показано.

Затѣмъ пусть мать, заставляя ребенка прикладывать одинъ предмета къ другому, опредѣляетъ вмѣстѣ съ ребенкомъ это прибавленіе и ясно говоритъ, напримѣръ.

Одно яблоко — еще одно яблоко — еще одно яблока — опять одно яблоко: — много яблоковъ.

Одна груша — еще одна груша — опять одна груша: — много грушъ.

Одинъ орѣхъ — еще одинъ орѣхъ — опять одинъ орѣхъ — еще одинъ орѣхъ: — нѣсколько орѣховъ.

Одинъ бобъ — еще одинъ бобъ, еще одинъ бобъ — опять одинъ бобъ: — нѣсколько бобовъ. Также — и пальцы и т. д.

Число каждаго рода предметовъ всегда возрастаетъ чрезъ равномѣрное прибавленіе одного предмета того же рода.

Вмѣсто неопредѣленнаго прибавляемаго слова: еще одно, опять одно, пусть мать выговариваетъ числительное, опредѣленно указывающее увеличеніе, и при томъ сообща съ ребенкомъ, всегда дѣйствительно считая предметы, такъ, напримѣръ.

Одно яблоко — два яблока — три яблока и т. д.

Одна груша — двѣ груши — три груши — четыре груши и т. д.

Одинъ орѣхъ — два орѣха — три орѣха — четыре орѣха и т. д.

Одинъ бобъ — два боба — три боба и т. д.

Затѣмъ пусть мать разложить по нѣскольку предметовъ каждаго рода въ естественно восходящемъ порядкѣ чисель и пусть она называетъ словомъ то, что она дѣлаетъ, напримѣръ.

Яблоко— . . яблоки — . . яблоки — . . яблоки и т. д.

Груша — . . груши — . . груши— . . груши — . . груши— . . груши.

Орѣхъ — . . орѣхи — . . орѣхи — . . орѣхи и т. д.

Бобъ — . . бобы — . . бобы — . . бобы и т. д.

Затѣмъ пусть мать и ребенокъ говорятъ вмѣстѣ; наконецъ, пусть мать заставитъ ребенка одного продѣлать, какъ самое дѣйствіе, такъ и обозначеніе словомъ, счета.

Такъ какъ здѣсь при каждомъ числѣ еще былъ обозначенъ и названъ громко родъ предметовъ, то должно теперь назвать по порядку только одни числа и только въ концѣ упомянуть родъ предметовъ, напримѣръ:

. (одинъ) — . . (два) — . . . (три) — . . . . (четыре) яблока,
 . (одна) — . . (двѣ) — . . . (три) — . . . . (четыре) и т.д. груши,
 . (одинъ) — . . (два) — . . . (три) — . . . . (четыре) орѣха,
 . (одинъ) — . . (два) — . . . (три) — . . . . (четыре) боба и т. д.

Здѣсь количества предметовъ разсматриваются въ отношеніи къ ихъ опредѣленному числу, при чемъ родъ ихъ отступаетъ на задній планъ.

Наконецъ, мать называетъ лишь по порядку однѣ числовыя величины, совершенно оставляя безъ вниманія родъ предметовъ, т.-е. . разъ — . . (два) — . . . (три) — . . . . (четыре) — . . . . (пять) и т. д.

Это есть чистое разсматриваніе и созерцаніе чиселъ количествъ самихъ по себѣ, въ естественномъ порядкѣ, созерцаніе отвлеченнаго числа.

Подобное знаніе ряда чиселъ, по крайней мѣрѣ, до десяти должно быть ясно и прочно усвоено ребенкомъ въ дѣтскомъ возрастѣ; но ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ сообщать ребенку числительныхъ въ видѣ пустыхъ, мертвыхъ звуковъ и заставлять его повторять ихъ механически, т.-е. опять таки, какъ пустые мертвые звуки: въ такомъ случаѣ, вѣдь, совсѣмъ безразлично было бы сказать ребенку: два, четыре, семь, или восемь, одинъ, пять, два, если бы только духъ человѣческой, въ концѣ концовъ, самъ, своею собственною силою, не отбрасывалъ всякую неестественность.

Ребенокъ долгое время никогда не долженъ произносить числительныхъ безъ созерцанія дѣйствительно считанныхъ или считааемыхъ предметовъ.

Изъ этого процесса развитія числовыхъ понятій въ то же время наглядно видно, какимъ образомъ и по какимъ законамъ ребенокъ восходитъ отъ созерцанія отдѣльнаго предмета къ все болѣе общимъ и общимъ понятіямъ, конечно, для наблюдателя этотъ переходъ можетъ часто показаться черезчуръ быстрымъ.

Зато какое богатство, какое разнообразіе и какую свѣжесть внутренней и внѣшней жизни находимъ мы теперь въ ребенкѣ, котораго правильно вели, котораго выхаживали и берегли, какъ нужно, въ послѣднее время его дѣтскихъ лѣтъ при выходѣ изъ дѣтства и при вступленіи въ отрочество? — Какихъ только нѣтъ здѣсь предметовъ мысли и ощущенія, знанія и умѣнія будущаго возмужалаго человѣка, крайнихъ корней которыхъ вы не могли бы найти въ первомъ дѣтствѣ, какихъ только предметовъ будущаго обученія и будущей науки не нашли бы здѣсь, которые бы не коренились уже въ этомъ же дѣтствѣ? — Языкъ и природа открыты передъ ребенкомъ; свойства числа, формы величины, знаніе пространства, сущность силъ, дѣйствіе матеріи начинаютъ открываться передъ нимъ; цвѣтъ, ритмъ, тонъ и образъ выступаютъ уже передъ нимъ въ своихъ первыхъ зародышахъ и въ своихъ своеобразныхъ особенностяхъ; природа и міръ искусства уже начинаютъ съ опредѣленностью раздѣляться въ его глазахъ другъ отъ друга, равно какъ и онъ самъ твердо противопоставляетъ себя внѣшнему міру, какъ чему-то противоположному; и уже развивается въ немъ чувство собственнаго внутренняго міра; и все-таки мы еще вовсе не коснулись цѣлой стороны дѣтской жизни: это сопровожденіе отца и матери, братьевъ и сестеръ по домашнимъ дѣламъ, по дѣламъ ихъ профессіи.

Я смотрю въ поле и вижу, какъ почти двухлѣтній ребенокъ рабочаго ведетъ его лошадь; отецъ далъ въ руки сыну узду; ребенокъ спокойно и увѣренно шагаетъ впереди лошади, по временамъ поглядывая назадъ, идетъ ли за нимъ лошадь. Онъ едва держитъ узду въ рукѣ, но все-таки онъ твердо убѣжденъ, что онъ ведетъ лошадь, и что лошадь должна слѣдовать за нимъ. И правда, посмотрите — отецъ останавливается, чтобы перебраться парюю словъ со своимъ пріателемъ, — конечно, при этомъ останавливается и лошадь; но ребенокъ, который смотритъ на остановку лошади, какъ на произволь, всею силою налегаетъ на узду, чтобы побудить лошадь къ дальнѣйшему движенію.

Сынъ моего сосѣда, мальчикъ, которому не будетъ и

трехъ лѣтъ, возлѣ забора моего сада стережетъ гусей своей матери; невелико пространство, на которомъ должны пастись маленькія веселыя птицы; онѣ убѣгаютъ отъ малютки — пастушка, быть можетъ, также, хотя и по-другому, ищущаго и находящаго себѣ пищу. Гусенята забѣгаютъ на большую дорогу, гдѣ большое движеніе можетъ быть опасно для нихъ. Мать видитъ это и кричитъ сыну: «Сыночекъ, смотри въ оба!» И мальчикъ, которому, конечно, и самому уже не разъ помѣшали въ его собственныхъ занятіяхъ гуси благодаря той свободѣ, къ которой они неоднократно порывались, — отвѣчаетъ съ большою серьезностью: «Ахъ, мама! неужели же ты думаешь, что очень легко смотрѣть за гусями?»

Кто могъ бы указать на всѣ выгоды для развитія, которыя происходятъ и могли бы еще болѣе произойти для ребенка изъ этого участія въ родительскихъ дѣлахъ, если бы родители и окружающая среда смотрѣли за этими уроками и впоследствии пользовались ими для обученія своихъ дѣтей!

А вотъ взгляните на подрастающаго ребенка садовника; садовникъ полетѣть, ребенокъ хочетъ ему помогать, и садовникъ научаеъ его различать петрушку отъ сельдерея, и при этомъ оба они обращаютъ вниманіе на различіе листьевъ и запаха этихъ растений. — Вотъ сынъ лѣсника сопровождаетъ отца въ лѣсной питомникъ; ребенку кажется, что онъ видитъ лишь одни побѣги молодыхъ сосенъ; но отецъ говоритъ, что это порода молочая и знакомитъ его съ различными свойствами сосны и молочая. Тамъ цѣлится, стрѣляетъ и попадаетъ въ цѣль отецъ и показываетъ внимательному сыну, что три точки, лежащія въ одномъ направленіи, всегда находятся на одной и той же линіи; онъ показываетъ ему, что для того, чтобы направить линію, т.-е. стволъ ружья въ опредѣленный пунктъ, въ этомъ направленіи надо найти три точки, и что разъ это есть, — и всѣ остальные точки пойдутъ по этой линіи и по этому направленію. — А вотъ стоить ребенокъ и смотреть, какъ его отецъ куеъ раскаленное желѣзо, и отецъ учитъ его, что отъ жара желѣзо увеличивается въ объемѣ, и что теперъ напрасно онъ

будетъ стремиться вложить раскаленный желѣзный пруть въ то отверстіе, въ которое онъ раньше проходилъ совсѣмъ легко: желѣзо стало шире отъ теплоты. А вотъ торговецъ, вѣщающій на вѣсахъ, показываетъ своему сыну, который со вниманіемъ смотритъ на отца, что чашка вѣсовъ всегда опускается внизъ, когда онъ или прибавляетъ на нее или снимаетъ съ другой; и что вѣсы остаются въ равновѣсіи, разъ на каждой чашкѣ находится по одинаковому количеству, какъ бы мало или велико ни было оно, но лишь бы оно было одинаковымъ. И притомъ это достигается не непонятными для ребенка словами, но благодаря тому, что сынъ самъ снимаетъ и кладетъ тяжести на вѣсовые чашки. А вотъ еще отецъ, ткачъ, объясняеъ своему сыну, который внимательно смотритъ на него, процессъ тканья, и даеъ ему самому попробовать тканье. — А вотъ красильщикъ показываетъ своему наблюдательному сыну, какимъ образомъ нѣкоторыя жидкости измѣняютъ цвѣтъ краски, а нѣкоторые краски постоянно превращаютъ въ одни и тѣ же цвѣта. Онъ говоритъ ему, что такая жидкость называется кислотою; онъ показываетъ также, что рисунокъ въ формѣ долженъ имѣть обратное положеніе, и что онъ долженъ стоять налѣво, разъ на матеріи онъ долженъ выйти направо. — А здѣсь купецъ учитъ своего сына, что кофе есть вылущенный плодъ, зерно растенія, и пользуется ближайшимъ случаемъ, чтобы показать ему этотъ плодъ. При ближайшей поѣздкѣ за городъ онъ показываетъ своему сыну, какъ растутъ анисъ, макъ, просо, конопля и т. д., которые въ видѣ продолговатыхъ, круглыхъ, сѣрыхъ, желтыхъ, бѣловатыхъ сѣмянъ составляютъ предметъ торговли.

Рудопокъ, кузнецъ, купецъ, торговецъ желѣзомъ и другими металлами даюъ своимъ сыновьямъ понятіе о вѣсности, научаюъ ихъ различать вѣсъ отъ тяжести. Фунтъ свинца и фунтъ мѣлу имѣютъ одинаковый вѣсъ, но свинецъ тяжелѣе, чѣмъ мѣлъ, желѣзо и т. д. Здѣсь канатный мастеръ показываетъ своему ребенку, какъ путемъ вращенія мотвила на значительномъ разстояніи отдѣльныя льняныя нити свертываются въ большой канатъ. Рыбакъ, кладя свои верши

по направленію текущей воды, учить сопровождающего его сына, что рыбы, ища себѣ пищи, плывутъ по теченію. Сыну столяра, плотника, бондаря, каретника и т. д., благодаря неоднократному разсматриванію и личному опыту, сопровождаемымъ поучительнымъ и ласковымъ словомъ отца, становится яснымъ употребленіе рубанка, буравчика, долота и т. п. Отецъ рассказываетъ при этомъ своему сыну, что матеріалъ для этого даютъ частью деревья, частью горы, частью камни; что плавильня сначала очищаетъ желѣзо, и что потомъ уже кузнецъ придаетъ ему ту или другую форму. Столяръ и т. д. наглядно учить своего любознательнаго сына, что не всякое дерево пригодно для его инструментовъ, что онъ не пользуется сосной или елью, но букомъ, клѣномъ или берѣзой, не пользуется хвойными деревьями, но лиственными и фруктовыми. И первой прогулкой за городъ отецъ пользуется не только затѣмъ, чтобы научить своего сына узнавать и различать лиственное и хвойное дерево, но также и для того, чтобы сынъ его могъ легко назвать по-имени каждое дерево, и букъ, и дубъ, и сосну, и ольху. Крестьянинъ, занимающійся обдираніемъ лыка древесной коры, учить своего вѣчно сопутствующаго ему въ его дѣлахъ сына, употребленію дубовой и ольховой коры, и показываетъ ему при случаѣ это употребленіе наглядно, когда онъ у кожевника покупаетъ себѣ подметки къ сапогамъ.

Такъ, неискалѣченный, здоровый тѣломъ и духомъ ребенокъ руководить хорошимъ отцомъ, а заботливый отецъ сыномъ, всегда ищущимъ духовной и физической дѣятельности, переходя изъ деревни въ городъ, отъ природы къ искусству, и, наоборотъ, отъ промышленности къ садовымъ сельскимъ занятіямъ; и если точка соприкосновенія, исходная точка и поводъ различны, то все-таки каждому возможно познакомиться съ кругомъ знанія другого изъ своего собственнаго и прибавить эти знанія къ своимъ. Всякое занятіе и всякій промыселъ, всякая профессія отца служатъ исходнымъ пунктомъ для усвоенія всякаго человѣческаго знанія. До какого только богатства знанія можетъ дойти сынъ крестьянина благодаря повозкѣ и плугу своего отца, сынъ мельника, бла-

годаря отцовской мельницѣ, сынъ купца, благодаря сырымъ или обработаннымъ продуктамъ природы, составляющимъ предметъ торговли отца! Какое богатство знаній ъожесть развиться изъ различныхъ занятій фабричнаго рабочаго! Все это настоящіе взгляды и понятія, которые только съ большимъ трудомъ и издержками даютъ школа и учебные годы, а часто и вовсе не въ состояніи дать. Вотъ — послѣдствія домашней и семейной жизни, правильно проведенной, правильно употребляемой, — правильнаго ухода за ребенкомъ. Ребенокъ, вашъ ребенокъ, отцы, чувствуетъ это такъ глубоко, такъ живо, такъ правдиво, — и поэтому-то онъ и бываетъ при васъ всегда, гдѣ бы вы ни были, куда бы вы ни пошли, при всемъ, чѣмъ бы вы ни занимались, чтобы вы ни дѣлали; не отталкивайте его недружелюбно, не гоните его прочь отъ себя, не будьте нетерпѣливы при его всегда повторяющихся вопросахъ; каждымъ грубымъ или рѣзкимъ словомъ вы уничтожаете почку на его жизненномъ деревѣ. Но, отвѣчая ему, не говорите ему больше, нежели это необходимо для того, чтобы онъ самъ могъ пополнить вашъ отвѣтъ: ибо, конечно, легче услышать отвѣтъ отъ другого, быть можетъ, даже половину только услышать и половину понять, нежели самому поискать и найти его для себя; но отвѣтъ, даже въ четверть вѣрный, найденный самостоятельно, для ребенка гораздо важнѣе, чѣмъ отвѣтъ, на половину услышанный и наполовину понятый: послѣднее приводитъ къ лѣности мышленія и ума. Поэтому не отвѣчайте на вопросы вашихъ дѣтей всегда прямо; но поскольку дѣти имѣютъ для этого силы и опытъ, давайте имъ условія, въ которыхъ они могли бы получить отвѣтъ сами изъ круга своего опыта.

Остановимся же мы, родители, въ особенности же мы, отцы, — ибо намъ въ этомъ возрастѣ ввѣренъ ребенокъ, уже переходящій въ отрочество, нашему особенному руководству и уходу — остановимся на созерцаніи того, что намъ даетъ исполненіе нашихъ родительскихъ обязанностей, нашего ухода за нимъ; мы испытываемъ радость! Не в о з -

можно, чтобы для насъ съ какой-нибудь сторуны приходила высшая радость, высшее наслаждение, чѣмъ отъ веденія нашихъ дѣтей, отъ жизни съ нашими дѣтьми, отъ того, **что мы живемъ для нашихъ дѣтей.** Непонятно, какимъ образомъ мы гдѣ-нибудь можемъ искать или ожидать высшихъ радостей, высшего наслаждения, болѣе совершеннаго удовлетворенія нашихъ благороднѣйшихъ желаній, чѣмъ въ занятіи съ нашими дѣтьми, болѣе отдыха, чѣмъ въ кругу своихъ, гдѣ мы болѣе, чѣмъ вдвойнѣ, могли бы найти себѣ радость.

Взглянемъ же всѣ на мирнаго отца въ его простыхъ, гражданскихъ отношеніяхъ, въ его счастливой, жизнерадостной семьѣ, на отца, который осуществилъ на дѣлѣ, осуществить изъ себя то, что только отчасти здѣсь высказано: справедливость сказаннаго тогда бы насъ глубоко поразила; и лишь въ немногихъ словахъ резюмируетъ онъ для самаго себя цѣль своего поведенія: «Приучить дѣтей съ раннихъ поръ къ размышленію, вотъ то, что я считаю главнѣйшимъ и важнѣйшимъ въ дѣлѣ дѣтскаго воспитанія». Съ раннихъ поръ приучать ребенка къ работѣ и дѣятельности казалось ему настолько понятнымъ, настолько не требующимъ доказательствъ что онъ, повидимому, не счелъ даже нужнымъ упомянуть объ этомъ. Да сверхъ того, развѣ ребенокъ, воспитанный для размышленія, не воспитывается въ то же время и для трудолюбія, для дѣятельности, для всякихъ домашнихъ и гражданскихъ добродѣтелей? Вышеупомянутыя слова суть какъ бы зерно, изъ котораго развивается потомъ цѣлое, тѣнистое, вѣчно зеленое дерево жизни, полное благоухающихъ цвѣтовъ и здоровыхъ, зрѣлыхъ плодовъ. Прислушаемся къ нимъ и запоемъ ихъ мы, которые заставляемъ своихъ дѣтей бродить вокругъ себя, безъ мысли и безъ труда и поэтому мертвыми.

Но... это рѣзко, но справедливо, — бросимте только при нашемъ обхожденіи и при нашей жизни провѣряющій, испытующій взглядъ въ насъ и на насъ самихъ, и мы тогда скажемъ не болѣе, какъ только правду: — мы мертвы; то, что

насъ окружаетъ, для насъ мертво; при всемъ нашемъ знаніи мы пусты, пусты для нашихъ дѣтей; почти все, что мы говоримъ, бессодержательно и пусто, безъ содержанія и жизни; только въ рѣдкихъ, немногихъ случаяхъ, тогда, когда въ основаніи нашей рѣчи лежитъ естественное или жизненное воззрѣніе, радуемся мы ихъ жизни. Поэтому, поспѣшимъ! Дадимъ себѣ, дадимъ нашимъ дѣтямъ, дадимъ черезъ нихъ своему языку содержаніе и окружающимъ насъ предметамъ жизнь! Поэтому будемъ жить съ ними, пусть они живутъ вмѣстѣ съ нами, и мы получимъ черезъ нихъ все то, въ чемъ мы всѣ нуждаемся. Наши слова, наши рѣчи въ обществѣ мертвы, оболочки безъ содержанія, безжизненные маріонетки, игральныя марки безъ внутренняго достоинства; ибо въ нихъ нѣтъ созерцанія внутренней жизни, имъ недостаетъ содержанія; это — злые духи, такъ какъ они лишены всякаго внѣшняго облика. То, что окружаетъ насъ, то, что мы видимъ и созерцаемъ, мертво; это — какая-то масса, которая болѣе давить, чѣмъ возвышаетъ; ибо здѣсь нѣтъ живого слова, которое даетъ всему смыслъ и значеніе. Мы не чувствуемъ и не ощущаемъ смысла своихъ рѣчей, — ибо онѣ состоятъ изъ заученныхъ наизусть понятій, въ основѣ которыхъ нѣтъ никакого созерцанія, никакого образа, поэтому и онѣ не вызываютъ никакого живого представленія, никакого живого образа, никакой жизни: наша рѣчь возникла не изъ жизни, и не изъ жизни она идетъ наружу. Рѣчь наша походитъ на книгу, изъ которой мы наизусть выучили ее и притомъ изъ третьей или четвертой ея части; мы сами не видимъ, что мы говоримъ, и не можемъ изобразить, что мы говоримъ; поэтому-то наша рѣчь такъ пуста и бессодержательна. Поэтому, только поэтому, наша внутренняя и внѣшняя жизнь такъ бѣдна и опять, въ свою очередь, будетъ бѣдна жизнь нашихъ дѣтей, такъ какъ наша жизнь родилась не изъ внутренней и внѣшней жизни, жизни богатой созерцаніемъ и творчествомъ, потому что у нашей рѣчи и у нашего слова недостаетъ реального представленія того, что они обозначаютъ. Поэтому-то мы слышимъ звукъ, но мы не получаемъ никакого образа; мы слышимъ шорохъ, но, мы не

видимъ никакого дѣйствія. Отцы, родители, поправимъ то, чего недостаетъ намъ, дадимъ это, устроимъ это нашимъ дѣтямъ; то, чѣмъ мы болѣе не владемъ, — все оживляющую, все образующую силу дѣтской жизни — вернемъ ее снова черезъ дѣтей въ нашу жизнь! Будемъ учиться у своихъ дѣтей, прислушаемся къ тихимъ увѣщаніямъ ихъ жизни, къ тихимъ запросамъ ихъ души! Будемъ жить для своихъ дѣтей: тогда и жизнь нашихъ дѣтей принесетъ намъ миръ и отраду, тогда мы сами начнемъ дѣлаться и быть мудрыми!

III. Отрокъ.

На разсмотрѣнной до сихъ поръ и предложенной усмотрѣнію читателей ступени развитія человѣка, внѣшній міръ, предметы внѣшняго міра были тѣснѣйшимъ образомъ связаны со словомъ, и черезъ слово, въ свою очередь, — съ человекомъ. Поэтому, эта ступень по преимуществу есть ступень развитія способности человѣческой рѣчи. Поэтому-то была такъ необходима при всякомъ поступкѣ ребенка связь поступка съ обозначеніемъ его посредствомъ точнаго правильного слова. Каждый предметъ пріобрѣтаетъ смыслъ для ребенка, какъ бы только благодаря слову; до слова онъ для ребенка вовсе не существовалъ, хотя, повидимому, внѣшній глазъ и замѣчалъ его; самое слово породило какъ бы впервые вещь для ребенка, поэтому слово и вещь, какъ стволъ и сердцевина, какъ вѣтвь и сукъ составляютъ неразрывное цѣлое. И, несмотря на эту внутреннюю связь предметовъ со словомъ и черезъ это послѣднее съ человекомъ, на этой ступени развитія — это родители и воспитатели должны особенно ясно понять и особенно твердо взять во вниманіе — на этой ступени человѣческаго развитія каждый предметъ представляется совсѣмъ разобщеннымъ отъ другихъ, и каждый предметъ или каждая совокупность ихъ, въ свою очередь, въ своихъ частяхъ представляются совершенно расчлененными. Но иначе, совершенно иначе, требуетъ этого назначеніе человека и вещей: человекъ долженъ смотрѣть не

только на каждую вещь, какъ на цѣлое, нераздѣльное; онъ долженъ также смотрѣть на нее, какъ на нѣчто расчлененное въ самомъ себѣ въ видахъ выраженія общей цѣли; онъ долженъ не только смотрѣть на нее, какъ на самостоятельное цѣлое, какъ на единство и единицу, онъ долженъ на каждую вещь, въ свою очередь, смотрѣть, какъ на звено относительно большаго и высшаго цѣлаго для изображенія высшаго цѣлаго; должны быть познаны и приняты во вниманіе не только высшія отношенія и связи каждой вещи, но и ея внутреннія отношенія, ея внутренняя связь съ предметомъ, отдаленнымъ отъ нея внѣшнимъ образомъ.

Но совокупность того, что окружаетъ человѣка, какъ внѣшнее, какъ внѣшній міръ, сама по себѣ не можетъ быть познана въ ея единствѣ, но опять-таки черезъ познаніе своеобразной сущности, собственной природы каждой отдѣльной вещи, предмета, въ каждой отдельной самостоятельности и личности. Но человекъ трудно познаетъ каждую вещь, внутренность каждой вещи, если она слишкомъ близко придвинута къ нему внѣшнимъ или внутреннимъ образомъ, и почти всегда тѣмъ труднѣе, чѣмъ она ближе придвинута во внутреннемъ или внѣшнемъ отношеніи, чѣмъ ближе стоитъ она къ нему въ этихъ двухъ отношеніяхъ. Недоразумѣнія между родителями и дѣтьми въ домашнемъ и семейномъ кругу и т. д. есть частое и краснорѣчивое доказательство въ пользу этого. Поэтому-то вообще такъ трудно познаетъ самъ себя человекъ. Внѣшнее раздѣленіе, напротивъ, приводитъ къ внутреннему единенію, внутреннему нахожденію и пониманію. Такъ, къ сожалѣнію, человекъ узнаетъ много чужого: чужія страны, чужую эпоху, чужихъ людей лучше, нежели свою страну, свою эпоху, лучше, чѣмъ самого себя. Если человекъ желаетъ себя узнать настоящимъ образомъ, онъ долженъ какъ бы представить себя внѣ себя, долженъ какъ бы противопоставить себя самому себѣ. Если же человекъ, сообразно своему назначенію, долженъ познавать сущность каждой вещи, далее болѣе, проникнуть въ нее, то послѣ ступени дѣтства, наступаетъ для него новая ступень человѣ-

ческаго развитія, по своему существу противоположная предшествующей, объединяющей челоѣка и предметъ: ступень снова разобщающая челоѣка и предметъ, ступень, внѣшнимъ образомъ противопоставляющая челоѣка и предметъ другъ другу, но внутреннимъ образомъ объединяющая и сближающая, — такая ступень, которая внутреннимъ образомъ приближаетъ предметы благодаря тому, что она раздѣляетъ предметъ и слово, познаетъ ихъ, какъ нѣчто отдѣльное, различное отъ другого и въ то же время объединяющее. Это — та ступень, на которой языкъ выступаетъ, какъ нѣчто самостоятельное, существующее для себя и ради себя. Это — слѣдующая ступень.

Съ отдѣленіемъ слова отъ вещи и вещи отъ слова, съ отдѣленіемъ языка отъ говорящаго и обратно, даже вмѣстѣ съ поздно наступающимъ воплощеніемъ языка въ знакъ и письмѣ, иначе говоря, — дѣйствительно воплощая языкъ и разсматривая его, какъ нѣчто тѣлесное, челоѣкъ выходитъ изъ ступени дѣтства и переходитъ на ступень отрочества.

Подобно тому какъ предшествующая ступень челоѣческаго развитія, ступень дѣтства была преимущественно ступеню жизни, жизни самой по себѣ, только для того, чтобы жить, чтобы внутреннее проявлять во-внѣ, теперешняя ступень, ступень отроческая есть по преимуществу ступень для того, чтобы внѣшнее дѣлать внутреннимъ, ступень ученія.

Для родителей и воспитателей пора младенчества была по преимуществу порою ухода; слѣдующая затѣмъ ступень, которая беретъ во вниманіе челоѣка, какъ единство, и для единства, пора дѣтства, есть по преимуществу пора преобладающего воспитанія; только-что обозначенная ступень отрочества беретъ челоѣка такимъ образомъ по преимуществу въ отдѣльныхъ отношеніяхъ и ради отдѣльныхъ цѣлей, чтобы позднѣе вывести ихъ внутреннее единство; для отдѣльныхъ цѣлей отыскиваются и указываются внутреннія отношенія, въ которыхъ онѣ стоятъ между собою. Разсматриваніе индивидуума самого по себѣ и въ отношеніи къ

различнымъ тенденціямъ и къ самому себѣ и между собою и есть дѣло и сущность обученія; и такимъ образомъ отрочество есть по преимуществу пора обученія.

Дѣло развитія и образованія челоѣка въ отроческомъ возрастѣ, какъ обученіе, совершается не столько сообразно съ сущностью самого челоѣка, сколько согласно опредѣленнымъ, твердымъ и яснымъ законамъ, лежащимъ въ самой основѣ вещей, въ особенности же, по тѣмъ законамъ, которымъ одинаково подчинены и челоѣкъ и предметъ, или, говоря опредѣленнѣе, не столько сообразно тому характеру, съ какимъ высказывается всеобщій, вѣчный законъ собственно въ челоѣкѣ, сколько сообразно тому характеру, какъ высказывается этотъ законъ одновременно и согласно и въ челоѣкѣ и въ предметѣ, т.-е. развитіе и образованіе совершается въ этой своеобразной или общей формѣ твердыхъ, опредѣленныхъ условий, лежащихъ внѣ челоѣка. Поэтому-то оно можетъ и должно совершаться съ знаніемъ дѣла, пониманіемъ, осмотрительностью, благоразумно и сознательно.

Такое дѣйствіе называется школою въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Итакъ, школа есть то мѣсто, гдѣ челоѣкъ доводится до познанія предметовъ и ихъ сущности по особымъ и общимъ законамъ, присущимъ имъ, гдѣ челоѣкъ, благодаря внѣшнему, единичному и частному, приводится къ познанію общаго, внутренняго, цѣлаго. Поэтому челоѣкъ въ отрочествѣ дѣлается въ то же время ученикомъ. Вмѣстѣ со ступеню отрочества для челоѣка иступаетъ время школьнаго обученія, дается ли оно въ школѣ или внѣ ея, отцомъ ли или членами семьи, или же, наконецъ, учителемъ. Подъ школой мы такимъ образомъ здѣсь вовсе не разумѣемъ классной комнаты или школьнаго пребыванія, но мы разумѣемъ сообщеніе знаній въ виду опредѣленной цѣли и въ опредѣленной внутренней погльдовательности.

Развитіе и образованіе челоѣка для достиженія его значенія, для выполненія его профессіи, какъ это всюду

видно из его натуры, есть устойчивое, непрерывно идущее вперед нераздѣльное цѣлое, всегда восходящее от одной ступени къ другой: — изъ возбужденнаго въ младенцѣ общаго чувства развивается въ ребенкѣ порывъ, наклонность; они приводятъ къ образованію души и сердца; а изъ этого образованія въ отрокѣ развиваемся умственная и волевая дѣятельность. Возвышеніе волевой дѣятельности до волевой устойчивости и такимъ образомъ оживленіе и образование чистой, твердой, сильной и устойчивой воли для проявленія прежде всего чистой человѣчности самой по себѣ и черезъ себя, вотъ — главная цѣль в главный пунктъ въ воспитаніи и обученіи отрока въ школѣ.

Воля есть духовная дѣятельность человѣка, сознательно исходящая изъ опредѣленнаго пункта, идущая въ опредѣленномъ направленіи къ опредѣленной цѣли, стоящая въ согласіи съ общою сущностью человѣка. Этимъ все сказано и все опредѣлено, что родители и воспитатели, учителя и школа должны дать въ эти годы человѣку, отроку, и чѣмъ они должны быть для него; пунктъ, изъ котораго исходитъ всякая духовная дѣятельность отрока, долженъ быть крѣпкимъ, здоровымъ, источникомъ, изъ котораго она вытекаетъ, долженъ быть чистымъ, яснымъ и вѣчнотекущимъ; направленіе — простымъ и опредѣленнымъ; цѣль должна быть устойчивою, твердою, сознательною, по существу, носящею въ себѣ жизнь, развивающею жизнь, питающею эту жизнь и молодѣющею всегда въ себе самой, возвышающеюся и облагораживающеюся, достойною стремленія, достойною призванія и назначенія, достойною сущности человѣка, развивающею и проявляющею эту сущность во-внѣ. Такимъ образомъ, для того, чтобы возвысить естественную волевую дѣятельность отрока до истинной волевой твердости, всѣ дѣйствія отрока, всякая воля его должны исходить изъ развитія, образованія внутренняго и изъ изображенія послѣдняго во-внѣ и обратно сводиться къ нимъ же. Примѣръ и слова, обученіе, позднѣе поученіе и примѣръ суть путь и средства для этого. Не только одинъ примѣръ и не только одни слова! — Не только примѣръ, ибо примѣръ есть единичное частное, получающее свою всеобщ-

ность и примѣнимость только благодаря слову. Не только одни слова, ибо слово есть нѣчто всеобщее духовное, часто многозначущее, получающее впервые только черезъ обученіе наглядность, значеніе и бытіе. Но примѣръ и слово, ученіе и примѣръ, какъ общее и частное, одни не достигаютъ этой цѣли, но при этомъ предполагается чуткое, доброе сердце, которое вырабатывается воспитаніемъ въ пору дѣтства. Поэтому и воспитаніе отрочества основывается на воспитаніи дѣтства, поэтому-то волевая дѣятельность вытекаетъ изъ сердечной и душевной дѣятельности, а волевая твердость — изъ сердечной и душевной твердости, и гдѣ нѣтъ перваго, тамъ и второе достигается, завоевывается только съ большимъ трудомъ!

Проявленіе же чуткаго добраго сердца, естественной отзывчивой души въ ребенкѣ есть внутреннее стремленіе, носящее въ себѣ единство, стремленіе найти и для предметовъ, разобщенныхъ между собою внѣшнимъ образомъ, которыми сердце и душа окружены въ такомъ количествѣ, внутреннее необходимое единство, и для нихъ, насколько это дѣти чувствуютъ въ себѣ, найти духовно объединяющую, всеоживляющую духовную связь и законъ, — связь и законъ, благодаря которымъ предметы получаютъ, но крайней мѣрѣ, житейское значеніе, значеніе для жизни. Хотя это желаніе для ступени дѣтства удовлетворяется для человѣка, благодаря полному обладанію живою игрою, въ то время какъ, благодаря игрѣ, онъ ребенкомъ ставится въ самую середину всѣхъ вещей, и въ то время, какъ всѣ вещи ставятся только въ отношеніе къ нему, къ его жизни, однако, прежде всего, только семейная жизнь даетъ имъ полное удовлетвореніе, только единственно она для каждой ступени образованія, даже для всей жизни человѣка — наибольшее развитіе и образованіе добраго сердца и отзывчивой благочестивой души въ ихъ настоящей жизненности и полной мощи. Такъ какъ вышеупомянутое объединяющее чувство является основнымъ условіемъ всякаго истинно человѣческаго развитія и образованія для совершенства и такъ какъ всякое разобщающее чувство разрушаетъ

чисто человеческое развитие, то уже в детском возрасте человек все относит к семейной жизни, видит всё предметы только через нее, в зеркале и в форме семейной жизни, как это нам уже ясно из детского возраста.

Благодаря этому, собственная семейная жизнь представляется ребенку чуждым-то внешним, чуждым-то посторонним, и она представляется ему образцовой жизнью, — это должны всегда помнить родители, чтобы ребенок мог во всей чистоте, во всей гармонии, во всей деятельности, как эта жизнь является ему вне его, также проявить ее из самого себя. В семье же он видит родителей и членов семьи, и, кроме того, видит взрослых в жизни и в отношениях, касающихся его семьи, как они творят, действуют, поступают, работают, и таким образом и ребенок на этой ступени хотел бы сам изображать, что он видит; он хотел бы, да он и пытается изображать все, что, как он видит, делают, творят, изображают и работают его родители, взрослые, и из чего он познает возможность и характер изображения посредством человеческой силы и посредством человеческих органов. Что раньше в ребенке было поведением лишь ради деятельности, то в отроке есть теперь деятельность ради дела, ради произведения; инстинкт деятельности ребенка преобразовался в отроке в инстинкт образования, в инстинкт изображения, и в этом разрешается вся внешняя жизнь, внешнее проявление отроковой жизни этого времени.

С какой охотой прежде всего разделяют мальчики и девочки этого возраста работы своего отца и матери, не пустячные и легкие, нет, нет, но работы, требующие напряжения, требующие силы и труда. Здесь будьте внимательны, осторожны, заботливы, родители! Или вы одним разом можете, по крайней мере, на долгое время уничтожить деятельный и образовательный инстинкты ваших детей, если вы откажетесь принять помощь от ваших детей, как помощь ребяческую, бесполезную, ничтожную, даже, быть может, как помеху и препятствие. Не позволяйте

себя увлекать делами, берегитесь говорить: «Убирайся! ты мне только мешаешь!» Или: «Мне нужно торопиться, я один скорее кончу с этим!» Мальчики и девочки таким образом терпят урон в своей внутренней деятельности, они чувствуют себя вытолкнутыми из всего, с чуждыми они чувствовали себя настолько сроднившимися; вся их внутренняя сила возбуждена; они видят себя одинокими; они не знают, что предпринять с возбужденной силой; она даже становится для них тяжелым бременем; они становятся вялыми и раздражительными. Довольно родителям раза три отказать ребенку, и он уже никогда не заявит с новым предложением разделить вашу работу; он стоит теперь огорченный и скучающий даже тогда, когда видит родителей за работой, в которой бы он мог бы с удовольствием принять участие. Да и кому не приходилось впоследствии слышать от родителей жалобы на воспитанных таким образом детей: «Когда мальчик или девочка были еще малы и еще не в силах были помогать, они целый день занимались чуждым-нибудь, а теперь, когда у них есть и знания и силы, теперь они не хотят ничего делать». — Заметьте, родители, — первое стремление к деятельности, первое стремление к образованию происходит из человека, сообразно сущности действующего в нем еще бессознательно и незамеченного начала, без всякого его активного участия, даже против его воли, что может легко проверить человек на себя и в позднейшем возрасте; если же человеку, в особенности молодому, на этот внутренний запрос к деятельности, в особенности к образованию, творчеству, изображению, что всегда сопряжено с физическим напряжением, встречается на пути внешнее препятствие, в особенности такое, как воля родителей, которая не может быть устранена, то сила тотчас ослабевает и при неоднократном повторении этого ослабления совершенно отходит на задний план и превращается в бездеятельность. Дети, отрок или девушка не спрашивают и не взвешивают, почему их помощь раз была уместна, а другой раз неуместна, они выбирают более удобное для

самихъ себя; они бросаютъ дѣятельность тѣмъ скорѣе и тѣмъ легче, чѣмъ болѣе таковая кажется имъ вынужденной волею родителей. Дитя, отрокъ становится вялымъ, т.е. его тѣло перестаетъ уже быть проникнутымъ духомъ и жизнью, оно становится для него теперь бременемъ, которое онъ долженъ носить, тогда какъ раньше чувство силы вовсе не допускало чувства своего тѣла, какъ такового, но лишь какъ мощнаго носителя проникающей его силы. Поэтому, родители, если вы желаете впоследствии и въ надлежащее время помощи отъ вашихъ дѣтей, то воспитывайте съ раннихъ поръ въ нихъ инстинктъ дѣятельности и въ особенности въ разбираемую пору отрочества инстинктъ образованія, хотя бы это стоило вамъ нѣкоторой борьбы надъ собою и нѣкоторыхъ жертвъ; это вознаградитъ васъ сторицею впоследствии, подобно хорошему плоду на хорошей почвѣ. Укрѣпляйте, развивайте эту помощь, дайте вашему ребенку важнѣйшее, въ чемъ онъ теперь нуждается, позвольте ему примѣнить свои силы къ семейному и поэтому въ особенности дорогому дѣлу, чтобы онъ получилъ не только сознание своей силы, но въ особенности и размѣръ ея.

Если прежняя дѣятельность была лишь подражаніемъ домашней жизни, то теперешняя есть участіе въ домашнихъ дѣлахъ: приходится поднимать, тащить, нести, рыть, копать; на всемъ желаетъ отрокъ упражнять свою силу, взвѣсить ее и помѣриться ею, чтобы его тѣло окрѣпло, его силы росли и чтобы онъ самъ зналъ размѣры ихъ. Повсюду, въ полѣ и въ саду, въ мастерской, въ книжной лавкѣ, въ лѣсу и на лугу, во время ухода за домашними животными, за выдѣлкой небольшихъ домашнихъ подѣлокъ, за пилкой или рубкой дровъ, за складываніемъ ихъ, во время всевозможныхъ ремеселъ сопровождаетъ отецъ сына. Вопросъ за вопросомъ вырастаютъ изъ души отрока: какъ? — почему? — благодаря чему? — когда? — ради чего? — о чемъ? — для чего? И каждый только до нѣкоторой степени удовлетворительный отвѣтъ открываетъ отроку новый міръ; языкъ является ему повсюду посредникомъ и, стало быть, въ его самостоятельномъ значеніи.

Самъ по себѣ здоровый, въ дѣтствѣ воспитывавшійся, веденный простымъ и естественнымъ образомъ, отрокъ этого возраста уже никогда не избѣгаетъ и не обходитъ препятствія или затрудненія, нѣтъ, онъ ищетъ ихъ повсюду, онъ преодолеваетъ ихъ. «Не трогай!» говоритъ сильный ребенокъ отцу, который хочетъ сдвинуть бревно съ дороги, по которой тому лежитъ путь. «Не трогай, я перейду черезъ него». Правда, сначала мальчикъ съ трудомъ перебирается черезъ него, но онъ все-таки перебирается самъ, у него выросли и сила и мужество, онъ возвращается назадъ, снова перебирается черезъ препятствіе, а скоро и, шутя, переходить черезъ него, какъ-будто бы ничего не лежало на дорогѣ. Если дѣятельность доставляла ребенку отраду, то теперь она доставляетъ ему удовольствіе; отсюда проявленія смѣлой, отважной силы въ юношескомъ возрастѣ. Спусканіе въ пещеры и пропасти, вскарабкиваніе на деревья и горы, стремленіе къ возвышеннымъ и глубокимъ мѣстамъ, блужданіе по лѣсамъ и полямъ, — словомъ, легкимъ кажется самое трудное, безопаснымъ — самое рискованное: побужденіе къ этому идетъ, вѣдь, изнутри, изъ души, изъ воли.

Но ни взвѣшиваніе, ни испытаніе, ни упражненіе силы не есть еще только то, что влечетъ отрока уже этого возраста въ высъ и глубь, въ даль и въ ширь, но въ особенности своеобразность и потребность его развивающейся теперь сокровенной жизни, стремленіе обозрѣть разнообразное, видѣть разрозненное въ цѣломъ, приблизить къ себѣ отдаленное, воспринять въ себя ширину и множество, воспринять цѣлое. Вскарбакиваніе на новое дерево есть въ то же время для мальчика открытіе новаго міра; все видно сверху, но все совершенно иначе, нежели представляется нашему обыкновенному стѣсненному боковому взгляду. Какъ ясно все разстилается передъ ребенкомъ теперь, когда онъ сидитъ на деревѣ! Если бы мы могли снова воскресить въ себѣ тѣ чувства, которыя расширяли нашу душу и наше сердце, тѣ чувства, которыя жили въ насъ, когда мы сами были отроками, когда передъ нашими расширяющимися зорами

падали суживающія границы окружающаго, врядь ли бы мы могли тогда холодно сказать мальчику: «Слѣзай внизъ, ты упадешь!» Не только ходьбой и стояніемъ научаются ходить и стоять, не только благодаря ходьбѣ, стоянію, сидѣнію и ползанію предохраняють себя отъ паденій, но и благодаря смотрѣнію и вокругъ себя и сверху внизъ, — да притомъ какой совершенно иной видъ принимаетъ самое обыкновенное, разъ на него смотрѣть сверху внизъ! — Развѣ мы не должны и развѣ мы не желаемъ нашему отроку рано придать эту возвышенность духа и души, развѣ онъ не долженъ прояснить свое чувство на ясной высотѣ, развѣ онъ не долженъ расширить свою душу и сердце взглядомъ въ широкую даль? «Но мальчикъ сдѣлается сорви-головой: онъ всегда беспокоить меня». Отрокъ, котораго съ малыхъ лѣтъ вели спокойно, согласно постоянному развитію его силы, всегда будетъ обнаруживать свою силу очень немногимъ болѣе того, чѣмъ онъ уже испыталъ ее на дѣлѣ, и, такимъ образомъ, онъ всегда пройдетъ, какъ подъ покровомъ ангела-хранителя, черезъ всѣ опасности, тогда какъ другой, не знающій ни своей силы, ни требованій къ ней, отваживается на такіе поступки, для которыхъ у него нѣтъ еще даже и незначительной, но испытанной силы, такимъ образомъ подвергаетъ себя опасности тамъ, гдѣ далее самый предусмотрительный не видитъ никакой опасности. Но всегда бываютъ тѣ отроки самыми безразсудно смѣлыми, къ которымъ безъ постоянного упражненія силъ вдругъ приходятъ сразу и самая сила и въ то же время случай проявить ее; тогда они, въ особенности, если на нихъ смотрятъ другіе, легко подвергаются опасности.

Не менѣе важны и благотворны для развитія склонность отрока къ спусканію въ пещеры и овраги, блужданіе по тѣнистой рощѣ и въ темномъ лѣсу; это стремленіе искать и найти еще не найденное, стремленіе увидѣть и познать еще невидѣнное, стремленіе вывести наружу и приблизить къ себѣ и усвоить себѣ находящееся въ темнотѣ и тѣни. Вотъ послѣ долгихъ странствованій отрокъ приноситъ неизвѣстные камни и растенія, звѣрковъ, жнвущихъ въ сокровенныхъ и тем-

ныхъ мѣстахъ: червей, жуковъ, пауковъ, ящерицъ, и вотъ такъ и сыплются разспросы: «какъ это называется, что это такое?» и т. д., и т. д., и съ каждымъ словомъ все богаче становится для него его міръ; все яснѣе становится окружающій его внѣшній міръ; не нужно лишь обрывать ребенка при первой же его попыткѣ сдѣлать это: «Фи, брось, это гадко!» — или: «Брось, укусить!» Если ребенокъ послушался такихъ рѣчей, то добрая часть его силы пропала даромъ, и впослѣдствіи ты можешь напрасно взывать къ нему, напрасно будетъ приводить доводы разсудка: «Смотри, вѣдь, это — безвредный звѣрекъ!» — взоры ребенка будутъ отвращаться, и при этомъ много знаній пропадетъ, тогда какъ при другомъ обращеніи пяти-шести лѣтній мальчикъ могъ рассказать бы тебѣ о чудномъ строеніи тѣла жука и о своеобразномъ употребленіи имъ своихъ членовъ такія вещи, которыя всѣ до сихъ поръ проходили мимо тебя совершенно незамѣченными. Правда, отчего не предупредить его ради осторожности, когда онъ будетъ брать неизвѣстныхъ животныхъ, но во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ запугивать.

Но отнюдь не всегда стремится только въ высь или въ глубь или въ темноту нашъ дѣйствительно здоровый мальчикъ этого возраста: чтобы развить въ себѣ осмотрительность, благоразуміе и вдумчивость, онъ найдетъ немало работъ и на ровной землѣ. Взгляните: вотъ онъ разводитъ себѣ маленькій садикъ въ сторонкѣ, возлѣ живой изгороди, отдѣляющей садъ его отца; а вотъ онъ въ колеѣ и канавѣ съ водой представляетъ себѣ теченіе рѣки; вотъ онъ наглядно и близко знакомится съ дѣйствіемъ паденія или напора воды, устроивъ свое маленькое дѣйствующее посредствомъ воды колесо; а здѣсь онъ изучаетъ свойство плаванія на небольшой дощечкѣ или кускѣ пробки въ своемъ маленькомъ, искусственно сдѣланномъ пруду. Особенно уже пріятно мальчику этого возраста занятіе съ чистой, живой, легко подвижной водой, въ которой, стремясь къ ясному постиженію самого себя, отрокъ видитъ, какъ въ зеркалѣ, свой образъ, — а равно и вообще для него особенно пріятно занятіе съ матеріаломъ, поддающимся измѣненію: съ пескомъ,

глиной и т. д. — это, можно сказать, его стихія, ибо онъ въ раньше добытомъ чувствѣ силы ищетъ полнаго господства надъ матеріею; все должно подчиниться его инстинкту образованія и изображенія, — тамъ въ кучѣ земли онъ устраиваетъ погребъ, пещеру, на землѣ изъ пустяковъ разводитъ садъ, устраиваетъ скамью. Доски, вѣтки, планки, прутья живо должны сложиться у него въ избу, въ домъ; снѣгъ превращается въ стѣны, въ валы, нагроможденные камни — въ крѣпость. Все совершается въ согласіи съ чувствомъ, духомъ и стремленіемъ человѣка въ отроческомъ возрастѣ, въ смыслѣ и въ духѣ единенія и усвоенія. Взгляните вонъ тамъ на двухъ мальчиковъ, которымъ едва минуло семь лѣтъ, взгляните, какъ они, обнявшись по-братски, мирно и доверчиво бесѣдуя другъ съ другомъ, идутъ по двору: они хотятъ достать инструменты, чтобы построить себѣ на возвышенномъ мѣстѣ среди кустарниковъ за домомъ домикъ со скамьей и столомъ, соорудить такое мѣсто, откуда бы однимъ взглядомъ можно было бы окинуть долину во всей ея красотѣ и цѣлости. Такъ объединяющее, но также и покоящееся на себѣ чувство все, что близко его сущности, потребности сокровенной жизни, соединяетъ камни и людей для общей цѣли ради общаго дѣла, и такимъ образомъ каждый вскорѣ образуетъ собственный міръ, ибо въ зависимости отъ чувства собственной силы стоитъ и возникаетъ вскорѣ и обладаніе собственнымъ пространствомъ и собственнымъ необходимымъ матеріаломъ. Пусть будетъ его царствомъ, его областью, какъ бы его страной, только уголокъ двора, дома или комнаты, пусть будетъ этимъ пространствомъ только коробка, ящикъ или шкафъ, или пещера, домъ, садъ, человекъ: мальчикъ этого возраста долженъ обладать наружною, лучше всего лично созданною для себя, лично избранною точкою отношенія, сосредоточенія своей дѣятельности. Если заполняемое пространство обширно, если область, принадлежащая владѣльцу, велика, если цѣлое сложно, то совершается братское единеніе единомышленниковъ, и разъ единомышленники сходятся въ стремленіи и въ своемъ взаимномъ

положеніи, то ими начатое дѣло расширяется, дѣло отдельной личности становится теперь общимъ дѣломъ.

Если вы, руководители дѣтей, воспитатели, хотите видѣть въ миниатюрѣ, какъ бы въ образѣ, то, на что здѣсь было указано, то послѣдуйте за мною въ импровизированный классъ, гдѣ вы найдете компанію мальчиковъ, человекъ восемь отъ 7 до 10-лѣтняго возраста. На большомъ столѣ старой комнаты вы найдете ящикъ съ кирпичиками. Кирпичики эти имѣютъ формы и пропорцію обыкновенныхъ строительныхъ кирпичей, каждый имѣетъ длину, равную $\frac{1}{2}$ дѣйствительной величины, и представляетъ самый красивый и наиболѣе удобный для построекъ матеріалъ, который подстать возрастающей силѣ мальчика въ качествѣ строительнаго средства; песокъ и опилки также нашли себѣ мѣсто въ комнатѣ, а недавняя прогулка въ прекрасномъ еловомъ лѣсу предоставила въ распоряженіе массу прекраснаго зеленого моху. Теперь рекреация, и каждый началъ свое дѣло по своему личному почину: тамъ въ углу совершенно скрытая отъ глазъ ютится небольшая часовенка; крестъ и алтарь характеризуютъ духъ настроенія; это созданіе маленькаго мальчика съ мирнымъ характеромъ; тамъ на стулѣ двое предприняли уже сообща довольно значительное сооруженіе; это — многоэтажное строеніе, которое должно изображать замокъ, съ высоты котораго, какъ съ горы, можно обозрѣвать всю долину; но что это выстроилъ вонъ тотъ потихоньку подъ столомъ? Это — зеленый холмъ, на которомъ высятся старыя развалины замка; подъ руками другихъ тамъ на ровномъ мѣстѣ выросла деревенька. Теперь каждый окончилъ свою работу, каждый осматриваетъ теперь ее и работу своихъ сосѣдей; каждому невольно приходятъ въ голову желаніе и мысль — нельзя ли, молъ, разрозненное соединить въ одно цѣлое, и едва желаніе успѣло сдѣлаться всеобщимъ, какъ тотчасъ уже проводятся общія дороги отъ деревеньки къ крѣности, отъ крѣности къ замку, отъ замка къ замку, отъ замка къ часовнѣ, а пустое пространство заполняется лугами и рѣками. А если бы вы заглянули туда въ другую рекреацию: одни изъ нихъ вылѣпили себѣ изъ

глины цѣлюю страну, другіе изъ картона сдѣлали себѣ цѣлый домъ съ дверьми и окнами, а вотъ одинъ изъ орѣховой скорлупы выстроилъ себѣ цѣлый корабликъ; каждый смотритъ на свое произведеніе; хорошо оно, но оно стоитъ одиноко; онъ смотритъ также на произведеніе своего сосѣда: соединить бы ихъ вмѣстѣ, куда было бы лучше! И тотчасъ же домъ, какъ замокъ, помѣщается на возвышенное мѣсто страны, а корабликъ плыветъ уже по маленькому искусственному озеру; ко всеобщей радости самый младшій помѣщаетъ своего пастушка и свое стадо пастись между горою и озеромъ; теперь они стоятъ всѣ вмѣстѣ и съ радостью и довольствомъ смотрятъ на дѣло своихъ собственныхъ рукъ. А это вонъ тамъ внизу у источника, у ручья, что это за шумъ и гамъ? Это собрались мальчики постарше. Они устроили каналы, а на нихъ — и шлюзы, и мосты, и приморскіе города, запруды и мельницы, каждый, — нисколько не заботясь и не имѣя въ виду работы другого. Но вотъ естественно должна пойти вода, а по водѣ сверху къ низовью канала должны направиться корабли; но чуть ли не на каждомъ шагу — граница новаго владѣдьяца, и каждый предъявляетъ свои права, какъ господинъ и создатель, и каждый считается съ требованіями другого, — что же можетъ привести ихъ къ согласію? — только договоры, и тотчасъ же государства соединяются между собою строгими договорами; кто можетъ указать все великое значеніе этихъ дѣтскихъ игръ? кто можетъ указать многосторонніе плоды ихъ? Только два вывода можно сдѣлать съ полною достовѣрностью: онѣ возникаютъ изъ чувства и ума самихъ дѣтей, а во-вторыхъ: мальчики, игравшіе въ эти игры были хорошими учениками, понятливыми, толковыми, вдумчивыми, съ живымъ воображеніемъ, прилежными, энергичными, хорошіе юноши и въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніяхъ, готовые помочь ближнему и совѣтомъ и дѣломъ, и разъ они такъ играли, они всегда были и будутъ хорошими, толковыми и благоразумными мужчинами.

Для этого возраста чрезвычайно важно обрабатываніе собственныхъ садовъ, и при-

томъ ради продуктовъ, потому что здѣсь человѣкъ видитъ впервые органическимъ путемъ, путемъ законномѣрнымъ и необходимымъ, какъ отъ его трудовъ возникаютъ плоды, которые хотя и подчиняются внутреннимъ законамъ естественной силы, однако во многихъ отношеніяхъ зависятъ отъ характера его дѣятельности. Въ особенности благодаря этому находить себѣ полное и многостороннее удовлетвореніе жизнь ребенка въ единеніи съ природою и его вопросы къ ней, его страстное желаніе познать природу, которое побуждаетъ его подолгу и каждый разъ снова разсматривать растенія и цвѣты, вдумчиво наблюдать ихъ, и природа, по видимому, также совершенно благоприятствуетъ этому инстинкту и этому занятію, чтобы совершенно особенно благословить ихъ счастливымъ успѣхомъ; ибо при взглядѣ на дѣтскіе сады сейчасъ же бросается въ глаза явленіе, что растенія того ребенка, который лишь до извѣстной степени ухаживаетъ за ними, растутъ и цвѣтутъ, имѣя поразительно здоровый и цвѣтушій видъ, мало того, что растенія и цвѣты дѣтей, которыя ухаживаютъ за ними съ совершенно особенною любовью, какъ бы живутъ вмѣстѣ съ ними, что такія растенія имѣютъ также совершенно здоровый и свѣжій видъ. Если же мальчикъ не можетъ имѣть своего садика, за которымъ онъ могъ бы самъ ухаживать, то пусть, по крайней мѣрѣ, будутъ его собственностью горшка два цвѣтовъ, не рѣдкихъ, за которыми трудно ходить, но легко идущихъ, богатыхъ листьями и цвѣтами самыхъ обыкновенныхъ растеній. Ребенокъ, мальчикъ, которому приходилось ухаживать за какою-нибудь внѣшнею жизнью, хотя бы даже очень подчиненной ступени, легко сумѣетъ также научиться ухаживать за своею жизнью и беречь ее. А черезъ уходъ за растеніями получить также удовлетвореніе и другая страсть, мальчика — интересъ къ живымъ предметамъ природы: къ жукамъ, бабочкамъ, птицамъ, такъ какъ всѣ эти живыя существа очень охотно являются вокругъ міра растеній.

Но отнюдь не всѣ игры, не всѣ занятія мальчика этого возраста только чистыя изображенія предметовъ, напротивъ, многія изъ нихъ по преимуществу — чистыя упражненія или

про́вѣрка силы. Но и игра этого возраста всегда имѣть свой собственный, совершенно соотвѣтствующій его внутренней жизни характеръ; а именно, какъ въ прошлый періодъ времени, въ дѣтскомъ возрастѣ, только дѣятельность была цѣлью игры, такъ теперь ея цѣлью бываетъ всегда нѣчто опредѣленное, сознательное; теперь этою цѣлью является и з о б р а ж е н і е, какъ таковое, само изображаемое, — и этотъ характеръ свободныхъ отроческихъ игръ съ годами развивается все болѣе и болѣе; то же самое во всѣхъ подвижныхъ играхъ, во время бѣганія, драки, борьбы, игры съ мячомъ, во время военныхъ и охотничьихъ игръ и т. д. Чувство определенной силы, чувство возвышенія и усиленія ея, которое онъ имѣетъ и какъ отдѣльная личность и какъ членъ общества — вотъ что наполняетъ отрока во время всѣхъ игръ такую глубокою, торжествующею радостью. Но здѣсь отнюдь не одна физическая сила получаетъ пищу, нѣтъ, но умственная и нравственная сила во всѣхъ этихъ играхъ находится въ повышенномъ, болѣе опредѣленномъ и болѣе устойчивомъ состояніи, такъ что, если бы пришлось взвѣсить, въ какую сторону клонится перевѣсъ, трудно было бы рѣшить, нужно ли отдать преимущество тѣлу или душѣ: — справедливость, умѣренность, самообладаніе, истина, вѣрность, братство и вмѣстѣ съ тѣмъ строжайшая безпартійность, кто не замѣчаетъ этихъ чудныхъ цвѣтовъ сердца, души и твердой воли, когда онъ приближается къ кругу такихъ играющихъ дѣтей. Мы найдемъ здѣсь также яркіе, хотя, быть можетъ, и не такъ яркіе цвѣты: храбрость, выдержку, рѣшимость, осторожность; но мы не найдемъ въ этомъ букетѣ ни пересушивания, ни исключенія изъ своей среды неповоротливаго вслѣдствіе природной вялости. Кому хочется подышать освѣжающей атмосферой жизни, тотъ пусть побываетъ на площадкахъ, гдѣ играютъ такіе мальчики. Но здѣсь цвѣтутъ еще болѣе благоухающіе цвѣты, и истинный, свободный мальчикъ щадить ихъ, какъ щадить хорошій конь человѣка, ребенка, который лежитъ на пути его быстрого бѣга. Эти нѣжные, какъ фіалка, цвѣты суть: пощада, терпимость, заботливость, поощреніе не по своей винѣ болѣе слабого, болѣе нѣжного, болѣе

молодого, снисходительность къ товарищу, незнакомому съ игрой. Пусть это помнятъ всѣ тѣ, которые, только скрѣпя сердце, вводятъ въ дѣтское воспитаніе площадки для игръ. — Правда, иное слово выходитъ грубымъ, а иное дѣло смѣлымъ; но вѣдь сила, чувство силы должны быть прежде, нежели появится образованная сила, прежде, нежели сила можетъ явиться образованной; и зорки, ясны и пронизательны и взглядъ и чутье къ познанію внутренняго и поэтому также рѣзко и опредѣленно подчасъ даже грубо и сурово бываетъ его сужденіе въ отношеніи и равноправнаго по сужденію и силѣ, по крайней мѣрѣ, выставляющаго себя таковымъ.

Каждая мѣстность должна имѣть для своихъ дѣтей свою собственную, общую площадку для игръ, чудны были бы тогда плоды, которые произошли бы черезъ это для общины; ибо игры этой ступени развитія, гдѣ только возможно, — всегда общественнаго характера и такимъ образомъ они развиваютъ чутье и чувство общественнаго, законъ и требованія общественнаго. Мальчикъ старается видѣть себя въ своихъ сверстникахъ, чувствовать себя въ нихъ, на нихъ провѣрить свои силы, познать себя и какъ бы отыскать себя въ нихъ; такъ дѣйствуютъ и образуютъ эти игры непосредственно въ интересахъ жизни, пробуждаютъ и поддерживаютъ много гражданскихъ и нравственныхъ добродѣтелей.

Но времена года и обстоятельства не всегда позволяютъ дѣтямъ, свободнымъ отъ домашнихъ и школьныхъ занятій упражнять и развивать свою силу подъ открытымъ небомъ, но во всякомъ случаѣ отрокъ не долженъ оставаться въ бездѣятельности; поэтому-то въ этомъ возрастѣ и всѣ виды другихъ внѣшнихъ занятій и изображеній, которыя связаны съ домомъ и комнатою, въ особенности то, что принято называть механическими работами (ручнымъ трудомъ) бумажная и картонная работы, лѣпка и т. д. составляютъ весьма существенную часть занятій мальчиковъ и весьма важны для нихъ.

Но въ человѣкѣ существуетъ еще стремленіе, страстная потребность души, которыя не чувствуютъ себя удовлетво-

ренными всѣми внѣшними занятіями, всею внѣшнею дѣятельностью; все, что даютъ человѣку на этой ступени внѣшнее занятіе и дѣятельность далеко недостаточны для него, для того, что онъ ищетъ и чего желаетъ при воспитаніи, соотвѣтствующемъ его характеру. Настоящее со всей его полнотою и со всѣмъ его богатствомъ не можетъ удовлетворить его. Черезъ то, что нѣчто существуетъ въ настоящемъ, узнаетъ онъ, что нѣчто было въ прошедшемъ. И то, что было до него, онъ хотѣлъ бы знать и о себѣ самомъ; онъ хотѣлъ бы знать прошедшую причину, прошедшее основаніе того, что существуетъ въ настоящемъ; онъ желалъ бы даже, чтобы оставшееся ему отъ стараго времени рассказало ему о немъ самомъ, о причинѣ его существованія, о томъ старомъ времени. Кому же не памятно въ особенности изъ его болѣе зрѣлаго возраста то отчетливое томленіе, которое ясно выражалось въ его душѣ при видѣ старыхъ стѣнъ, старыхъ башенъ, развалинъ, даже только старыхъ строеній, даже при видѣ старыхъ памятныхъ камней и колоннъ на возвышенностяхъ и дорогахъ, томленіе, чтобы другіе рассказывали ему объ этихъ предметахъ? Да, кто тогда не испытываетъ въ себѣ темнаго, неопредѣленнаго предчувствія, не могли ли бы какъ-нибудь эти предметы сами рассказать о себѣ и своемъ времени? — Но кто могъ бы рассказать ему объ этомъ въ согласіи съ истиннымъ освѣщеніемъ фактовъ, какъ не тѣ, которые жили до него, какъ не старшіе? И онъ желаетъ, чтобы эти послѣдніе рассказали ему объ этомъ, и, такимъ образомъ, въ отрокѣ этого возраста развивается потребность и стремленіе къ разсказу, къ сказыванію, къ рассказыванію вообще, позднѣе къ историческому. Это стремленіе, въ особенности въ своемъ первомъ проявленіи, въ этоль возрастѣ чрезвычайно велико; оно такъ велико, что, гдѣ оно неудовлетворяется изъ окружающаго и черезъ окружающее, дѣти стремятся удовлетворить его изъ себя и чрезъ себя, и это въ особенности во времена и дни отдыха, особенно же тогда, когда окончены всѣ заботы дня. Кто не видѣлъ, и кого не поразило то, какимъ образомъ собирался кружокъ мальчи-

ковъ этого возраста вокругъ одного изъ ихъ среды, котораго хорошая память и живое воображеніе сдѣлали ихъ рассказчикомъ, и какъ въ это время другіе слушали съ напряженнымъ вниманіемъ, если его разсказъ отвѣчалъ ихъ сокровеннымъ желаніямъ и фактами подтверждалъ ихъ дѣйствія и сужденія, словомъ, если онъ приводилъ примѣры и слово въ согласіи съ ихъ внутреннимъ міромъ.

Но и само настоящее, въ которомъ живетъ отрокъ, содержитъ въ себѣ еще много такого, чего человѣкъ на этой ступени развитія не въ состояніи объяснить себѣ, но что онъ все-таки охотно желалъ бы себѣ истолковать; много такого, что ему является нѣмымъ, тогда какъ ему хотѣлось бы, чтобы оно жило и трепетало жизнью. И онъ желаетъ отъ другихъ услышать объясненія этому, онъ желаетъ, чтобы другіе сдѣлали слышнымъ для него языкъ нѣмыхъ предметовъ, онъ желаетъ, чтобы другіе дали языкъ нѣмымъ предметамъ, внутреннюю, живую связь всѣхъ вещей, которую онъ чувствуетъ въ глубинѣ души; онъ желалъ бы слышать ее ясно высказанною живою рѣчью. Но и этимъ другимъ не всегда бываетъ возможно, далее почти никогда не бываетъ возможно исполнить желаніе отрока, и такимъ образомъ въ немъ развивается живая потребность и стремленіе къ баснѣ и сказкѣ, которыя предметамъ лишеннымъ языка даютъ языкъ и смыслъ, — первая въ предѣлахъ человѣческихъ отношеній, а вторая — внѣ предѣлахъ человѣческихъ отношеній и внѣ человѣческихъ, земныхъ явленій. — И это, конечно, замѣчалъ всякій, кто только наблюдалъ серьезно и внимательно жизнь мальчика этого возраста, а равнымъ образомъ и то, что если и здѣсь среда, окружающая мальчика, не удовлетворяетъ этой его потребности и не можетъ удовлетворить, онъ самъ по себѣ ударяется въ измышленіе и сочиненіе басенъ и сказокъ и разрабатываетъ ихъ или только въ себѣ самомъ, или для своихъ сверстниковъ, которыхъ занимаетъ ими къ ихъ величайшей радости. Эти разсказы и сказки тогда очень краснорѣчиво говорятъ наблюдателю, что дѣлается въ тайникахъ души молодого рассказчика, безъ сомнѣнія, еще совершенно не сознающаго этого.

Что онъ чувствуете въ себѣ самомъ и что живетъ въ немъ и для чего даже, самому высказать это, у него еще недостааетъ языка; все это онъ желаетъ слышать отъ другихъ и черезъ другихъ.

То, что предчувствуетъ душа мальчика, то, что заставляетъ радостно биться его сердце, какъ, напримѣръ, тогда, когда онъ чувствуетъ свею силу или приближеніе весны, все это онъ хотѣлъ бы передать своимъ словомъ; но онъ чувствуетъ, что онъ самъ по себѣ не обладаетъ подходящимъ запасомъ словъ; онъ ищетъ словъ и такъ какъ онъ не можетъ найти таковыхъ въ себѣ самомъ, то онъ сердечно радуется, когда находитъ это въ изреченіяхъ и особенно въ пѣснѣхъ и пѣніи. Развѣ не поетъ съ огромной охотою на этой ступени всякій веселый мальчикъ? — Развѣ онъ не чувствуетъ себя въ пѣснѣ впервые живущимъ по настоящему? Развѣ это не чувство растущей силы, которое вызываетъ изъ его здоровой груди громко раздающіеся веселые звуки пѣсни во время его прогулокъ по долинамъ и горамъ.

Стремленіе узнать самого себя иногда прямо приковываетъ мальчика на мѣстѣ; такъ мы видѣли его у ясной, свѣтлой, стоячей проточной воды; и его постоянно влечетъ въ его игрѣ опять къ ней, такъ какъ въ ней онъ видитъ самого себя, образъ своей души, и такъ какъ черезъ нее и въ ней онъ надѣется выяснитъ себѣ духовную сущность ея. Чѣмъ является вода въ ручьѣхъ и озерѣхъ, что составляютъ чистый воздухъ и ясная даль съ вершины горы для души мальчика, тѣмъ же является для него игра: — она есть для него какъ бы зеркало житейской борьбы, ожидающей его въ будущемъ; поэтому-то, чтобы закалиться для нея, отрокъ и позднѣе юноша ищетъ въ игрѣ препятствія, затрудненія, борьбы.

Страстное стремленіе узнать что-нибудь о старинѣ и природѣ постоянно останавливаетъ и приковываетъ вниманіе отрока на развалинахъ, на старыхъ стѣнахъ, на обрушившихся сводахъ. Стремленіе къ изображенію того, что волнуетъ сердца и душу, заставляетъ мальчика пѣть, и такимъ образомъ представляется несомнѣннымъ, что очень многія внѣшнія явленія, очень многіе поступки и дѣйствія маль-

чика имѣютъ внутреннее значеніе, характеризуютъ его внутреннюю, духовную жизнь, слѣдовательно, они — символическаго характера. Какъ было бы полезно и для родителей и для дѣтей, для ихъ настоящаго и будущаго, если бы родители повѣрили этому символическому въ дѣтской и отроческой жизни, если бы въ этомъ отношеніи родители обращали вниманіе на жизнь своихъ дѣтей! Какая новая живая связь завязалась бы между родителями и ребенкомъ, какая новая нить жизни провелась бы между ихъ теперешней и будущей жизнью!

Такова чистая жизнь мальчика этого возраста.

Пороки отрочества.

Перенесемъ теперь отъ этого констатированія внутренней и внѣшней чистой дѣтской и отроческой жизни, которая является благословеніемъ людей тамъ, гдѣ господствуетъ настоящее воспитаніе дѣтей и отроковъ, сообразное съ человеческой натурой, и притомъ, въ дѣйствительности, въ гораздо большей красотѣ, полнотѣ, и жизненности, нежели здѣсь изображено, — перенесемъ свои взоры отъ этой чистой дѣтской и отроческой жизни въ дѣтскую и отроческую жизнь, какъ она является намъ къ сожалѣнію въ дѣйствительности въ большинствѣ случаевъ, хотя даже и не во всей полнотѣ. Заглянемъ въ особенности въ дѣтскую, братскую, домашнюю, дѣятельную, трудовую, школьную и товарищескую жизнь дѣтей и отроковъ, и мы тогда непремѣнно должны будемъ признать, что тамъ многое происходитъ совершенно иначе, что тамъ встрѣчаются упрямство, своенравіе, изнѣженность, духовная и физическая вялость и лѣность, коварство, чувственность и сластолюбіе, тщеславіе и самомнѣніе, неуступчивость и властолюбіе, отсутствіе настоящихъ братскихъ и дѣтскихъ чувствъ и отношеній, пустота и верхоглядство, бегство отъ труда и даже игрѣ, непослушаніе и забвеніе Бога и т. д. Поищемъ же источниковъ этихъ и многихъ другихъ порочныхъ дѣтскихъ явленій въ жизни, которыя отнюдь не могутъ быть отрицаемы, и, въ

концѣ концовъ, передъ ними выступаетъ двоякая причина: во-первыхъ, совершенное неразвитіе чистой человѣческой природы, затѣмъ раннее порочное развитіе, раннія порочныя неестественныя ступени развитія и искаженія первоначально добрыхъ человѣческихъ силъ, задатковъ и стремленій вслѣдствіе произвольнаго, незаконнаго вмѣшательства въ основной и законѣрный и необходимый ходъ развитія человѣка. Въдѣ натура человѣка сама по себѣ хороша, и въ человѣкѣ существуютъ хорошія по себѣ свойства и стремленія, и человѣкъ отнюдь не дурень самъ по себѣ, равно какъ не существуетъ самихъ по себѣ дурныхъ или зловредныхъ свойствъ человѣка, если не считать злымъ, дурнымъ и порочнымъ конечное, тѣлесное, преходящее, плотское само по себѣ и какъ **такое** и въ его свойствахъ и послѣдствіяхъ, а равнымъ образомъ и то, что имѣетъ свою необходимую причину и свое существованіе въ проявленіи вѣчнаго во временномъ и какъ временное, единаго въ частномъ и какъ частное, въ назначеніи человѣка для сознанія, для разума и для свободы; если это и то, что слѣдуетъ отсюда, — что человѣкъ долженъ имѣть возможность дѣлать ошибки, чтобы быть хорошимъ и добродѣтельнымъ, что онъ долженъ быть въ состояніи дѣлать себя рабомъ, чтобы быть дѣйствительно свободнымъ, если этого всего, повторяю, не считать злымъ, дурнымъ и порочнымъ. Кому предстоить добровольно и свободно исполнять божественное и вѣчное, тотъ долженъ мочь и смѣть дѣлать земное и конечное. Такъ какъ Богу угодно было проявить себя въ конечномъ, то это могло произойти только черезъ конечное и преходящее, поэтому тотъ, кто называетъ временное, частное и, стало быть, конечное, физическое, плотское, само по себѣ, грѣховнымъ, тотъ прежде всего богохульствуетъ. Равнымъ образомъ измѣна по отношенію къ человѣчеству и человѣку, когда говорятъ, что человѣкъ самъ по себѣ, по своей сущности ни добръ ни золь, равно какъ, съ другой стороны, то же — измѣна, когда осмѣливаются высказывать, что человѣкъ самъ по себѣ по своему существу золь, грѣховень. Человѣкъ отрицаетъ тогда ради человѣка Бога, ибо онъ отрицаетъ Его твореніе,

т.-е. такимъ образомъ и средства и путь дѣйствительно познать Бога, и такимъ образомъ вносить въ міръ *ложь*, единственный источникъ всего дурного. Если существуетъ зло, которое само по себѣ можетъ быть названо зломъ, то это именно она, потому что она — первое зло; но ложь не имѣетъ самостоятельнаго существованія, она уже отрицаетъ самое себя и, какъ уже не признанная но существу, будешь непризнана, какъ явленіе, ибо человѣкъ созданъ не путемъ лжи и не для лжи, а правдой и для правды; человѣкъ также творить ложь не изъ себя, не изъ своей сущности; но человѣкъ можетъ создать ложь, и онъ создаетъ ее, именно потому что онъ созданъ Богомъ для правды; человѣкъ создаетъ ложь тѣмъ, что онъ не признаетъ этого или для самого себя или другихъ; человѣкъ создаетъ ложь тѣмъ, что онъ мѣшаетъ, чтобы человѣкъ это созналъ въ себѣ самомъ и черезъ себя самого изъ чистаго источника своей сущности и чтобы онъ даль познать это другимъ.

Назначеніе человѣка, какъ земного явленія, какъ земного существа, развитъ духъ и тѣло въ нѣкоторой равномерности въ нѣкоторомъ равновѣсіи съ сознаніемъ и разумомъ; всякая порочность, даже проявленіе порочности или злобы, которая заключается въ человѣкѣ или совершается черезъ него, которая какъ бы пристаеетъ къ нему и окружаетъ его, какъ какое-то призрачное одѣяніе, которое онъ тотчасъ же снялъ бы, если бы онъ только могъ прийти къ ясному и отчетливому познанію своей природы, если бы онъ дошелъ до полнаго или частичнаго пониманія ея и если бы онъ благодаря изнѣженности и послабленію не былъ настолько безсиленъ, и безволенъ, чтобы не могъ самъ сбросить это одѣяніе, — всѣ эти порочности имѣютъ свое основаніе только въ нарушенномъ отношеніи этихъ двухъ сторонъ человѣка: въ его природѣ, въ сотворенномъ и въ его сущности, въ сущемъ въ немъ.

Поэтому въ основѣ всякаго проявленія порочности въ человѣкѣ лежитъ собственно и первоначально разбитое или сбитое съ пути хорошее свойство, хорошее стремленіе, только задавленное, не понятое или дурно понятое, искаженное.

Поэтому единственное, никогда не обманывающее средство уничтожить окончательно всякую порочность, злобу и грѣховность заключается въ томъ, чтобы постараться поискать и найти первоначальный хорошій источникъ, ту сторону челоѳческаго существа, въ игнорированіи, нарушеніи или дурномъ веденіи которой порочность имѣетъ свое основаніе, и тогда уже выхаживать и вести ее надлежащимъ образомъ; такимъ образомъ, наконецъ, порочность исчезнетъ, если и не безъ продолжительной борьбы съ привычкою — но не съ первоначальнымъ зломъ въ челоѳкѣ — и притомъ тѣмъ скорѣе и вѣрнѣе, чѣмъ скорѣе челоѳкъ самъ оставляетъ путь порочности; ибо челоѳкъ скорѣе желаетъ праваго, нежели дурного. Такимъ образомъ безспорно одно, по крайней мѣрѣ, что въ настоящее время въ дѣтскомъ и отроческомъ мірѣ чрезвычайно мало замѣчается собственно дѣтскаго, истинно благочестиваго чувства, мало благожелательства къ ближнему, мало терпимости и мало истинно религіознаго чувства, напротивъ, — много эгоизма, недружелюбія, въ особенности, грубости и т. д. Причина этого заключается просто-напросто въ неразбуженномъ и неразвитомъ впоследствии рано въ ребенкѣ и отрокѣ чувствѣ общительности между родителями и дѣтьми, но, напротивъ, рано уничтоженномъ и нарушенномъ. Поэтому, если мы желаемъ, чтобы снова вернулись истинно братскія отношенія, истинныя дѣтскія чувства, довѣрчивое и любовное благочестіе, уживчивость, чувство солидарности и уваженія между товарищами и ближними, то мы должны помнить, что это возможно, если мы поставимъ въ связь и будемъ культивировать существующее въ каждомъ челоѳкѣ чувство общительности, если только оно существуетъ тамъ, хотя отчасти; тогда мы опять вернемъ то, лишеніе чего такъ тяжело отзывается въ нашей семейной, челоѳческой и религіозной жизни.

Другой источникъ многихъ отроческихъ пороковъ — поспѣшность, невнимательность, легкомысліе, — словомъ, недомысліе, съ которымъ мы относимся къ его инстинктивному поведенію, захватывающему всю его дѣятельность чувствъ и физическихъ ощущеній, совершенно въ себѣ

безвредному, невинному, даже похвальному, но послѣдствія удовлетворенія котораго еще не представлялись отроку въ его житейскомъ опытѣ, при чемъ ему и въ голову не приходило себѣ самому объяснять послѣдствія поведенія изъ самаго дѣла. Такъ, одинъ мальчикъ безъ всякаго злого умысла, отъ чистаго сердца, радуясь своей выдумкѣ, напудрилъ парикъ своего очень любимаго дяди известкой, совсѣмъ не видя тутъ ничего порочнаго, а еще менѣе думая о томъ, что ѣдкая известка, конечно, должна повредить волосамъ парика и т. п. — Другой мальчикъ нашелъ въ большомъ сосудѣ для воды глубокія круглыя фарфоровыя блюда; случайно удалось ему замѣтить, что блюда эти, падая вверхъ дномъ на ровную, спокойную поверхность воды и ударяясь о нее, издавали оглушительный звукъ отъ быстрого паденія. Это явленіе обрадовало его, онъ постарался повторить опытъ, увѣряя себя мысленно, что блюда, конечно, при значительномъ количествѣ воды въ сосудѣ не разобьются; это ему часто удавалось, и чтобы сдѣлать результатъ еще эффектнѣе, онъ бросалъ блюда съ все болѣе и болѣе высокаго мѣста; но разъ блюдо, сохраняя вполнѣ горизонтальное положеніе, упало на горизонтальную поверхность воды такъ плотно и съ такой высоты, что воздухъ, спертый между углубленіемъ блюда и водяною поверхностью, не могъ выйти ни въ какую сторону и былъ все-таки до такой степени стѣсненъ, что сила этого плотно спертаго воздуха отвѣснымъ ударомъ разбила совершенно цѣлое блюдо на двѣ совершенно равныя части. Молодой физикъ, который поучалъ такимъ образомъ самого себя, стоялъ теперь пораженный и огорченный при неожиданномъ результатѣ своей игры, такъ радовавшей его. Но отрокъ и въ другомъ до-нельзя недальновиденъ въ слѣдованіи своему жизненному инстинкту. Другой мальчикъ долго бросалъ камнями по направленію къ маленькому окошку сосѣдняго зданія съ самымъ серьезнымъ намѣреніемъ попасть въ него, при этомъ онъ совсѣмъ какъ-будто не догадывался, что, если камень попадетъ согласно его желанію и цѣли въ окно, стекло непременно будетъ разбито; камень попадетъ въ цѣль, раздается звонъ, и мальчикъ остается на мѣстѣ,

какъ прикованный. — Такъ, другой мальчикъ, отнюдь не злой, напротивъ, даже очень добродушный, который самъ очень любилъ голубей и даже водилъ ихъ, цѣлился однажды безъ всякой задней мысли просто-напросто ради того, чтобы попасть въ цѣль, въ красиваго голубя своего сосѣда, совсѣмъ не думая о томъ, что, если его пуля попадетъ въ цѣль, голубь непременно упадетъ, не думая и о томъ, что, можетъ быть, черезъ это молодые птенцы лишатся своей матери; онъ выстрѣлилъ, пуля попала въ цѣль; голубокъ упалъ, была разлучена пара чудныхъ голубей, а едва оперившіеся птенцы потеряли мать, которая питала и согрѣвала ихъ и т. д.

Конечно, глубокая истина, непризнаніе которой, къ сожалѣнію, ежедневно тяжело мститъ за себя, — что въ большинствѣ случаевъ прежде всего портитъ человѣка, ребенка и отрока, человѣкъ, другой человѣкъ, часто даже самъ воспитывающій человѣкъ; это бываетъ вслѣдствіе того, что въ основу всего, что ребенокъ или отрокъ дѣлаетъ или по невѣдѣнію или по непредусмотрительности, или даже вслѣдствіе слишкомъ тонкаго различія справедливаго и несправедливаго и, слѣдовательно, по очень похвальному и хорошему чувству справедливости, всегда кладутъ злое, дурное, по меньшей мѣрѣ, нечистое намѣреніе. Къ сожалѣнію, и теперь еще существуютъ такіе неудачники среди воспитателей: въ дѣтяхъ и отрокахъ они всегда видятъ маленькихъ злыхъ, упрямыхъ и коварныхъ чертенятъ, гдѣ другіе увидятъ, въ крайнемъ случаѣ, шутку, зашедшую слишкомъ далеко, или просто дѣйствіе слишкомъ смѣлой жажды жизни, Такія каркающія зловѣщія птицы, будучи воспитателями, дѣлаютъ если и не изъ совершенно невиннаго, то все-таки изъ неповиннаго человѣка впервые виновнаго, ибо они внушаютъ ему такіе поступки и мысли, которые ему еще совершенно чужды; они прежде всего дѣлаютъ его дурнымъ, если не со стороны воли, то со стороны поступковъ; они убиваютъ его въ духовномъ смыслѣ, отнимаютъ у него жизнь, чтобы онъ узналъ, что онъ имѣетъ эту жизнь не черезъ себя и не изъ себя, и что онъ не можетъ также дать самъ себѣ эту (внутреннюю) жизнь; но настоящей

жизни уже нѣтъ, и онъ не можетъ дать ее себѣ самъ; чѣмъ поможетъ теперь познаніе, которое не переходитъ въ дѣйствіе, чѣмъ поможетъ теперь слабое желаніе безъ энергіи проявить его? То, что они сдѣлали злымъ и дурнымъ вслѣдствіе того, что они думали, что ребенокъ никогда не можетъ добраться до небесъ и не можетъ носить ихъ въ своей душѣ безъ того, чтобы, выражаясь мягко, не пройти черезъ грѣхъ, и это, будто бы, тогда долженъ снова исправить благій Богъ, и это-то они называютъ: сдѣлать ребенка благочестивымъ! Такое поведеніе похоже на поведеніе маленькаго добродушнаго юнца, который въ полномъ убѣжденіи говоритъ про муху или жука, которыхъ онъ замучилъ, или даже у которыхъ онъ оторвалъ лапы: они укрощены. Такъ существуютъ еще и другія дѣти и подростки, которые при большой порочности во внѣшнемъ проявленіи вслѣдствіе невнимательнаго отношенія къ нимъ, а также вслѣдствіе незнанія внѣшнихъ житейскихъ отношеній, хотя и отдаются всецѣло увлекающей ихъ внутренней жизни, все-таки имѣютъ самое искреннее и пламенное стремленіе быть вполне порядочными и добрыми людьми. Но такія дѣти, къ сожалѣнію, въ концѣ концовъ и дѣйствительно становятся сами по себѣ дурными и именно вслѣдствіе того, что не узнавали ихъ въ ихъ сокровенномъ стремленіи, а часто даже истолковывали ложно; будь они поняты въ надлежащее время, они, конечно, нерѣдко были бы, несомнѣнно, предостойнѣйшими людьми. Да, дѣти и отроки очень часто наказываются взрослыми, родителями и воспитателями за такіе проступки и ошибки, которые они сами же имъ, быть можетъ, привили раньше. Особенно часто наказаніе, а чаще всего выговоры развиваютъ въ дѣтяхъ пороки, даже впервые поселяютъ въ нихъ такіе пороки, которыхъ раньше у нихъ совсѣмъ не было. Поэтому человѣкъ погрѣшаетъ гораздо болѣе по отношенію къ человѣку, по отношенію къ дѣтямъ, нежели по отношенію къ Богу. Ибо что значить оскорбительный поступокъ беспомощнаго ребенка въ сравненіи съ достоинствомъ отца, стоящаго во всеоружіи признанной добродѣтели? Но чѣмъ только не можетъ повредить испорченный отрокъ душѣ и

тѣлу младшаго ребенка и словомъ и дѣломъ! — Таково то отношеніе человѣка къ человѣку и къ Богу.

Какъ уже было сказано, въ душѣ отрока черезъ все, что онъ дѣлаетъ въ это время, проходитъ глубокое чувство, проникнутое глубокимъ смысломъ; всѣ его поступки носятъ общій характеръ, ибо онъ старается отыскать единство, объединяющее всѣ вещи и всѣ существа, а слѣдовательно, и самого себя среди вещей. Непонятное ему самому стремленіе влечетъ его въ особенности къ вещамъ природы, къ вещамъ, растеніямъ, цвѣтамъ и т. д. въ природѣ, которые являются для него непонятными и скрытыми; ибо вѣрное чувство подсказываетъ ему: то, что удовлетворяетъ душу съ ея стремленіемъ, не открыто и не у всѣхъ на глазахъ, но его слѣдуетъ и необходимо вызвать изъ сокровенной темноты. Если развитіе этого чувства съ ранняго времени игнорируется, то, къ сожалѣнію, этимъ уничтожается и стремленіе отрока развивать его изъ себя и черезъ себя; ибо отрокъ, котораго вели естественнымъ образомъ, какъ бы слабы, безсознательны ни были проявленія этого стремленія, ищетъ собственно только единства, объединяющего всѣ вещи, необходимаго живого единства, основанія всѣхъ вещей — Бога, — не созданнаго человѣческою мудростью и человѣческимъ измышленіемъ, но лишь того, который всегда близокъ сердцу и душѣ, живому духу, который поэтому познается въ духѣ и истинѣ и которому только и подобаетъ молиться. Мальчикъ въ своемъ зрѣломъ отроческомъ возрастѣ только въ томъ находитъ удовлетвореніе, что онъ нашель Его, Кого онъ предчувствовалъ въ своемъ неизъяснимомъ томленіи и исканіи, ибо только тогда впервые онъ нашель и самого себя.

Такова свободно проявляющаяся внутренняя и внѣшняя жизнь человѣка, отрока, на той ступени развитія, когда онъ становится ученикомъ. Но что такое школа?

IV. Школа.

A. Общія замѣчанія.

Школа есть стремленіе познакомить съ сущностью и внутреннею жизнью предметовъ и своей собственной, съ внутренними отношеніями предметовъ другъ къ другу, къ человѣку, къ ученику, къ живѣйшей основѣ и ясному для себя самому единству всѣхъ предметовъ, къ Богу. Цѣль преподаванія — привести въ сознаніе единство всѣхъ предметовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ пребываніе, существованіе, жизнь всѣхъ ихъ въ Богѣ, чтобы когда-нибудь впослѣдствіи поступать согласно съ этимъ сознаніемъ. Средствомъ и путемъ для этого служить само обученіе. Поэтому внѣшній міръ, благодаря школѣ и обученію, является ученику и этотъ послѣдній самому себѣ, какъ стоящій въ нѣкоторомъ отношеніи къ этому міру, чѣмъ-то противоположнымъ ему, обособленнымъ, чуждымъ и другимъ. Затѣмъ школа указываетъ внутреннія направленія и отношенія отдѣльныхъ предметовъ другъ къ другу и такимъ образомъ восходитъ все болѣе и болѣе къ высшимъ обобщеніямъ. Поэтому, ученикъ отроческаго возраста, вступая въ школу, какъ бы переходитъ изъ внѣшняго порядка вещей въ высшій, духовный. Этотъ выходъ ребенка изъ внѣшняго поверхностнаго порядка наряду съ вступленіемъ его во внутреннее созерцаніе вещей, приводящій поэтому къ познанію и уразумѣнію, этотъ выходъ ребенка изъ домашняго порядка въ высшій міровой дѣлаетъ отрока ученикомъ, а школу тѣмъ, что она есть, школою. Школа дѣлается таковою не какъ учрежденіе для усвоенія большаго или меньшаго количества разнообразныхъ, а, стало быть, внѣшнихъ свѣдѣній, но лишь единственно благодаря внутреннему, оживляющему ее духу, который оживотворяетъ здѣсь всѣ предметы, духу, которымъ охвачены всѣ вещи.

О если бы все это взвѣсили надлежащимъ образомъ всѣ тѣ, на обязанности которыхъ лежатъ веденіе, руководительство и устройство школъ! Поэтому школа, сама по себѣ,

предполагаетъ ясное познаніе самой себя, которое какъ бы паритъ надъ внѣшнимъ міромъ и ученикомъ и между ними обоими, объединяетъ въ себѣ сущности обоихъ, носитъ въ себѣ внутренній міръ обоихъ, является посредникомъ между обоими, даетъ обоимъ языкъ и взаимное пониманіе, — и это есть учитель (Meister), который потому такъ называется, что онъ долженъ быть въ состояніи, по крайней мѣрѣ, для большинства (für das Meiste), указать единство предметовъ; онъ — школьный учитель, потому что онъ долженъ указать и дать познать себѣ самому и другимъ внутреннюю, духовную сущность вещей. Это предчувствуетъ, этого ожидаетъ и на это надѣется и этого требуетъ также каждое дитя, каждое школьное дитя отъ своего учителя, — и это предчувствіе, и эта надежда, и эта вѣра составляютъ невидимыя и многозначительныя узы между ними обоими. Это предчувствіе, эта надежда и эта дѣтская вѣра — вотъ все то, посредствомъ чего наши старые учителя вліяли на пробужденіе и развитіе истинной внутренней жизни гораздо болѣе, нежели многіе изъ нынѣшнихъ школьныхъ учителей, которые знакомили дѣтей съ такимъ множествомъ предметовъ, не показывая послѣднихъ въ ихъ необходимомъ внутреннемъ духовномъ единствѣ и не приводя ихъ въ эту связь.

Единственными въ своемъ родѣ являются: дѣтское и отроческое предчувствіе, ихъ вѣра и простота, позволяющая имъ надѣяться и вѣрить, что ихъ учитель именно потому, что онъ называется школьнымъ учителемъ, и является таковымъ на самомъ дѣлѣ, и поэтому можетъ объединить внутреннимъ, духовнымъ образомъ то, что разрознено внѣшнимъ образомъ, оживить мертвое и придать ему значеніе жизни. И это-то чаяніе, какъ оно ни будь туманно и темно, и есть единственно то, чѣмъ дѣйствуетъ школьный учитель такъ, какъ онъ дѣйствуетъ. Это чаяніе и эта вѣра и есть тотъ всеоживляющій духъ, посредствомъ котораго камни, которые онъ предлагаетъ своимъ дѣтямъ, превращаются у нихъ въ пищу, если не для головы, то все-таки для сердца. Эти-то чаяніе, надежда и стремленіе и есть тотъ всеоживляющій духъ, который своимъ вѣяніемъ даже между че-

тырехъ закоптѣлыхъ стѣнъ, дѣлаетъ для школьника столь дорогой его школу. Духъ, истинный духъ школы, подобно Святому Духу, проявляется не внѣшними знаками, и, стало быть, обиліе воздуха въ классныхъ комнатахъ не составляетъ школы, разъ какое-нибудь дуновеніе изгнало изъ нея высшую духовную жизнь, высшее дыханіе жизни. Свѣтлые просторные классы — прекрасный, драгоценный подарокъ и они, конечно, пріятны учителю и ученикамъ и заслуживаютъ ихъ благодарности, но это еще не все. Лютеровскія слова: «Поститесь и подготавливайте свое тѣло, конечно, прекрасная внѣшняя дисциплина; но лишь тотъ вполне достойный и праведный человекъ, кто имѣетъ вѣру и довѣріе», находясь и здѣсь свое подтвержденіе. Вѣра и довѣріе, надежда и чаяніе, съ которыми входитъ ребенокъ въ школу — вотъ, что творитъ все, — вотъ, что создаетъ въ школѣ исполинскіе результаты; ибо ребенокъ входитъ въ школу съ дѣтскимъ упованіемъ, тихой надеждой и темнымъ предчувствіемъ: здѣсь тебя научатъ такому, чему ты не можешь научиться внѣ школы; здесь ты получишь пищу для твоего ума и для твоей души, а, кромѣ того, также и пищу для тѣла, здѣсь — такія надежды и ожиданія буквально живутъ въ ребенкѣ — здѣсь находятся пища и питье, которыя утоляютъ голодъ и жажду, а тамъ — такія пища и питье, по принятіи которыхъ ты снова опять будешь всегда голодать и жаждать.

Не представляйте себѣ здѣсь какого-нибудь вполне возможнаго каприза школьниковъ въ видѣ какого-нибудь противорѣчія; именно благодаря вліянію школы, благодаря возвышенной внутренней духовной силѣ и благодаря достигнутой цѣли школою, благодаря ея духовной пищѣ, отрокъ чувствуетъ себя свободнѣе и свободнѣе движется; настоящій школьникъ не долженъ ходить, повѣся носъ, вялымъ, напротивъ, онъ долженъ быть полонъ жизни, свѣжъ и силенъ и духомъ и тѣломъ. Поэтому-то даже и дѣйствительно капризный мальчикъ, отдаваясь своему здоровому инстинкту жизни, отнюдь не видитъ въ этомъ какой-нибудь бѣды въ отношеніи къ внѣшней жизни.

Въ высшей степени ошибочно, если мы думаемъ, что дѣйствующая внутри, оживляющая и объединяющая (интенсив-

ная) сила человека увеличивается съ годами и съ его развитіемъ. Эта сила убываетъ, въ то время какъ возрастаетъ та сила, которая распространяется въ ширь, творитъ внѣшніе и различные образы (сила экстензивная). Къ сожалѣнію, чувство и сознание этой послѣдней экстензивной силы очень легко и очень часто убиваютъ сознание силы внутренней. Это-то обстоятельство, а вмѣстѣ съ тѣмъ смѣшеніе обѣихъ силъ по ихъ существу и въ ихъ проявленіяхъ приводятъ къ большимъ заблужденіямъ въ школьной жизни и въ первоначальномъ воспитаніи (Führung) дѣтей, столь часто встрѣчающемся въ жизни, и отнимаютъ у жизни каждаго человека ея истинный принципъ и его истинную почву. Мы слишкомъ мало довѣряемся теперь этой внутренней и одухотворяющей силѣ ребенка и отрока, и поэтому-то она даетъ въ послѣдствіи такіе ничтожные результаты: неупотребленіе внутренней силы приводитъ, вѣдь, въ концѣ концовъ, къ исчезновенію самой силы. Или мы играемъ и забавляемся силою, которая обнаруживается въ дѣтяхъ; поэтому съ ними бываетъ у насъ то же, что съ магнитомъ, который оставляется въ бездѣятельности висѣть или лежать безъ всякаго «якоря», или силу котораго тратятъ на безтолковую и бесполезную игру: въ томъ и другомъ случаѣ уменьшается и теряется сила, и когда онъ долженъ бываетъ въ послѣдствіи показать ее, онъ уже утратилъ свою силу; такъ и дѣти оказываются слабыми, когда имъ въ послѣдствіи приходится что-нибудь перенести физическое или нравственное. Не забудемъ же никогда, чтобы должнымъ образомъ оцѣнить животворную дѣтскую силу, того, что сказалъ одинъ изъ величайшихъ нѣмцевъ¹⁾: отъ грудного младенца договорящаго ребенка большій шагъ, нежели отъ школьника до Ньютона. Если же шаги въ сторону дѣтства были больше, то тѣмъ выше должна быть сила, этого мы не должны забывать; позднѣе, расплывчатость, разнообразіе, знаніе человека, которое творитъ, объединяетъ и производитъ, уничтожаютъ и затемняютъ взглядъ на прежнее единство, и внутреннее одухотвореніе (интензивность) человеческой силы.

1) Жанъ Поль Рихтеръ.

Такимъ образомъ, только духъ дѣлаетъ школу истинной школой. Не большее или меньшее раздробленіе и разъединеніе цѣлаго, которое никогда не знаетъ никакихъ границъ и представляетъ постоянно все новыя основанія для дѣленія и разъединенія, но объединеніе отдѣльнаго и раздѣленнаго въ слѣдствіе созерцанія и познаванія духа, объединяющаго духа, который живетъ во всемъ отдѣльномъ и во всемъ разнообразіи: вотъ что дѣлаетъ школу школой. Не забывайте этого никогда. Преподаваніе и сообщеніе разнообразности и множества, какъ таковыхъ, не дѣлаетъ школы школою, но только выступленіе вѣчно живого единаго начала, живущаго во всѣхъ предметахъ. Но такъ какъ это въ настоящее время такъ часто забывается или игнорируется, то въ настоящее время такъ много учителей ремесленниковъ и такъ мало истинныхъ учителей по призванію, такъ много учебныхъ заведеній и такъ мало истинно образовательныхъ заведеній.

Теперь и знать-то, пожалуй, не хотятъ, по крайней мѣрѣ, не желаютъ себѣ выяснять вполне опредѣленно, какой такой духъ вѣдетъ и долженъ вѣять въ школьныхъ учрежденіяхъ, какой собственно духъ долженъ оживлять школы; его, пожалуй, не удавалось подмѣтить даже истинному учителю въ простотѣ его профессіи, въ глубокой вѣрности ей, не удавалось ни назвать, ни выразить должнымъ образомъ: поэтому-то онъ такъ быстро и легко и исчезалъ и исчезаетъ все болѣе и болѣе. Мы находимъ здѣсь еще разъ подтвержденіе тому, что намъ такъ часто приходится встрѣчать въ жизни — что самое высшее, самое благороднѣйшее благо пропадаетъ для человека, разъ онъ не сознаетъ того, чѣмъ онъ владѣетъ, и если онъ не удерживаетъ его сознательно, свободно и добровольно и не проявляетъ изъ себя точно такимъ же образомъ. Дѣтское чаяніе и надежда, дѣтская вѣра и дѣтское чутье человека, конечно, указываютъ ему путь, но сознаніе, вдумчивость и добровольность человека должны помочь ему проявить себя на этомъ пути, ибо человекъ предназначенъ ради сознанія и ради свободныхъ и самопроизвольныхъ поступковъ.

Далѣ, при живомъ представленіи того, что есть школа и чѣмъ она должна быть, выясняется и ея дѣйствительное отношеніе къ ея предметамъ и къ самому обученію, безъ правильной постановки которыхъ обученіе остается безсмысленной игрой и безъ всякаго воздѣйствія на голову и сердце, на умъ и душу.

Въ сказанномъ уже имѣются отвѣты на вопросы, или, по меньшей мѣрѣ, легко получаются изъ него: нужны ли школы? Почему нужны школы и ученіе? Чѣмъ они должны быть, и какъ въ нихъ должно нести дѣло?

Благодаря школѣ мы должны въ качествѣ духовныхъ существъ сдѣлаться мыслящими, сознательными, разумными (вдумчивыми, т.-е. сознательно чувствующими и ощущающими) и такимъ образомъ обдуманно поступающими людьми, мы должны прежде всего стремиться къ развитію своей силы, своего ума, какъ полученнаго отъ Бога, къ проявленію божественнаго въ жизни, не забывая того, что тогда получаетъ свое оправданіе и свое удовлетвореніе и все земное; мы должны возрасти мудростью и умомъ у Бога и у людей въ человѣческихъ и божескихъ предметахъ; мы должны знать, что мы живемъ и должны жить въ единеніи съ тѣмъ, кто есть нашъ Отецъ; мы должны знать, что мы и все земное является храмомъ Бога живого; мы должны знать, что мы должны быть такъ же совершенны, какъ Отецъ нашъ, который находится на небеси, и вполне согласно этому знанію мы должны поступать и дѣйствовать. Сюда должна привести насъ школа, ради этого должны существовать школа и обученіе и съ этой цѣлью они должны сообразоваться.

Б. Учебные предметы.

Чему же должна учить школа? — Чему долженъ обучаться человѣкъ, отрокъ въ качествѣ ученика? Только разсмотрѣніе того, что представляетъ изъ себя и чего требуетъ развитіе человѣка на ступени отрочества для отрока и ученика, можетъ привести къ отвѣту на этотъ вопросъ, но знаніе этого проистекаетъ изъ явленія человѣка, какъ отро-

ка. Что же есть согласно этому явленію, согласно характеру его проявленія то, чему долженъ обучаться отрокъ?

Въ жизни и явленіи человѣка, въ качествѣ начинающаго отрока, обнаруживается прежде всего живое чувство собственнаго духовнаго я и смутное предчувствіе зависимости этого духовнаго я отъ высшей сущности, которою обусловлено бытіе всѣхъ предметовъ, изъ которой возникли всѣ предметы и отъ которой зависитъ все; жизнь и явленіе человѣка, какъ отрока, обнаруживаютъ живое чувство и чаяніе живого, животворнаго дыханія и вѣянія, въ чемъ и чѣмъ живутъ всѣ предметы, какъ рыба водою, и какъ человѣкъ и всѣ созданія яснымъ, чистымъ воздухомъ. Человѣкъ, какъ отрокъ и начинающій школьникъ, является воспринимающимъ свою духовную сущность, предчувствующимъ Бога и духовную сущность всѣхъ вещей; онъ является со стремленіемъ все болѣе и болѣе выяснитъ себѣ это воспріятіе и укрѣпитъ это чаяніе. Въ качествѣ отрока человѣкъ относится къ противостоящему ему внѣшнему вполне самостоятельному міру съ тою надеждою и съ тою вѣрою, что и въ самомъ мірѣ и надъ нимъ живетъ такой же духъ, какъ и въ немъ самомъ и надъ нимъ, что и этотъ міръ проникнутъ такимъ же духомъ, какимъ проникнутъ и онъ самъ; и его влечетъ внутреннее, непреодолимое стремленіе, возвращающееся съ каждой новой весною и съ каждой новой осенью, съ каждымъ новымъ свѣжимъ утромъ и съ каждымъ тихимъ вечеромъ, съ каждымъ мирнымъ праздникомъ, стремленіе постичь этотъ всевластный Духъ, какъ бы приблизиться къ нему. Внѣшній міръ является человѣку на отроческой ступени съ двухъ сторонъ: во-первыхъ, обусловленнымъ и вышедшимъ, благодаря требованію и силѣ человѣка по волѣ и предписанію человѣка, или же обусловленнымъ и вышедшимъ по требованію силы, дѣйствующей въ природѣ. Между этимъ внѣшнимъ, формальнымъ и физическимъ міромъ и міромъ внутреннимъ, душевнымъ и духовнымъ выступаетъ языкъ, сначала составляя съ ними одно цѣлое и потомъ постепенно освобождаясь отъ нихъ и дѣлаясь самостоятельнымъ, по тому-то и соединяя ихъ воедино.

Такимъ образомъ душа и внѣшній міръ, въ данномъ случаѣ прежде всего природа, и соединяющій объ языкъ вотъ — полюсы отроческой жизни, каковыми они уже были для всего рода человѣческаго на первой ступени зрѣлости, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ священныя книги. Посредствомъ ихъ школа и обученіе должны привести отрока къ тройкому, но единому позванію: къ познанію самого себя во всѣхъ отношеніяхъ и такимъ образомъ къ познанію человѣка вообще согласно его сущности и его отношеніямъ, къ познанію Бога, вѣчнаго условія, вѣчной причины и вѣчнаго основанія и вѣчнаго источника его сущности и сущности всѣхъ вещей, и къ познанію природы и внѣшняго міра, какъ выходящаго изъ вѣчно духовнаго и обусловленнаго имъ. Обученіе и школа должны человѣка привести къ жизни и поступкамъ, стоящимъ въ полномъ согласіи съ этимъ тройкимъ, но въ себѣ единымъ познаніемъ; школа и ученіе должны привести человѣка черезъ это тройкое, но единое въ себѣ самое познаніе, отъ склонности къ волѣ, отъ волевой дѣятельности до волевой твердости и такимъ образомъ, постоянно прогрессируя, довести до достиженія своего призванія, до достиженія своего земного совершенства.

1. Религіозное обученіе.

Стремленіе возвести въ ясное сознаніе чаяніе о первобытной единосущности воспринятаго собственнаго духовнаго я, человѣческаго духа и Бога и быть въ единеніи съ Богомъ, единеніи, основывающемся на этой единосущности, и продолжать жить несмущенно и неослабно въ этомъ единеніи съ Богомъ въ каждомъ положеніи и въ каждомъ отношеніи жизни: вотъ — религія. Религія не есть что-нибудь разъ установившееся, но живое, постепенно совершенствующееся стремленіе.

Оживленіе, укрѣпленіе, просвѣщеніе, воспріятіе духовнаго я, души, духа и внутренняго міра, какъ покоящихся въ Богѣ, обусловленныхъ имъ и выходящихъ изъ него; про-

возвѣщеніе свойствъ и сущности души, духа и внутренняго міра, обусловленныхъ въ Богѣ и черезъ Него; провозвѣщеніе отношенія Бога къ человѣку, какъ оно исповѣдуются во всеуслышаніи въ собственной душѣ и въ жизни каждаго, въ жизни самой по себѣ и въ особенности въ жизни и исторіи развитія человѣчества, какъ объ этомъ повѣствуютъ намъ священныя книги; и это познаніе, примѣненное къ жизни самой по себѣ, и въ особенности къ своей собственной, и въ жизни каждой отдѣльной личности, примѣненное ради дальнѣйшаго развитія и образованія человѣчества, ради изображенія божественнаго въ человѣческомъ, и такимъ образомъ примѣненное къ познанію и исполненію обязанностей человѣка, т. е. того, чѣмъ долженъ обыкновенно быть человѣкъ по своему существу; изложеніе и указаніе средствъ и путей, чтобы жить для стремленія въ истинномъ единеніи съ Богомъ, или, если оно нарушено, вновь возстановить его — вотъ преподаваніе религіи. Поэтому-то преподаваніе религіи въ извѣстномъ смыслѣ всегда уже предполагаетъ религію, какъ бы послѣдняя ни была незначительна. Преподаваніе религіи можетъ быть лишь постольку плодотворно, поскольку можетъ оказывать вліяніе на жизнь, поскольку оно уже находитъ въ душѣ человѣка истинную, хотя бы еще совершенно неопредѣленную и безсознательную религію. Если бы человѣкъ могъ быть безъ религіи, то было бы невозможно привить ему религію. Вотъ о чемъ должны были бы подумать легкомысленные родители, которые выращиваютъ своего ребенка до школьной ступени, совершенно не воспитывая въ немъ религіознаго чувства.

Познаніе и анализъ сущности религіи, какъ они ни просты, какъ они не лежатъ въ самой натурѣ человѣка и какъ они ни составляютъ одного цѣлаго съ человѣкомъ, все-таки рѣдко являются въ чистотѣ, потому что человѣкъ, будучи существомъ физическимъ и живущимъ въ пространствѣ, всегда въ основаніи единосущности предполагаетъ раздвоенность; но Богъ (и Божественное), во вѣки развиваясь изъ себя, всегда остается Единымъ и Недѣлимымъ, именно, потому,

что онъ — Духъ, и такъ какъ человѣкъ въ понятіе о единствѣ, какъ бы это понятіе смутно ни было, вкладываетъ понятіе о единеніи въ пространство и во времени. Но такъ же, какъ истинная единосущность не предполагаетъ дѣленія и даже исключаетъ его, такъ точно единеніе не только не требуетъ и не исключаетъ соединенія во времени и пространстве, но даже исключаетъ его. Въ кругу челонѣческаго опыта и созерцанія опыты, изображающіе и уясняющіе это, встречаются гораздо чаще, нежели необходимо; ибо идея, жизненно воплощенная мысль, которую человѣкъ выражаетъ во всякомъ произведеніи внѣ себя, была вѣдь неразрывнымъ цѣлымъ съ его сущностью, даже какъ бы запечатлѣна живою личностью этого человѣка; данная идея въ этой своеобразной формѣ принадлежитъ только этому человѣку и могла бы, если бы онъ сознавалъ ее въ данномъ ему образѣ, вернуться къ общей совокупности мысли вмѣщающаго ее человѣка, т.-е. онъ могъ бы дать отчетъ о совокупности мышленія этого человѣка, онъ могъ бы развиваться далѣе въ сознаніи этого своего отношенія и такимъ образомъ возвыситься до предчувствія общаго мышленія даннаго человѣка; мало того, онъ могъ бы даже возвыситься до смутнаго чаянія основной идеи мыслящаго въ данномъ направленіи человѣка; ибо каждый человѣкъ имѣетъ, собственно говоря, единственную, ему особенно и преимущественно принадлежащую, собственную мысль, какъ бы основную идею всего своего существа, основной звукъ своей жизненной пьесы, идею, которую онъ только стремится выразить и выяснить посредствомъ тысячи другихъ идей, посредствомъ всего своего поведенія; — и все-таки человѣкъ вслѣдствіе изображенія этой жизненно воплощенной идеи и вслѣдствіе всѣхъ идей, изображенныхъ во-внѣ во всѣхъ образахъ и формахъ, отнюдь не становится самъ по себѣ незначительнѣе, и хотя эта идея теперь, повидимому, выражена внѣ человѣка, и все-таки мыслящій человѣкъ охотно и всегда признаетъ ее за свою и всегда будетъ дѣйствовать ради ея развитія. Мыслящій и мыслимое (если бы оно сознавало само себя) должны оба всегда быть живо проникнуты истиною своей прежней еди-

носущности, и все-таки мыслимое не есть мыслящее, хотя по существу они составляютъ одно и то же; таково отношеніе человѣческаго духа къ Богу. Отецъ имѣетъ одного или нѣсколькихъ сыновей; каждый есть самостоятельное, сознающее себя существо; но кто можетъ сказать что-нибудь противъ или отрицать, будто не всякій сынъ по своему выражаетъ сущность отца? Каждый сынъ вполне носитъ въ себѣ сущность своего отца, но въ своей своеобразности, особеннымъ для него образомъ въ данномъ случаѣ, видоизмѣненномъ подъ вліяніемъ жизни матери; и все-таки, благодаря этому самостоятельному существованію сына въ отцѣ, не произошло дѣлимости: отцовскій духъ, отцовская душа, отцовская жизнь вслѣдствіе того, что онъ далъ жизнь сыну, не раздѣлилась и не убыла. Сынъ и каждый изъ сыновей до мелочей и до особенностей вылитый отецъ, только въ новой своеобразности; даже сыновья одного и того же отца, однихъ родителей походятъ другъ на друга по нравственному характеру, по рѣчи, по звуку и по движенію, такъ что каждый во многихъ отношеніяхъ (не беря, конечно, въ расчетъ мелочей) можетъ вполне замѣнить другого; и все-таки ни одинъ не есть часть другого, каждый есть цѣлое, а не часть своего отца; какъ они цѣлы и нераздѣльны, такъ и отецъ есть все еще цѣлая и нераздѣльная величина. — Если бы мы ясно по-человѣчески созерцали человѣческое, то мы чувствовали бы и даже познавали бы Божественное.

Такъ же мало въ этомъ единеніи подразумѣвается пространственное, временное и матеріальное сцѣпленіе: развѣ не можетъ мыслящій, чувствующій человѣкъ быть въ единеніи съ своими друзьями и пріятелями, даже въ единеніи живомъ, практическому хотя бы онъ былъ раздѣленъ отъ нихъ морями и землями? Развѣ не можетъ человѣчскій духъ чувствовать себя въ единеніи, развѣ онъ не чувствуетъ въ единеніи съ людьми, о которыхъ онъ знаетъ лишь по наслышкѣ, которыхъ онъ никогда не видалъ и не увидитъ и развѣ между ними не бываетъ живого пракческаго единенія? — Развѣ не можетъ человѣкъ, человѣчскій духъ чувствовать себя въ общеніи съ людьми, съ ихъ духомъ, съ

тѣми, которые существовали тысячи лѣтъ тому назадъ или будутъ существовать впослѣдствіи гдѣ-нибудь на землѣ или въ иномъ мѣстѣ, и быть съ ними въ живомъ практическомъ общеніи? Что могло бы быть для человѣка руководящимъ и разъясняющимъ началомъ въ области его воспріятій, это онъ презираетъ; поэтому-то онъ и ходитъ впослѣдствіи безъ лѣстницы и свѣта тамъ, гдѣ онъ такъ нуждается въ нихъ для восхожденія наверхъ и спусканія внизъ и для странствованія въ области чистаго духа, внѣ времени и внѣ пространства, и области божественнаго. Всегда есть и будетъ истиной: въ чистыхъ и ясныхъ человѣческихъ отношеніяхъ, въ особенности въ отношеніяхъ родительскихъ и духовно-человѣческихъ отражается божественно-человѣческое; и на этихъ чистыхъ отношеніяхъ человѣка къ человѣку мы познаемъ отношенія Бога къ человѣку и человѣка къ Богу, научаемся созерцать и видѣть ихъ.

Если человѣкъ сознательно и ясно познаетъ происхожденіе своего духовнаго я изъ Бога, рожденіе въ Богѣ и изъ Бога, свою исконную единосущность съ Богомъ, и вслѣдствіе этого свою необходимо обусловленную постоянную зависимость, но также непрерывно и постоянно развивающееся сообщеніе съ Богомъ, то онъ познаетъ въ этомъ общеніи вѣчно необходимую обусловленность своего я отъ Бога, въ отчетливости этого познанія, въ жизненности и устойчивости своихъ поступковъ, а слѣдовательно и въ жизни, стоящей въ полномъ единеніи съ этимъ сознаниемъ и убѣжденіемъ, свое спасеніе, свой миръ, свою радость, свое назначеніе, свою жизнь, истинную и единственно правдивую жизнь, какъ таковую, и причину своего существованія; такимъ образомъ онъ узнаетъ на истинномъ и дѣйствительно-человѣческомъ языкѣ въ Богѣ своего Отца, себя какъ одного изъ дѣтей Божіихъ, живетъ и поступаетъ согласно этому познанію: это — христіанская религія. Поэтому она — чисто земное, человѣчески дѣтское отношеніе, мышленіе и поведеніе, — какъ мы видимъ изъ того, что разсказывается объ Иисусѣ: Онъ былъ послушанъ родителямъ; поэтому она есть чисто отцовское, материнское родительское, отношеніе, мы-

шленіе, поведеніе, которое чтить въ ребенкѣ еще не признанное и неразвитое начало, уважаетъ и признаетъ его, — какъ мы знаемъ о Маріи: и она передумала, разобрала всѣ эти слова въ сердцѣ; — поэтому чисто-человѣческія, родительскія и дѣтскія отношенія вотъ — ключъ и первое условіе къ тому небесно-божественному, естественному и дѣтскому отношенію и жизни, къ проявленію истинной христіанской жизни, чувства и поведенія въ себѣ самомъ и черезъ себя. Поэтому проникновеніе въ чисто духовно-человѣческія, истинно-отеческія, дѣтскія, истинно-родительскія отношенія есть единственный ключъ къ познанію, узрѣнію и предчувствію божественно-человѣческихъ отношеній, отношенія Бога къ людямъ, людей къ Богу. Лишь постольку, поскольку мы совершенно постигаемъ чисто духовныя, внутренне-человѣческія отношенія, поскольку мы остаемся имъ совершенно вѣрны до послѣднихъ мелочей, достигнемъ мы совершеннаго познанія и узрѣнія божественно-человѣческихъ отношеній, почувствуемъ ихъ настолько глубоко, живо и истинно, что вслѣдствіе этого будетъ удовлетворено всякое стремленіе всего нашего существа, по крайней мѣрѣ, оно получитъ свое полное уясненіе и изъ вѣчно неудовлетвореннаго порыванія превратится въ стремленіе, которое всегда увѣнчивается одинаковымъ успѣхомъ. Мы еще не знаемъ, мы даже еще не предчувствуемъ, что намъ такъ близко, что составляетъ одно съ нашей жизнью, съ нами самими; мы даже не живемъ въ согласіи съ познаніемъ и предчувствіемъ слова, которыми мы такъ гордимся; это доказывается ежедневно нашимъ поведеніемъ по отношенію къ нашимъ родителямъ, къ нашимъ дѣтямъ, къ воспитанію человѣка. Мы хотимъ быть дѣтьми Господа, а не дѣлаемся еще даже сыновьями нашихъ отцовъ, нашихъ родителей. Богъ долженъ быть нашимъ отцомъ, а между тѣмъ мы сами давно уже не отцы нашимъ дѣтямъ; мы хотимъ узрѣть Божественное, а на-человѣческое, которое приводитъ къ нему, мы не обращаемъ вниманія. Глубокое постиженіе и проникновеніе божественно-человѣческихъ отношеній есть великое по послѣдствіямъ благословеніе, которое основывается на чисто-родительски-дѣтскихъ и дѣтски-роди-

тельскихъ отношенійхъ и на такой жизни. Мы ставимъ развивающемуся въ вѣчности человѣчеству внѣшнія границы, мы заключаемъ его во внѣшнія границы, думаемъ, что уже достигли этихъ его границъ въ его земномъ развитіи; человѣчество является для насъ чѣмъ-то мертвымъ, стоячимъ, а не постоянно развивающимся въ своихъ формахъ; мы не знаемъ нашей собственной сущности и сущности человѣчества и хотимъ все-таки познать Господа и Иисуса Христа. Мы раздѣляемъ Бога и человѣка, человѣка и Христа, и тѣмъ не менѣе хотимъ прійти къ Богу и Христу. Мы забываемъ и не видимъ, что во всякомъ внѣшнемъ раздѣленіи предполагается и обусловливается первоначальное внутреннее единеніе; какъ ясно и недвусмысленно ни говорить намъ слово, понятіе дѣяніе, однако, мы не понимаемъ этого.

Внутреннее и единое отношеніе Христа къ Богу нельзя характеризовать болѣе широкимъ и исчерпывающимъ образомъ, болѣе правдиво и рѣшительно, чѣмъ отношеніемъ отца къ сыну, чѣмъ этимъ высшимъ и сокровеннѣйшимъ отношеніемъ, какое только можетъ познать, вообразить себѣ или предчувствовать человѣкъ, но которое болѣею частію разсматривается лишь внѣшнимъ, а не внутреннимъ образомъ, не глубоко, какъ нужно было бы согласно его сущности: посредствомъ дѣтскаго и отеческаго отношенія; сыномъ, истиннымъ сыномъ становится дитя лишь потому, что оно развиваетъ въ себѣ сущность отца, сознаетъ и постигаетъ ее вполнѣ, что оно дѣлаетъ нравственный возрѣніе, сущность и стремленіе отца побудительною причиною всякаго своего мышленія и поведенія и смотритъ на полное согласіе, въ поступкахъ и поведеніи со своимъ отцомъ, познаннымъ въ его высококомъ достоинствѣ, какъ на свое прекраснѣйшее призваніе, какъ на источникъ мира и радости своей жизни. Таково чистое, истинное и высокое, но притомъ чисто человѣческое отношеніе сына къ отцу, истиннаго сына къ истинному отцу. Слово сынъ предполагаетъ всегда сознаніе тамъ, гдѣ оно употребляется въ его полномъ значеніи, предполагаетъ уже въ личности сознаніе, раздѣленіе образа мыслей и стремленія отца, предполагаетъ полное, существенное, внутреннее и ду-

ховное согласіе сына и отца. Естественно, что это отношеніе прежде всего выступаетъ у старшаго, перваго по рожденію сына, да, вѣдь оно и должно выступить прежде всего у него; въ то время какъ всѣ его младшіе братья еще дѣти, онъ единственный первородный сынъ. Христось — единородный и возлюбленный сынъ Божій, потому что онъ изъ всѣхъ смертныхъ и небожителей первый одинаково глубоко и живо проникся, какъ своимъ дѣтскимъ отношеніемъ къ Богу, такъ точно и отеческими отношеніями Бога къ нему, проникся и въ своемъ мышленіи и въ нравственномъ чувствѣ и въ поведеніи; поэтому-то Онъ первородный, первородный среди всѣхъ созданий. Часто повторяющееся изрѣченіе Христа: «Вѣруйте въ Меня», «Если бы вы вѣровали въ Меня» значить поэтому; если бы вы предчувствовали, если бы вы познали, узрѣли, поняли что высшее, что только можетъ человѣкъ познать, увидѣть, воспринять на землѣ, — т. е. его происхожденіе отъ Бога и поэтому его постоянная зависимость и обусловленность отъ Бога, высказывается во мнѣ, въ моей жизни, въ моемъ мышленіи, въ моемъ нравственномъ образѣ мыслей, высказывается одинаково ясно и живо; если бы вы такимъ образомъ черезъ меня, черезъ мою жизнь, черезъ мое мышленіе, черезъ мой нравственный характеръ, черезъ мои поступки, мое поведеніе, мою рѣчь пришли бы къ предчувствію, познанію, возрѣнію и воспріятію, что каждый человѣкъ долженъ возвыситься до такого взгляда, до такого сознанія, которое человѣкъ не можетъ обозначить выше, чище и удовлетворительнѣе, какъ отношеніемъ отца и сына, возвыситься и жить согласно этому сознанію; то вы возвысились бы къ истинной жизни, то вы жили бы истинно и вѣчно, какъ Богъ и Я Самъ; вы получили бы такимъ образомъ черезъ Меня истинно вѣчную жизнь, Я далъ бы вамъ истинно вѣчную жизнь. Признаніе этого и примѣненіе къ проявленію чисто человѣческой жизни есть христіанская религія.

Христось и христіанская религія, это — вѣчное убѣжденіе въ истинѣ того, что Иисусъ высказалъ о себѣ и вѣрная, настойчиво отвѣчающая этому убѣжденію дѣятельность; это

есть убѣжденіе, что истина высказаннаго Христомъ познанія встрѣчается каждому человѣку повсюду, куда бы онъ ни обратилъ свое духовное, ищущее, испытующее, изслѣдующее, вопрошающее око, что эта истина, этотъ духъ повсюду встрѣчаются ему, куда бы онъ ни обратился, и что если духовное око узреть и познаетъ эту божественную истину, этотъ божественный духъ во всемъ разнообразіи, изъ этого духа для него произойдетъ затѣмъ утѣшеніе и помощь, которыя онъ при изображеніи той истины въ мірѣ, гдѣ развитіе внутренняго, духовнаго ока еще такъ значительно уступаетъ передъ знаніемъ и развитіемъ внѣшняго человѣка, — что онъ тогда можетъ возвыситься до высочайшаго позванія не только людей, но всѣхъ тварей, т. е. существу вышедшихъ изъ единства единицами, возвыситься до познанія истины, что безконечное проявляется въ конечномъ, вѣчно во временномъ, небесное въ земномъ, живое въ мертвомъ, божественное въ человѣкѣ.

Христосъ и христіанская религія поэтому есть ясное, далекое отъ всякаго обмана, твердо и вѣчно обоснованное въ себѣ самомъ воззрѣніе и убѣжденіе и стоящія въ полномъ согласіи и гармоніи съ этимъ убѣжденіемъ и познаніемъ жизнь и поведеніе, говорящія, что проявленіе и откровеніе единого, вѣчнаго, живого, яснаго въ себѣ самомъ бытія — Бога — по необходимости въ качествѣ откровенія должно быть троякимъ: что Богъ проявляетъ и открываетъ себя въ своемъ единствѣ, какъ творецъ, вседержитель и промыслитель, какъ отецъ всѣхъ вещей; что Онъ проявляетъ и обнаруживаетъ себя, а также проявлялъ и обнаруживалъ себя въ единомъ и всѣмъ своимъ существомъ воспринявшемъ Его существѣ, въ единомъ существѣ высшаго совершенства, и поэтому въ своемъ Сынѣ, своемъ единокровномъ и первородномъ Сынѣ; что Онъ проявилъ и открылъ себя и еще продолжаетъ проявлять и обнаруживать себя во всемъ разнообразіи, во всякомъ явленіи, во всякомъ бытіи, въ живомъ дѣйстви, въ жизни, въ духѣ предметовъ, какъ въ одной жизни и духѣ, въ духѣ Божіемъ и притомъ всегда, какъ единый и живой Богъ. Какъ мы, хотя и по-человѣчески

однако съ полной глубокаго духовнаго значенія справедливостью говоримъ; духъ мира, порядка и чистоты этой семьи высказывается, какъ въ каждой отдѣльной вещи, такъ и во всемъ ихъ домѣ; какъ правильно и вѣрно выражаемся мы безсознательно, духъ отца сказывается во всѣхъ дѣтяхъ и во всей семьѣ; съ какою высокою творческою силою говоримъ мы: духъ художника, чувствуется, какъ во всѣхъ произведеніяхъ вообще, такъ и въ каждомъ въ отдѣльности; да, съ какимъ правильнымъ чувствомъ правды и справедливости говоримъ мы: Онъ жи и во говорить изъ нихъ.

Она, эта Христова и христіанская религія, убѣжденіе, что это именно познаніе приводитъ не только людей, но и всѣхъ созданныхъ, т. е. существующихъ изъ бытія единства Господа, какъ отдѣльно происшедшія существа, къ познанію ихъ бытія, къ исполненію ихъ призванія къ достиженію ихъ назначенія, и что каждое отдѣльное существо, разъ оно желаетъ достигнуть своего назначенія, должно непременно проявить себя согласно своей сущности только тріединнымъ образомъ: въ единствѣ, въ отдѣльности и въ множествѣ, въ вѣчно развивающемся множествѣ.

Эта истина, истина этого убѣжденія есть единственное основаніе всякаго разумнія и познанія, эта истина, это убѣжденіе есть единственный пробный камень всякаго поведенія, эта истина есть основаніе всякаго религіознаго обученія, благодаря этой истинѣ, этому познанію, благодаря разумнью и примѣненію ея природа дѣйствительно познается такую, какова она есть, какъ и писаніе и книга Господа, какъ откровеніе Господа.

Только благодаря признанію этой истины пріобрѣтаютъ свое истинное значеніе, свою настоящую жизнь и естественное и человѣческое, языкъ и всякое ученіе и обученіе, всякое знаніе и умнѣніе. Благодаря этому убѣжденію жизнь впервые со всѣхъ сторонъ и по всѣмъ направленіямъ становится по истинѣ законченнымъ въ себѣ самомъ цѣлымъ, единицей, замкнутой въ себѣ. Благодаря этому познанію и убѣжденію единственно впервые становится возможнымъ настоящее, истинное воспитаніе, воспитаніе человѣка. Съ по-

знанієм этой истины, вмѣстѣ съ уразумѣніемъ и сущностью ея являются и свѣтъ и жизнь, и если нужно, утѣшеніе, поддержка и помощь во всѣхъ явленіяхъ, благодаря ей впервые получаетъ значеніе и смыслъ сама жизнь.

Поэтому Христосъ повелѣваетъ своимъ ученикамъ: «Ступайте во всѣ города и научите всѣ народы, очистите и освятите ихъ ради познанія сущности Бога Отца, Христа Сына Божія и Святого Духа для жизни, согласной этому познанію и разумѣнію и ко всякому разумѣнію, проистекающему по необходимости отсюда». Поэтому истина троякаго проявленія и откровенія единого Бога есть основной и краеугольный камень удовлетворяющей всѣхъ людей подъ всѣми поясами религіи, хотя это и смутно сознается и хотя люди безсознательно стремятся къ религіи которая приводитъ человѣка въ духъ и истинѣ, въ разумѣніи и жизни назадъ къ Богу.

Каждый человѣкъ, какъ происшедшій отъ Бога, сущій черезъ Бога и живущій въ Богѣ, долженъ возвыситься къ религіи Христа, къ христіанской религіи. Поэтому-то школа должна прежде всего учить Христовой религіи; повсюду и подъ всѣми поясами должна школа обучать ей и въ ея духѣ.

2. Естествовѣдѣніе.

Что высказываетъ религія, то выражаетъ во-внѣ природа; чему учить созерцаніе Бога, то подтверждаетъ природа; что вытекаетъ изъ созерцанія внутренняго, то обнаруживаетъ созерцаніе внѣшняго; чего требуетъ религія, то исполняетъ природа. Ибо природа, какъ и все сущее, есть проявленіе во внѣ, откровеніе Бога; все сущее имѣетъ свое основаніе въ откровеніи Бога. Все существующее имѣетъ лишь благодаря покоющемуся въ немъ бытію свое основаніе и свой смыслъ. Каждый предметъ — божественной природы, божественнаго характера; каждый предметъ поэтому является относительно единицею, какъ Богъ есть самъ по себѣ и въ себѣ Единъ. И каждый предметъ, такъ какъ онъ хотя и относительно, все-таки есть всегда единица, проявляетъ свою сущность только тріединымъ образомъ, изображеніемъ и

откровеніемъ самого себя, и такимъ образомъ обнаруживаетъ развитіе, лишь постоянно идущее впередъ, слѣдовательно, относительно прогрессивное. Эта истина есть основаніе всякаго созерцанія природы, всякаго познанія и разумѣнія ея; безъ нея нѣтъ никакого истиннаго, дѣйствительнаго, плодотворнаго изслѣдованія природы, нѣтъ познанія ея, безъ нея невозможно никакое истинное, ведущее къ пониманію сущности природы созерцаніе природы. Только христіанину, только человѣку съ христіанскими чувствами, жизнью и стремленіями исключительно возможно достигнуть истинаго разумѣнія и живого познанія природы; только такой человѣкъ можетъ быть истиннымъ естествоиспытателемъ; только въ приблизительной степени возможно человѣку достигнуть истиннаго разумѣнія природы, поскольку онъ сознательно или безсознательно, темно или отчетливо является христіаниномъ, т. е. проникнуть истиной живой и единой божественной силы, дѣйствующей во всѣхъ предметахъ; поскольку онъ проникнуть единымъ и живымъ духомъ Божиимъ, который находится во всѣхъ вещахъ и которому онъ самъ подверженъ, благодаря которому существуетъ вся природа и благодаря которому онъ въ состояніи созерцать этотъ духъ въ малѣйшемъ явленіи и въ совокупности всѣхъ явленій въ природѣ въ его сущности и въ его единствѣ.

Отношеніе природы къ Богу можетъ быть вѣрно и отчетливо усмотрѣно и понято человѣкомъ, если онъ будетъ созерцать и выяснять себѣ самое сокровенное духовное отношеніе между истиннымъ художественнымъ произведеніемъ и изображающимъ или изобразившимъ его художникомъ; или же оно можетъ быть видимо и понятно также и изъ всякаго дѣла рукъ человѣческихъ въ отношеніи къ изобразившему, произведшему его человѣку. — На все, что творятъ, производятъ и изображаютъ духъ и жизнь, должны наложить свой отпечатокъ духъ и жизнь и на всѣхъ его частяхъ. Не можетъ ничего явиться, ничего произойти видимаго или постигаемаго, чтобы не нашло въ себѣ жизни и духа, бытія, что бы не носило выраженія духа и жизни, бытія самого по себѣ, благодаря которому оно возникло, которому оно

обязано своимъ существованіемъ; и это приложимо какъ относительно всякаго произведенія каждаго человѣка — отъ высочайшаго художника вплоть до самаго зауряднаго работника, отъ самаго осязательнаго вплоть до самаго духовнаго, высшаго произведенія человѣка, отъ самой долговѣчной до самой преходящей человѣческой дѣятельности, такъ и относительно произведеній Бога: природы, созданий и всего сотвореннаго. Изъ художественнаго произведенія могутъ быть вообще вдумчивымъ и пронизательнымъ взоромъ познаны мыслительныя и чувствующія способности и законы человѣка вообще, а равнымъ образомъ степень ихъ развитія у каждаго отдѣльнаго творящаго человѣка; такимъ образомъ творящій Божій духъ можетъ быть и развить и усмотрѣвъ изъ его произведеній. Мы недостаточно обращаемъ на это вниманія въ произведеніяхъ человѣка, въ художественныхъ произведеніяхъ, поэтому-то намъ и такъ трудно бываетъ познать это въ отношеніи къ природѣ, творенію Бога. При созерцаніи человѣческаго художественнаго произведенія мы недостаточно принимаемъ въ расчетъ внутреннее духовное отношеніе художника къ произведенію, рассматриваемъ ихъ возникновеніе черезчуръ механически, внѣшнимъ образомъ; мы не замѣчаемъ того, что если они должны быть слишкомъ высокими художественными произведеніями, а не пустыми художественными масками, они всегда суть изображеніе своеобразной самой сокровенной личной жизни художника; поэтому-то именно для насъ и остается духъ художественнаго произведенія, равно какъ и духъ природы, одинаково далекимъ, чуждымъ и мертвымъ.

Произведеніе человѣка, художника запечатлѣно духомъ и характеромъ, жизнью и бытіемъ этого человѣка и, какъ по-человѣчески, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ глубоко и въ высшей степени характерно и значительно говорится: оно дышитъ ими и выражаетъ ихъ, и производящій или производившій его человѣкъ остается единымъ и тѣмъ же неослабленнымъ и нераздѣльнымъ существомъ, даже тою же силою, оно еще даже возвышенно въ себя и черезъ себя. Такимъ образомъ и духъ и сущность Бога — хотя Онъ и есть осно-

ваніе и источникъ всего сущаго, и хотя все сущее и носить въ себѣ этотъ единый Божій духъ, распространяетъ и выдыхаетъ его вокругъ себя, — остаются сами по себѣ единой сущностью, единымъ Богомъ, неослабленнымъ и нераздѣльнымъ. Подобно тому, какъ въ художественномъ и человѣческомъ произведеніи не заключается никакой матеріальной части человѣческаго духа, его художника, и все-таки художественное произведеніе, чистое художественное произведеніе запечатлѣно цѣлымъ духомъ своего художника, такъ что этотъ послѣдній живетъ въ немъ, высказывается въ немъ и снова какъ бы дышитъ имъ, даже какъ бы снова вдыхаетъ его въ другихъ, пробуждаетъ въ нихъ, оживляетъ развиваетъ и образуетъ; точно такъ же духъ человѣческой относится къ произведенію, созданному имъ и черезъ него; какъ человѣкъ въ качествѣ духа относится къ своему произведенію, такъ точно духъ Бога, Богъ, относится къ природѣ и всему сотворенному, духъ Божій покоится въ природѣ, живетъ и дѣйствуетъ въ природѣ, высказывается изъ природы, сообщается посредствомъ природы, образуется въ природѣ и черезъ природу, но природа все-таки не есть тѣло Божіе. Духъ художественнаго произведенія, духъ, которому обязано художественное произведеніе своимъ существованіемъ, есть одинъ и тотъ же нераздѣльный духъ художника; но онъ продолжаетъ жить и дѣйствовать, даже какъ бы выйдя изъ художника, въ его произведеніи, и какъ самостоятельный и какъ единый съ художникомъ духъ; такъ точно и духъ Божій, вышедшій изъ Бога, живетъ и дѣйствуетъ въ природѣ и черезъ нее, какъ самостоятельный и въ то же время какъ единый съ Богомъ духъ. Какъ природа не есть тѣло Бога, такъ и самъ Богъ не живетъ въ природѣ, какъ въ домѣ; но духъ Божій живетъ въ природѣ; носить, оберегаетъ, развиваетъ природу и заботится о ней. Развѣ духъ художника, духъ человѣческой не живетъ въ своемъ произведеніи, развѣ онъ не носитъ, не защищаетъ, не развиваетъ его и не ухаживаетъ за нимъ? — Развѣ духъ художника, одухотворивъ кусокъ мрамора, или тлѣнный кусокъ полотна, или даже крылатое преходящее слово, кото-

рое не успѣтъ родиться, какъ уже умираетъ, и создавъ что бы то ни было, послѣ того какъ онъ звукомъ, тономъ, словомъ или формою придавъ своимъ произведеніямъ почти родъ нѣкотораго безсмертія, развѣ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не прилагаетъ къ изображенному ему художественному произведенію самую тщательную, самую изысканную заботу, самую нѣжную защиту? развѣ онъ не приобретаеъ ему самое высшее уваженіе высшихъ человѣческихъ умовъ? — Какой человѣкъ не почувствовалъ бы высокаго, могучаго духа чистаго человѣческаго художественнаго произведенія, проникнутаго и духомъ мольбы и силы и подобнаго чистому взору безпомощнаго ребенка? И все-таки это — только твореніе духа человѣческаго; и этотъ духъ оберегаетъ и хранитъ его, невзирая на время и пространство, отдѣляющія его отъ его автора.

Къ истинному художественному произведенію, которое создается духомъ художника, а не къ механическому ремесленному произведенію, при созданіи котораго его работникъ думалъ мало или вовсе не думалъ, художникъ относится подобно отцу, который отпускаетъ своего дорогого сына въ дальній путь: онъ даетъ ему благословеніе, оберегающее и защищающее его въ дорогѣ. Истинному художнику вовсе не безразлично, кто купитъ его художественное произведеніе, какъ хорошему отцу безразлично, въ какое общество попадаетъ его сынъ; но онъ все-таки съ полнымъ довѣріемъ отпускаетъ своего сына всюду, ибо его собственные духъ, стремленіе и чувство заключаются въ немъ, его собственный характеръ совершенно живетъ въ немъ до мелочей въ каждой чертѣ, даже въ каждомъ соединеніи ихъ, и эти-то духъ и характеръ, которые художникъ знаетъ въ себѣ самомъ, по своему высокому характеру и стремленію, вселяютъ въ него надежду, что они оберегутъ его художественное произведеніе и приведутъ его къ такимъ людямъ, которые творческой духъ примутъ въ свою собственную жизнь и дадутъ ему у себя просторъ для дѣйствія и развитія. Художественное произведеніе стоитъ внѣ человѣка, никакая матеріальная доля, никакая капля жизни и крови отъ

человѣка не заключается въ немъ, и все-таки человѣкъ заботится, вынашиваетъ, холитъ и оберегаетъ его; онъ отстраняетъ отъ него и на будущее старается отстранить отъ него малѣйшую невыгоду; человѣкъ есть одно и то же съ своимъ произведеніемъ, и онъ чувствуетъ себя съ нимъ за одно: какъ же тѣмъ болѣе не вынашивать Богу своихъ произведеній, природы, какъ не ухаживать за ними, и какъ не удалять отъ нихъ малѣйшія невыгоды, ибо Богъ есть Богъ, а человѣкъ есть только человѣкъ. Но все-таки и художникъ, какой спеціальности онъ ни будь, остается всегда самостоятельнымъ и неизмѣннымъ, хотя бы погибли всѣ его произведенія. Такъ и Богъ остается все одинъ и тотъ же безъ измѣненія, хотя бы погибла вся природа.

Да, дѣло искусства, дѣло человѣка можетъ погибнуть, какъ и дѣло природы; дѣло Бога можетъ погибнуть внѣшнимъ образомъ, а духъ, выраженный, воплощенный въ этой природѣ, живущій и дѣйствующій въ ней, все-таки продолжаетъ жить и развиваться все далѣе и далѣе; мало того, онъ только теперь воплощается вполне свободно и выражается вполне ясно и жизненно. Развалины погибшей человѣческой силы искусства, будутъ ли онѣ мощнымъ дѣломъ исполински сильныхъ отдѣльныхъ лицъ, или же будутъ онѣ колоссальнымъ дѣломъ едва еще подозрѣваемаго, складывающагося всемогущества тѣснѣйшей связи множества людей, стремящихся къ единой цѣли, которая является общей для всѣхъ, которую всегда и всюду усматриваетъ или долженъ усматривать каждый изъ работающихъ ради своей цѣли, — эти развалины говорятъ ободряющимъ голосомъ къ слѣдующимъ болѣе слабымъ поколѣніямъ и тѣ, кто начинаетъ сознавать свое существо возвышаются довѣрчиво и бодро къ тому свидѣтелю исчезнувшей, но отнюдь не только внѣшней человѣческой мощи и человѣческаго величія. Такъ колоссальные остатки разрушившихся горъ и горныхъ хребтовъ свидѣтельствуютъ о величіи божескаго духа, о величіи Бога, и человѣкъ ободренный возвышается до нихъ, чувствуя въ себѣ равный духъ и равную силу, подобно тому какъ возлѣ мощной скалы вѣетъ вверхъ слабый плющь,

получая соки не только для своего дальнѣйшаго существованія, но и для своего роста ввысь. Таковы повсюду по всѣмъ направленіямъ совершенно одинаковыя, жизненныя и глубокія, внутреннія и духовныя отношенія человѣка къ художественному произведенію и Бога къ природѣ.

Когда варвары, грубые, безчувственные и бессмысленные люди, разрушаютъ произведеніе искусства или хотя бы даже только слѣдъ творившаго когда-то человѣческаго духа, тогда печалится человѣкъ благородный, чувствующій по-человѣчески, даже, пожалуй, болѣе, нежели когда онъ видитъ, что у обыкновеннаго живого существа отнимается его жизнь. Но развѣ человѣческое произведеніе не влечетъ за собою самостоятельнаго развитія заключающихся въ немъ духа или идеи? Да развѣ характерное выраженіе художественнаго произведенія не можетъ вліять на цѣлый рядъ поколѣній то возвышающимъ, то унижающимъ образомъ? Но все это вѣдь только человѣческія произведенія, которыя такъ дѣйствуютъ, а какое же вліяніе смогутъ, будутъ и должны оказывать произведенія Бога, чѣмъ можетъ быть для человѣка природа, произведеніе Бога? — Мы стремимся познать духъ, жизнь, стремленія и проч. человѣческихъ произведеній, мы изучаемъ человѣческія произведенія и не безъ основанія: менѣе развитой, созрѣвающій человѣкъ долженъ возрасти на развитіи болѣе зрѣлыхъ людей; тѣмъ болѣе должны мы познавать дѣло Бога, природу, тѣмъ болѣе мы должны изучать предметы природы, по ихъ жизни, по ихъ значенію и, слѣдовательно, по духу Бога! А для этого мы должны находить себѣ побужденіе уже въ томъ обстоятельстве, что истинно художественныя произведенія человѣка, изъ которыхъ ясно говорить чистый духъ человѣка, духъ Бога, не у всѣхъ и каждаго подъ рукою во всякую минуту и во всякихъ условіяхъ, межъ тѣмъ какъ человѣкъ всегда и вездѣ окруженъ чистыми божественными произведеніями, изъ которыхъ ясно говоритъ чистый духъ Бога. Сверхъ того, хотя мы и въ человѣческомъ духѣ можемъ находить духъ Божій, но все-таки бываетъ нелегко въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ отдѣлять общечеловѣческое отъ узкочеловѣческаго, трудно бываетъ

различать, которая изъ двухъ сторонъ имѣетъ въ данномъ случаѣ перевѣсъ и которая въ данномъ случаѣ имѣетъ существенное вліяніе, напротивъ, здѣсь въ чистыхъ произведеніяхъ природы чисто природное имѣетъ значительный перевѣсъ и общее значительно преобладаетъ надъ частнымъ и поэтому въ природѣ выражается не только чище и яснѣе, нежели въ человѣческой жизни чистый духъ Божій, но еще сверхъ того и человѣкъ въ этомъ духѣ Божиемъ, чисто высказывающемся въ природѣ, видитъ сущность, достоинство и высокое назначеніе человѣка, какъ въ зеркалѣ, во всей ихъ ясности, чистотѣ и первобытности.

Но человѣкъ видитъ себя въ природѣ не только вообще, какъ уже было выше отмѣчено мимоходомъ, но онъ видитъ себя въ ней, какъ въ наглядныхъ, живыхъ письменахъ, высказывающихъ не понятія, но даже изображающихъ самыя дѣла и отношенія, какъ на картинѣ; онъ усматриваетъ свои стремленія, свое назначеніе, свое призваніе, необходимыя условія и необходимыя проявленія успѣшнаго или неуспѣшнаго достиженія ихъ, такъ что человѣкъ, слѣдуя по стопамъ этихъ тихихъ, въ себѣ увѣренныхъ, вразумительныхъ, безличныхъ учителей, не только сумѣетъ познать ихъ поступки, но и, подражая послѣднимъ, удовлетворить также предъявляемымъ къ нему требованіямъ. Изъ всѣхъ предметовъ природы въ этомъ отношеніи ничто не высказывается во-внѣ болѣе правдиво и ясно, болѣе всесторонне и въ то же время болѣе просто, какъ растенія и деревья вслѣдствіе ихъ тихой задумчивости и яснаго выраженія ихъ внутренней жизни, такъ что ихъ по справедливости можно назвать естественными предметами для познанія добра и зла, межъ тѣмъ какъ они въ дѣйствительности таковы, подобно тому какъ они уже съ перваго проявленія самосознанія рода человѣческаго дѣйствительно представляются и называются съ такой проникновенной вѣрностію, глубокомысліемъ и многозначительностію.

И въ жизни дерева можно усмотрѣть не только проявленія отдѣльной человѣческой жизни, но весь человѣческій родъ, во всей его совокупности, можетъ быть разсмотрѣнъ, какъ одинъ человѣкъ, такъ какъ наблюденіе саморазвитія и

развитія индивидуального и сравненіе ихъ съ общимъ развитіемъ челоѣческаго рода показываетъ каждому, что въ развитіи внутренней жизни отдѣльнаго челоѣка неоднократно повторяется исторія духовнаго развитія рода челоѣческаго, — и въ послѣднемъ можно прослѣдить необходимыя ступени развитія отдѣльнаго челоѣка; поэтому то и здѣсь также возможно созерцать явленія развитія челоѣчества во всей его необходимости, а это соображеніе до сихъ поръ еще едва-едва предчувствовалось и совсѣмъ почти не излагалось во всей ясности и съ полнымъ безпристрастіемъ и правдивостью, но сюда могли бы привести насъ притчи Іисуса Христа въ ихъ развитіи. Такому едва затронутому созерцанію природы могло бы быть дано гораздо болѣе широкое примѣненіе, если бы только это не было неумѣстно вслѣдствіе еще незначительнаго знакомства съ предметомъ, и если бы въ особенности не основывались при этомъ на созерцаніи внѣшнихъ явленій природы, но и на самонаблюденіи внутреннихъ процессовъ жизни, что до сихъ поръ встрѣчается еще только въ рѣдкихъ случаяхъ.

Если бы мы стали искать внутреннюю причину этого високаго символическаго значенія различныхъ индивидуальных проявленій природы, въ особенности, въ степеняхъ развитія ея предметовъ и ихъ проявленій въ отношеніи къ челоѣку, его степенямъ развитія и ихъ проявленіямъ, то мы ясно нашли бы, что природа имѣетъ свою твердую и определенную причину въ томъ, что и она сама (природа) и челоѣкъ имѣютъ свое основаніе въ одномъ и томъ же вѣчномъ единомъ существѣ, и что ихъ развитіе совершается совершенно по однимъ и тѣмъ же законамъ, но только въ различныхъ степеняхъ.

Такимъ образомъ наблюденіе челоѣка и природы, будучи сопоставляемы и сравниваемы съ фактами и явленіями общаго развитія челоѣчества, объясняютъ взаимно друга друга и приводясь къ болѣе глубокому взаимному пониманію. Благодаря ясному проникновенію въ обуславливающе и творческое отношеніе челоѣческаго духа къ его внѣш-

нему произведенію, челоѣкъ приходитъ также къ ясному наглядному пониманію отношенія обуславливающаго, творческаго духа Божія, Бога, къ его произведенію, къ природѣ, къ познанію способа и характера происхожденія конечнаго изъ вѣчнаго, тѣлеснаго изъ духовнаго, природы изъ Бога.

Вѣдь и челоѣкъ, самъ конечное существо, ради воспроизведенія проявленія во-внѣ своихъ произведеній не всегда нуждается въ примѣненіи внѣшнихъ членовъ, какъ, напримѣръ, рукъ, но зачастую его воля, его выразительный взглядъ или его энергичное слово уже имѣютъ образовательную, творческую силу; и челоѣкъ, будучи конечнымъ существомъ, можетъ производить матеріальное безъ матеріальныхъ средствъ. Кому еще нужны для этого доказательства, тотъ пусть прослѣдитъ весь постепенный рядъ развитій, условій и явленій, начиная отъ самой безплотной, сокровенной идеи до самаго нагляднаго, матеріальнаго слова, письма. Такимъ образомъ, даже самое трудное, происхожденіе внѣшняго, тѣлеснаго изъ внутренняго, духовнаго можетъ онъ самъ прослѣдить и познать на своемъ собственномъ мышленіи, какъ дѣйствіе и слѣдствіе проявленія своего собственного самаго сокровеннаго мышленія во внѣ, во внѣшнемъ дѣлѣ, и, стало быть, не какъ понятіе, но какъ насквозь чистый фактъ.

Поэтому каковъ духъ художника, таковъ челоѣчскій духъ въ художественномъ произведеніи, таковъ же духъ Бога въ природѣ: какова жизнь художественнаго произведенія сама въ себѣ, по своему духу и отношенію къ своему творцу, такова же жизнь порожденной изъ Бога природы сама въ себѣ, по своему духу, какъ живущее въ Богѣ и черезъ Бога, вытекающее изъ духа Божія божественное произведеніе, въ отношеніи къ Богу, своему творцу и во внутреннемъ отношеніи къ челоѣку.

Подобно тому какъ духъ челоѣка невидимымъ образомъ проявляется и высказывается въ художественномъ мірѣ, причемъ послѣдній является такимъ образомъ невидимымъ царствомъ духа, точно такъ же и въ природѣ невидимымъ об-

разомъ проявляется духъ Божій, при чемъ она является такимъ образомъ невидимо-видимымъ царствомъ Божиимъ.

Предчувствіе, признаніе и вліяніе на нашу жизнь этого тройственнаго царства Божія, видимаго, невидимаго и невидимо-видимаго, только и даютъ намъ тотъ миръ, котораго мы ищемъ въ себѣ и внѣ себя, тотъ миръ, котораго мы неустанно ищемъ съ перваго момента пробужденія нашего самочувствія, даже цѣною нашей собственной жизни, цѣною утраты нашихъ внѣшнихъ благъ нашего внѣшняго блаженства, какъ бы оно ни называлось.

Вотъ почему человѣкъ, въ особенности же мальчикъ, съ раннихъ лѣтъ долженъ быть близко знакомъ съ природою не только въ частностяхъ, въ формѣ ея проявленій, по и въ ея живомъ духѣ Божиемъ, какъ онъ живетъ и высказываетъ въ ней. Это глубоко чувствуетъ и этого требуетъ мальчикъ, и ничто такъ не сближаетъ воспитателей и воспитанниковъ, учителей и учениковъ съ чистымъ чувствомъ природы, какъ обоюдныя стремленія заниматься природою, предметами природы. Этого не должны забывать ни родители, ни учителя, и поэтому послѣдніе, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю должны совершать прогулки на вольномъ воздухѣ съ каждымъ классомъ; они не должны гонять ихъ, какъ стадо барановъ, не должны вести ихъ, какъ роту солдатъ, какъ это приходится нерѣдко видѣть. Они должны итти съ ними, какъ отецъ съ сыновьями, какъ братъ среди братьевъ и показать имъ во-очію, что даетъ природа человѣку въ каждое время года. Учителя, живущіе въ деревнѣ или на дачѣ, не должны отговариваться «Мои ребята и такъ цѣлый день бѣгають на волѣ»; да, они бѣгають на волѣ, но они не живутъ на волѣ, они не живутъ въ единеніи съ природою. Не только дѣтямъ, но и многимъ взрослымъ приходится жить въ отношеніи къ природѣ и ея существамъ, какъ человѣку, который живетъ окруженный воздухомъ; онъ живетъ среди него и почти не знаетъ его, какъ свою собственность, онъ не знакомъ даже съ его благодѣтельными свойствами для нашей физической жизни; вѣдь въ обыденной рѣчи подъ именемъ воздуха называютъ или потоки воздуха или градусы

тепла. Поэтому-то эти дѣти, всегда бѣгающія на вольномъ воздухѣ, не видятъ, не предчувствуютъ и не ощущаютъ красоты природы и ея вліянія на человѣческую душу, съ ними бываетъ то же, что и съ людьми, выросшими въ очень красивой мѣстности, красоту которой они даже и не предчувствуютъ. Тѣмъ не менѣе ребенокъ — и это весьма важно — хотя и предчувствуетъ, находитъ и созерцаетъ своимъ внутреннимъ духовнымъ окомъ тайники, жизнь окружающей природы, но, когда онъ подрастаетъ, этого чувства уже у него не бываетъ, и вся его внутренняя жизнь, таившаяся въ зародышѣ въ его душѣ, подавляется и душится при самомъ ея возникновеніи. Мальчикъ требуетъ отъ взрослого поддержки своимъ внутреннимъ духовнымъ воспріятіямъ и не безъ основанія, — изъ предчувствія того, чѣмъ долженъ быть старшій изъ уваженія къ нему. Но разъ онъ не встрѣчаетъ этой поддержки, то получается отсюда двойное послѣдствіе: онъ утрачиваетъ уваженіе къ старшему и его внутреннее ощущение и воспріятіе какъ бы уходитъ внутрь. Вотъ почему такъ важны прогулки дѣтей и взрослыхъ при совмѣстномъ стремленіи ихъ принять въ себя жизнь и духъ природы, чтобы послѣдняя могла жить въ нихъ и вліять на нихъ. Тогда скоро прекратилось бы вялое, безцѣльное и бесполезное болтаніе взадъ и впередъ, столь распространенное среди мальчиковъ. Мученіе животныхъ и насѣкомыхъ, особенно часто встрѣчающееся у маленькихъ дѣтей безъ всякаго дурнаго умысла (не мученіе ради мученія), объясняется стремленіемъ маленькаго мальчика проникнуть во внутреннюю жизнь животнаго и усвоить себѣ ея смыслъ. Но отсутствіе надлежащаго объясненія и руководства, неправильное объясненіе или руководство позднѣе, дѣйствительно, могутъ такихъ мальчиковъ сдѣлать настоящими закоренѣлыми мучителями животныхъ.

3. Знакомство съ формами.

Такъ проявлялись и проявляются сущность и вліяніе природы во всей ея совокупности, какъ общая картина Божества, какъ общая рѣчь Божества, выражающая и пробу-

ждающая духъ Божій во всей его совокупности; такъ проявлялась и проявляется природа при внутреннемъ созерцаніи. Но иною представляется она при обычномъ созерцаніи съ внѣшней точки зрѣнія. Въ послѣднемъ случаѣ она проявляется, какъ разнообразіе различныхъ, разрозненныхъ частей безъ опредѣленной, внутренней живой связи, какъ отдѣльныя единицы, изъ которыхъ каждая имѣетъ свою особую форму, каждая свой особый процессъ развитія, свое особое опредѣленное назначеніе и цѣль. При этомъ не видно, чтобы всѣ эти внѣшнимъ образомъ разьединенныя и раздѣленныя единицы, были органическими звеньями великаго живого организма природы, великаго внутреннимъ, духовнымъ образомъ сплоченнаго природнаго цѣлаго, — не видно, чтобы природа составляла такое цѣлое. Это внѣшнее созерцаніе природы, рассматривающее частности ея явленій, отдѣльные предметы природы, напоминаетъ собою внѣшнее разсматриваніе дерева, сложнаго растенія, гдѣ разбирается каждый листочекъ въ отдѣльности, гдѣ поэтому не замѣчается никакой внутренней связи и никакого перехода отъ одного листка къ другому, отъ сучка, отъ вѣтки къ другимъ сучкамъ и вѣткамъ, нельзя уловить никакой внутренней связи между ними; то же можно сказать о разсматриваніи извнѣ цвѣтка, разсматриваніи, при которомъ не замѣчается связи между листикомъ чашечки и лепесткомъ вѣнчика, между этимъ послѣднимъ и тычинкой и пестикомъ. Но если, мысленно стремясь, смотря духовнымъ окомъ, будемъ искать и найдемъ для ближайшихъ единичностей ближайшее связующее звено, и такимъ образомъ отъ каждаго найденнаго единства пойдемъ къ слѣдующему и, наконецъ, поднимемся къ самому высшему, то эта связь обнаружится внѣшнимъ явленіемъ въ глубоко скрытомъ сердечномъ пунктѣ и въ дѣйствующемъ въ немъ законѣ. Такое внѣшнее наблюденіе природы въ ея единичностяхъ похоже на внѣшнее наблюденіе звѣзднаго неба, наблюденіе, которое соединяетъ отдѣльныя звѣзды въ большія созвѣздія посредствомъ произвольно проведенныхъ линій, тогда какъ внутреннюю связь между ними самое чистое, острое, развитое духовное око можетъ только пред-

чувствовать и усматривать въ объединеніи маленькихъ міровъ большіе.

При этомъ и въ этомъ обыкновенномъ только внѣшнемъ наблюденіи природы, единичности разрозненныхъ и разнообразныхъ предметовъ природы являются не столько произведеніемъ сущаго, сколько произведеніемъ разныхъ творческихъ силъ. Но это не можетъ удовлетворить человѣческой духъ, въ себѣ единый и нераздѣльный; не можетъ оно удовлетворить въ себѣ единый духъ и чувство человѣка, стоящаго на ступени дѣтства. Потому-то человѣкъ очень рано, еще будучи мальчикомъ, ищетъ единства и соединенія для этого разнообразія и этихъ единичностей, разрозненныхъ и разьединенныхъ внѣшнимъ и во внѣшнемъ наблюденіи; онъ ищетъ единства и соединенія въ разобщенности, исходящей изъ внутренняго необходимо развивающагося закона, въ разобщенности, которая раздѣляетъ въ себѣ внѣшнимъ наблюденіемъ соединенныя безпорядочныя группы. Довольно въ своей душѣ человѣкъ будетъ тогда, когда онъ можетъ ихъ предчувствовать, но духъ его удовлетворится только позднѣе, а именно, когда онъ ихъ найдетъ. Но это разнообразіе само ведетъ его, при строгой послѣдовательности, такъ же какъ ретроспективное наблюденіе разнообразія, и единичностей растенія къ познанію только духовно-созерцаемаго глубоко лежащаго закона, а также къ познанію внѣшняго единства разнообразій природы и единичностей ея, потому что, при всей особености, единичности и раздѣльности предметовъ, особенная сущность и особенное явленіе — форма и видъ каждой вещи — сводятся все-таки къ существу силы, какъ къ конечному внутреннему основанію, къ объединяющему единству; изъ этой силы исходитъ все разнообразіе и каждая единичность, на ней она покоится. Но сила, по своему внутреннему содержанію, по своей сущности обусловлена только бытіемъ въ себѣ и исходитъ изъ бытія посредствомъ творчества, какъ внѣшнее явленіе его. Поэтому-то сила, какъ проявляющаяся, и есть послѣднее основаніе всего, каждаго явленія въ природѣ. Благодаря наблюденію сущности силы, научившей насъ познавать ее, какъ божествен-

ную, и таковой, какъ она проявляется внутри насъ, въ нашемъ чувствѣ и жизни, можетъ быть постигнута во всемъ своемъ объемѣ, природа, по своимъ формамъ и по своимъ безчисленнымъ видамъ и образамъ, въ которыхъ она проявляется, постигнута по своему живому внутреннему взаимодействию и совершенствованію, равно какъ познана по своему внѣшнему отношенію и своимъ выдѣленіямъ. Созерцать ее, ея сущность побуждаютъ чловѣка непреодолимое желаніе, надежда и предчувствіе найти черезъ ея познаніе также и внѣшнее единство единичностей природы, различныхъ формъ природы, образовъ природы.

Сама же сила есть самодѣтельное, всесторонне равнодѣйствующее творчество или абсолютнаго единства или единства относительнаго, но всегда единства, и оно по необходимости дано вмѣстѣ съ сущностью силы, какъ сопровожденіе выхода и реакціи ея, и обусловливаетъ ихъ.

Каждая единичность и множественность, какъ таковая, выражаетъ собою кромѣ силы, еще и другое необходимое условіе формы и вида, матерію. Она выражаетъ слѣдующее: всякое образованіе земли и природы и всякая форма рождаются изъ матеріи, вездѣ въ себѣ одинаковой, отовсюду одинаковой силой сцѣпленія и, судя по явленію, въ высшей степени подвижной, посредствомъ силы, всюду въ ней равномѣрно живущей, всюду въ себѣ равной, посредствомъ и подъ внѣшнимъ вліяніемъ солнца, свѣта и тепла, согласно всепроникающему великому закону природы, закону, который состоитъ въ томъ, что абстрактное вызываетъ къ бытію конкретное.

Каждая единичность, каждая множественность земныхъ и природныхъ явленій, каждое внутреннее наблюденіе природы показываютъ, что матерія и сила составляютъ одну, въ себѣ нераздѣльную единицу. Матерія и самодѣтельная отъ одной точки во всѣ стороны равнодѣйствующая сила взаимно обусловливаютъ другъ друга, ни одна не можетъ существовать безъ другой; даже, строго говоря, одну нельзя себѣ представить безъ другой.

Основаніемъ легкой подвижности матеріи является само

бытное шаровое стремленіе въ ней живущей силы, самобытное стремленіе силы развиваться отъ одной точки самодѣтельно и всесторонне-равнодѣтельно.

а) Шаръ.

Когда сила развивается и распределяется по всѣмъ направленіямъ совершенно свободно и безпрепятственно, то пространственнымъ явленіемъ, матеріальнымъ результатомъ этого является шаръ. И поэтому шаровидная или вообще вещественная круглая форма является въ природѣ самой первой и самой послѣдней формой. Таковы большія міровыя тѣла: солнце, планеты, спутники планетъ, такова вода и все жидкое, воздухъ и все газообразное; пыль (въ порошкообразной формѣ всего твердаго, земляного), — каждое въ своемъ индивидуальномъ существованіи.

Шаровидная форма является, при всей разнородности и при кажущемся несогласимомъ различіи формъ земли и природы, какъ первообразъ, какъ единство всѣхъ формъ и образовъ земли и природы. Поэтому пространственный и вещественный шаръ не похожъ ни на какой другой образъ природы и въ то же время заключаетъ въ себѣ всѣ эти другіе образы по существу, условію и закону. Онъ — безформенность и въ то же время и самая совершенная форма. Ни точка, ни линія, ни плоскость, ни сторона не обнаруживаются въ немъ, и все-таки онъ заключаетъ въ себѣ всѣ точки, всѣ линіи и т. д. всѣхъ земныхъ образовъ и формъ, не только относительно, но и въ дѣйствительности.

Поэтому каждое образованіе формы дѣйствующихъ и живыхъ предметовъ природы имѣетъ свое основаніе въ законѣ, лежащемъ въ основаніи шаровидной формы, въ законѣ шаровиднаго, какъ исходящее изъ наблюденія существа силы, и созерцаемое, какъ сила, оно имѣетъ свое основаніе въ стремленіи, необходимо лежащемъ въ сущности силы, какъ таковой, стремленіе обнаруживать шаровую сущность силы, сущность шара на всевозможные лады во всѣхъ возможныхъ формахъ и образахъ, въ размноженіи и соединеніи матеріей

и посредством матеріи. Въдъ въ самодѣтельно-всесторонне равнодѣтельномъ (шаровидномъ) дѣйствіи силы въ немъ и съ нимъ въ одно время дано, какъ явленіе природы и земли и такимъ образомъ нераздѣльно съ матеріей, внутреннее, волнующееся, взвѣшивающее и размѣривающее свойство (стремленіе): величина, различная величина, дѣйствія силы, различное растяженіе силы по разнымъ сторонамъ и направленіямъ внутри различныхъ сторонъ и направлений. Это съ силой, а слѣдовательно и съ матеріей одновременное и, какъ явленіе, необходимо лежащее въ сущности ихъ, различное отношеніе величины и крѣпости дѣйствія силы по различнымъ сторонамъ — это опредѣленное преобладающее дѣйствіе силы въ опредѣленныхъ направленіяхъ, это опредѣленное особенное отношеніе различныхъ направлений силы между собой и одно къ другому, это различное растяженіе силы въ различныхъ направленіяхъ и этимъ необходимо и одновременно съ этимъ обусловленное различное равномерное дѣленіе матеріи, какъ главное свойство матеріи, должно въ совершенно одинаковой мѣрѣ находиться въ каждой и малѣйшей ея точкѣ. Это особенное отношеніе и внутренній законъ созидающей силы является въ каждомъ конкретномъ случаѣ существеннымъ основаніемъ опредѣленной формы и образа. Въ этомъ однообразномъ отношеніи направлений и величины дѣйствія силъ, въ этомъ разнообразномъ растяженіи и слѣдующей изъ него легкой дѣлимости матеріи, въ этихъ различныхъ отношеніяхъ и направленіяхъ растяженія лежитъ основной законъ всѣхъ формъ и образовъ. Въ ясномъ воззрѣніи на это лежитъ возможность познавать ихъ сущность, отношеніе и связь.

Но такъ какъ каждая вещь только тогда обнаруживается совершенно, когда она являетъ свою сущность въ единствѣ, единичности, множественности (разнообразіи), т.-е. въ тріединствѣ и тріединствомъ, то и сущность силы обнаруживается совершенно и вполнѣ именно въ такомъ тріединомъ проявленіи своей сущности посредствомъ образованія формъ (посредствомъ него и въ немъ); въ этомъ образованіи обусловлены и исходятъ изъ него, какъ необходимое развитіе,

два другихъ стремленія природы: 1) представить конкретное абстрактнымъ и посредствомъ абстрактнаго, а абстрактное конкретнымъ и посредствомъ конкретнаго. 2) Сдѣлать внутреннее внѣшнимъ, внѣшнее внутреннемъ, явить для обоихъ единство и оба ихъ явить въ единствѣ. Каждое отдѣльное явленіе природы и, слѣдовательно, все разнообразіе ея имѣетъ основаніе въ-этомъ тріединомъ представленіи сущности силы въ соединеніи съ этимъ общимъ стремленіемъ природы, посредствомъ матеріи, при образованіи.

в) Кристалловидныя тѣла.

Но дальше одна и та же сила въ одной и той же матеріи дѣйствуетъ, или будучи раздѣлена во многихъ отдѣльныхъ явленіяхъ, или же нераздѣльно, или же внутри своего закона образованія или опять-таки преимущественно въ томъ или въ другомъ изъ протяженій: высоты, длины, ширины, и обусловливаетъ столь различныя появленія образованія видовъ твердаго кристалловиднаго, появленіе волокнистаго, лучистаго, зернистаго, листоватаго такъ же, какъ и листообразныя (перышкообразныя), иглообразныя и др. образованія видовъ. Первое имѣетъ свое основаніе въ томъ, что отдѣльныя точки и части матеріи, въ возможно большемъ количествѣ, стремятся выразить внутри одной пропорціонально большой массы свои законы образованія; при чемъ, при образованіи и совершенствованіи твердыхъ тѣлъ, они взаимно другъ друга стѣсняють своей массой; второе же имѣетъ свое основаніе въ томъ, что законъ образованія стремится выразиться преимущественно въ одномъ или нѣсколькихъ общихъ протяженіяхъ. Чистое и совершенное твердое тѣло, выражающее своей внѣшней формой также и величину своего внутренняго направленія силы, возникаетъ тогда, когда всѣ отдѣльныя части матеріи и всѣ отдѣльныя точки дѣйствующей, явившейся силы или даже въ моментъ ея появленія, подчиняются высшему закону образованія, когда каждый пунктъ изолированъ, а группы ихъ объединены, словомъ, когда въ фигурѣ обнаруживается полное проявленіе закона. Первое проявленіе земныхъ образованій — это твердыя, кристалловидныя тѣла.

Одновременно съ сущностью силы, даннымъ стремленіемъ наружу и стремленіемъ внутрь и одновременностью этихъ стремлений обусловлено такимъ образомъ стремленіе направленія силы къ преобладанію въ ту или другую сторону, а равнымъ образомъ и взаимное задерживаніе, расширение и сокращеніе ея до мелочей, а, слѣдствительно, также растяженія матеріи по всѣмъ сторонамъ и направленіямъ и отсюда вытекающая большая или меньшая дѣлимость по этимъ линіямъ и плоскостямъ растяженія. Потому первыя твердыя тѣла необходимо должны быть ограничены прямыми линіями, такъ какъ въ первомъ проявленіи твердыхъ тѣлъ должно обнаруживаться сопротивленіе общему подчиненію опредѣленному закону опредѣленнаго твердаго тѣла; сопротивленіе представитъ это послѣднее въ совершенствѣ; потому твердыя тѣла съ неравно дѣйствующими направленіями силы должны появиться раньше, чѣмъ съ равными; поэтому внѣшнее проявленіе силы не всесторонне равностороннее твердое тѣло, которое лежитъ въ сущности силы, но скорѣе тѣло, прикрѣпленное къ чему-нибудь твердому (къ землѣ), безъ всесторонней равнодѣятельности, заключающейся въ сущности силы.

Въ явленіи образованія твердыхъ тѣлъ развитіе существа силы будутъ подниматься отъ неравносторонняго къ простѣйшему равностороннему, равно какъ для своего внѣшняго выраженія сущность силы спускается отъ единства и всесторонности къ единичности и односторонности. Наблюдая это въ существѣ силы лежащее пониженіе отъ единства къ разнovidностямъ, стараясь познать и выразить его, мы увидимъ природу на этой ступени въ ея внутреннемъ стремленіи и въ ея внѣшнемъ проявленіи, во всѣхъ ея единичностяхъ и односторонностяхъ, а также въ ея единствѣ и всесторонностяхъ.

Во всемъ естественномъ ходѣ развитія твердаго тѣла, таковымъ, какъ онъ вытекаетъ изъ самыхъ предметовъ природы, есть въ высшей степени замѣчательная аналогія съ развитіемъ человѣческаго разума и человѣческаго чувства: такъ же, какъ твердое тѣло, человѣкъ, нося въ себѣ живое единство,

выражаетъ въ наружномъ явленіи сначала односторонность и единичность, несовершенство (неполноту) и только потомъ уже достигаетъ онъ равносторонности, согласія, совершенства, поднимается до совершенства. Это явленіе аналогіи въ ходѣ развитія природы и человѣка, такъ же, какъ каждое явленіе въ этомъ родѣ, въ высшей степени важно для самосознанія, для самовоспитанія и воспитанія другихъ, потому что оно распространяетъ свѣтъ и ясность на развитіе человѣка и воспитаніе человѣка и даетъ увѣренность и устойчивость дѣйствія въ отдѣльныхъ запросахъ этого послѣдняго. Міръ твердыхъ тѣлъ такъ же, какъ міръ чувства и разума, — прекрасный поучительный міръ; что здѣсь внутреннее око видитъ во внутреннемъ, то видитъ тамъ это внутреннее око во внѣшнемъ.

Каждая сила, которая въ высшей всеобщности проявляется въ образованіи и обнаруживаніи, дѣйствуетъ изъ середины, стремясь одновременно наружу и внутрь, и такъ въ себѣ и посредствомъ себя, ставя себѣ границы, дѣйствуетъ всесторонне, равносторонне или лучеобразно, линейно и такимъ образомъ необходимо шарообразно.

Не необходимое явленіе силы, обнаруживающейся во всестороннемъ равностороннемъ образованіи внѣшнихъ формъ таково: сила выступаетъ на двѣ стороны и дѣйствуетъ въ одинаковомъ направленіи и внутри совокупности всѣхъ направленій силы, по-трое такихъ, изъ середины двустороннихъ направленій, стоятъ одно къ другому и между собой въ совершенно одинаковомъ отклоненіи и наклоненіи въ каждую сторону и по каждому направленію и, слѣдствительно, другъ съ другомъ въ отдѣльности и всѣ между собой подъ прямымъ угломъ, такъ, что самостоятельность и зависимость одного отъ другого находятся между собой въ высшемъ равновѣсіи. Но благодаря соразмѣрности, лежащей въ самой силѣ внутри суммы всѣхъ взятыхъ по-трое прямоугольныхъ двойныхъ направленій, будутъ выступать исключительно три, какъ преобладающія и господствующія и совершенно независимыя отъ всѣхъ другихъ направленія. И духовное содержаніе силы должно исполнять этотъ актъ выключенія

и различенія, потому что онъ одинаково обусловленъ существомъ силы и закономъ человѣческой духовной дѣятельности.

аа) Кубъ.

Слѣдствіемъ преобладанія этихъ трехъ двойныхъ направлений, равнозначащихъ между собою (и прямоугольных), которымъ совершенно равномерно подчиняются и которыми опредѣляются всѣ остальные направленія, можетъ быть только одно твердое тѣло, ограниченное прямыми линіями и прямыми плоскостями, только такое твердое тѣло, которое во всѣхъ своихъ проявленіяхъ и частяхъ и обнаруженіяхъ являетъ извнѣ и разнымъ особеннымъ образомъ внутреннее существо и дѣйствіе силы согласно великому закону природы и особенному побужденію и опредѣленію, особенной цѣли природы: это можетъ быть только кубъ, внѣшне-внутренне опредѣленный, только шестигранникъ. Каждый уголь выражаетъ равно эквивалентность и прямоугольное расположеніе трехъ существующихъ внутри двойныхъ направлений и выражаетъ такимъ образомъ центръ всего, и это доказательство повторяется восемь разъ; всѣ четыре угла вмѣстѣ четыре раза выражаютъ этотъ законъ; такъ же трижды четыре грани четыре раза выражаютъ каждое двойное направленіе, дѣйствующее внутри; шесть плоскостей выражаютъ въ своемъ центрѣ невидимо-видимо шесть концовъ трехъ двойныхъ направлений и такимъ образомъ обуславливаютъ и опредѣляютъ невидимый центръ всего твердаго тѣла и т. д., и т. д.

Но въ этомъ твердомъ тѣлѣ, въ этомъ кубѣ является стремленіе силы обнаружиться шаровидно въ высшемъ напряженіи: вмѣсто всесторонности, является односторонность, вмѣсто всѣхъ пунктовъ и всѣхъ угловъ являются пункты и углы опродѣленные вмѣсто вселинейности, всегранности, являются отдѣльныя грани (одногранность), и эти немногія точки, линіи, плоскости держатъ всѣ остальные въ подчиненіи и въ зависимости отъ себя. Но благодаря этому выступаетъ ясно усматриваемое и выводимое изъ сущности силы, ясно видимое извнѣ стремленіе силы явить себя въ каждомъ изъ воз-

можнѣйшихъ совершенно особенныхъ видовъ не только, какъ объемъ тѣла, но и какъ точку и точками, какъ линію и линіями, какъ плоскость и плоскостями; но въ одно время съ этимъ и благодаря этому необходимо дается стремленіе силы: развивать изъ точки линію и плоскость, представить точку, какъ линію и плоскость, представить линію, какъ точку и поверхность, линію свести къ точкѣ и развернуть ее въ поверхность, свести плоскость, поверхность къ линіи и къ точкѣ и представить ихъ таковыми. Съ этого времени эта работа, эта дѣятельность и это дѣйствіе силы идетъ навстрѣчу каждому самонаименѣйшему шагу наблюденія твердаго тѣла; такъ что дѣятельность силы внутри круга образованія твердаго тѣла кажется только въ этомъ и состоящей, и всѣ твердыя тѣла, каковы бы они ни были, кажутся обязанными своимъ существованіемъ этому исключительному стремленію. Но такъ это и должно быть; это первое всеобщее проявленіе великаго закона и стремленія природы — представить каждую вещь, какъ единство, единичность и разнообразіе (множественность), особенное обобщить, а общее обособить и, наконецъ, — сдѣлать внутреннее внѣшнимъ, внѣшнее внутреннимъ и одно и другое представить въ гармоніи и согласіи, но при этомъ мы не должны забывать, но должны всегда имѣть передъ глазами, что этимъ великимъ законамъ подчиненъ и человѣкъ, и что почти всѣ его проявленія жизни такъ же, какъ его судьба и т. д., имѣютъ въ этомъ свое основаніе; имѣя это въ виду, мы будемъ познавать въ одно время природу и человѣка, будемъ учиться развивать и воспитывать человѣка согласно природѣ и въ то же время согласно его существу.

bb) Восьмигранникъ (Откаэдръ).

Перейдемъ спокойно, шагъ за шагомъ, отъ наблюденія куба къ наблюденію и производству всѣхъ остальныхъ твердыхъ тѣлъ: точки, углы куба будутъ стремиться развиваться въ поверхности и поверхности представить, какъ точки; особенно же будутъ стремиться требуемыя и обусловленные

преобладаніемъ трехъ равнозначащихъ двойныхъ направленій шесть въ кубѣ невидимо и въ каждой его сторонѣ невидимо-видимо покоящихся двойныхъ центральныхъ направленій выступить видимо внѣшнимъ образомъ, т.-е. какъ ребра. Продуктомъ этого, при одинаковомъ кубическомъ основномъ законѣ, будетъ твердое тѣло, которое имѣетъ столько поверхностей или сторонъ, сколько кубъ — точекъ или угловъ; тѣло, которое имѣетъ столько точекъ или угловъ, сколько кубъ — сторонъ и столько же реберъ, сколько кубъ, но въ ихъ центральныхъ направленіяхъ; этотъ продуктъ — есть чистый восьмигранникъ.

Въ этомъ твердомъ тѣлѣ во-внѣ проявляется видимымъ образомъ многое изъ того, что невидимо покоится внутри этого тѣла или видимо, хотя въ то же время и незамѣтно; но опредѣленія, для куба выведенныя, должны быть приложимы и къ октаэдру, что можно видѣть изъ простого его наблюденія.

сс) Четырехгранникъ (Тетраэдръ).

Каждое изъ трижды двухъ равнозначащихъ и основныхъ направленій силы выступаетъ внѣшнимъ образомъ въ кубѣ, трижды парами сторонъ или поверхностей; въ восьмигранникѣ тремя парами угловъ или вершинъ; слѣдовательно, необходимо появленіе еще одного твердаго тѣла, тѣла, въ которомъ оно явилось бы, какъ три пары реберъ или линій; въ кубѣ являются шесть концовъ трехъ между собой равнозначащихъ двойныхъ направленій силы, какъ шесть сторонъ или поверхностей; въ восьмигранникѣ явились они, какъ углы или точки; необходимо нужно, чтобы было твердое тѣло, въ которомъ они явились бы, какъ ребра или линіи; такое твердое тѣло есть чистый четырехгранникъ; его сущность уже достаточно опредѣлена сопоставленіемъ и сличеніемъ его съ кубомъ и восьмигранникомъ; а то внутреннее, что онъ выражаетъ своей внѣшностью, легко найти, руководствуясь наблюденіемъ и изученіемъ куба.

Такъ изъ наблюденія и разсмотрѣнія необходимой дѣятельности и порожденій силы, дѣйствующей шарообразно,

черезъ образованіе матеріи, обнаруживающейся, произошли три тѣла прямолинейно и прямосторонне ограниченныя, изъ нихъ кубъ первое, какъ бы центральное тѣло, а четырехгранникъ, восьмигранникъ вторыя и въ отношеніи къ нему какъ бы побочныя тѣла.

dd) Сопоставленіе.

Бросимъ взглядъ на кубъ, восьмигранникъ и четырехгранникъ въ ихъ естественномъ положеніи, съ необходимостью вытекающей изъ характера ихъ образованія. Окажется опять въ полнѣйшей аналогіи съ вышеописаннымъ ходомъ наблюденія и какъ необходимое слѣдствіе вновь проявляющагося, выраженнаго закона природы, слѣдующее: кубъ покоится на плоскости, восьмигранникъ на точкѣ и четырехгранникъ на линіи; и у каждаго изъ трехъ твердыхъ тѣлъ ось образованія необходимо совпадаетъ съ однимъ изъ трехъ между собой равнозначащихъ основныхъ направленій и составляетъ съ нимъ одно.

Эти три твердыхъ тѣла, разсматриваемыя, какъ совсѣмъ въ себѣ замкнутыя самостоятельныя тѣла и ищущія точку равновѣсія и опоры въ себѣ и собой, какъ тѣла, себѣ представленныя, выражаютъ слѣдующее: кубъ всегда равномерно, продолжительно покоится на одной изъ его плоскостей, его основной плоскости, при чемъ его ось постоянно совпадаетъ съ однимъ изъ его основныхъ направленій; восьмигранникъ и четырехгранникъ, наоборотъ, будутъ падать, почему у каждаго одна изъ его сторонъ сдѣлается для него основной плоскостью; въ то же время оба тѣла выказываютъ новую, имъ свойственную, особенность: ось, вертикальная или центральная линія тѣла, не совпадаетъ съ однимъ изъ трехъ основныхъ направленій, но проходитъ въ совершенно одинаковомъ разстояніи отъ всѣхъ этихъ трехъ направленій.

Такъ какъ сущность восьмигранника и четырехгранника покоится цѣликомъ въ сущности куба и составляетъ одно съ нимъ, и такъ какъ восьмигранникъ и четырехгранникъ вытекаютъ изъ формы куба, то та особенность, что ось или

вертикальная линия может падать равноудаленно от трех между собой равнозначущих основных направлений, необходимо должна лежать уже в кубѣ и, благодаря дѣятельности господствующаго в природѣ закона равновѣсія, она сейчас же и выступает; потому-то паденіе восьми- и четырехгранника, паденіе, при которомъ ось или вертикальная линия ложится в одинаковомъ разстояніи отъ трехъ основныхъ направлений, будетъ обуславливать и необходимо вызывать в кубѣ такое же поднятіе. И вотъ кубѣ является покоящимся на углѣ, такъ что вертикальная линия или ось пробѣгаетъ отъ этого угла черезъ центръ къ противоположному углу и, слѣдовательно, уже не совпадаетъ съ однимъ изъ трехъ направлений, но падаетъ совершенно равноудаленно отъ нихъ. Такъ какъ кубѣ, благодаря перемѣнѣ своей оси, сталъ в себѣ совершенно другимъ, то и извнѣ представляетъ онъ также совершенно новое явленіе, совершенно новую форму: двѣ и двѣ стороны, два и два или четыре и четыре ребра и точки являлись до сихъ поръ нераздѣльно (какъ другъ другу принадлежащія), все двигалось впередъ (прогрессировало) в четныхъ числахъ два и четыре; все является теперь в числахъ три и три; три и три стороны, три и три ребра; три и три угла.

ее) Связующіе члены.

Слѣдовательно вмѣсто числа двухъ появляется число три и черезъ это является в природѣ совершенно новый рядъ твердыхъ тѣлъ, наблюденію и развитію которыхъ должно предшествовать наблюденіе и развитіе твердыхъ тѣлъ съ тремя, между собой, равнозначущими направленьями.

Благодаря стремленію силы, выражающемуся собой и твердыми тѣлами, стремленію развитъ углы в ребра или стороны; благодаря стремленію свести ребра къ угламъ и развитъ ихъ в стороны; благодаря стремленію представить стороны, какъ ребра и углы; благодаря стремленію внутренне — скрытыя и невидимыя и внѣшне — невидимо-видимыя направленья, точки, линия и плоскости сдѣлать и представить

внѣшнимъ образомъ видимыми; благодаря стремленію твердыхъ тѣлъ такимъ образомъ представить вовнѣ внутреннюю всесторонне-равнодѣйствующую, равностороннюю, шаровидную сущность силы, и, слѣдовательно, благодаря стремленію твердыхъ тѣлъ в себѣ и собой опять развитъ себя самихъ в шарѣ, благодаря этому и даютъ восьми-и четырехгранники три ряда твердыхъ тѣлъ, которыя в различныхъ направленьяхъ сѣтко-образно между собой связаны, но которыя, благодаря маленькому числу главныхъ членовъ и благодаря доступному взору множеству связывающихъ членовъ, скоро представляютъ изъ себя опять шаровидную форму и перейдутъ в нее.

При образованіи всѣхъ разсмотрѣнныхъ до сихъ поръ твердыхъ тѣлъ дѣйствовали и имѣли опредѣляющее значеніе три, между собой равнозначущія основныя направленья, какъ направленья между собой эквивалентныя.

Но благодаря способности, присущей силѣ, расширяться и сокращаться, благодаря отношеніямъ, вытекающимъ изъ законовъ, заключающихся в самой силѣ, по необходимости в прогрессивномъ образованіи тѣлъ произойдетъ разница в трехъ основныхъ направленьяхъ, совершенно равныхъ и эквивалентныхъ между собою.

Эти такъ необходимо данныя отношенія несходства и различія трехъ основныхъ направлений должны быть слѣдующія: или оно, совпадая съ осью твердаго тѣла в одно основное направленіе, неравно двумъ другимъ направленьямъ, эквивалентнымъ между собою и опирающимся на него одинаковымъ образомъ, или оно больше, или меньше двухъ другихъ. Въ ряду твердыхъ тѣлъ, вытекающихъ изъ перваго отношенія основными формами, будутъ четырехугольныя призмы, остроугольныя октаэдры, в ряду твердыхъ тѣлъ, вытекающихъ изъ втораго отношенія, основными формами будутъ четырехстороннія плитки и тупые октаэдры. (Такъ какъ здѣсь идетъ рѣчь только о необходимыхъ внутреннихъ основныхъ отношеніяхъ силы и ихъ дѣйствій, то всѣ различія протяженія твердыхъ тѣлъ, зависящія отъ внѣшнихъ отношеній протяженія матеріи, лежатъ внѣ наблюденія и соображенія.)

Образованіе только-что опредѣленныхъ обоихъ рядовъ твердыхъ тѣлъ идетъ всегда отъ четырехъ къ четыремъ и въ обусловленныхъ этимъ числовыхъ отношеніяхъ: это будутъ четырехчленные твердыя тѣла.

Какъ въ предыдущемъ только одно изъ трехъ равнозначащихъ направленій всегда неравно двумъ другимъ, между собой равнымъ, такъ и всѣ три равнозначащія направленія могутъ быть между собой неравны и дѣйствительно будутъ неравны.

Въ своихъ явленіяхъ и образованіяхъ, зависящія отъ этого твердыя тѣла будутъ имѣть своими основными формами продолговатая четырехстороннія плитки и восьмигранники съ тремя различными плоскостями разрѣза. Образованія обоихъ рядовъ продолжается здѣсь въ числахъ два и два и два и въ обусловленныхъ этимъ числовыхъ отношеніяхъ: это бинарные твердыя тѣла.

Но въ одноименныхъ членахъ образованіе совершается или равносторонне, равнозаконно, или неравносторонне; первое обуславливаетъ выше опредѣленные ряды твердыхъ тѣлъ, которые можно опредѣлить или именемъ двухчленныхъ или именъ одночленныхъ.

Дальнѣйшее образованіе и этихъ твердыхъ тѣлъ продолжается позакону и стремленію, лежащему въ сущности силы: развитіемъ угловъ въ ребра и плоскости и наоборотъ, т.-е. стремленіемъ представить внѣшнимъ образомъ шаровидныя кругловатыя тѣла, выразить внутри лежащія направленія и т. д. Всѣ твердыя тѣла, вытекающія изъ этихъ отношеній трехъ между собой равнозначащихъ основныхъ направленій въ своемъ проявленіи и образованіи въ высшей степени своеобразны благодаря своимъ совершенно особеннымъ основнымъ особенностямъ.

Теперь, слѣдовательно, даны основныя условія для познанія, наблюденія и отвлеченія всѣхъ твердыхъ тѣлъ съ тремя между собой равными основными направленіями, какъ въ ихъ отдѣльныхъ появленіяхъ, такъ и во взаимныхъ, сѣткообразныхъ родственныхъ отношеніяхъ. Тѣ твердыя тѣла, ось образованія которыхъ падаетъ въ одинаковомъ разстоя-

ніи отъ трехъ основныхъ направленій и главнымъ видомъ которыхъ является уже извѣстный, но теперь покоящійся на одномъ изъ своихъ угловъ кубъ, требуетъ дальнѣйшаго наблюденія.

ff) Ромбоэдръ.

Кромѣ уже — сейчасъ же при первомъ появленіи куба, въ такомъ положеніи, при которомъ ось образованія фигуры падаетъ изъ одного угла черезъ центръ въ другой, такъ что первый уголь лежитъ въ вершинѣ, а другой уголь лежитъ въ точкѣ основанія тѣла — узанныхъ и принадлежностью членовъ тремъ и тремъ обусловленныхъ особенностей, выступаютъ при дальнѣйшемъ наблюденіи еще слѣдующіе особенные законы образованія и, зависящія отъ того, особенныя свойства.

При только внѣшнемъ наблюденіи куба въ этомъ положеніи выступаетъ сначала извнѣ та особенность, что шесть ограничивающихъ его плоскостей являются уже, не какъ шесть чистыхъ квадратовъ, т.-е. не какъ шесть плоскостей съ совершенно равными діагоналями, но какъ четырехугольники, хотя и равномѣрные, но съ поперечными линиями различной длины, т.-е. какъ ромбы; что здѣсь появляется сначала только внѣшнимъ образомъ, то выступаетъ сейчасъ же при слѣдующемъ шагѣ образованія и дальнѣйшемъ развитіи этихъ рядовъ твердыхъ тѣлъ внѣшнимъ образомъ, во вытекающая изъ внутреннихъ условій; поэтому всѣ равношестисторонне ограниченные виды этихъ рядовъ образованія ограничены всегда шестью одинаковыми ромбами; основная форма этого ряда образованія — ромбоэдръ, лежащія въ немъ основные опредѣленія и законы будутъ основными условіями и законами всѣхъ слѣдующихъ образованій.

Велико, очень велико, почти неисчислимо велико количество твердыхъ тѣлъ, развивающихся изъ ромбоэдра: но сейчасъ же, начиная съ основной формы, они дѣлятся на нѣсколько рядовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ во главѣ главную форму, прямо обусловленную основной формой. Три нижнихъ и верхнихъ ребра по уже названному, дѣйствуютъ

щему закону направленій, покоящихся невидимо во внутренемъ или невидимо-видимо во внѣшнемъ, развиваются въ плоскости до тѣхъ поръ, пока они не поставятъ другъ другу въ своихъ образованіяхъ границы.

Отъ этого произойдетъ твердое тѣло, ограниченное двумя группами шести поверхностей, соединяющихся на вершинѣ и въ основаніи съ равными нижними и верхними ребрами — твердое тѣло это съ двумя вершинами и равными ребрами — равнобедренный додекаэдръ (двѣнадцатигранникъ). Боковыя грани образуютъ изъ себя по внутри покоящимся опредѣленіямъ отклоняющіяся (расходящіяся) двойныя поверхности; отъ этого произойдетъ твердое тѣло, ограниченное двумя группами шести плоскостей, соединяющихся у вершины и основанія формы, но у него верхнія и нижнія ребра будутъ не всѣ тождественны между собой, а только попеременно отъ вершины и основанія равны, — произойдетъ додекаэдръ съ двумя вершинами и ребрами, организованными натроечною началѣ.

Исходя изъ ромбоиднаго шестигранника или изъ опредѣленныхъ обоихъ двувѣршинныхъ двѣнадцатигранниковъ чрезъ развитіе боковыхъ угловъ или боковыхъ реберъ въ плоскости по направленію осей и путемъ развитія конечныхъ угловъ въ такія же плоскости, являются два новыхъ тѣла: это — два шестигранника съ прямыми конечными плоскостями, которые однако по своей внутренней сущности и поэтому также и по своему возникновенію различаются такимъ образомъ, что одна призма принадлежитъ боковымъ ребрамъ, а другая боковымъ угламъ основнаго тѣла, и поэтому онѣ различаются, какъ шестисторонняя прямоплоскостная реберная призма и шестисторонняя прямоплоскостная угловая призма. Согласно съ этой намѣченной здѣсь внутренней связью, основныя и главный формы относятся другъ къ другу такъ:

	ромбоидный шестигранникъ.	
двувѣршинный,		двувѣршинный,
равнобедренный		трех- и трехреберный
двѣнадцатигранникъ,		двѣнадцатигранникъ,

шестисторонняя,	шестисторонняя,
прямоконечноплоскостная	прямоконечноплоскостная
угловая призма,	реберная призма.

gg) Сложныя тѣла.

По выраженнымъ, приведеннымъ нѣсколько разъ законамъ природы, по законамъ обнаруживающейся силы: представить точки, какъ поверхности и ребра и наоборотъ, по этимъ и другимъ необходимымъ условіямъ развиваются въ прогрессирующей строгой закономерности изъ основныхъ и главныхъ видовъ, видовъ, которые, какъ указано въ предыдущемъ, выдѣлились изъ существа силы, всѣ этимъ уже въ себѣ данныя и опредѣленные трехчленные твердыя тѣла со всѣми переходными и связующими видами; въ своемъ развитіи они приближаются къ все больше и больше шаровиднымъ твердымъ тѣламъ. Слѣдовательно, съ этими и трехчленными тѣлами, которыя необходимо даны вышеприведеннымъ опредѣленіемъ, но по соединеніямъ своимъ безчисленны, въ связи съ твердыми тѣлами, обусловленными въ трехъ между собой равнозначащихъ направленіяхъ, уже даны и обусловлены каждое отдѣльно и всѣ твердыя тѣла, и, слѣдовательно, царство ихъ совершенно закончено; по всеобщимъ условіямъ дѣйствія силы и по другимъ особеннымъ условіямъ, всѣ точки, всѣ данныя до сихъ поръ узанными законами различныя отдѣльныя тѣла могутъ развиваться въ различныхъ отношеніяхъ протяженія, т.е. съ преобладающей длиной, шириной и толщиной и они дѣйствительно будутъ такъ развиваться, но всегда, какъ простая (одночленная). Въдѣ твердыя тѣла, которыя произошли изъ существа силы, до сихъ поръ были только единичными и простыми, но, благодаря стремленію, данному вмѣстѣ съ силой и потому обуславливающему дальнѣйшее высшее развитіе ихъ, благодаря стремленію: представить изъ себя прямолинейно-ограниченныя твердыя тѣла, совокупность силы, которая первобытно лишь стремилась дѣйствовать всесторонне, равнодѣятельно, равносторонне, и достигла такого напряженія въ себѣ и стала въ совершенно особенную внутреннюю

и внѣшнюю противоположность такъ, что даже во внѣшнемъ проявленіи выступаетъ первымъ стремленіемъ силы, имѣющимъ въ виду всевозможными способами уничтожить и сравнять это напряженіе, эту противоположность. Первое и простѣйшее внѣшнее проявленіе этого стремленія въ границахъ явленія твердыхъ тѣлъ будетъ слѣдующее: образованіе и выдѣленіе изъ себя тѣлъ въ прямо противоположномъ положеніи и направленіи; отъ этого произойдутъ тѣла, которыя въ одномъ извнѣ цѣломъ сложномъ тѣлѣ соединяютъ два, три, четыре и больше отдѣльныхъ твердыхъ тѣлъ въ противоположныхъ и, стало быть, уравнивающихъ направленіяхъ и положеніяхъ; и послѣднее выраженіе этого — законъ соединенія, котораго не нужно стараться объяснять, есть не болѣе, какъ простое собраніе формъ безъ очевидныхъ законовъ. Съ этими послѣдними образованиями возникаетъ совершенно новый рядъ составныхъ и сложныхъ тѣлъ, которыя являются какъ бы подражаніемъ тѣламъ высшихъ ступеней образованія; таковы формы гроздевидная, пучковатая, шаровидная. Казалось бы, что каждое отдѣльное тѣло, благодаря этимъ вышеозначеннымъ накопленіямъ, обнаруживаетъ вовнѣ одно изъ всестороннихъ направленій, искони дѣйствующихъ въ силѣ, и такимъ образомъ обнаруживаетъ сообща то, что ему въ отдѣльности было невозможно, первоначальное, самобытное шаровое тѣло. Такъ, слѣдовательно, и на этой ступени образованія твердыхъ тѣлъ, обнаруживается жизнь, свѣтъ, какъ въ зеркалѣ, и при всей неподвижности, раздѣльности обнаруживается внутренняя жизненная связь и главнымъ образомъ равно — и однозаконность, что на каждой слѣдующей ступени развитія природы и выступаетъ все яснѣе и яснѣе.

hh) Обзоръ предыдущего.

Всѣ эти формы и фигуры, которыя внѣшнимъ проявленіемъ принадлежать преимущественно къ міру матеріи, міру, въ которомъ дѣйствуетъ только сила, у которыхъ внѣшнее единеніе и какъ бы творящее во внѣ единство — шаръ, всѣ они вмѣстѣ имѣютъ слѣдующее въ высшей степени особенное свойство: ихъ члены только обнаруживаютъ кратность

двухъ и потому они четночлены и съ зависимыми отсюда членами, или многократность трехъ и потому трех- и трехчлены; наоборотъ, дѣятельность направленной силы по числовымъ законамъ пяти и семи и въ ихъ предѣлахъ, въ качествахъ равноправныхъ съ законами двухъ (четырёхъ) и трехъ (шести) совершенно исключаются, равно какъ исключаются и всѣ этимъ обусловленныя формы. При этомъ числа пять и семь или являются только подчиненными и не въ чистомъ видѣ или только случайно и крайне рѣдко. Дальше появляются всѣ твердыя тѣла, въ себѣ совершенно равновещественныя, безъ необходимо обусловленнаго и обусловливающаго постояннаго центра, но всегда только съ относительнымъ и потому съ упраздненіемъ отношенія упраздненнымъ центромъ; поэтому у однородной и неизмѣнной матеріи дѣйствіе силы повышается только черезъ увеличеніе массы, матеріи; поэтому созидательная сила, какъ нѣчто простое, является членораздѣльной, но она не будетъ единствомъ, заключающимъ въ себѣ многократность, не будетъ членосоставной.

Таково развитіе и выраженіе силы на ступени порожденія неподвижныхъ твердыхъ тѣлъ; такова ступень развитія силы въ границахъ этихъ тѣлъ: но существо силы, какъ самостоятельное всесторонне равнодѣтельное существо, необходимо требуетъ кромѣ того, что было познано изъ существа силы, въ ея внѣшнемъ проявленіи, не только то, что даетъ неподвижное тѣло: относительный, передвигающійся съ упраздненіемъ внѣшняго условія упразднимый центръ, но и такой центръ, который былъ бы необходимо данъ, опредѣленъ существомъ и дѣйствіемъ силы; оно требуетъ и въ тѣлѣ видимую, постоянную точку направленія и возвращенія всѣхъ обнаруживаній силы и дѣйствій силы, и не только точку объединенія, но также точку опредѣленія силы, носительницу ея. Но царство неподвижныхъ твердыхъ тѣлъ не имѣетъ такой единой и объединяющей точки; неподвижное твердое тѣло и не можетъ имѣть ее, такъ какъ одно просто исключаетъ другое, какъ бы, впрочемъ, неразрывно ни была она связана съ сущностью силы, съ ея проявленіемъ и стремленіемъ къ совершенству. Но такъ же и матерія, обу-

словленная законом твердых тѣлъ, ограниченныхъ прямыми плоскостями, и въ силу этого твердая въ себѣ самой, членораздѣльная, дѣлаетъ невозможнымъ появленіе тѣла, которое бы соотвѣтствовало такой точкѣ, такъ какъ въ себѣ совершенно одинаково членораздѣльная матерія, какъ таковая, вездѣ исключаетъ преобладаніе одного или многихъ центровъ силы, стягивающихъ дѣятельность. Но поэтому же появленіе центра силы, объединяющего и стягивающаго, непременно обуславливаетъ полное упраздненіе членораздѣльнаго и членораздѣльности того, что въ матеріи обуславливаетъ твердое тѣло, упраздненіе самага твердаго тѣла.

Позднѣе сила, какъ таковая, обуславливаетъ и требуетъ въ своемъ развитіи и образованіи (такъ какъ безъ этого она совсѣмъ бы не могла подняться до самостоятельной силы), сложности, множественности, обнаруженія силы и дѣятельности подѣ условіемъ единства, и какъ происшедшихъ, вытекшихъ изъ единства. Существоу силы и вмѣстѣ съ ней данному стремленію къ совершенному развитію и представленію этой силы недостаточно быть въ себѣ только членораздѣльнымъ, т. - е. различностороннимъ въ дѣятельности; ея основное стремленіе требуетъ членосоставности въ себѣ, требуетъ подѣ условіемъ единства, какъ происшедшую изъ единства и потому зависящую отъ него совокупность силъ, изъ которыхъ каждая носить въ себѣ самостоятельную дѣятельность, но только для общаго представленія того, что обусловлено единствомъ.

Но такая въ себѣ членосоставная сила требуетъ такъ же въ себѣ членосоставной матеріи и обуславливаетъ ее. Но въ себѣ членосоставной будетъ та матерія, которая въ состояніи соотвѣтствовать единичнымъ и совокупнымъ требованіямъ силы, соответствовать въ каждомъ мѣстѣ, указанномъ ей дѣятельностью силы, исходящей изъ единства силы; членосоставной будетъ та матерія, которая охотно подчиняется требованію членосоставной силы безразлично для представленія абстрактнаго или конкретнаго, внутренняго или внѣшняго и для какой бы ни было стороны и направленія силы. Членосоставность матеріи обуславливаетъ вполнѣ сво-

бодную и безпрепятственную всестороннюю опредѣляемость ея; только въ себѣ напряженная, членораздѣльная матерія исключаетъ это; поэтому въ себѣ членосоставная сила упраздняетъ членораздѣльную матерію, совершенствуя это въ членосоставность. Членораздѣльная матерія можетъ получить возможность перейти и перейдетъ на высшую ступень образования и совершенствованія, перейдетъ въ членосоставную матерію, только посредствомъ возвращенія къ состоянію нечленораздѣльному, вездѣ въ себѣ однородному и появленію безсвязному только благодаря состоянію полнѣйшей растворимости и раздробляемости.

Здѣсь обнаруживается жизнь въ своихъ проявленіяхъ, показываются требованія и условія высшей духовной жизни, какъ въ зеркалѣ; поэтому-то на этой ступени развитія природы такъ важно для самовоспитанія и воспитанія другихъ познаніе природы и уразумѣніе ея сущности.

с) Живые организмы.

Но вмѣстѣ съ существомъ силы и какъ одно съ нимъ выступаетъ стремленіе силы наружу и внутрь, потому что одно обуславливаетъ другое и одно обусловлено въ другомъ и другимъ. Но сила, развивая изъ себя, какъ изъ единства, опредѣленного, видимаго единства, разнообразіе и сводя это разнообразіе къ единству, дальше необходимо обуславливаетъ этимъ самымъ попеременное стремленіе силы наружу и внутрь, и черезъ это, упраздняя и уничтожая неподвижность матеріи, упраздняетъ также и одновременность, совмѣстность стремленій наружу и внутрь; и взаменъ этого обуславливаетъ, какъ исходящее изъ опредѣленного, видимаго центра, и къ этому возвращающееся моментальное раздѣленіе и моментальное соединеніе, и, стало быть, вовнѣ, моментально разобщенное и раздѣленное выступленіе и возвращеніе силы и, какъ таковое, видимое въ матеріи и посредствомъ матеріи, т.-е. волненіе, колебаніе, біеніе силы.

Въ твердой формѣ (минералахъ) акція и реакція силы въ каждый моментъ одинакова и представляютъ собою единство; вотъ почему твердое тѣло неподвижно. Уничтоженіе

этого равновѣсія и малѣйшее преобладаніе того или другого воздѣйствія силы тотчасъ уничтожаетъ неподвижное состояніе твердаго тѣла, а слѣдовательно и самое твердое тѣло, и оно переходитъ въ порошокъ, жидкость или газъ. Но такъ какъ большее стремленіе къ свободѣ и самостоятельности и величайшее совпаденіе центробѣжной и центростремительной силы обуславливаетъ величайшее развитіе силы, то на этой ступени сила должна пріобрѣсти свою величайшую самостоятельность, гдѣ центробѣжные и центростремительные удары мѣняются всего быстрѣе.

Это постоянное движеніе впередъ и обратно имѣетъ свою причину въ постоянномъ и притомъ постоянно движущемся уравненіи, слѣдовательно, въ движущемся равенствѣ, а по сему также эта ступень силы, движущейся отъ извѣстнаго единства, опредѣленно воспринимаемаго пункта и обратно, крайне мѣтко называется жизнью (1 — eben — уравненіе —). Этотъ пунктъ, носящій въ себѣ эту самостоятельную, самодѣятельную жизнь, какъ бы выдыхающій ее изъ себя, для раздѣльнаго по внѣшности разнообразія жизни, называется сердцемъ. Развитіе, обуславливающее пункты жизни, жизнь, обуславливающее существованіе сердца есть ближайшая новая ступень развитія силы, которая только дѣйствуетъ для сохраненія твердыхъ тѣлъ. Въ полномъ согласіи съ существомъ силы и ея требованіемъ въ массѣ матеріи нѣсколько пунктовъ дѣятельности силы или только немногіе или одинъ пунктъ должны стремиться къ тому, чтобы стать пунктами центральными (сердечными). Это основаніе есть одно изъ ближайшихъ основаній къ раздѣленію формы жизни. Такимъ образомъ сила сама стремится сдѣлаться все болѣе и болѣе самостоятельной и независимой отъ матеріи, такъ что большее или меньшее дѣйствіе силы, и большее или меньшее проявленіе жизни перестаютъ поэтому, въ концѣ концовъ, зависѣть отъ большаго или меньшаго количества вещества; это явленіе, въ которомъ проявляется жизнь, неизмѣнно повторяется во всѣхъ видахъ и въ процессѣ образованія. Согласно этому основному закону, жизнь, при первомъ своемъ пробужденіи, распадается на два ряда: въ пер-

вомъ ряду жизнь, проявленіе жизни, подчинена матеріи; во второмъ — матерія подчинена жизнедѣятельности. Организмы перваго ряда, справедливо носятъ названіе прозябающихъ (живыхъ), тогда какъ организмы втораго ряда, носящіе въ себѣ жизнь въ самодѣятельномъ движеніи, могутъ быть названы одушевленными. Такимъ образомъ, если разсматривать сущность проявленія силы съ этой стороны, то всѣ организмы природы расположатся такъ:

дѣйствующіе

(въ видѣ твердыхъ тѣлъ),

прозябающіе,

одушевленные.

Такъ какъ жизнь не только обуславливаетъ и требуетъ постоянного возвращенія дѣятельности къ своему центру, т.е. къ сердцу, но собственно и состоитъ въ этомъ возвращеніи, черпаетъ въ немъ новыя силы для своего внѣшняго существованія, — то всѣ организмы необходимо должны размножаться сами изъ себя — расти, дѣйствительно расти. Эта необходимая здѣсь и вышеизложенная внутренняя связь между инертными, прозябающими и жизненными организмами, непременно вытекаетъ также и изъ другой точки зрѣнія, и изъ всеобщаго закона, закона, по которому абстрактное обуславливается конкретнымъ, изъ конкретного исходить абстрактное, конкретное требуетъ и обуславливаетъ абстрактное.

Такъ какъ признанныя вышеуказанныя свойства силы необходимо заключаются въ сущности силы и проистекаютъ изъ этой сущности, какъ необходимое слѣдствіе, то вмѣстѣ съ непрерывностью сущности силы, они необходимо должны имѣть свою непрерывность; а на слѣдующихъ ступеняхъ развитія и образованія силы, эти свойства должны ясно выразиться въ полномъ соотвѣтствіи съ ея сущностью, хотя бы и въ своей особой формѣ, въ особомъ соединеніи въ другой степени и въ болѣе совершенномъ видѣ. Эта необходимость, вытекающая изъ сущности силы, неизмѣнно обнаружится въ каждой формѣ и въ каждомъ видѣ, обусловленномъ восходящей степенью развитія силы и будетъ внутренней, опредѣляющей причиной формы и вида. Поэтому виды двухъ

признанных слѣдующихъ извѣстныхъ ступеней развитія обнаружатъ сейчасъ же свою особенность. Тогда какъ въ неподвижныхъ организмахъ кругообразное и круговое являлось второстепеннымъ и случайнымъ, въ живыхъ организмахъ явится оно, какъ существенное; при этомъ обнаружится разница между прозябающими и жизненными организмами. Тогда какъ въ первыхъ круговое и зависящее отъ этого плоское является преобладающимъ и господствующимъ, а круглое и шарообразное — подчиненнымъ, у вторыхъ, напротивъ, подчиненнымъ является круговое и зависящее отъ него плоское, а господствующимъ — круглое, шарообразное.

Какъ членосоставная сила обуславливаетъ и вызываетъ членосоставную матерію, такъ обѣ онѣ обуславливаютъ и вызываютъ членосоставной организмъ; поэтому-то прозябающіе изъ живыхъ организмовъ, растительные организмы, растенія, гдѣ жизнь еще подчинена матеріи, будутъ въ своихъ образованіяхъ болѣе излучающими и болѣе подходящими къ закону неподвижныхъ организмовъ, и это положеніе обнаружатъ они въ болѣе развитомъ членосоставномъ положеніи въ жизни и посредствомъ жизни. Этимъ объясняется во многихъ растеніяхъ чистое выраженіе того, что свойственно неподвижнымъ организмамъ, выраженіе и явленіе основного закона неподвижныхъ организмовъ, который здѣсь проявляется главнымъ образомъ въ числовыхъ отношеніяхъ. Въ первобытномъ употребленіи число значило, что доказываютъ нѣкоторыя старинныя словообразованія, то же самое, что край, конецъ. Числовыя отношенія въ растительномъ мірѣ имѣютъ такое важное значеніе именно потому, что они какъ бы указываютъ предѣлы силораспределенія, которымъ неподвижные организмы и каждое слѣдующее высшее образованіе обязаны особенностями своей формы. Какъ равночленные неподвижные организмы одинаковаго распределенія четночленные имѣютъ совершенно особенный и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ очень простой характеръ проявленія жизни. Подобное проявленіе жизни имѣютъ и равночленные и четночленные (два и два) растенія, и, какъ это и было уже среди неподвижныхъ организмовъ, рѣзко отличаются

отъ трех- и трехчленныхъ растеній. Двух- и двухчленные растенія ясно и опредѣленно выражаютъ этотъ законъ попеременно сидящими листьями и двух-, двухгранной формой стебля и т. д. Съ особенностью постояннаго числового отношенія обнаруживаются неизмѣнныя свойства; къ каждому особенному числовому выраженію и его особенностямъ постоянно присоединяется совершенно особенное проявленіе и совершенно особенное внутреннее свойство; такъ, напр.: почти всѣ растенія, принадлежащія къ разряду двухчленныхъ, испускаютъ сильные пряные запахи.

Однако живые организмы отнюдь не довольствуются только все болѣею особенностью выраженія первоначальныхъ распределеній и непосредственно зависящихъ отъ нихъ, числовыхъ отношеній, которыя обуславливаютъ собой неподвижные организмы; вмѣстѣ съ дѣятельностью силы, поднявшейся до жизни, съ дѣятельностью, которая имѣетъ свое основаніе во внѣшнемъ, нашедшемъ исходъ напряженіи, наступаетъ въ отношеніяхъ образованія также и высшая дѣятельность. Съ жизнью и жизненными организмами, какъ у растеній, такъ и у животныхъ, выступаетъ очень рано числовое отношеніе пяти, какъ господствующее и постоянное, тогда какъ у неподвижныхъ организмовъ оно проявлялось, какъ подчиненное и случайное.

Такъ какъ со вступленіемъ числового отношенія пяти во всѣхъ предметахъ природы, въ которыхъ оно выступаетъ, обнаруживается совершенно особенная дѣятельность, то появленіе пяти и условія этого появленія необыкновенно символично и полно значенія. Насколько появленіе пяти распространено въ растительномъ царствѣ, оно рѣдко встрѣчается въ чистомъ видѣ, т.-е. такъ, чтобы всѣ частности по положенію, по формѣ и вообще по достоинству были равны между собою; а если ихъ внѣшнее проявленіе и чисто, то оно очень измѣнчиво, такъ что совершенно чистымъ оно остается только въ немногихъ явленіяхъ. Это ясно доказываетъ ихъ происхожденіе, которое имѣетъ основаніе только въ освобожденной дѣятельности силы, въ ея стремленіи возвысившейся до жизни: каждое обстоятельство выразить со-

бой и производить изъ себя. Такъ какъ выраженіе числа пять и ему родственнаго семь, какъ самостоятельно опредѣляющагося и развивающагося, исходить въ чистомъ видѣ только изъ дѣйствующей силы, и такъ какъ каждое слѣдующее развитіе и явленіе дѣятельности силы обусловлено только прежней инертной силой, то его появленіе можетъ имѣть основаніе только въ раздѣленіи, разъединеніи или въ соединеніи распредѣленія, обусловленнаго чисто инертной силой и изъ нея вытекающаго числового отношенія. Такъ оно и есть: пять появляется въ растительномъ мірѣ или благодаря разъединенію, раздѣленію одного изъ основныхъ распредѣленій четырех-или двух-и двухчленнаго, или благодаря соединенію двухъ основныхъ распредѣленій трех- и трехчленнаго. Это доказываютъ почти всѣ растенія, которыя носятъ числовое выраженіе пяти. Такимъ образомъ растенія, которыя въ своихъ цвѣтахъ не обнаруживаютъ почти никакого измѣненія пяти, можно разсматривать какъ принадлежащія къ чистому (виду) пяти. Растенія, которыя относятся къ внутреннему закону двухъ и двухъ и въ своихъ цвѣтахъ обнаруживаютъ пять, представляютъ пять, какъ два, два и одинъ; здѣсь число пять произошло отъ дѣленія одного изъ равнозначущихъ распредѣленій; поэтому одинъ членъ будетъ стоять отдѣльно, а два и два — вмѣстѣ, при чемъ они будутъ, во всѣхъ формахъ и соединеніяхъ явленія, развивать, принадлежатъ пяти цвѣтообразованія. Такія растенія являются, какъ выраженіе закона двухъ и двухъ, переходящаго въ два, два и одинъ и т. д. Вообще у всѣхъ проявленій пяти самыми разнообразными по формѣ и соединенію являются тѣ, которыя произошли изъ двухъ и двухъ, между собой равнозначущихъ основныхъ распредѣленій, что доказываютъ всѣ растенія съ попеременно сидящими листьями, возстановить нарушенное равновѣсіе между двумя и двумя можно только съ большимъ трудомъ.

Растенія, происходящія изъ закона трехъ и трехъ, имѣютъ другую форму и, главное, другой цвѣтокъ. Здѣсь пять произошло не черезъ раздѣленіе, а черезъ соединеніе, единеніе въ одно двухъ основныхъ распредѣленій и эта, изъ едине-

нія и соединенія происшедшая, увѣренность и покой выражается и въ простомъ образованіи цвѣтка; беремъ единственный примѣръ: роза и т. д. Поэтому пять является въ природѣ на ступени жизненныхъ организмовъ, какъ число, заключающее въ себѣ сущность двухъ и трехъ. Пять является числомъ, объединяющимъ и разъединяющимъ два и три. Такъ какъ число пять является только съ переходомъ инертной силы въ прозябающую и жизненную, то оно есть дѣйствительно число разъединяющей и объединяющей силы, число разума на ступени жизненныхъ видовъ, число обнаруживающего внутри себя постоянно новое число, непрестанно собой и изъ себя совершенствующагося; поэтому, чѣмъ выше степень развитія и образованія жизненныхъ организмовъ, тѣмъ неизмѣннѣе является оно. На ступени образованія растенія, чистое пять больше всего свойственно тѣмъ растеніямъ, которыя заключаютъ въ себѣ наибольшее совершенство и способность разнообразія. Таковы, подчиненные закону почти точнаго пяти, плоды зерноносные и съ косточкой, и южные плоды. Развѣ нельзя развить и усовершенствовать первые до безконечности? А въ мірѣ цвѣтовъ, развѣ не допускаютъ розы, подчиненныя закону пяти, происшедшаго изъ трехъ и трехъ, все большаго и большаго разнообразія вида? Развѣ не дастъ почти каждая страна все новыя измѣненія картофеля? Развѣ не усовершенствовались его виды за тѣ немногіе годы, которые прошли съ того времени, какъ его узнали? Растенія, по своимъ цвѣтамъ принадлежащія къ чистому пяти, суть вмѣстѣ съ тѣмъ растенія, которыя легче всего въ себѣ и собой размножаются и совершенствуются: розы, лиліи, аврикулы, лютики. Такъ всюду, гдѣ появляется число пять, обнаруживается, несомнѣнно, высшее выраженіе жизни, жизни возвышенной, болѣе развитой, которой оно обязано своимъ проявленіемъ и существованіемъ черезъ посредство дѣленія или соединенія, строгимъ закономъ строго и неподвижно установленнаго, опредѣленнаго.

Заслуживаетъ вниманія слѣдующее замѣчаніе, исходящее не изъ внѣшняго проявленія числа, но изъ глубочайшаго

внутренняго его условія, единства и сущности, условія, въ которомъ имѣетъ свое основаніе всякое число, его разнообразія и отношенія. Какъ четно- и равночленные неподвижные организмы, въ себѣ и собой проявляя мало разнообразія силы, являются просто какъ бы образованіемъ нравственной сущности, такъ, напротивъ, трех- и трехчленные неподвижные организмы, обнаруживающіеся постояннымъ внѣшнимъ дѣленіемъ въ постоянно новыхъ образахъ, въ разнообразіи, являются какъ бы образованіемъ разума и сознанія; и такъ какъ въ трех- и трехчленныхъ неподвижныхъ организмахъ ось образованія отдѣлилась отъ каждаго изъ трехъ равнозначашихъ основныхъ распредѣленій и сдѣлалась по отношенію ко всѣмъ тремъ самостоятельно равнозначашей, то развитіе, дѣля извнѣ и соединяя извнѣ, продолжается до безконечности. Поэтому для трех- и трехчленного основного организма нѣтъ ничего слишкомъ тонкаго, ничего, чего бы онъ не могъ раздѣлить: самое тонкое — свѣтъ — и тотъ въ известковомъ шпатѣ и въ трех- и трехчленной искусственной формѣ — призмѣ, долженъ подчиниться его внѣшней дѣлящей силѣ. Поэтому на ступени неподвижныхъ организмовъ, переходъ отъ равночленного, равнодѣйствующаго закона развитія и образованія, къ трех- и трехчленному, — равносилень упадку, или, что по дѣйствию здѣсь тождественно, переходу духовнаго въ чловѣкъ отъ чистаго согласнаго развитія духа къ постоянно извнѣ дѣлящему и сомнѣвающемуся образованію разума потому, что трех- и трехчленное вводитъ также въ сферу внѣшняго познанія формъ развитія неподвижныхъ организмовъ.

Природа и растительный міръ, въ отношеніи къ особенному свойству и особенному дѣйствию силы, какъ живущей въ себѣ, обнаруживаютъ еще слѣдующія явленія: благодаря различнымъ степенямъ одной и той же силы въ прозябающемъ организмѣ, въ растеніи, каждый членъ цѣлаго является владѣющимъ всей силой только въ различныхъ степеняхъ ея развитія; потому-то на ступени прозябающихъ организмовъ у растеній такъ разнообразна возможность произведенія всего организма, всего растенія изъ одной отдѣльной

части: изъ вѣтки, изъ почки, изъ листка, изъ кусочка корня; потому-то видимъ мы въ мірѣ растеній опредѣленное явленіе, высказывающееся, какъ основной законъ для растеній: каждая слѣдующая ступень развитія обнаруживаетъ сущность дѣйствующаго въ организмѣ единства постоянно въ высшей мѣрѣ; каждая слѣдующая ступень развитія есть эволюція предыдущей: такъ лепестки — эволюція листьевъ, тычинки и пестикъ — эволюція лепестковъ; каждое слѣдующее образованіе являетъ внутреннее растеніе въ болѣе тонкой оболочкѣ, и, въ концѣ концовъ, — только въ благоуханіи и запахѣ. Завязь поглощаетъ внутреннее, внѣшнимъ образомъ превратившееся во внѣшнее, и такимъ образомъ являетъ это опять внутреннимъ. Растенія обнаруживаютъ до времени расцвѣтанія стремленіе наружу, поднятіе; со времени же расцвѣта до полного созрѣванія плода — полнѣйшая реакція. Явленія растеній обнаруживаютъ поэтому не только разнообразіе, размноженіе силы, но и эволюцію ея. Этимъ же объясняется въ растительномъ царствѣ такое частое явленіе вырожденія позднѣйшей степени образованія въ болѣе раннюю въ случаѣ убыванія силы: напр., вырожденіе лепестковъ въ чашечковые листья, вырожденіе этихъ послѣднихъ въ листья растенія; вырожденіе тычинокъ и пестиковъ въ лепестки, что мы такъ часто видѣли среди розъ, мака, мальвъ, тюльпановъ и т. д. По предыдущему сюда не относится искусственное совершенствованіе чашечки въ вѣнчикъ, въ томъ случаѣ, когда растеніе имѣетъ особенно благоприятное положеніе и питаніе, что мы видѣли у садоваго первоцвѣта. Слѣдовательно, въ каждой самостоятельной части растенія заключается сущность всего растенія только въ нѣсколько особенномъ видѣ. А такъ какъ основное стремленіе каждой вещи и каждаго растенія состоитъ въ желаніи обнаружиться во всесторонней особенностях, то это стремленіе — явить изъ себя шаровидную форму среди всѣхъ частей растеній является наиболѣе стѣсненнымъ и связаннымъ у листьевъ; потому-то можно такъ часто наблюдать на нихъ, а также и на другихъ частяхъ растенія, слѣдующее явленіе: послѣ случившагося поврежденія, какъ бы наступившаго освобожденіе

нія, растеніе или часть растенія стремится явить изъ себя и собой шаровидную форму; это особенно хорошо доказываетъ такъ называемый розовый мохъ на поврежденныхъ розовыхъ листьяхъ.

Такъ растеніемъ и въ растеніи какъ бы спокойно выражается во-внѣ ростъ сущности силы, возвысившейся до жизни.

Съ этой точки зрѣнія растенія и растительность (плоды) являются какъ бы цвѣтомъ и цвѣтами природы; и такъ какъ у растений и растительности, начиная со времени цвѣтенія и оплодотворенія, вся сущность растенія заключается въ томъ, чтобы возвратиться къ внутреннему, къ единству, то на слѣдующей ступени развитія образованій природы, на слѣдующей ступени эволюціи силы отъ прозябанія къ жизни, является все внѣшнее и все разнообразіе опять во внутреннему въ единствѣ, опять въ зернѣ, въ сѣмени, опять въ круглой формѣ. Поэтому низшія формы животныхъ похожи на ожившія сѣмена. Это — простые, но кругловидные организмы.

Такъ, совокупность всѣхъ земныхъ организмовъ, являясь по себѣ небольшою частичкой громадной вселенной, благодаря повторяющемуся закону единства, является въ то же время въ себѣ самостоятельнымъ, большимъ, членосоставнымъ цѣлымъ.

Образованіе силы, поднявшейся до жизни, живущіе организмы, животныя, являются также большимъ членосоставнымъ цѣлымъ, какъ бы организмомъ, носящимъ въ себѣ жизнь. Это доказываютъ великіе, всюду распространенные законы, которые обнаруживаются также и въ ихъ приспособляемости, проходящей черезъ всю ихъ совокупность. Такъ, у всѣхъ животныхъ съ повышенной жизнедѣятельностью обнаруживается законъ пяти, обусловленный болѣе совершенной жизнью и въ сущности своей нераздѣльной съ земнымъ проявленіемъ жизни. Онъ обнаруживается сейчасъ же, какъ появляются такіа животныя, сейчасъ же, какъ появляются вообще животныя; это доказываютъ ископаемыя исчезающаго періода; вмѣстѣ съ жизнью большого нераздѣльнаго животнаго царства, сейчасъ же выступаетъ пять и пребываетъ въ немъ, хотя опять-таки въ различныхъ видахъ со-

единенія и разъединенія, но все-таки, какъ основной законъ; даже у человѣка, въ которомъ жизнь (жизненность) поднялась до высшей степени духовности, пять является существенной принадлежностью его руки, главнаго члена человѣка, главнаго орудія, которымъ пользуется его творческая сила.

Другой большой общераспространенный законъ природы, который особенно ярко выражается во всемъ царствѣ животныхъ и который только-что опредѣленную совокупность животныхъ являетъ въ себѣ замкнутымъ цѣлымъ, это — законъ перехода внутренняго во внѣшнее и наоборотъ. Низшія животныя заключены въ каменный домъ, ихъ еще мягкое (безпозвоночное) тѣло почти отъ него не зависитъ, онъ только снаружи его охватываетъ, какъ нѣчто чуждое, отъ животнога отдѣленное, съ нимъ разобщенное; но животное все-таки приковано къ твердой почвѣ своей известковой оболочки. Позднѣе появляются животныя, освободившіяся, самостоятельныя не прикованныя къ одному пункту, какъ растенія, но они сами и ихъ внѣшняя, каменеподобная оболочка, проросли другъ къ другу, такъ что твердыня, носящая тѣло, охватываетъ его, какъ твердая кора. На слѣдующей ступени развитія хрящевая оболочка исчезаетъ снаружи все больше и больше; она какъ бы погружается въ тѣло и по мѣрѣ того, какъ она исчезаетъ снаружи, она выступаетъ у рыбъ и амфибій въ видѣ хрящевого скелета съ остаткомъ чешуи на тѣлѣ. Это хрящевое основаніе развивается у животныхъ дальнѣйшихъ образованій въ костное основаніе; чѣмъ больше это послѣднее совершенствуется, тѣмъ больше облакаютъ его мускулы, раньше облеченные въ каменеподобную массу; теперь мускулы являются облакающими, какъ раньше являлись они облеченными; что было внѣшнимъ, то стадо внутреннимъ, что было внутреннимъ — стало внѣшнимъ: — вполне совершенное животное.

Въ животномъ мірѣ особенно ярко обнаруживается великій законъ природы — законъ равновѣсія. По этому закону въ каждомъ прозябающемъ и живущемъ организмѣ заключается опредѣленное количество силы, которая для каждого тѣла, и для каждой изъ его частей обуславливаетъ опредѣ-

лейное количество матеріи, такъ что, когда эта матерія употребляется на образованіе одной части тѣла и членовъ въ количествѣ сверхъ опредѣленнаго, то этимъ вызывается уменьшеніе матеріи въ томъ же количествѣ въ другой части тѣла или его члена. Такъ одна часть или одинъ членъ тѣла образуется за счетъ другого. У рыбъ, напр., тѣло образуется за счетъ его членовъ. Особенно ясно и убѣдительно выражается этотъ законъ, если взять, какъ объектъ сравненія, человѣка въ его симметричности и соразмѣрности. Сравнимъ руку и кисть человѣка съ крыломъ птицы; здѣсь очевидно и ясно обнаруживается развитіе однихъ членовъ и ихъ частей за счетъ другихъ. Такъ все разнообразіе организмовъ, на всѣхъ ступеняхъ развитія и образованія, является обусловленнымъ одной силой, является продуктомъ одной силы; первоначально является и существуетъ она, какъ единство; ясно и точно выражается она въ сдѣлавшейся, совершенно самостоятельной, единицѣ жизни (особи), но, какъ внѣшнее проявленіе, всесторонне и въ каждомъ отношеніи обнаруживается она только во всемъ разнообразіи природы. Сила сама по себѣ требуетъ возможности выраженія всѣхъ разнообразій, которыя заключаются въ ней, какъ одна общность, одна нераздѣльная жизнь. Такимъ образомъ, подтверждается и здѣсь настолько же великая, какъ и абстрактная истина: все является свою сущность вполнѣ и совершенно только въ тріединомъ представленіи: единствѣ, единичности, разнообразіи. Такъ законъ развитія неподвижныхъ организмовъ отъ односторонняго ко всестороннему, отъ несовершеннаго къ совершенному, подтверждается, какъ ходъ развитія для каждаго совершенства въ природѣ; человѣкъ есть послѣднее и совершеннейшее земное существо, послѣдній и совершеннѣйшій изъ всѣхъ земныхъ организмовъ; это — организмъ, въ которомъ все матеріальное находится въ полнѣйшемъ равновѣсіи и соразмѣрности; первобытная, первоначальная, покоящаяся въ вѣчномъ и изъ него исходящая сила, является здѣсь на ступени жизни и какъ духовность: человѣкъ ощущаетъ свою силу, чувствуетъ ее, понимаетъ, объясняетъ, можетъ сознать ее и сознаетъ.

Но насколько въ человѣкѣ, какъ въ матеріальномъ существѣ, все уравнивается и соразмѣрно, настолько же въ немъ, какъ въ духовномъ существѣ, волнуются желанія, наклонности, страсти, какъ волновались и боролись въ мірѣ неподвижныхъ организмовъ созидающія въ мірѣ растений — прозябающія, въ мірѣ животныхъ — живыя силы, такъ здѣсь волнуются и борются духовныя. По отношенію къ развитію духа человѣкъ стоитъ опять на первой ступени, какъ стояли неподвижные организмы по отношенію къ развитію жизни. Потому-то для самовоспитанія, воспитанія другихъ, человѣку такъ необходимо знаніе законовъ сущности организмовъ неподвижныхъ, прозябающихъ, живущихъ; потому то знаніе ихъ сущности и ихъ появленія такъ поучительно, утѣшительно, просвѣтительно и т. д. И потому-то, наконецъ, человѣку, мальчику, ученику, должно быть очень рано внушено понятіе о природѣ въ ея разнообразіи, какъ объ единствѣ, какъ о большемъ жизненномъ цѣломъ, какъ объ осуществленіи одной мысли Божіей. Природа сама по себѣ есть непрерывное и важное и въ каждомъ пунктѣ изъ себя развивающееся цѣлое и, какъ таковая, является она; поэтому она должна быть рано познана человѣкомъ. Настоящее знаніе разнообразій природы, настоящая естественная исторія немислима безъ единства въ дѣятельности и формахъ природы, безъ пониманія и познаванія этого единства, такъ же, какъ безъ пониманія и познаванія происхожденія изъ этого единства всѣхъ разнообразій. Немислимо безъ этого и преподаваніе существовавшей до сихъ поръ только по имени естественной исторіи, такое преподаваніе, которое имѣетъ въ виду ознакомленіе съ разнообразіемъ природы и которое не могло бы удовлетворить человѣка даже и на ступени дѣтства. Это единство и есть именно то, чего ищетъ душа мальчика, что только и можетъ удовлетворить его, какъ и вообще и человѣческой разумъ. Иди съ мальчикомъ, носящимъ въ себѣ настоящую жизнь, въ природу, укажи ему разнообразія природы, и онъ сейчасъ же спроситъ тебя о высшемъ, обусловливающему жизненномъ единствѣ. Это подтверждаютъ постоянно повторяющіеся вопросы мальчиковъ, едва всту-

пившихъ въ школьный возрастъ и интересующихся предметами природы. Наблюденіе природы по способу раздробленія ея, очень отличное отъ наблюденія единичностей, ведущаго къ единству и цѣльности, умерщвляетъ предметы природы и природу такъ же, какъ и человѣка и созерцающій человѣческій разумъ. Этихъ немногихъ указаній, рекомендующихъ наблюденіе природы въ цѣломъ, должно быть здѣсь достаточно, чтобы убѣдить отца, воспитателя, учителя вести своего ученика, воспитанника, сына къ познанію и изученію закономерности природы въ ея различныхъ степеняхъ образованія и единства ея во всѣхъ разнообразіяхъ, вести къ возрѣнію на природу, какъ на жизненное цѣлое. Здѣсь внутренняя жизненная связь между дѣятельностью и предметами природы опредѣлена совершенно абстрактно и только съ одной стороны и въ одномъ направленіи: но ученику природа должна быть представлена во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, какъ одно членораздѣльное и членосоставное цѣлое, такъ какъ силы, вещества, тоны краски и т. д., а также формы и образы имѣютъ свою внутреннюю, жизненную связь въ себѣ, между собой и съ цѣлымъ; всѣ они въ совершенствѣ своего образованія находятся въ зависимости отъ дѣйствія великаго объединяющаго явленія природы великаго опредѣляющаго тѣла — солнца, пробуждающаго и лелѣющаго всю земную жизнь. Казалось бы, что всѣ организмы земли обнаруживаютъ только сущность солнечнаго свѣта; настолько жадно обращаются всѣ они къ солнечному лучу, впитываютъ солнечный свѣтъ и привязаны къ этому солнечному свѣту и лучу; такъ привязанъ ребенокъ ко взору и устами любящаго просвѣщеннаго отца, развивающей и укрѣпляющей матери, съ которыми онъ одинаковой сущности. Какъ присутствіе и отсутствіе чистой родительской любви, опредѣлившагося родительскаго разума вліяетъ на развитіе и образование единосущнаго съ родителями ребенка, такъ присутствіе и отсутствіе солнечнаго свѣта вліяетъ на развитіе и образование земныхъ организмовъ — дѣтей солнца и земли. Кромѣ того, болѣе точное знаніе солнечнаго луча и свѣта обнаруживаетъ,

что въ немъ направленія схожи съ основными направленіями всѣхъ земныхъ организмовъ. Земные организмы въ своей совокупности внѣшнимъ, видимымъ образомъ обнаруживаютъ сущность солнечнаго свѣта; то, что въ солнцѣ представлено въ единствѣ, выражаютъ они во множественности; такимъ образомъ знаніе одного есть вѣрный путь къ познанію другого. Отецъ съ сыномъ, воспитатель съ воспитанникомъ, учитель съ ученикомъ, — странствуйте мысленно въ большомъ живомъ, жизненномъ цѣломъ. Отецъ, учитель, воспитатель, не отвѣчайте: объ этомъ я еще самъ ничего не знаю, съ этимъ я еще не знакомъ. Здѣсь идетъ рѣчь не о томъ, чтобы дѣлиться съ прибрѣтенными уже знаніями, а о томъ, чтобы вызвать новыя. Вы должны наблюдать, развивать наблюдательность, сознавать то, что видѣли, и вводить это въ сознаніе вашихъ воспитанниковъ.

Для познанія закономернаго въ природѣ, познанія единствъ въ природѣ не нужно никакихъ искусственныхъ познаваній предметовъ природы и ихъ свойствъ; здѣсь важно только точное, опредѣленное верное пониманіе и точное опредѣленіе ихъ согласно съ сущностью предмета и языка. При ознаменованіи ребенка съ предметами природы важна не передача ему ихъ названій или раньше установившихся мнѣній и взглядовъ; важно только непосредственно указать на нихъ и ознакомить съ ихъ непосредственно обнаруживающимися свойствами; важно только, чтобы мальчикъ видѣлъ въ предметѣ именно то, что предметъ этотъ, какъ вполнѣ опредѣленный, въ себѣ самостоятельный, обнаруживаетъ посредствомъ себя, своей формы и т. д. Мало значенія имѣетъ также знаніе ранѣе даннаго ходячаго названія; важно только ясное возрѣніе, толковое пониманіе и вѣрное опредѣленіе свойствъ, не только особенныхъ, но и общихъ. Предмету, встрѣчающемуся въ природѣ, давай чисто мѣстное названіе; если же ты не знаешь никакого, пусть названіе опредѣлится даннымъ моментомъ, или, что еще лучше, дай предмету какое-нибудь приблизительное, хотя бы даже немного длинное, названіе, пока ты не подыщешь общеупотребительнаго. Благодаря этому стремленію, общеупотребительное и понятное назва-

не замедлить сдѣлаться тебѣ извѣстнымъ, чтобы соединить твои знанія со всеобщими, пояснить и дополнить ихъ. Поэтому, сельскій учитель, ты не долженъ говорить: у меня нѣтъ знанія предметовъ природы; я не умѣю называть ихъ. Тщательное наблюдение природы можетъ дать тебѣ при твоёмъ, самомъ заурядномъ образованіи, гораздо болѣе основательныя внѣшнія и внутреннія знанія, болѣе живыя знанія единичнаго и множественнаго, чѣмъ тѣ обыкновенныя книги, которыя доступны тебѣ. Кромѣ того, такъ называемый высшія знанія покоятся, обыкновенно, на наблюденіяхъ, которыя самый обыкновенный человѣкъ въ состояніи сдѣлать, а также на заявленіяхъ, которыя съ небольшими затратами или даже безъ всякихъ затратъ можно видѣть въ лучшемъ свѣтѣ, чѣмъ ихъ могутъ представить самыя дорогіе опыты; надо только всегда имѣть при себѣ глаза, чтобы смотрѣть. Но до этого учитель долженъ довести себя постояннымъ наблюдениемъ, предоставляя окружающему его юношеству и дѣтямъ руководить имъ. Отецъ, мать, не бойтесь; не говорите: я самъ ничего не знаю, какъ же могу я учить своихъ дѣтей? Ты ничего не знаешь, это возможно, но это еще само по себѣ не очень большое несчастье, только бы ты хотѣлъ что-нибудь знать; ты ничего не знаешь, такъ поступи, какъ поступаетъ ребенокъ; ступай къ отцу и матери, будь съ ребенкомъ — ребенокъ, съ ученикомъ — ученикъ и учись вмѣстѣ съ нимъ у матери-природы, у отца — разума Божія въ природѣ. Разумъ Божій и природа сами поведутъ и наставятъ тебя, если ты позволишь руководить тобой. Не говори: я не занимался наукой, я не училъ этого. Кто училъ самаго перваго человѣка? Ступай, какъ и онъ, къ источнику. Правда, одна изъ цѣлей высшей школы сдѣлать зрячими всѣхъ и открыть духовныя очи для внѣшняго и внутренняго, но было бы очень печально для человѣчества, если бы только тотъ могъ и долженъ былъ бы сдѣлаться зрячимъ, кто посѣщаль высшую школу, или кто, какъ ты говоришь, занимался науками. Вотъ когда вы, родители, и вы, воспитатели, съ самыхъ раннихъ лѣтъ сдѣлаете вашихъ мальчиковъ, дѣтей, питомцевъ зрячими и думающими, тогда высшія школы сдѣлаются тѣмъ, чѣмъ онѣ

должны быть, именно: школами познанія высшей духовной истины, проводниками этой истины въ жизнь и поступки, школами мудрости. Отъ каждой точки каждаго предмета природы и жизни идетъ путь къ Богу. Придерживайся крѣпко этой точки и твердо иди по этому пути; укрѣпись при этомъ убѣжденіемъ, что природа должна имѣть не только внѣшнее, общеизвѣстное, но и внутреннее, живое основаніе, познать которое надо въ мельчайшихъ подробностяхъ, такъ какъ оно происходитъ отъ Творца-Бога, создано и обусловлено Имъ, такъ какъ оно обусловлено себя самого оправдывающимъ закономъ — вѣчнаго во временномъ и духовнаго въ матеріальномъ. Въ силу этого необходимо нужно находить конкретное въ абстрактномъ и абстрактное въ конкретномъ. Смотри: явленія природы образуютъ лѣстницу къ небу и съ неба на землю, лѣстницу, прекраснѣе той, которую Іаковъ видѣлъ во снѣ; лѣстницу не одностороннюю, идущую не въ одномъ, но во всѣхъ направленіяхъ. Ты ее видишь не во снѣ; она стоитъ постоянно, всюду окружаетъ она тебя; она прекрасна; ее украшаютъ цвѣты и ангелы, смотрятъ съ нея своими дѣтскими глазами; она крѣпка, ее образуютъ неподвижные организмы; она покоится на мірѣ кристалловъ, и вдохновенный пѣвецъ природы Давидъ воспѣваетъ ее. Ищешь ли ты въ этомъ однообразіи твердую точку, ищешь ли ты вѣрнаго проводника — число, вотъ тебѣ твердая точка; путь, который она указываетъ, вѣренъ, потому что число обусловлено внѣшнимъ проявленіемъ внутренняго направленія силы, и непосредственно вещество силы, если только ты обладаешь свѣтлымъ дѣтскимъ взглядомъ и обыкновеннымъ дѣтскимъ разумомъ и сердцемъ. Руководись самъ дѣтскимъ взглядомъ и дѣтскимъ разумомъ; къ своему угѣшенію ты долженъ знать: полустины и лживыхъ представленій не выносить обыкновенный мальчикъ; не спѣша, вдумываясь, размышляя, отвѣчай на его вопросы: эти вопросы научатъ и тебя и его, потому что они исходятъ отъ дѣтскаго разумѣнія; а на вопросы ребенка сумѣютъ отвѣтить мать, отецъ, каждый взрослый. Ты говоришь: дѣти спрашиваютъ больше, нежели родители и вообще взрослые могутъ отвѣтить, и ты правъ. Слу-

чается, что ты стоишь на границѣ земного, у вратъ божественнаго, въ такомъ случаѣ объясни это ребенку, разумъ и сердце котораго успокоятся; или же, можетъ быть, ты стоишь на границѣ твоего знанія и пониманія; не бойся высказать этого: остерегайся только говорить, что въ указанномъ случаѣ ты стоишь на границѣ человѣческаго разумнїя вообще; это разбиваетъ и уродуетъ человѣческой разумъ, хотя убить его оно и не можетъ. Спрашивай въ этихъ случаяхъ твою внутреннюю жизнь, сравнивай ее съ жизнью внѣ тебя и вокругъ тебя, веди своего питомца къ этому сравненію и вы оба, какъ только вашъ разумъ дозрѣетъ до этого, получите отвѣты на ваши вопросы, и вы ясно, не темнымъ, спутаннымъ и спутывающимъ понятіемъ, но, какъ того требуетъ человѣческой духъ и человѣческой разумъ, твердымъ несомнѣвающимся духовнымъ окомъ увидите то, чего вы ищете, и такъ ясно увидите вы Бога въ его дѣлахъ, что ваше земное стремленіе удовлетворится, и внутри себя вы найдете миръ и радость, утѣшеніе и поддержку, въ которыхъ вы нуждаетесь въ тяжелыя времена.

d) Математика.

Человѣкъ ищетъ твердой точки опоры, вѣрнаго проводника къ познанію внутренней связи всѣхъ разнообразій въ природѣ; что можетъ дать болѣе твердую и объединяющую точку опоры для этого, какъ не то, что, заключая и развивая изъ себя всѣ разнообразія, является выраженіемъ всѣхъ закономерностей и закона въ себѣ, какъ не математика, которая, благодаря этому великому исчерпывающему свойству сейчасъ же по своемъ возникновеніи названа была ученіемъ познанія, наукой познанія — математикой. И она не только утвердила за собой это положеніе, это мѣсто въ теченіе тысячелѣтій, но, какъ разъ въ то время, когда она должна была быть свергнута, выступила съ такой силой, какой она до этихъ поръ не пользовалась.

Но что же это такое, благодаря чему математика не только достигла такого высокаго положенія, но и сохранила и увѣковѣчила его? что такое математика, по своей сущности,

своему происхожденію, своей дѣятельности? Она, какъ проявленіе внѣшняго и внутренняго міра, принадлежитъ одинаково, какъ человѣку, такъ и природѣ.

Какъ исходящая изъ чистаго разума, изъ чистыхъ законовъ мышленія его, видимое выраженіе этихъ законовъ и мышленія, находитъ она необходимо обусловленный ими явленія, соединенія, формы и виды внѣ себя, во внѣшнемъ мірѣ уже готовыми; они идутъ ей навстрѣчу во внѣшнемъ мірѣ, въ природѣ, отъ человѣческаго разума и мышленія совершенно независимыя. Такъ находитъ человѣкъ природу въ разнообразіи ея формъ и видовъ, которые образуются внѣ его и независимо отъ него, опять внутри себя, въ своемъ разумѣ, въ законахъ своего разума и мышленія; такимъ образомъ математика является, какъ нѣчто совмѣщающее, согласующее человѣка и природу, внутреннїй и внѣшнїй міръ, мышленіе и ощущеніе. Это великое дѣло, которое будетъ продолжаться такъ долго, какъ долго будетъ существовать внѣшнїй и внутреннїй міръ, обусловливающее и обусловленное; это достойное награды и благодарности, награду и благодарность въ себѣ носящее дѣло — вотъ что въ теченіе тысячелѣтій, почти со времени существованія человѣческаго рода, обусловило математикѣ ея существованіе и уваженіе къ ней, благодаря чему собственно она была введена только христіаниномъ, который призналъ ее дѣйствительно тѣмъ, чѣмъ она есть, потому что только христіанинъ, который во всѣхъ вещахъ познавалъ божественный разумъ, дѣйствіе и дѣятельность божественнаго разума, только христіанинъ могъ по достоинству оцѣнить ея сущность, потому что только христіанинъ можетъ объяснить единство между формами, порожденными разумомъ и формами, видами и явленіями въ природѣ; только онъ могъ разрушить сомнѣніе, — явилась ли математика, благодаря отвлеченію явленій природы, или предметы природы были созданы согласно законамъ человѣческаго мышленія, т.-е. имѣютъ ли природа и внѣшнїй міръ свое существованіе и продолжительность только въ законахъ человѣческаго мышленія. Развѣ въ человѣкѣ и природѣ живетъ и дѣйствуетъ не вѣчный и объединяющїй Божествен-

ный разумъ? Развѣ человѣкъ и природа обусловлены не однимъ и тѣмъ же единымъ Богомъ? Развѣ не должно быть поэтому равнوزаконности между разумомъ природы, законами ея формы и силы, и между разумомъ человека, законами его образования и мышления? Поэтому-то природу, сущность природы можно познать по ея формамъ и видамъ и по обнаружившемуся, получившему форму закону человѣческаго мышления — математикѣ; этимъ объясняется согласующее, объединяющее, порождающее познание, непосредственно собой его обуславливающее свойство математики. Поэтому ее нельзя назвать мертвой, въ себѣ замкнутой; нельзя также назвать ее суммой отдѣльныхъ формъ и истинъ, отдѣльно и случайно подобранныхъ, внѣшнимъ образомъ совокупленныхъ; она — живое непрерывное изъ себя всегда вновь образующееся цѣлое, въ отношеніи единства и разнообразія и познанія созерцанія, развивающееся вмѣстѣ съ развитіемъ мышления и развитіемъ человѣческаго разума, потому что она — видимый отпечатокъ мышления въ человѣкѣ, выраженіе законмѣрности чистаго разума, въ этомъ отношеніи она — жизненное цѣлое въ себѣ, произведеніе необходимости и свободы. Поэтому математика не есть что-нибудь чуждое дѣйствительной жизни, что-нибудь отвлеченное по отношенію къ ней; она — выраженіе жизни въ себѣ и потому ея сущность познается въ жизни и жизнью. Какъ мышленіе и законы мышления переходятъ отъ единства къ разнообразію, и всесторонности и, несмотря на кажущееся происхожденіе ихъ разнообразія (внѣшности), все-таки сводятся (возвращаются) къ лежащему вдали или въ темнотѣ единству (первобытно внутреннему), такъ и математика необходимо переводитъ отъ единства къ разнообразію, къ всесторонности; и если кажется, что она внѣшнимъ образомъ исходитъ изъ единичности и разнообразія, то все-таки въ основаніи всѣхъ ея положеній (сужденій) лежитъ необходимое внутреннее единство. Всѣ математическія формы и фигуры должны быть разсматриваемы, какъ исходящія и обусловленные обуславливающими законами, лежащими въ шарѣ и кругѣ, и потому какъ возвращающіяся къ единству, а шаръ самъ,

какъ нѣчто происшедшее изъ единства съ самостоятельной, ему свойственной силой. Поэтому математическія формы и фигуры нельзя разсматривать, какъ составленный по внѣшнимъ произвольнымъ опредѣленіямъ, но какъ возникшія по необходимымъ внутреннимъ условіямъ, какъ произведеніе самодѣтельной и потому какъ бы идущей изъ центра всесторонней силы; ихъ надо разсматривать, не какъ раздѣленные въ себѣ и между собой, но въ ихъ необходимой внутренней связи; и уже при первомъ преподаваніи, исходя изъ индивидуальности, множественности, они должны всегда относиться къ этому единству, которое проникаетъ душу ихъ существованія.

Математика — это выраженіе того, что обуславливаетъ пространство, и, слѣдовательно, выраженіе условій и свойствъ пространственнаго. Такъ какъ ея основаніемъ является единство, то она есть единство (въ себѣ), а такъ какъ одновременно съ единствомъ даны разнообразія направленій, форма, протяженіе, то она, кромѣ того, число, форма и величина, — въ себѣ замкнутая, себя обоудно обуславливающая, въ сущности совершенно нераздѣльная тройственность въ единствѣ. Но такъ какъ число есть выраженіе разнообразія (въ себѣ), собственно выраженіе того, что обуславливаетъ разнообразіе т.-е. направленіе силы, и такъ какъ, слѣдовательно, оно произошло не черезъ мертвое внѣшнее прибавленіе, но возникло согласно внутреннимъ жизненнымъ законамъ, основаніе которыхъ лежитъ въ сущности силы, а величина и форма могутъ быть объяснены только посредствомъ разнообразія, то, слѣдовательно, число, знаніе числа, будетъ самымъ первымъ и существеннымъ для знанія тріедиаго цѣлаго. Поэтому знаніе чиселъ будетъ основаніемъ знанія формъ и величинъ, всеобщаго знанія пространства. Но пространство само по себѣ не есть что-нибудь покоящееся, мертвое, неподвижное; это — нѣчто, существующее благодаря постоянной дѣятельности силы, обусловленной бытіемъ въ себѣ.

Такъ какъ пространство само обязано своимъ существованіемъ основанію и основному закону всего существующаго, имъ обусловлено, то общіе законы пространства будутъ лежать въ основаніи cadaго отдѣльнаго пространственнаго

явленія, и всего того, что можно разсматривать подъ пространственной формой, всего того, что обнаруживается пространствомъ, въ пространстве, а слѣдовательно, и въ основаніи самихъ законовъ мышленія и ихъ познанія. Математику, какъ произведеніе природы и силы, надо излагать больше съ физической и динамической точки зрѣнія; тогда она будетъ гораздо больше поучительна и полезна не только для познанія природы, и при этомъ въ особенности химическаго (вещественнаго), но также и для познанія дѣятельности и сущности духовнаго познанія законовъ мышленія и ощущенія человѣка; гораздо болѣе полезна, чѣмъ намъ теперь кажется; въ особенности же способствуетъ этому все криволинейное, шарообразное въ математикѣ.

Безъ математики и, въ крайнемъ случаѣ, безъ основательнаго знанія чисель, къ которому потомъ, какъ необходимое условіе, прибавляется, кое-какъ и черезъ случайное усвоеніе, знанія, формъ и величинъ — воспитаніе человѣка будетъ несовершеннымъ, частичнымъ, не будетъ имѣть точки опоры; такое воспитаніе поставитъ границы образованію и развитію, для которыхъ призваны и назначены человѣкъ и человѣчество; но такъ какъ человѣкъ не можетъ отрѣшиться отъ своей стремящейся впередъ природы и стремящегося впередъ разума, то онъ или пренебрежетъ этими границами, или же, утомленный безплоднымъ умственнымъ влеченіемъ, стремленіемъ, искалѣчить себя и свои силы, потому что разумъ человѣка и математика такъ же нераздѣльны, какъ чувство человѣка и религія.

4. Я з ы к ъ.

а) Общія соображенія.

Что такое языкъ и въ какомъ отношеніи стоитъ онъ, этотъ третій элементъ изъ тѣхъ, которые образуютъ какъ бы полюсы жизни мальчика и человѣка вообще, къ двумъ остальнымъ? Всюду, гдѣ есть и гдѣ высказывается дѣйствительная внутренняя зависимость, дѣйствительное внутреннее, жизненное взаимодействіе, обнаруживается также непосредственное отношеніе между религіей, природой и языкомъ, отношеніе,

тождественное въ себѣ единому и объединяющему отношенію между единствомъ единичностью и разнообразіемъ. То, что въ человѣкѣ соответствуетъ единству, — духъ, преобладаетъ въ религіи, въ которой онъ ищетъ осуществленія своихъ предчувствій. То, что въ человѣкѣ соотвѣтствуетъ единичности — умъ, преобладаетъ въ природовѣдѣніи и, способствующей этому, математикѣ, гдѣ онъ ищетъ истины; наконецъ, то, что въ человѣкѣ соотвѣтствуетъ разнообразію, тому, что всѣ разнообразія соединяетъ — разумъ преобладаетъ въ языкѣ, въ которомъ онъ ищетъ удовлетворенія. Религія, жизнь въ духѣ и по требованію духа, исканіе и чувствованіе единаго во всемъ; природа (природовѣдѣніе), познаваніе въ природѣ единичностей въ себѣ и въ ихъ отношеніяхъ между собой и къ цѣлому, исканіе по требованію ума и, наконецъ, языкъ; представленіе единства всѣхъ разнообразій, внутренней жизненной связи всѣхъ вещей, стремленіе по требованію разума — нераздельны. Въ силу этого одностороннее, оторванное образованіе чего-нибудь одного изъ нихъ безъ связи съ другими, ведетъ необходимо къ односторонности, а этимъ самымъ къ уничтоженію, по меньшей мѣрѣ, къ разрушенію единаго человѣческаго существа. Религія стремится обнаружить бытіе и обнаруживаетъ его; природа стремится обнаружить сущность силы, основанія ея, ея дѣйствія, и самое дѣйствіе. Языкъ стремится обнаружить жизнь какъ таковую и какъ одно цѣлое. Религія, природа (математика, по своему основанію, своимъ законамъ, условіямъ, есть природа въ человѣкѣ; она — природа, по тому, какъ она по своимъ условіямъ лежитъ и должна лежать въ разумѣ человѣка, безъ чего природа не могла быть познана человекомъ, и благодаря чему именно можетъ быть познана самостоятельнѣе и полнѣе, чѣмъ она есть, какъ внѣшнее явленіе) — религія, природа (математика) и языкъ при всемъ разнообразіи соотношеній имѣютъ одну дѣятельность и одно стремленіе: обнаружить въ себѣ внутреннее, сдѣлать внутреннее внѣшнимъ, внѣшнее внутреннимъ и показать и то и другое въ ихъ естественномъ, первобытномъ необходимой гармонической связи.

Поэтому, то, что можно сказать о чемь-нибудь одномъ изъ нихъ, можетъ быть съ нѣкоторыми измѣненіями сказано и объ двухъ остальныхъ, слѣдовательно, то, что было выше сказано о религіи и природѣ (съ математикой), если все сказанное было справедливо, можетъ быть сказано и объ языкѣ, только съ такими особенностями, которыя обусловлены его сущностью. Поэтому, къ несчастію единаго, нераздѣльнаго человѣчества, величайшимъ препятствіемъ къ дальнѣйшему развитію и совершенствованію человѣка, является ошибочное мнѣніе, будто одно можетъ существовать безъ другого, само по себѣ и въ себѣ, и въ себѣ одномъ можетъ развиваться до степени совершенства: языкъ безъ религіи и природы (математики), религія безъ языка и природы (математики), природовѣдѣніе безъ языковѣдѣнія и религіи. Такъ же истинно и необходимо, какъ то, что, желая проявиться и открыться совершеннымъ и непреложнымъ въ единствѣ своего существа, Богъ долженъ былъ проявляться таковымъ же въ тріединствѣ, такъ же истинно, что религія, природа (математика) и языкъ составляютъ одно нераздѣльное цѣлое. Совершенное познаніе одного, твердая увѣренность въ немъ, необходимо обусловливаютъ и требуютъ совершеннаго познанія другого: правильное пониманіе и сознаніе одного является необходимымъ условіемъ пониманія другого. Такъ какъ назначеніе человѣка состоитъ въ ясномъ пониманіи, созерцаніи и совершенномъ сознаніи, то воспитаніе человѣка требуетъ оцѣнки и познанія религіи, природы (математики) и языка въ ихъ внутреннемъ жизненномъ соотношеніи. Безъ познанія внутренняго единства этихъ трехъ существенныхъ пунктовъ школа утрачиваетъ для насъ всякое значеніе, и мы сами такъ сказать тонемъ въ бездонной пропасти.

Таковы сущность языка и его отношеній къ человѣку и его воспитанію. Посмотримъ теперь, какимъ образомъ языкъ проявляетъ во-внѣ свою сущность.

Содержаніе составныхъ частей слова.

Самостоятельное изложеніе или представленіе собственной сокровенности наружу, сдѣлавшейся бытіемъ благодаря обна-

руженію во-внѣ, называется языкомъ; это выражаетъ и самое слово *sprechen*, (говорить), *s-p-rechen*, какъ бы ломать самого себя (*sich selbst brechen*), расчленять самого себя, дѣлить, совершенно подобно тому, какъ сломка предмета обнаруживаетъ внутренность его. И подобно тому какъ распусканіе почки цвѣтка обнаруживаетъ внутренность этого цвѣтка, точно такъ же поступаетъ говорящій, открывая въ словѣ свою внутренность; и поэтому и языкъ, обнаруживая внутреннее во-внѣ, есть истинное выраженіе внутренняго внѣшнимъ образомъ. Но самую сокровенную часть человѣка представляетъ постоянно движущееся, живое, жизнь, поэтому-то и свойства и проявленія жизни должны, по необходимости, выразиться въ тонѣ и словахъ языка. А поэтому человѣческій языкъ долженъ быть постояннымъ выраженіемъ внутренняго міра, связаннымъ самымъ подвижнымъ образомъ съ сущностью и сокровенностью человѣка, и долженъ проявляться до мелочей, благодаря легчайшему движению и также быть слышимымъ. Языкъ, подобно человѣку во всей его цѣлости, только для того, чтобы проявлять себя постоянно и всесторонне, долженъ быть въ высшей степени подвижнымъ. Но человѣкъ, во всей своей цѣлости и какъ проявленіе природы, носитъ полный отпечатокъ природы, а слѣдовательно, выражаетъ въ языкѣ, какъ сущность человѣка, такъ и общую сущность природы. Слѣдовательно, языкъ есть отпечатокъ всего внутренняго и внѣшняго міра человѣка. Внутренность же человѣка есть, какъ и внутренность природы, законъ, необходимость, духъ, есть нѣчто вѣчное, Божественное, являющееся во-внѣ и благодаря внѣшнему; такимъ образомъ и языкъ, законъ, закономерность, должны получать выраженіе въ себѣ и черезъ себя самихъ; языкъ долженъ быть выраженіемъ необходимой закономерности; поэтому совмѣстные законы внутренняго и внѣшняго міровъ должны вообще и въ частности выражаться въ языкѣ, составлять его сокровенную сущность, и это такъ и есть.

Языкъ, подобно математикѣ, имѣетъ двоякую природу: онъ принадлежитъ одновременно и къ міру внѣшнему, и къ міру

внутреннему. Языкъ, какъ произвольное порожденіе челоѣка, вытекаетъ непосредственно изъ челоѣческаго духа, подобно тому, какъ природа является выраженіемъ и проявленіемъ Божественнаго духа. Согласіе языка, какъ самопроизвольнаго порожденія и языка, какъ подражанія природѣ, приводящее къ вопросу о томъ, есть ли онъ чистое порожденіе духа или подражательное явленіе природы, имѣетъ, подобно всякимъ другимъ вопросамъ и мнѣніямъ, свое основаніе въ томъ, что повсюду живетъ одинъ и тотъ же Божественный духъ, повсюду дѣйствуютъ одни и тѣ же умственные и Божественные законы, что духъ природы и умъ челоѣка являются въ сущности единымъ духомъ, а природа и челоѣкъ имѣютъ одну причину и источникъ своего существованія — Бога. И слѣдовательно, такъ какъ языкъ является выраженіемъ челоѣка и природы, а, стало быть, духа Божія, то изъ языка вытекаетъ пониманіе природы и челоѣка, а слѣдовательно и откровенія Божія. Мало того, языкъ, съ точки зрѣнія отношенія къ природѣ, есть выраженіе силы, возвысившейся самостоятельно до жизни; въ отношеніи же къ челоѣку онъ является выраженіемъ самосознающаго челоѣческаго ума. Поэтому языкъ необходимо связанъ съ сущностью челоѣка, какъ самосознающаго, предназначеннаго къ самопознанію духа, и составляетъ съ нимъ одно нераздѣльное цѣлое. Этой двойственной природѣ языка, ставшаго и средствомъ и связью, присущи поэтому и математическія и физическія свойства, свойства жизни и движенія. Вотъ почему языкъ въ своихъ послѣднихъ составныхъ частяхъ слова, въ своемъ акцентѣ, въ своихъ звукахъ, въ своихъ заключеніяхъ и въ своихъ буквахъ выражаетъ не только общія основанія, отношенія и основныя свойства природы, но и дѣйствія и проявленія интеллектуальнаго существа.

Какъ ни несовершенно и неполно все то, что до сихъ поръ уже добыто въ этомъ отношеніи изъ внѣшняго опыта, и что можно было привести въ пользу этого, все-таки отсюда получается та внутренняя жизнь, которую носить языкъ въ своихъ мельчайшихъ фибрахъ, и которая дѣлаетъ его

совершеннымъ жизненнымъ цѣлымъ, и, невзирая на эту неполноту и недостаточность опытовъ и фактовъ, не только нельзя скрыть нижеслѣдующаго внутренняго убѣжденія, но, напротивъ, приходится встрѣчаться съ нимъ на каждомъ шагу внутри жизни организма языка: во всякомъ языкѣ, а въ особенности въ нашемъ родномъ языкѣ, въ составныхъ частяхъ слова: акцентѣ, звукахъ, умозаключеніяхъ и ихъ знакахъ — буквахъ и ихъ различныхъ соединеніяхъ, выражаются очень ясные, твердые и опредѣленные, обусловленные внутренней необходимостью, математическіе, физическіе, физико-психическіе законы (природы и ума). Мы не можемъ скрыть своего внутренняго убѣжденія въ томъ, что выраженіе словомъ опредѣляемаго предмета или понятія, если познавать и разсматривать ихъ съ извѣстной точки зрѣнія, требуетъ по необходимости именно этихъ опредѣленныхъ и исключительно этихъ, а не какихъ-либо другихъ составныхъ частей слова (буквы), такъ что каждое отдѣльное слово является такимъ образомъ по необходимости опредѣленнымъ продуктомъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ составныхъ частей слова, подобно тому какъ всякое отдѣльное произведеніе матеріи, каждый отдѣльный химическій продуктъ обусловливается только опредѣленными субстанціями или — что то же — определенными единичными силами. Выражаясь иначе: составныя части слова въ ихъ различныхъ соединеніяхъ символически представляютъ предметы природы, образы духа и ихъ отношенія по ихъ внутренней сущности, по личному или мѣстному и т. д. пониманію.

При нѣкоторомъ вниманіи къ закономерности, высказывающейся повсюду, въ мірѣ естественномъ и въ мірѣ духовному въ мірѣ физическомъ и въ мірѣ психическомъ, мы можемъ прослѣдить эту закономерность не только въ отдѣльныхъ словообразованіяхъ нѣмецкаго языка; мало того, внутренняя закономерность и какъ бы жизненность въ словообразованіи прежде всего нашего нѣмецкаго языка несомнѣнна для того, кто живо проникнуть его внутреннюю жизнь, внутреннимъ единствомъ, хотя въ частности, въ

особенности мертвымъ письмомъ, еще мало можно высказаться объ этомъ *)).

с) Ритмъ .

Среди всего того, что, кромѣ вышеупомянутого, касается сущности языка, совершенно особенное вниманіе привлекаетъ здѣсь законъ его движенія (ритмъ), который высказывается, какъ въ отдѣльныхъ членахъ словъ, такъ и въ ихъ соединеніяхъ, и который свидетельствуетъ о происхожденіи языка изъ духа, и указываетъ на одинаковость его законовъ съ законами природы. Законъ движенія языка, общее жизненное выраженіе языка до такой степени тѣсно и неразрывно связаны съ языкомъ, какъ неразрывно связана сама жизнь съ самими предметами, представляемыми языкомъ, что всѣ первыя проявленія языка, какъ проявленія внутренней и внѣшней живой жизни, по необходимости, должны быть также и выраженіями законмѣрнаго движенія языка, выраженіями общаго ритма. И это — тѣмъ болѣе, что какъ для человѣка въ его дѣтствѣ и юности, такъ и для всего человѣчества въ его дѣтствѣ и юности внутренняя жизнь предметовъ представляется живѣе и нагляднѣе; поэтому-то и теперь выраженіе языка въ общемъ движеніи, въ связанной рѣчи (стихотворной) должно быть первымъ для молодыхъ людей, какъ оно было первымъ для молодого человѣческаго рода и подобно тому какъ раньше человѣкъ разсматриваетъ цѣлое въ его связности, особенно въ его связи съ человѣкомъ, а также отдѣльное въ его отдѣльности. Поэтому по многимъ соображеніямъ выраженіе языка въ связанной рѣчи, стало быть, языкъ въ рядахъ движенія, языкъ въ совокупности движенія по необходимости принадлежитъ молодому

*) Мы выпускаемъ здѣсь, подобно французскому изданію, длинныя детали, присущія исключительно нѣмецкому языку, гдѣ всякія тонкости и систематика часто замѣняютъ, по вѣрному замѣчанію баронессы Stombgughe, серьезную науку.

Прим. перев.

поколѣнію, а оттого, что оно утратило его, у него и вообще у всего человѣческаго рода отнято одно изъ первыхъ, исконнѣйшихъ и естественныхъ средствъ облагораживанія. Поэтому, если мы желаемъ снова поднять своихъ дѣтей до истинной, высшей духовной и внутренней жизни, мы должны поторопиться снова пробудить въ нихъ эту внутреннюю жизнь языка, созерцанія природы и ощущенія. И путь для этого такъ нетруденъ: намъ почти ничего не приходится дѣлать, какъ только давать своей жизни выразиться въ жизни ребенка, въ жизни юноши и заботливо и внимательно удалять, что ее могло бы уничтожить, убить; но вмѣсто этого мы убиваемъ своими грубыми, мертвыми безсердечными словами зарождающуюся жизнь въ ребенкѣ и жизнь, рвущуюся на свободу, мы вновь загоняемъ въ мертвую форму. Такъ, на примѣръ, мы говоримъ: «Поди, дѣтка, взгляни на фіалочку... развѣ она не хороша?.. сорви ее и посади въ воду... Но смотри, будь остороженъ. Было бы очень жаль, если бы она погибла». Совсѣмъ иное впечатлѣніе получилось бы, да и послѣдствія этого разсматриванія на душу ребенка были бы иныя, если бы мы сказали ребенку ту же мысль въ стишкѣ:

Komm und schau, das
blühende Veilchen

А затѣмъ дали бы и выраженіе дѣтскому ощущенію хотя бы такъ:

Blühendes Veilchen, wie
freu'ich mich dein.

Кто думаетъ, что подобное отношеніе чуждо дѣтямъ, тотъ пусть только прислушается къ дѣтямъ, если они воспитаны просто и естественно, спокойно, осторожно и вдумчиво, какъ рано они высказываются въ подобномъ духѣ при самыхъ первыхъ выраженіяхъ своего ощущенія и при обозначеніи своихъ первыхъ воспріятій, какъ это выражается естественно безъ всякой задней мысли во всей совокупности движеній. Конечно, такихъ дѣтей немного, но все-таки такія

бываютъ и ихъ могло бы быть еще больше; все-таки мы не знаемъ, что мы убиваемъ въ нашихъ дѣтяхъ, или чему мы не даемъ пробудиться и позволяемъ заглухнуть безъ всякаго вниманія. И тѣмъ не менѣе, въ концѣ концовъ, мы требуемъ, чтобы наши дѣти, выросшія такъ безъ ощущеній и чувствъ, понимали въ послѣдствіи поэтовъ и природу! Но тутъ должно прійти на помощь дрессировальное искусство и кто бы могъ подумать — еще въ настоящее время дѣти образованныхъ родителей и передъ образованными людьми должны продѣлывать свои кунштштюки, называемые декламаціей! Но взгляните на бѣднаго ребенка, тщеславнаго, дрожащаго, надутаго или пристыженнаго, и скажите, кого надо больше жалѣть: ребенка, его учителя, стихотвореніе и поэта или присутствующихъ?

d) Чтеніе и письмо.

Благодаря религіи, природѣ и языку просто и естественно развитой ребенокъ, мальчикъ или взрослый, находится въ самомъ центрѣ всей жизни, такъ что онъ можетъ не только удержать просто въ памяти массу фактовъ, но и легко разграничить ихъ по времени и пространству, при которыхъ они совершались. Жизнь и широкая и богатая развивается въ его душѣ, такая богатая, что душа уже не въ состояніи болѣе вмѣщать всей ея полноты и богатства и до такой степени бываетъ переполнена ею, что она является извнѣ для души въ своей полнотѣ, своеобразной, самостоятельной, опредѣленной какъ бы второй жизнью, и онъ можетъ такимъ образомъ сознать ее таковою и сознаетъ, — что и должно быть; ибо его охватываетъ непреодолимое стремленіе и страстная потребность спасти отъ забвенія для себя или для другихъ цвѣты и плоды богатой, но легко исчезающей внутренней жизни, а также улетающую, преходящую внѣшнюю жизнь, приурочивая ее къ извѣстной формѣ, къ мѣсту и времени, и такимъ образомъ удержать ее внѣшнимъ образомъ въ знакахъ. Такимъ-то образомъ въ каждомъ индивидуумѣ опять-таки по всемірно - историческому пути и согласно ходу всеобщаго развитія человѣческаго духа разви-

вается писаніе, письменность. Вѣдь и вообще-то отдѣльный человекъ всегда развивается по тѣмъ своеобразнымъ законамъ, по которымъ образовывались и развивались до сихъ поръ все человѣчество, весь человѣчскій родъ; и мы видимъ, какъ благодаря по преимуществу преобладанію богатой внѣшней жизни развивалось по необходимости образное письмо, а благодаря преобладанію богатой внутренней жизни идейное буквенное письмо. Образное и буквенное письмо предполагаютъ въ свою очередь богатое развитіе внутренней и внѣшней жизни. Только благодаря этому и родилась письменность, да и теперь развивается она только благодаря имъ и такимъ путемъ и въ ребенкѣ и въ каждомъ отдѣльномъ человекѣ, какъ истинная потребность для нихъ, и это такъ и должно быть. По этимъ-то соображеніямъ забота родителей и воспитателей должна быть направлена на то, чтобы сдѣлать внутреннюю жизнь ихъ дѣтей и воспитанниковъ возможно богаче не столько по разнообразію, сколько по внутреннему значенію и жизненности, ибо безъ этого, а также если письмо и обученіе письму не примыкаетъ къ нѣкоторой внутренней потребности, родной языкъ становится, чѣмъ онъ уже и теперь есть для очень многихъ въ высокой степени, становится чѣмъ-то внѣшнимъ, мертвымъ, чужимъ; и все-таки, стоитъ намъ, хотя бы въ отдѣльномъ случаѣ, вновь пойти по великому пути человечества, къ намъ снова возвратится прежняя жизнь во всей ея полнотѣ и свѣжести въ нашихъ дѣтяхъ и благодаря имъ. Ослабленные теперь задатки и силы души, ослабленная способность проникновенія и предчувствія выступаютъ тогда вновь во всей своей силѣ и полнотѣ. Да и почему бы не употребить намъ всѣхъ стараній, чтобы снова стать на этотъ необходимый путь, когда къ тому же и сами дѣти влекутъ насъ на него. И въ самомъ дѣлѣ, здѣсь мальчикъ рисуетъ яблоню, на которой онъ нашель гнѣздо съ птенцами, а тамъ бумажнаго змѣя, который высоко поднялся къ облакамъ; а вотъ сидитъ передо мной малютка, которому нѣтъ и шести лѣтъ, и по собственной волѣ въ своей книжкѣ, специально назначенной имъ уже раньше для записи воспоминаній, ри-

суеть многихъ изъ звѣрей, которыхъ онъ видѣлъ въ звѣринцѣ. Кто изъ насъ, находясь среди дѣтей, не слышалъ просьбы: «дай мнѣ бумажку; я напишу письмо папѣ или брату». Ребенка влечетъ простая потребность упражнять свою внутреннюю жизнь; не духъ подражанія толкаетъ его; никто не пишетъ вокругъ него, но овъ зналъ лишь, какъ онъ можетъ привести въ исполненіе это желаніе и всѣ знаки, хотя почти одинаковые въ его глазахъ, выражали разныя слова, которыя онъ при этомъ дѣйствительно высказывалъ по адресу того лица, которому онъ писалъ письмо. И здѣсь ясно выступаетъ потребность въ идейномъ, въ буквенномъ письмѣ, какъ раньше въ письмѣ образномъ. Мало того, есть въ этомъ возрастѣ умные и думающіе мальчики, которые даже способны созерцать въ себѣ самихъ самое сокровенное, такъ что вмѣстѣ съ ними совершенно такъ же, какъ это было у человѣчества, могла бы развиваться потребность и какъ бы изобрѣтеніе идейнаго, буквеннаго письма. Какъ извѣстно, взрослые мальчики нерѣдко сами изобрѣтаютъ себѣ свои собственный азбуки; подобнымъ образомъ всегда должно быть, какъ и вообще при всякомъ ученіи, ко всякой потребности мальчика должно примыкать средство для его удовлетворенія, и эта потребность непременно должна быть развита въ мальчикѣ въ извѣстномъ отношеніи раньше, чтобы онъ могъ учиться съ пользой и успѣхомъ. Въ этомъ — главная причина множества несовершенствъ нашихъ школъ, нашего учебнаго дѣла; мы учимъ своихъ дѣтей безъ пробудившагося интереса къ ученію, или же послѣ того мы убьемъ въ нихъ раньше тотъ интересъ, который у нихъ былъ. Какой толкъ можетъ быть отъ школы и ученія?

Подобно тому какъ непреодолимое стремленіе переполненнаго въ какомъ-нибудь отношеніи внутренняго міра, и равнымъ образомъ стремленіе удержать эту полноту являются причиною письма, а это послѣднее такимъ образомъ является результатомъ вдумчиваго отношенія человѣка къ себѣ самому, точно такъ же и знаки, выражающіе отдѣльныя составныя части словъ, не произвольны, но стоятъ въ связи до

нѣкоторой степени съ обозначеніемъ понятій, или, что то же, съ характеромъ образованія этихъ частей.

Какъ ни малочисленны примитивныя формы письма, какъ ни смутны тѣ законы, по которымъ они въ силу незамѣтныхъ, но необходимыхъ условій возникли изъ нихъ, тѣмъ не менѣе нѣкоторыя основныя формы письма, повидимому, сохранили свою безспорную внутреннюю связь съ обозначеніемъ слова.

И хотя реально трудно указать эту искомую, опредѣленную связь между знакомъ и составною частью слова, но все-таки въ интересахъ ученія было бы небезполезно удержать даже и малѣйшій намекъ на эту связь, ибо ничто не должно быть представлено человѣку въ чисто-произвольной связи, а не въ связи, изъ которой все-таки есть нѣкоторая возможность вывести внутреннюю необходимую причину факта. Вотъ почему и прежде и теперешнее обученіе письму такъ убійственно мертво, такъ исполнено механизма.

Здѣсь чтеніе и обученіе ему снова вступаетъ въ свои исконныя и естественныя отношенія къ человѣку и ученику: вѣдь чтеніе по необходимости вытекло изъ потребности сдѣлать слышимымъ вновь для себя или для другихъ то, что было уже раньше написано, вновь вызвать въ памяти и довести до яснаго сознанія, какъ бы вновь пробудить къ жизни то, что было написано раньше.

Благодаря актамъ письма и чтенія, которымъ необходимо должно предшествовать живое познаніе языка въ извѣстной широтѣ, возвышается человѣкъ надъ всѣми другими извѣстными ему созданіями и приближается къ достиженію своего назначенія; благодаря выполненію этихъ актовъ становится человѣкъ впервые личностью. Такимъ образомъ стремленіе научиться читать и писать дѣлаетъ мальчика, воспитанника школьникомъ, дѣлаетъ собственно впервые возможной самую школу.

Обладаніе письмомъ даетъ человѣку возможность и средство достиженія самосознанія, будущаго сознанія; ибо только оно обусловливаетъ истинное знаніе, самопознаніе, потому что оно дѣлаетъ возможнымъ для человѣка созерцать себя самого, свою собственную сущность, ставя ее передъ сво-

ими собственными глазами; потому что оно связывает ясно и прочно настоящее человека с его прошедшим и будущим, всесторонне и прочно связывает его с тем, что его окружает, равно как и с тем, что далеко от него. Таким образом письмо, писание и чтение, является очень важным для человека, поэтому-то человек, мальчик должен быть и силен и достаточно вдумчив, чтобы в нем была уже пробуждена возможность самосознания; в нем должна уже ясно и определенно сказаться потребность к письму и чтению, даже необходимость обладать ими, прежде чем он научится сам писать и читать.

Мальчик, который должен научиться действительно производительным образом читать и писать, по необходимости, должен быть уже чем-нибудь, прежде чем он станет стремиться сознать то относительно себя, чего он еще не представляет; иначе всякое его познание бесплодно, мертво, пусто, чуждо, навязано, механично. И в самом деле, где мертво и механично основание, как может там впоследствии из него развиться жизненная деятельность и истинная жизнь, как может достигнуть тот человек своего истинного назначения, жизни?

5. Искусство.

Если то, что было сказано до сих пор о цѣли, о средоточии и послѣднихъ опредѣляющихъ пунктахъ всякаго человѣческаго стремленія, о томъ, что воодушевляетъ жизнь человека съ дѣтскихъ лѣтъ и что составляетъ, какъ бы основную пружину жизни мальчика, если все это резюмировать съ одной точки зрѣнія, то мы ясно и несомнѣнно увидимъ, что всякое человѣческое стремленіе бываетъ троякаго рода: или это — стремленіе къ покою и жизни внутри, или это — стремленіе къ познанію и усвоенію внѣшняго міра, сущность внѣшняго; или, наконецъ, это — стремленіе къ непосредственному изображенію внутренняго. Первое изъ этихъ стремленій — по преимуществу стремленіе религиозное; второе — стремленіе къ созерцанію природы; а третье — стремленіе по преиму-

ществу къ самоизображенію, къ саморазвитію и самосозерцанію. Если снова резюмировать высказанное до сих поръ въ послѣднемъ отношеніи, то оказывается, что математика болѣе относится къ изображенію внѣшняго во внутреннемъ, къ изображенію покоящейся внутри человека всеобщей закономерности и, такимъ образомъ, къ изображенію природы изъ самого человека; вотъ почему математика и занимаетъ посредствующее мѣсто между природой и человекомъ. Математика поэтому болѣе относится къ пониманію и имѣть въ виду умъ; языкъ относится болѣе къ изображенію воспринятаго и усвоеннаго внутренняго міра, по преимуществу относится къ разуму и имѣть его въ виду; но человеку для полнаго выраженія всей его сущности недостаетъ еще одного, изображенія жизни, внутренней жизни самой въ себѣ, непосредственно ощущаемаго, души; и это третье изображеніе внутренняго міра человека самого по себѣ и есть искусство.

Всѣ человѣческія понятія, кромѣ одного, суть условныя понятія и имѣютъ приложеніе смотря по темъ или инымъ условіямъ; или, выражаясь иначе, всѣ понятія находятся между собою во взаимныхъ отношеніяхъ и по необходимости раздѣляются только въ своихъ самыхъ крайнихъ конечныхъ пунктахъ. Вотъ почему и въ искусствѣ есть одна сторона, которая соприкасается съ математикой и умомъ, міромъ языка и разумомъ, а также и другая сторона, которою оно, хотя и являясь чистымъ проявленіемъ внутренняго міра человека, повидимому, составляетъ одно цѣлое съ природой, равно какъ, наконецъ, есть и еще одна сторона, гдѣ оно совпадаетъ съ религіей. Но всѣ эти отношенія здѣсь, гдѣ идетъ рѣчь лишь о воспитаніи человека вообще и воспитаніи его, по крайней мѣрѣ, для оцѣнки искусства, не могутъ быть разобраны подробно. Здѣсь, на этой ступени искусство разсматривается лишь въ своемъ послѣднемъ обобщеніи, какъ чистое проявленіе внутренняго міра. Такъ какъ оказывается, что искусство, изображенія въ искусствѣ того, что живетъ внутри, что собственно составляетъ самую внутреннюю жизнь, должны являться въ различномъ

видѣ, смотря по матеріалу, матеріи, къ которой, повидимому, они примыкають, какъ изображеніе внутренняго міра. Но эта матерія можетъ быть только конкретнымъ явленіемъ или только въ видѣ движенія самого въ себѣ, но все-таки слышимой и исчезающей при возникновеніи, — звукомъ. Или матерія можетъ быть только видимой, т.-е. является продуктомъ линий и плоскостей, т.-е. живописью. Или же матерія является только пространственной, физически осязаемой массой, какова скульптура. И здѣсь мы опять встрѣчаемъ то, на что мы уже неоднократно указывали, относительно строгія обобщенія, безконечные переходы и связи, которые существуютъ между предметами всего міра.

Искусство, какъ продукта чистыхъ звуковъ, есть музыка, и преимущественно пѣніе; искусство, какъ произведеніе для зрѣнія посредствомъ однихъ красокъ, есть живопись; искусство, какъ изображеніе посредствомъ образовъ и формъ массы, есть скульптура; посредствующимъ звеномъ между этими двумя послѣдними является искусство рисованія, которое, во всякомъ случаѣ, можетъ быть разсматриваемо съ одинаковымъ правомъ, какъ чистое изображеніе посредствомъ линий. Затѣмъ, гдѣ рисованіе является по преимуществу изображеніемъ посредствомъ линий, тамъ живопись является по преимуществу изображеніемъ посредствомъ плоскостей, а скульптура по преимуществу изображеніемъ посредствомъ матеріальной субстанціи.

Вслѣдствіе только-что отмѣченнаго посредствующаго свойства рисованія, какъ мы уже видѣли это раньше, рисованіе, наклонность къ рисованію, — очень раннее явленіе въ развитіи человѣчества. Но и стремленіе изображать внутренній міръ посредствомъ формъ, равно какъ и посредствомъ красокъ, посредствомъ живописи, рано сказывается въ человѣкѣ, уже на его дѣтской ступени, но еще болѣе опредѣленно на ступени отрочества.

Отсюда съ очевидностью слѣдуетъ, что искусство, художественное чутье есть свойство, присущее всѣмъ людямъ, и поэтому-то оно должно быть заботливо культивировано въ нихъ уже съ отроческаго возраста. И, благодаря этому, чело-

вѣкъ, если его духовныя и жизненныя силы, его дѣятельность и не направлены къ сторону искусства, и если онъ черезъ это и не сдѣлается самъ настоящимъ художникомъ, все-таки будетъ способенъ понимать произведенія искусства и цѣнить ихъ и благодаря настоящему школьному образованію онъ будетъ, конечно, поставленъ на настоящій путь для того, чтобы, не имѣя даже истиннаго, внутренняго призванія къ искусству, развить въ своей душѣ художественное чутье.

Пѣніе, рисованіе, живопись и скульптура должны быть поэтому съ раннихъ поръ предметомъ общаго широкаго воспитанія и образованія, должны съ раннихъ поръ трактоваться, какъ существенные предметы серьезной школы, а не отдаваться на случайный, бессодержательный и бесполезный произволь каприза; не въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы каждый ученикъ былъ художникомъ въ какомъ-нибудь одномъ искусствѣ и еще менѣе въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы всѣ ученики были художниками во всѣхъ искусствахъ, хотя это уже само по себѣ заключаетъ внутреннее противорѣчіе, хотя первое и можно было бы сказать о всякомъ человѣкѣ въ извѣстномъ отношеніи; но — съ тѣмъ опредѣленнымъ намѣреніемъ, чтобы каждый человѣкъ былъ поставленъ въ возможность развить себя совершенно и всесторонне, согласно запросамъ своего существа, чтобы онъ могъ познать человѣка во всемъ разнообразіи и величіи его существа, а въ особенности для того, какъ было уже высказано, чтобы каждый, человѣкъ умѣлъ созерцать и оцѣнивать произведенія искусства.

Въ свою очередь изображеніе въ связанной рѣчи, какъ рисованіе было въ другомъ отношеніи, является связующимъ звеномъ, исходящимъ изъ языка; но — какъ изображеніе внутренняго міра, какъ рельефное изображеніе духовнаго, эфирнаго, внутренняго міра, какъ спокойное изображеніе чистой, вѣчно двигающейся и приводимой въ движеніе жизни, оно относится къ искусству.

Во всемъ, въ жизни и въ религіи, а равно и въ искусствѣ, послѣднею и высшею цѣлью изображенія является ясное изображеніе чистаго человѣка; христіанское искусство по своему стремленію является высшимъ, по крайней мѣрѣ,

оно должно быть таковым, иначе оно перестает быть искусством и христианским искусством, ибо оно стремится изображать во всем вѣчное, божественное, особенно въ чело-вѣкѣ и черезъ него. Человѣкъ есть для чело-вѣка высшій предметъ искусства.

Таковы вообще въ совокупности предметъ, цѣль и содержание чело-вѣческой жизни, какъ они высказываются на школьной ступени въ отроческой жизни.

Подобно тому, какъ все сейчасъ сказанное стремилось выразить предметъ и содержание всего отроческаго стремленія, предметъ и содержание школы и обученія въ своемъ послѣднемъ единствѣ и основномъ отношеніи по своему существу, — прежнее имѣло въ виду показать отрока въ его свободной, самодѣятельной жизни въ ея совокупности, въ единствѣ ея внутренняго и внѣшняго міра на его школьной ступени.

Теперь остается еще показать, въ какой послѣдовательности и связи развивается стремленіе мальчика, чело-вѣка въ жизни на этой его ученической ступени; какъ и посредствомъ какого обученія, въ какомъ порядкѣ и формѣ должна дѣйствовать школа для достиженія этого стремленія и что она должна сдѣлать, чтобы, благодаря ей, было удовлетворено вообще стремленіе чело-вѣка, и въ особенности его стремленіе на его дѣтской и школьной ступеняхъ.

С. Семья и школа.

а) Общія соображенія.

Въ семьѣ растетъ ребенокъ, въ семьѣ вырастаетъ онъ въ отрока и школьника: поэтому-то къ семьѣ должна примкнуть и школа. Единеніе школы и жизни, единеніе домашней, семейной и учебной жизни — вотъ первое и самое необходимое условіе полнаго развитія или ведущаго къ законченному развитію и воспитанію чело-вѣка въ этотъ періодъ. Единеніе семейной и школьной жизни есть непремѣнное условіе чело-вѣческаго воспитанія за этотъ періодъ, въ особенности если

мы хотимъ освободиться отъ бремени и пустоты внѣшнимъ образомъ сообщаемыхъ понятій и потому отъ мертваго усвоенія знанія только памятью и восвыситься къ жизни, радости и свѣжести внутренняго созерцанія и основного познаванія вещей и предметовъ, къ такому созерцанію и познанію ихъ, которое развивается изъ себя и черезъ себя подобно здоровому свѣжему дереву, подобно полной жизни, жизнерадостной и сознающей жизнь семьѣ или же такому роду; если мы, наконецъ, желаемъ перестать играть масками и въ жизни рядиться въ маски. О, если бы мы хотя разъ разсмотрѣли, наконецъ, ради блага и спасенія нашихъ дѣтей и ради спасенія будущихъ поколѣній, что мы обладаемъ слишкомъ большой, обременяющей массой наносныхъ и чуждыхъ намъ знаній и образованія и къ тому же стремимся еще болѣе неразумно увеличивать ихъ, и что, напротивъ, только очень и очень немногіе изъ насъ обладаютъ знаніями, добытыми изъ насъ и черезъ насъ, выросшими изъ нашей собственной души, развивавшимися въ ней и черезъ нее! О, если бы перестали, наконецъ, нагружать себя чужимъ мышленіемъ, чужимъ знаніемъ, мало того, даже чужими ощущеніями и чувствами! О, если бы мы дѣйствительно, наконецъ, перестали поставлять высшую славу нашего воспитанія, нашего обученія, нашей школы, въ томъ, чтобы начинять нашихъ дѣтей и школьниковъ чужимъ знаніемъ и умѣніемъ и видѣть достиженіе своей цѣли и идеала нашихъ дѣтей и школьниковъ въ томъ, чѣмъ болѣе они блестятъ этимъ чуждымъ наноснымъ знаніемъ и умѣніемъ, какъ какіе-то гробокопатели! Конечно, нечего и говорить, что это — застарѣлая болѣзнь. Ибо если мы спросимъ и изслѣдуемъ, какимъ путемъ нѣмецкій народъ пришелъ къ первымъ основаніямъ своихъ теперешнихъ знаній, то мы увидимъ несомнѣнно, что эти первыя основанія, эти элементы или принципы всегда приходили извнѣ, издалека и изъ чужихъ странъ, мало того, отчасти насильно прямо или косвенно навязывались ему; поэтому-то у насъ и нѣтъ даже для этихъ первыхъ начатковъ общепринятаго слова на нашемъ родномъ языкѣ. Правда, могучая, нѣмецкая душа и могучій нѣмецкій умъ переработали чужое

и усвоили его себѣ, но слѣды этого и характеръ чуждаго познанія все еще чувствуются. Уже цѣлые вѣка носимъ мы эти оковы. Но неужели же поэтому мы никогда не дадимъ возникнуть въ нашей собственной душѣ древу жизни и въ нашемъ собственномъ умѣ древу познанія и не начнемъ ухаживать за нимъ, чтобы оно прекрасно разрослось, цвѣло свѣжимъ и здоровымъ цвѣтомъ и приносило бы зрѣлые плоды, которые падали бы въ этомъ мѣрѣ, а возникали бы вновь въ будущемъ? Неужели же мы никогда не перестанемъ чеканить своихъ дѣтей, отроковъ и школьниковъ, какъ монеты, и будемъ продолжать смотрѣть, какъ они щеголяютъ подъ чужою надписью и съ чужими изображениями, вмѣсто того, чтобы видѣть въ нихъ изображенія насажденнаго въ нихъ Богомъ Отцомъ закона и жизни, а ихъ самихъ обращающимися среди насъ съ выраженіемъ божественнаго и какъ выраженіе Бога? — Быть можетъ, мы боимся, что насъ пристыдятъ наши дѣти? — Какое поколѣніе, какой народъ или какое время будутъ достаточно великимъ, чтобы отречься самихъ себя ради своихъ дѣтей и ради изображенія чистой человѣчности? Мало того, какой отецъ, какая семья почувствуетъ свою душу исполненной этой мыслью, а черезъ нее и свои силы увеличенными и усиленными во много разъ? Ибо изъ тихихъ, замкнутыхъ, святыхъ нѣдръ семьи для насъ можетъ произойти лишь благо для рода человѣческаго. Съ основаніемъ каждой новой семьи вѣчно дѣятельный небесный Отецъ говоритъ людямъ на благо рода человѣческаго черезъ то небо, которое Онъ заключилъ въ душѣ основателей, взываетъ постоянно къ роду человѣческому и къ каждому отдѣльному человѣку, чтобы они выражали человѣчество въ чистомъ развитіи, человѣка въ чистомъ образѣ.

И достаточно уже ясно, что наша нѣмецкая душа, нашъ нѣмецкій умъ не могутъ болѣе сносить прежняго мертваго, заученнаго и наноснаго знанія и разумѣнія, что уже имъ не достаточно одной внѣшней полировки, если только мы хотимъ быть самостоятельными, достойными дѣтищами Бога; поэтому-то мы такъ настоятельно и ищемъ для своей души и ума знаній, выросшихъ изъ нихъ, развившихся изъ нихъ сво-

боднымъ и здоровымъ образомъ, окрѣпшихъ и выросшихъ на солнцѣ и въ условіяхъ жизни. Неужели же мы источника жизни, который Богъ источилъ въ душѣ и въ умѣ всякаго человѣка, не перестанемъ загромождать всякимъ мусоромъ! — Неужели же мы захотимъ отнять и у себя и у своихъ дѣтей, у своихъ воспитанниковъ и учениковъ невыразимую радость по поводу того, что внутри насъ, въ нашемъ умѣ и въ нашей душѣ течетъ источникъ вѣчной жизни? — Неужели же вы, родители и ихъ замѣстители, воспитатели и учителя, будете принуждать вашихъ дѣтей къ тому, чтобы они источникъ жизни запруживали всякимъ соромъ и загораживали зарослью? — Вы отвѣчаете на это: что только съ такимъ багажомъ имѣютъ они значеніе въ свѣтѣ; дѣти скоро вырастаютъ большими, кто же будетъ тогда кормить ихъ?..— что имъ ѣсть?..— во что одѣваться? — Безумные! Не слѣдуетъ ли вамъ дать на это такой отвѣтъ: «Ищите прежде Царствія Божія и славы его». Вѣдь этого вы могли бы не понять въ своемъ отчужденіи отъ Бога и отъ самихъ себя; но это необходимо постоянно повторять вамъ; развѣ тутъ дѣло идетъ о какой-нибудь бездушной, сомнительной жизни безъ знаній и дѣятельности? Знанія и идеи должны радовать родъ человѣческой; онъ долженъ обладать такою силою и энергіею, которыхъ мы теперь и не предчувствуемъ. Ибо кто измѣрилъ предѣлы человѣчества, порожденнаго Божествомъ? но они должны вытекать естественнымъ путемъ изъ каждаго индивидуума, какъ вновь созданныя самостоятельныя произведенія во всей силѣ и свѣжести молодости. Не лѣнливо, не вяло и печально долженъ мальчикъ заниматься своимъ дѣломъ, которое для него является профессіей, — нѣтъ! — Но радостно и весело съ упованіемъ на Бога, себя и природу, радуясь успѣху своего дѣла. Ибо тогда въ его душѣ, какъ въ домѣ, будутъ дарить и покой, и разумъ, и умѣренность, и всѣ высокія гражданскія и человѣческія добродѣтели, и онъ всюду будетъ чувствовать ихъ дѣйствіе вокругъ себя: высшая награда, къ которой мы стремимся. Онъ не скажетъ впоследствии: всѣмъ будетъ заниматься со временемъ мой ребенокъ; только не тѣмъ дѣломъ,

которое я имѣю, ибо оно самое неблагодарное изъ всѣхъ; онъ не будетъ настаивать и на томъ, чтобы его ребенокъ принялся за такое дѣло, которымъ занимается онъ самъ съ выгодой и успѣхомъ, такъ какъ оно всецѣло отвѣчаетъ запросамъ его характера; онъ будетъ заботиться о томъ, чтобы каждый человекъ возвысилъ своимъ трудомъ самое незначительное дѣло, чтобы каждое дѣло настолько облагораживало само себя, что заниматься имъ не было бы недостойно человека; онъ узналъ бы, что всякая сила, отданная на трудъ съ охотой и любовью и правильно примѣненная, не только даетъ человеку хлѣбъ, одежду и кровь, но даже и уваженіе, и поэтому развитіе души дѣтей ради ихъ будущаго, бывшаго для него величайшей заботой, будетъ для него только отрадой.

в) Обзоръ общихъ образовательныхъ средствъ.

Въ качествѣ отдѣльныхъ направленій этой объединенной школьной и семейной жизни, этой живой жизни обученія и воспитанія изъ ступени развитія человека этой фазы, изъ внутреннихъ и внешнихъ запросовъ мальчика, какъ начинающаго школьника, прямо вытекаеть слѣдующее:

1. Оживленіе, питаніе, укрѣпленіе и развитіе религіознаго чувства, держащаго человеческую душу въ единеніи съ Богомъ и все живѣе и живѣе объединяющаго ее съ Богомъ, — чувства, которое предугадываетъ и твердо помнитъ живое, необходимое единство всѣхъ вещей при всемъ разнообразіи явленій и которое, благодаря своей жизненности и мощи, заставляетъ ребенка жить и дѣйствовать согласно этому единству, сообразно этому и ради этой цѣли.

2. Усвоеніе религіозныхъ изреченій, въ особенности о природѣ и человекѣ, объ ихъ отношеніяхъ къ Богу, главнымъ образомъ для молитвы; это — какъ бы зеркало въ которомъ мальчикъ, человекъ видитъ свои исконныя, соединяющія съ Богомъ чувства, ощущенія, чаянія и стремленія, какъ на картинѣ, и доводитъ ихъ такимъ образомъ до сознанія и удерживаетъ крѣпко въ своей душѣ.

3. Забота о тѣлѣ, знаніе и развитіе его, какъ носителя духа и средства для выраженія его сущности въ упражненіяхъ, упорядоченныхъ и постепенно ведущихъ къ такому развитію тѣла.

4. Созерцаніе и наблюденіе природы и внѣшняго міра, примыкающія къ ближайшему и исходящія изъ него, требующія прежде всего знанія ближайшаго окружающаго, прежде чѣмъ перейти къ отдаленному.

5. Усвоеніе небольшихъ поэтическихъ выраженій, охватывающихъ природу и жизнь; въ особенности усвоеніе небольшихъ стихотвореній, которыя даютъ жизнь предметамъ ближайшей окружающей природы и значеніе явленіямъ и событіямъ собственной домашней жизни, показываютъ ихъ въ чистомъ и глубокомъ значеніи, какъ въ просвѣтленномъ зеркалѣ, и въ особенности для пѣнія и черезъ пѣніе.

6. Упражненія въ дикціи и изустной рѣчи, исходящія изъ содержанія природы и внѣшняго міра, примыкающія къ нему и переходящія къ созерцанію внутренняго міра, но постоянно, внимательно и неукоснительно имѣются въ виду только языкъ и рѣчь, какъ дѣйствующее на слухъ изобразительное средство.

7. Упражненія во внешнихъ пространственныхъ, тѣлесныхъ изображеніяхъ по правиламъ и законамъ, идущія поступательно отъ простаго къ сложному. Сюда относятся произведенія изъ болѣе или менѣе сложившагося вообще твердаго матеріала; построенія, ручныя работы изъ бумаги, картона, дерева, равно какъ и моделированіе изъ безформеннаго, но поддающагося формирозкѣ мягкаго матеріала.

8. Упражненія посредствомъ линій на плоскости и въ очевидномъ отношеніи къ отвѣснымъ и горизонтальнымъ направленіямъ, опредѣляемымъ средней и грудной линіей человека, являющіяся нагляднымъ средствомъ для пониманія всѣхъ внешнихъ образовъ, которое, будучи повтореннымъ неоднократно въ перекрестномъ напра-

вленіи, образуеть сѣтъ; отсюда — рисованіе по сѣткѣ по внѣшнему необходимому закону.

9. Пониманіе красокъ въ ихъ различіи и однообразіи и изображеніе ихъ, на уже образованныхъ площадяхъ, съ преобладающемъ соблюденіемъ уже образованныхъ формъ: разрисовываніе картинъ въ контурахъ или рисованіе съ преобладающимъ соблюденіемъ цвѣтовъ и ихъ отношеній: живопись по сѣткѣ, по квадратикамъ.

10. Игры, т.-е. свободное выраженіе себя и свободныя упражненія во всякаго рода играхъ.

11. Разсказываніе исторій и сказаній, басенъ и сказокъ, примѣнительно къ событіямъ дня, времени и жизни.

12. Небольшія путешествія и сравнительно значительныя прогулки. И все это идетъ въ перемежку между домашней и школьной жизнью, между семейной жизнью и жизнью общечеловѣческой, при живомъ участіи въ школьныхъ и семейныхъ дѣлахъ; ибо мальчики этого возраста должны мало-по-малу подготавливаться къ опредѣленнымъ небольшимъ домашнимъ работамъ, мало того, они могутъ во время занятія ими дѣйствительно обучаться у ремесленниковъ и земледѣльцевъ, какъ это и практикуется у нѣкоторыхъ простыхъ отцовъ, руководимыхъ живымъ и сильнымъ естественнымъ чувствомъ. Въ особенности же дѣтей взрослыхъ отцы и воспитатели зачастую должны ставить въ такое положеніе, чтобы они исполняли что-нибудь своими собственными силами и своимъ собственнымъ сужденіемъ и самостоятельно заботились о дѣлахъ, напримѣръ, исполняли бы заказы, чтобы провѣрить свои собственныя силы и приобрѣсть нѣкоторый практическій навыкъ. Въ особенности очень важно для мальчиковъ этого старшаго возраста ежедневно, по крайней мѣрѣ, часъ или два, твердо и опредѣленно отдаваться внѣшнему дѣлу, дѣлу внѣшняго производства; отсюда могли бы произойти послѣдствія величайшей важности для жизни; однимъ изъ величайшихъ недостатковъ нашихъ до сихъ поръ существовавшихъ школьныхъ учреждений, въ особенности, такъ называемыхъ латинскихъ и ученыхъ школь, безспорно, является то обстоятельство, что

вступающія въ нихъ дѣти совсѣмъ не принимаютъ участія ни въ какихъ домашнихъ дѣлахъ, ни въ какихъ дѣлахъ имѣющихъ въ виду внѣшнюю производительность. Быть можетъ, возразить на это: мальчикъ этого возраста, если только онъ желаетъ дѣйствительно достигнуть извѣстной ступени и обстоятельности знаній, направить всѣ свои силы на словесное обученіе, на обученіе посредствомъ слова, направить свои силы на духовное развитіе; отнюдь нѣтъ. Опытъ учить какъ разъ противоположному. Занятіе умственнымъ трудомъ въ перемежку съ внѣшнимъ, болѣе физическимъ занятіемъ, дѣятельность для внѣшняго труда и производства не только укрѣпляетъ тѣло, но и въ особенности духъ, различныя направленія духовной дѣятельности, такъ какъ духъ послѣ такого освѣжающаго трудового очищенія (лучше я не могу выразиться) съ новыми свѣжими силами приступаетъ вновь къ своимъ духовнымъ занятіямъ.

Если мы рассмотримъ теперь предметы, всѣ, отмѣченные раньше и относящіеся одновременно и къ семьѣ и къ школѣ, то они сами собой разгруппируются согласно общимъ запросамъ молодого человѣка; это будутъ:

- а) предметы болѣе спокойной, тихой, внутренней жизни,
- б) предметы болѣе воспримчивой, внутридѣйствующей жизни,
- в) предметы болѣе выступающей во-вне, внешнимъ образомъ складывающейся жизни.

Поэтому-то они и охватываютъ всѣ вообще потребности человѣка. Мы увидимъ далѣе, какъ на нихъ развиваются всѣ физическія чувства, всѣ внутренніе и внѣшніе задатки и силы человѣка, какъ они упражняются и совершенствуются и какъ такимъ образомъ удовлетворяются всѣ запросы человѣческой жизни. Наконецъ, мы увидимъ, какъ требованія на эти предметы, не взирая на всю ихъ многочисленность и разнообразіе, легко удовлетворяются просто устроенной семейной и школьной жизнью, ихъ общими усиліями. Такимъ образомъ они естественно вполнѣ удовлетворяютъ запросамъ человѣка на этой ступени.

Но рассмотримъ это въ частностяхъ.

с) Образовательныя средства.

1. Жизнь и совершенствованіе религіознаго чувства.

Когда дѣти и родители вырастутъ въ единеніи жизни и чувства, то эта связь, конечно, пройдя всю пору дѣтства, не прекратится и впослѣдствіи, но съ годами будетъ все болѣе укрѣпляться и расти, если только какія-нибудь новыя обстоятельства случайно своимъ вмѣшательствомъ не нарушатъ ее. Тутъ не идетъ рѣчь о томъ слѣпомъ и неясномъ единеніи чувства, часто встрѣчающемся среди дѣтей и родителей, дѣлающемъ какъ бы изъ двухъ жизней одну, но о томъ живомъ душевномъ единеніи и ясномъ умственномъ единеніи, передъ которыми лежитъ жизнь, какъ цѣлое, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и проявленіяхъ. Эта живая душевная связь и это ясное духовное единеніе, отнюдь не являясь только внѣшнимъ жизненнымъ общеніемъ, является непоколебимымъ основаніемъ и почвою истинной религіозности. Это духовное единеніе между родителями и дѣтьми есть внутренняя жизнь, чистое выраженіе внутренней, духовной жизни человѣка, есть нѣкоторое общеніе. Что стало невозможнымъ ранѣе и уже невозможно теперь для родителей, для отца и для матери, вслѣдствіе препятствующихъ обстоятельствъ жизни — выразить на себѣ и посредствомъ самихъ себя, того стараются они достигнуть въ своемъ ребенкѣ, въ своемъ сынѣ: выраженія чистой человѣчности въ себѣ и черезъ себя. Ясные и увѣренные опыты развитія, образованіе своей внутренней жизни, которые давались отцу часто дорогою цѣной, горькимъ опытомъ и только безповоротною затратою силъ, и которыхъ поэтому онъ уже не могъ примѣнять въ своей собственной жизни, онъ дѣлитъ со своимъ сыномъ, и сынъ продѣлываетъ эти опыты, хотя бы и чуждые сначала своему личному опыту, бережно тая и имѣя ихъ въ своей душѣ, со всею нетронутою свѣжестью и энергіею молодыхъ силъ. Но мертвы и бесплодны всѣ традиціи отъ отцовъ къ ихъ дѣтямъ, гдѣ жизнь съ раннихъ лѣтъ не была постоянно непрерывнымъ цѣлымъ; тогда они стоятъ другъ

передъ другомъ словно два различныхъ міра, словно судьбы двухъ различныхъ міровъ съ различными запросами и различными силами, для которыхъ нѣтъ посредствующаго звена. Зато какіе плоды вытекаютъ изъ этого духовнаго единенія между родителями и дѣтьми, между отцомъ и сыномъ, которое имѣетъ своею цѣлью только совершенствованіе и выраженіе высочайшаго и чистѣйшаго человѣческаго существа, это можетъ почувствовать и оцѣнить по достоинству лишь только тотъ, кто пытался установить такое единеніе.

Изъ созерцанія индивидуальной и общей жизни, по необходимости обусловливающаго такое духовное единеніе, согласно ихъ внутреннимъ принципамъ и цѣлямъ, въ особенности же согласно ихъ внутренней, необходимой живой связи для души и внутренняго воспріятія, уже на дѣтской ступени вытекаютъ самыя непреложныя доказательства и убѣжденія въ томъ, что Богъ, выражаясь человѣческимъ языкомъ — мы и вообще никогда не могли бы о Божественномъ выразиться иначе, по крайней мѣрѣ, понятнѣе и дѣйствительнѣе для насъ, — что Богъ всегда ведетъ человѣчество въ его развитіи, совершенствованіи и выраженіи во-внѣ посредствомъ своего отеческаго попеченія и заботы, и cadaго въ отдѣльности, каждое отдѣльное существо, какъ существенное звено одного цѣлага поддерживаетъ во всѣхъ его жизненныхъ событіяхъ отцовски любящей рукой: — да и какъ могъ бы человѣкъ иначе и вырезительнѣе передать ту идею, что событія жизни, дѣйствительно познанныя въ своихъ основаніяхъ, въ своемъ существѣ и значеніи и согласно этому пережитыя, всегда происходятъ ко благу отдѣльной личности и общества? Эта истина, которую мы встрѣчаемъ и въ нашей собственной жизни и въ жизни другихъ людей, въ жизни личной и въ жизни общественной, въ жизни человѣка и въ жизни природы, въ жизни индивидуальнаго опыта и въ жизни откровенія, помогаетъ вамъ находить связь и единство между откровеніемъ Св. Писанія и откровеніями души и природы, представляетъ это единство передъ глазами внутреннимъ чувствомъ мальчика, сначала какъ члена его небольшого домашняго кружка, чтобы расширить затѣмъ его личность шире и болѣе

до великой человѣческой общей семьи, стремленія которой совершаются подъ краснорѣчивѣйшимъ руководительствомъ Бога, съ Его помощью и подъ Его благословеніемъ, показать это выраженіе духовнаго въ тѣлесномъ, божественнаго въ человѣческомъ. Это открытіе и это познаніе должно по необходимости все болѣе и болѣе прояснить и очистить чувство мальчика, возвыситъ и укрѣпитъ его силу, поднять его увѣренность и настойчивость. Жизнь такой семьи, такого мальчика, по необходимости будетъ въ дѣйствіи и поступкахъ, въ постоянной молитвѣ Іисуса, въ немъ въ свой чередъ выразится жизнь, довѣряющая Богу, любящая Бога и человѣка, свободно, дѣтски послушная Богу, всегда въ этомъ смыслѣ богатая поступками и дѣятельностью, и такимъ образомъ ему сдѣлаются понятными и приложимыми въ его собственную и черезъ его собственную жизнь ученія и требованія Іисуса. Только покоящееся на такомъ духовномъ единеніи родителей и дѣтей будущее религиозное обученіе имѣетъ крѣпкую, какъ скалу, почву, полезно и благословенно; и только постольку оно полезно и благословенно, поскольку въ мальчикѣ съ раннихъ поръ пробуждено счастливыми жизненными усиліями живое чувство, отчетливый взглядъ на внутреннюю духовную жизнь. Не бойтесь, чтобы какой-нибудь предметъ внутренней духовной жизни былъ слишкомъ высокимъ и слишкомъ непонятнымъ по самому своему существу для мальчика съ живымъ духовнымъ чувствомъ; ему достаточно передать просто самый фактъ, а его внутренняя сила легко найдетъ его внутренній смыслъ въ доступныхъ ему образахъ наглядности и представленія. Мы слишкомъ мало признаемъ за молодой душой ребенка и религиозности и вообще интеллектуальной силы, и вотъ почему и впоследствии жизнь и душа мальчика кажутся такими пустыми и въ отношеніи къ умственнымъ и чисто человѣческимъ, нравственнымъ и религиознымъ воспріятіямъ, такими малоопытными, поэтому такими заостренными и мертвыми, что въ немъ можно найти только очень немногія и притомъ очень слабыя нити для оживленія истинно религиозной жизни и для поученія о ней, а между тѣмъ впоследствии

къ мальчику и юношѣ мы предъявляемъ такія огромныя требованія.

Дѣтей съ раннихъ лѣтъ интересуютъ массою всего внѣшняго, ихъ поучаютъ относительно множества внѣшнихъ предметовъ, которыхъ они не могутъ понять, именно потому, что они чужды для нихъ, стоятъ внѣ ихъ, а въ отношеніи многого внутренній интересъ дѣтей остается неразбуженнымъ, неосвѣдомленнымъ относительно многого, почти всего внутренняго, что они все-таки понимаютъ, могутъ понимать сами по себѣ; такимъ образомъ дѣти съ раннихъ лѣтъ вводятся въ чуждую внѣшнюю жизнь и поэтому въ свой чередъ отчуждаются отъ внутренней жизни; вотъ почему ихъ жизнь становится такою безсодержательною и сухою. Если человѣкъ долженъ постигать многія истины, а въ особенности истины религиозныя, то нужно такъ сдѣлать, чтобы онъ многое пережилъ въ себѣ, т.-е., чтобы онъ сознавалъ, быть можетъ, и незначительныя сами по себѣ событія своей душевной и религиозной жизни, свой духовный процессъ развитія и его условія: отъ предчувствія и познанія Бога въ качествѣ отца въ его собственной жизни человѣкъ долженъ подняться до предчувствія и познанія Бога, какъ Отца всѣхъ людей и существъ: иначе будущее религиозное обученіе было бы опять-таки пусто и бесплодно. Мы избѣгли бы тогда легко многихъ, очень многихъ религиозныхъ ошибокъ и недоразумѣній, благодаря такому отношенію къ дѣлу, по крайней мѣрѣ, благодаря простому, свободному отношенію къ развитію внутренней духовной жизни въ согласіи съ внѣшней жизнью и въ отношеніи къ ней, равно какъ и неправильнаго пониманія нѣкоторыхъ догматическихкихъ текстовъ, которые въ жизни человѣка при такомъ одностороннемъ освѣщеніи производятъ впечатлѣніе, какъ-разъ обратное тому, которое они должны были бы производить; такъ, напримѣръ, столь рѣзко подчеркиваемыя въ религиозномъ обученіи, въ религиозной догматикѣ вообще къ высшей невыгодѣ для жизни, для счастья, для довольства и для постоянно мощно стремящагося чувства человѣка, положенія: кто добръ, тому будетъ хорошо; или, кто добръ,

тотъ будетъ счастливъ. Для мальчика простого, еще бѣднаго внѣшнимъ опытомъ, чувствующаго и находящаго свою жизнь особенно лишь нераздѣльнымъ цѣлымъ, для такого мальчика внутреннее и внѣшнее благо, внутреннее и внѣшнее счастье, внутренняя и внѣшняя жизнь есть еще нѣчто нераздѣльное, гдѣ еще слишкомъ мало внутреннихъ различій и противоположностей. Поэтому-то ему и въ душу не могло бы закрасться сомнѣніе, что это могло бы быть иначе, и чистая внутренняя душевная жизнь понимается по необходимости, какъ нѣчто внѣшнее, и онъ будетъ и внѣшнимъ образомъ требовать и ожидать внутреннихъ плодовъ своего добраго поведенія.

Но внутреннее и внѣшнее, безконечное и конечное суть два различные міра, проявленія которыхъ во-внѣ, будучи сравнены по формѣ, были и должны быть вѣчно различными; поэтому-то по необходимости этотъ такъ широко истолковываемый текстъ, если не нарушить и не ослабить съ раннихъ лѣтъ внутренняго міра, внутренней силы мальчика и человѣка, то, во всякомъ случаѣ, наполнить его совершенно ложными ожиданіями отъ жизни, приведетъ его къ совершенно ложнымъ сужденіямъ, къ ложному пониманію своихъ жизненныхъ условій и неправильному пользованію ими, къ совершенно ложнымъ приемамъ въ жизни. Напротивъ, религиозное ученіе должно рано установить свое положеніе, рано указать мальчику и взрослому въ личной и общественной жизни, наглядно показать во всемъ развитіи, въ природѣ и въ человѣкѣ, что тотъ, кто дѣйствительно серьезно, энергично и съ самоотверженіемъ стремится къ добру, къ чистому выраженію человѣчности, долженъ по необходимости жить во внѣшнемъ гнетѣ, внѣшнемъ горѣ и нуждѣ, во внѣшней заботѣ и печали, недостаткахъ, тревогахъ и матеріальныхъ недочетахъ; вѣдь требованіе этого стремленія и заключается-то какъ-разъ въ томъ, чтобы внутреннюю, духовную истинную жизнь сдѣлать свободной и открытой, проявить во внѣ. Но разъ это должно непременно случиться, должно произойти по необходимости и второе. Чтобы это оцѣнить и понять во всей жизненности, дайте мальчику возможность разсмотрѣть требованія и условія,

явленія развитія дерева въ сравненіи съ необходимыми запросами и условіями, явленіями духовнаго развитія человѣка. Каждая достигнутая, на своемъ мѣстѣ еще столь прекрасная и цѣлесообразная ступень развитія должна исчезнуть и пропасть, должна прямо-таки быть уничтожена, разъ должна наступить высшая ступень развитія и совершенствованія: оберегающая, согрѣвающая почковая оболочка должна отпасть, если должны развиваться молодая вѣтвь и благоухающій цвѣтокъ, хотя нѣжная вѣтвь и цвѣтокъ часто благодаря этому подвергаются дѣйствию грубой весенней погоды; благоухающій цвѣтокъ долженъ отпасть, чтобы уступить мѣсто сначала незамѣтному, кислому и твердому плоду; превосходный, краснощекий радующій человѣка плодъ долженъ упасть и гнить, чтобы возникли во всей новой свѣжести молодыя растенія и деревья. Такъ псалмы и пѣсни многихъ борцовъ за достиженіе человѣческаго величія, за выраженіе чистой человѣчности подобны плодамъ на жизненномъ деревѣ этихъ борцовъ, плодамъ на деревѣ жизни Давида, которые могли появиться только, благодаря тому, что многія изъ раннихъ, имъ близкихъ и дорогихъ жизненныхъ развитій погибли, чтобы дать мѣсто позднѣйшимъ, болѣе высокимъ и болѣе благороднымъ. И развѣ изреченія этихъ псалмовъ, пѣсенъ и т. д. не подобны зернамъ, которыя, будучи посеяны на плодородной почвѣ человѣческой души, превращаются въ тѣнистыя деревья, полныя благоухающихъ цвѣтовъ и приносящія сильныя вѣчныя и безсмертные плоды? Такимъ образомъ лишенія, отреченія, пожертвованія внѣшнимъ для того, чтобы достигнуть внутренняго, вотъ — условіе достиженія истиннаго развитія. Отсюда и такія правила: «Чѣмъ больше любятъ ребенка, тѣмъ болѣе его наказываютъ». «Кого Господь любить, того Онъ наказываетъ». И всякой дѣтской душѣ, не совсѣмъ отчужденной отъ себя самой, будетъ вполне доступна эта истина. И человѣкѣ, веденный такимъ образомъ и сознательно относящійся къ своему стремленію, не будетъ, подобно своенравному ребенку, при неудачныхъ обстоятельствахъ на жизненномъ пути жаловаться съ ропотомъ: почему же мнѣ такъ не везетъ, почему я такъ грустенъ и печаленъ,

я, который не сдѣлалъ ничего дурного, тогда какъ другому, — о которомъ хорошо извѣстно, что онъ золь и дурень, что онъ дѣйствуетъ только по внѣшнимъ соображеніямъ и расчетамъ и по преходящимъ мотивамъ, везетъ какъ нельзя лучше? Напротивъ, онъ скажетъ себѣ: именно потому, что ты стремишься только къ высшему и наилучшему, къ добру самому въ себѣ, къ прочному добру, все то, что только относительно, по внѣшнему виду является добромъ, должно исчезнуть для того, чтобы изъ него могли происходить все болѣе высокіе и болѣе совершенные процессы, и, въ концѣ концовъ, вѣчно пребывающіе плоды.

Равнымъ образомъ, бесполезно и неудобно, съ точки зрѣнія высшей цѣли человѣчества, опираться въ религіозномъ обученіи на награжденіе добрыхъ дѣлъ только въ будущей жизни, если они въ этой жизни остаются, повидимому, не вознагражденными.

На грубые умы, для которыхъ чувственное наслажденіе играетъ большую роль, это не производитъ должнаго дѣйствія, а для людей и дѣтей, одаренныхъ возвышеннымъ умомъ, эти обѣщанія наградъ и наказаній не нужны; вѣдь если наша жизнь чиста, наши поступки справедливы и хороши, то обѣщаніе въ будущей жизни награды излишне, хотя бы въ этой жизни и былъ недостатокъ во всемъ, чему придаетъ значеніе чувственный человѣкъ. Это значило бы плохо понимать сущность человѣка и мало цѣнить его достоинство, если бы пришлось выдвигать побудительное средство награжденія въ будущей жизни, чтобы поднять человѣка до поступковъ, достойныхъ его истинной сущности, его призванія и его назначенія; человѣкъ можетъ — если только ему съ раннихъ лѣтъ дадутъ возможность — быть истиннымъ человѣкомъ, и долженъ въ каждую минуту ощущать достоинство своего существа.

Чувство, сознание того, что онъ жилъ и дѣйствовалъ согласно своему достоинству, согласно своей сущности, должно быть ему высшею наградой его поведенія; другой не должно быть; тѣмъ болѣе не должно требовать награды всецѣло внѣшней. Или развѣ доброе дитя, добрый мальчикъ въ ту

минуту, когда онъ бываетъ увѣренъ, что онъ поступалъ, какъ ребенокъ, достойный своего отца, въ его духѣ и по его желанію, развѣ такой мальчикъ требуетъ чего-нибудь другого, кромѣ радости этого сознанія? думаетъ ли ребенокъ, по натурѣ простой и добрый, думаетъ ли о какой-нибудь наградѣ за свое поведеніе, будь это даже похвала, кромѣ этого простаго сознанія? — Не долженъ ли человѣкъ въ отношеніи къ Богу поступать такъ же, какъ земной сынъ поступаетъ въ отношеніи къ земному отцу? — Какъ мы поносимъ и унижаемъ человѣческую натуру, которую мы должны были бы, наоборотъ, возвышать! какъ мы ослабляемъ ее, вмѣсто того, чтобы укрѣплять, — когда мы ставимъ добродѣтели приманки, хотя бы и въ видѣ будущей жизни, когда мы вводимъ инородный стимуль, хотя бы и самый тонкій для того, чтобы вызвать лучшую жизнь, и оставляемъ неразвитую внутреннюю, свободную и самодѣятельную силу, которою обладаетъ всякій человѣкъ для выраженія совершенной человѣчности!

Но насколько иначе будетъ все, когда человѣкъ, въ особенности молодой человѣкъ, обращаетъ вниманіе уже съ раннихъ поръ на послѣдствія своего поведенія, и притомъ не на свое внѣшнимъ образомъ болѣе пріятное или болѣе непріятное положеніе, но на свое внутреннее состояніе, на болѣе дѣятельное или болѣе свободное, болѣе ясное или болѣе мрачное, болѣе довольное или недовольное состояніе! Опыты, вытекающіе изъ этого, будутъ по необходимости все болѣе и болѣе будить внутреннее чувство человѣка, и это высочайшее сокровище, приобрѣтенное въ дѣтствѣ и юности, останется при немъ на всю жизнь.

Будущее религіозное обученіе должно освѣщать эти опыты, доводить ихъ до сознанія, объединять между собою всѣ истины, вытекающія изъ нихъ, показывать ихъ пригодность для потомства, согласно различнымъ ступенямъ возвышенія, вездѣ, гдѣ дѣйствуютъ сила, духъ и жизнь, и приводить ихъ въ связь съ истинами, познанными и провозглашенными людьми, исполненными Духа Божія. Такимъ образомъ истинная религіозность становится вѣчною долею сначала человѣка, а потомъ мало-по-малу и всего рода человѣческаго, и

все то высокое, что уже обнаруживало человечество, что высказывалось в нем и через него, опять выразится и в нем самом; и таким образом образование отдельного человека все больше и больше приходит в согласие с ходом развития религиозного в человечестве на благо индивидуума и общества, благодаря чему сами собою исчезают всякий обман, всякое сомнение и всякий произвол, а у нас остается только счастливая и блаженная уверенность, что мы живем в Бога и по Божьему.

2. Усвоение религиозных изречений.

Известно, что религиозные чувства, внушения и мысли зарождаются в душе и ум человека и вытекают из нея уже потому, что человек есть человек, как это бывает с мальчиком, выросшим в единении с родителями и не отчужденном от самого себя. Эти чувства, эти впечатления и эти мысли представляются сначала душе взрослого и мальчика, только как действительное, как восприятие без имени и образа, вообще без выражения того, что они представляют, только как нечто возвышающее жизнь и наполняющее душу. Однако, в высшей степени полезно и выгодно для человека, для души мальчика, находить для этих ощущений и чувств слова, как бы получить язык, чтобы они не заглохли в себе самих, не потонули в себе самих, не будучи выражены ни в форме, ни в словах, и не погибли бы без следа.

Тут нечего бояться, что слова, недоступные детям, внушают им чувства, чуждые им; религиозное имеет привилегию чистого воздуха, ясного солнечного света и чистой воды. Всякое земное существо вдыхает его, и в каждом оно выражается в своей особой форме, в своих красках, в каждом существе принимает свое выражение. Возьмите простой религиозный текст, дайте его выучить нескольким детям, и вы увидите, что на древе жизни каждого из них возникнет свой особый отпрыск. Но само собою разумеется, слова не должны замещать в ребенке самую жизнь;

правда, он должен прежде всего заботиться о том, чтобы придать словам жизнь, форму и значение, но, с другой стороны, слова должны служить средством для выражения жизни, уже находящейся в душе ребенка, и придать ей, благодаря этому, особое значение.

Так мальчик, которому было не больше шести лет, просит каждый вечер у одного из воспитателей, укладывавших его спать, «научить его маленькой молитве». Прочтя ее, он мирно засыпает. Однажды он сделал днем какой-то проступок, который взволновал его душу. Вечером он начал свою обычную маленькую молитву громким и внятным голосом, но в тот момент, когда он почувствовал в ней некоторый намек на свой проступок, можно было заметить, что его голос стал слабее и невнятным, но зато тем громче говорил его внутренний голос. И он в первый раз, ложась спать, сказал: «помолись вместе со мною». Чувствуя чего требовала его душа, я исполнил его просьбу, и он заснул спокойным сном.

Вскоре после этого тот же мальчик пришел ко мне и принес картинку, которую он нашел. Картинка очень нравилась ему своею пестротой. В ту минуту, как он хотел мне показать ее, подошел мальчик несколько постарше, очень живой и, повидимому, мало считающийся с внутренней жизнью. «Как это жестоко!» сказал он, взглянув на картинку, которая изображала варварство турок над греками, в особенности же над греческими матерями и детьми. Мы заметили этим мальчикам, сколько у них причин благодарить Бога за то, что Он им дал не только здоровую, но и спокойную жизнь. «Не правда ли», — быстро перебил нас более живой мальчик, — «мы и благодарим Его за это за утренней и вечерней молитвой». Раньше ни словом не было сделано намека по поводу этого.

Конечно, нет необходимости, да и нецелесообразно, часто прибегать с маленькими детьми к усвоению таких изречений, которые дают для внутренней жизни слова, язык и значение.

3. Знаніе, совершенствованіе тѣла и внимательное отношеніе къ нему.

Человѣкъ цѣнитъ то, что онъ знаетъ не только по его цѣнности, значенію и употребленію, но въ особенности за ту пользу, которую онъ можетъ извлечь изъ него, въ интересахъ цѣли, поставленной его существованію.

Не слѣдуетъ думать, чтобы человѣкъ, а въ особенности человѣкъ, подрастающій, зналъ свое тѣло, потому что оно ему такъ близко, или еще менѣе, чтобы онъ умѣлъ пользоваться своими членами уже благодаря тому, что они составляютъ одно цѣлое съ его тѣломъ. Мы нерѣдко слышимъ упреки въ неловкости къ мальчикамъ изъ тѣхъ сословій, гдѣ используется не вся тѣлесная дѣятельность. Мы видимъ, что люди, у которыхъ духовное и физическое развитіе не шло равнымъ шагомъ и какъ бы взаимно обуславливающимъ образомъ, въ извѣстныхъ времена и при извѣстныхъ условіяхъ совершенно не знаютъ, что дѣлать имъ со своимъ тѣломъ и своими членами. Мало того, для многихъ изъ нихъ собственное ихъ тѣло и члены прямо-таки кажутся бременемъ и дѣйствительно являются имъ. Правда, развитіе тѣла на домашней дѣятельности уже много можетъ помочь физической ловкости, но такъ какъ эта дѣятельность почти во всѣхъ слояхъ играетъ очень подчиненную роль, а въ большинствѣ слоевъ играетъ лишь одностороннюю роль, человѣкъ долженъ сверхъ того не только знать свои силы, но и средства пользованія ими; такимъ образомъ, всестороннее развитіе тѣла и его частей можетъ сделаться средствомъ и выраженіемъ умственного развитія; это сказывается при простѣйшемъ обученіи, гдѣ существенную роль играетъ умѣніе распоряжаться своимъ тѣломъ и его членами, на примѣръ, при письмѣ, рисованіи, инструментальной музыкѣ и т. п.

Если ученикъ въ данномъ случаѣ предварительно не получилъ истиннаго развитія своего тѣла и его членовъ, и не достигъ умѣнія пользоваться ими, и притомъ если все это не сдѣлалось его прочною собственностью, то всѣ занятія приведутъ лишь къ жалкимъ результатамъ, а громогласные

окрики: «Сидите прямо!» «Руки по швамъ!» исключаютъ изъ уроковъ все ихъ жизненное содержаніе. Ловкое, сильное тѣло, примѣняющееся во всѣхъ положеніяхъ и во всѣхъ условіяхъ житейской практики и профессіи, умѣніе держать себя съ чувствомъ достоинства и нѣкоторымъ апломбомъ есть прямой результата развитія тѣла, какъ носителя духа. Мало того, цѣлый рядъ всевозможныхъ видовъ неучтивости, грубости и неприличныхъ поступковъ исчезли бы въ дѣтскомъ возрастѣ и намъ не пришлось бы такъ часто повторять и слышать: «Веди же себя прилично», «Не будь такъ грубъ», «Будь пристойнѣ!», если бы мы своихъ дѣтей практиковали въ законѣрныхъ физическихъ упражненіяхъ, постепенно идущихъ отъ простаго къ сложному, принимающихъ во вниманіе человѣка со всѣхъ сторонъ, въ согласіи и внутренней связи съ духовнымъ развитіемъ. Воля сама по себѣ не во всякій моментъ управляетъ тѣломъ. Поэтому тѣло должно быть подготовлено въ каждый моментъ подчиняться духу, какъ онъ того требуетъ, подобно инструменту въ рукахъ искуснаго артиста. Поэтому, безъ такого образованія нѣтъ воспитанія, ведущаго къ совершенству и къ законченному развитію человѣка. Поэтому и тѣло, какъ и духъ, должно пройти также истинную школу, идущую отъ частнаго къ общему, и строго послѣдовательная, идущія отъ простаго къ сложному, относящаяся и къ духовному міру человѣка упражненія должны быть обязательнымъ предметомъ всякой школы, ибо они ведутъ къ истинной дисциплинѣ.

Дисциплина эта имѣетъ цѣлью побудить ребенка во всѣхъ его поступкахъ руководиться чувствомъ человѣческаго достоинства, испытанномъ имъ самимъ на себѣ лично, вытекающимъ отсюда высшимъ уваженіемъ къ своему существу и строго и твердо проявлять это во всемъ своемъ поведеніи. Вотъ положительная сторона воспитанія (дисциплины) во всякомъ возрастѣ; и чѣмъ живѣе и отчетливѣе будутъ для мальчика и ученика предчувствіе и пониманіе существа и достоинства, чѣмъ проще, понятнѣе и непосредственно пробудятся въ немъ требованія коллективной сущности человѣ-

ка, тѣмъ серьезнѣе и тверже долженъ настаивать воспитатель на выполненіи этихъ требованій, мало того, онъ можетъ даже, если бы того потребовали обстоятельства, ради блага воспитанника перейти отъ увѣщанія къ наказанію, къ строгости. Школьная пора — возрастъ дисциплины. Только гармоническое воспитаніе тѣла и духа дѣлаетъ возможной истинную дисциплину.

Сверхъ того, тѣлесная дѣятельность требуетъ на смѣну себѣ духовной дѣятельности и — наоборотъ, при чемъ и та и другая въ свой чередъ дѣйствуетъ другъ на друга поддерживающимъ образомъ. Такимъ образомъ, только тамъ, гдѣ обѣ дѣятельности стоятъ въ живомъ взаимодействіи, существуетъ истинная жизнь.

Но физическія упражненія имѣютъ и другую еще важную сторону, а именно ту, что они приводятъ подрастающаго человѣка къ живому пониманію внутренняго строя его тѣла; онъ почувствуетъ здѣсь въ особенности живо внутреннюю взаимность, обуславливающую дѣятельность всѣхъ членовъ своего тѣла; такія воспріятія въ соединеніи съ нѣсколькими добропорядочными изображеніями внутренности человѣческаго тѣла по необходимости должны привести въ вышеупомянутому живому пониманію тѣла и его строенія, а также, прежде всего, къ заботливому и внимательному уходу за нимъ.

4. Изученіе природы и внѣшняго міра.

Что раньше, въ дѣтскую пору, совершалось особнякомъ и безъ всякой связи, теперь совершается въ упорядоченномъ видѣ и по возможности во внутренней необходимой связи, согласно ходу развитія человѣка на этой ступени и вдобавокъ расчлняясь и развѣтвляясь, такъ какъ частное и единичное всегда вытекаетъ изъ общаго и цѣлаго.

Познаніе каждой вещи, сущности, назначенія и свойствъ ея повсюду яснѣе и опредѣленнѣе всего изъ мѣстныхъ условій и отношеній, въ которыхъ находятся между собой предметы. Поэтому ученикъ тѣмъ болѣе проникнетъ въ сущность предметовъ природы и внѣшняго міра, если ему дать познать

предметы въ той естественной связи, въ которой они находятся. А затѣмъ, различныя условія и отношенія между предметами и ихъ значеніе станутъ для мальчика тамъ понятнѣе и яснѣе, гдѣ онъ будетъ чаще всего окруженъ ими и ихъ вліяніями, при чемъ причина ихъ существованія, быть-можетъ, будетъ лежать въ немъ самомъ, или, по крайней мѣрѣ, имѣтъ въ немъ свой исходный или конечный пунктъ. Это предметы его ближайшей среды, предметы комнаты, дома, сада, мызы, села, города, луга, поля, лѣса, долины. Отъ разбора предметовъ комнаты, ближайшей среды, эти наблюденія природы и внѣшняго міра, какъ отъ ближайшаго и болѣе законнаго, переходятъ въ должномъ порядкѣ къ дальнѣйшему и менѣе неизвѣстному, и, слѣдуя этому порядку связи и дѣленія, станутъ для насъ предметами школьнаго обученія.

Самый ходъ обученія таковъ. Урокъ снова начинается съ признаннаго уже раньше необходимымъ указанія на предметъ. Такимъ образомъ, показывая на столъ, учитель говоритъ: «Что это такое?» — или на стулъ: «Что это такое?» и т. д. Затѣмъ предлагаются общіе вопросы: «Что ты видишь, или что вы видите здѣсь въ комнатѣ?» — столъ, стулъ, скамью, окно, дверь, горшокъ съ цвѣтами, картину и т. д. Учитель записываетъ на грифельную доску предметы, называемые однимъ или многими, и потомъ произноситъ ихъ вмѣстѣ съ учениками. Далѣе учитель спрашиваетъ: «Находятся ли столъ и стулъ въ такомъ же отношеніи къ комнатѣ, какъ окна и дверь?» — «Да!» — «Нѣтъ». — «Почему да?» — «Почему нѣтъ?» — «Что же такое окно и дверь въ отношеніи къ комнатѣ?» — «Это часть комнаты!» — «Назови мнѣ все, что ты признаешь частями комнаты». — «Стѣны, потолокъ, полъ и т. д. Все это части комнаты». — «Какъ дверь, окно и т. д. суть части комнаты, такъ сама комната въ свою очередь является частью какого-нибудь большаго цѣлаго?» — «Да, комната есть часть дома?» — «Какія есть еще части дома? — «Сѣни, чуланы, кухня, лѣстница и т. д.» —

Послѣ того, какъ ученикъ назвалъ всѣ части дома, учитель и ученики произносятъ, какъ всегда, вмѣстѣ: «Сѣни,

комната, чуланъ, кухня, лѣстница, полъ, погребъ и т. д. суть части дома». Такое совместное произношеніе всѣми учениками вмѣстѣ за учителемъ очень важно, какъ упражненіе въ воспріятіи, наглядномъ усваиваніи, обозначеніи предметовъ и въ языкѣ.

«Всѣ ли дома имѣютъ тѣ же части, что и этотъ домъ?» — «Нѣтъ!» — «Какія части имѣетъ этотъ домъ, а другіе дома не имѣютъ? — «Какія части и помѣщенія имѣютъ другіе дома, а этотъ домъ не имѣетъ?» — «Чѣмъ определяются и обуславливаются существеннѣйшія части дома?» — «Употребленіемъ и назначеніемъ дома или строенія». — «Каковы тѣ существеннѣйшія части, которыя неизбѣжно долженъ имѣть каждый домъ, если у насъ и нами онъ можетъ быть названъ жильемъ въ полномъ смыслѣ слова?» — «Кромѣ предметовъ, которые суть части этой комнаты, раньше ты назвалъ мнѣ еще другіе, которые не составляютъ частей комнаты, но которые ты видишь въ комнатѣ, которые все-таки находятся въ комнатѣ; назови мнѣ еще разъ нѣкоторые изъ нихъ». — «Стулья, столы, цвѣточные горшки, картины, гравюры, книги и т. д.» — «Находятся ли стулья, столы, скамьи въ такомъ же отношеніи къ комнатѣ, въ какомъ находятся къ ней картины, книги, цвѣточные горшки?» — «Нѣтъ!» — «Почему нѣтъ?» — «Что такое скамьи, столы и т. д. въ отношеніи къ комнатѣ!» — «Они составляютъ необходимую принадлежность комнаты». — «Всѣ тѣ предметы, которые составляютъ необходимую принадлежность комнаты, называются комнатными принадлежностями». — «Назови мнѣ всѣ тѣ предметы, которые ты видишь въ качествѣ комнатныхъ принадлежностей и которые ты знаешь, какъ таковыя». — «А другія помѣщенія дома такъ же ли имѣютъ свои определенные, имъ принадлежащіе предметы?» — «Да! кухня, кладовая и т. д.» — «Эти предметы называются кухонными принадлежностями и т. д.» — «Не бываютъ ли въ домѣ и такія принадлежности, которыя не принадлежатъ исключительно одному помѣщенію или комнатѣ?» — «Да! такія-то и такія-то.» — «Такія вещи, какъ и вообще вся утварь, принадлежащая къ дому, называются домашними принадлежностями»

ми». — «Назовите мнѣ всѣ вещи, которыя вамъ извѣстны, какъ домашнія принадлежности, домашняя утварь». — «Домъ имѣетъ свои опредѣленные части: комнаты, другія помѣщенія; самъ же домъ составляетъ ли часть какого-нибудь большаго цѣлаго?» — «Да, часть цѣлага двора». — «Какіе предметы принадлежатъ къ двору, составляютъ часть двора?» — «Самый дворъ, садъ, жилой домъ, службы, амбаръ, конюшня и т. д.» — «Какіе предметы находятся на самомъ дворѣ и принадлежатъ къ нему?» — «Движимые предметы, принадлежащее къ двору, называются дворовыми принадлежностями». — «Что относится къ саду и къ обработкѣ сада?» — «Всѣ тѣ движимые предметы, которые принадлежатъ къ саду и относятся къ его обработкѣ, называются садовыми принадлежностями и т. д. и т. д.» — «Всѣ предметы, относящіяся къ двору, къ саду, къ сараю, къ конюшнѣ, и т. д., называются хозяйственными принадлежностями».

«Какъ домъ, дворъ составляютъ часть надворныхъ строеній, такъ и послѣднія составляютъ часть какого-нибудь большаго цѣлага?» — «Да, часть села». — «Что ты видишь и замѣчаешь въ селѣ такого, что принадлежитъ къ селу; что представляетъ собою село въ своей совокупности съ внѣшней стороны?» — «Дома, амбары, сады, дворы; церковь, школу, домъ священника и т. д., рынокъ, домъ общинныхъ собраній, кузницу, колодцы и т. д.» — «Что имѣютъ общаго сельскіе дома въ отношеніи къ ихъ обитателямъ или что имѣютъ особеннаго нѣкоторые изъ нихъ?» — «Это дома или крестьянъ, или ремесленниковъ, или поденщиковъ». — «Какая характерная особенность замѣчается въ домахъ крестьянъ?» — «Какой существенный и необходимый признакъ домовъ, принадлежащихъ ремесленникамъ?» — «Мастерская». — «Что составляетъ принадлежность мастерскихъ?» — «Ремесленный орудія». — «Что составляетъ принадлежность дома общинныхъ собраній, школьнаго зданія, церкви и т. д?» — «Что находится внѣ села и окружаетъ село?» — «Луга, поля и лѣса». — «Что такое село въ отношеніи къ лугамъ или полямъ?» — «По отношенію къ нимъ оно составляетъ центръ или пунктъ, къ которому они

относятся». — «Что за предметы или какие предметы видишь ты или видите вы на лугу или въ полѣ?» — «Пашню, лужайки, дороги, тропинки, рѣчки, рвы, мосты, лавы, покосы, пограничные камни и т. д.». — «Есть ли село съ окружающими его полями и лугами также часть большаго цѣлаго, какъ домъ есть часть надворныхъ строеній?» — «Да! это часть околотка, округа». — «Что ты видѣлъ или видишь въ околоткѣ, округѣ?» — «Горы, долины, высоты, овраги, дороги, проселки, рѣки, ручьи, деревни, мельницы, города, пруды, каналы, лѣса и т. д.»

Отсюда развивается знаніе земной поверхности, земледѣніе (географія), какъ самостоятельный предмет преподаванія.

Разсмотрѣніе внѣшняго міра имѣетъ ту, необходимо имъ обусловливаемую, особенность, что изъ него на опредѣленныхъ мѣстахъ развиваются, развѣтвляясь, всѣ отрасли предметныхъ знаній, подобныхъ почкамъ и отросткамъ на вѣтвяхъ. И это постоянно будетъ сказываться при наблюденіи за ходомъ преподаванія и обученія, согласнымъ съ природой и разумомъ. Мѣсто возникновенія каждаго новаго самостоятельнаго предмета преподаванія опредѣляется съ такой необходимостью и произвольностью, какъ развѣтвленіе правильно расчлененныхъ растений. Конечно, намеки на это, какъ и признаки возникновенія новой почки на вѣткѣ, часто едва замѣтны и появляются часто въ моментъ спокойнаго состоянія духа у учителя, когда онъ втихомолку совершенно отдается требованіямъ и условіямъ предмета преподаванія, когда онъ до такой степени вполне живеть въ предметъ своего преподаванія или, точнѣе говоря, послѣдній живеть въ немъ, что требованія и сущность этого предмета непосредственно высказываются въ его умѣ и чувствахъ и непосредственно имъ воспринимаются. Но разъ не замѣченъ моментъ появленія новой отрасли какого-нибудь предмета преподаванія, то всякое, болѣе позднее или раннее, произвольное введеніе признаннаго все же необходимымъ предмета преподаванія и обученія всегда будетъ мертвымъ, и если бы даже въ данный моментъ и нельзя было ничего сказать противъ необходи-

мости этого предмета, все же онъ будетъ представляться искусственной, мертвой прибавкой и таково будетъ его дальнѣйшее дѣйствіе. Каждый учитель, съ истинной любовью и преданностью стремящійся къ живому преподаванію, вполне согласному съ природой и разумомъ, не разъ съ болью въ сердцѣ почувствуетъ это, если онъ, поддавшись умствованіямъ, механической привычкѣ или мрачному и притупленному состоянію духа, проглядитъ этотъ моментъ; онъ будетъ стараться безъ пользы; связь и ходъ его преподаванія будутъ безжизненны, какъ въ членахъ манекена, какъ въ трещоткѣ. Поэтому подмѣтитъ моментъ и мѣсто возникновенія новаго предмета преподаванія, какъ новой отрасли, въ высшей степени важно въ интересахъ живого, животворящаго и оживляющаго преподаванія. Сущность согласнаго съ природой и разумомъ, оживляющаго и развивающаго преподаванія заключается главнымъ образомъ только въ уловленіи и закрѣпленіи этого момента, ибо, разъ онъ найденъ, предметъ преподаванія и обученія развивается, подобно всякому живому организму, самостоятельно по своему, заключающемуся въ немъ, живому закону и учить, въ собственномъ смыслѣ слова, самого учителя. Потому-то все вниманіе учителя должно быть направлено на то, чтобы отъ него не ускользнуло формированіе почекъ и отростковъ въ развѣтвленіи преподаванія. Пренебреженіе этимъ требованіемъ и его послѣдствіями есть признакъ обученія, несогласнаго съ природой, въ самомъ себѣ носящаго распаденіе.

Послѣ этого вставочнаго замѣчанія обратимся вновь къ самому ходу изученія внѣшняго міра.

«Въ полѣ и окрестностяхъ ты замѣчаешь деревья, башни, скалы, источники, стѣны, лѣса, деревни и т. д.; пересмотри еще разъ эти и всѣ другіе предметы, видимые тобою, и посмотри, есть ли каждый изъ нихъ единственный въ своемъ родѣ или нѣкоторые изъ нихъ группируются и прилаживаются одинъ къ другому какъ однородные». — «Нѣкоторые предметы группируются и прилаживаются какъ однородные». — «Назовите мнѣ все больше и больше предметовъ, которые вы при-

знаете всегда группирующимися по своей однородности». — «Когда вы дальше сравниваете между собою окрестные предметы, входящіе въ вашъ кругозоръ и всегда составляющіе однородныя группы, то замѣчаете ли вы въ нихъ какую-нибудь основную разницу?» — «Да. Одни предметы обязаны своимъ существованіемъ только природѣ, возникаютъ только благодаря природѣ и въ природѣ; другіе предметы обязаны своимъ существованіемъ только людямъ, возникаютъ только благодаря людямъ, дѣлаются только людьми». — «Первые предметы называются произведеніями природы, вторые — произведеніями рукъ человѣческихъ». — «Назовите мнѣ произведенія природы, которыя вы знаете въ окрестности, въ вашемъ кругозорѣ» — «Деревья, поля, лѣса, травы, ручьи, ямы и т. п.» — «Назовите произведенія рукъ человѣческихъ изъ вашего кругозора, которыя вы знаете». — «Стѣны, заборы, плетень, дороги, живыя изгороди, виноградники». — «Могутъ ли быть названы поля и луга только произведеніями природы?» — «Да! — Нѣтъ!» — «Почему да? — Почему нѣтъ?» — «Могутъ ли быть названы живыя изгороди, плетни, виноградники и т. д. только произведеніями рукъ человѣческихъ?» — «Нѣтъ!» — «Почему нѣтъ?» — «Хорошо! такіе предметы, какъ живая изгородь, виноградники, поля, луга, садовыя деревья, колодцы и т. д. назовемъ произведеніями природы и человѣка». — «Укажите мнѣ вокругъ себя нѣсколько произведеній природы и человѣка». — (Общая бесѣда учителя и учениковъ, какъ всегда).

«Поищите нѣсколько произведеній природы вокругъ васъ, въ вашемъ кругозорѣ, рассмотрите ихъ внимательно, сравните ихъ между собою и скажите, замѣчаете ли вы и какія замѣчаете между ними дальнѣйшія разъединяющія или соединяющія ихъ особенности, напр., дерево, скала, камень, рѣка, птицы, сосна, олень, ель, громъ, молнія, воздухъ?» — «Да, они представляютъ разъединяющія и соединяющія ихъ особенности». — «Хорошо, какія?» — «Олень, жукъ, корова, птица, улитка суть животныя». — «Сосна, дубъ, мохъ, трава, суть растенія». — «Камень, скала, кремень суть минералы». — «Дождь, громъ, молнія суть явленія природы». — «Назовите

въ окружающей васъ мѣстности всѣхъ животныхъ». — «Назовите тамъ же растенія, затѣмъ минералы, наконецъ, явленія природы». — Затѣмъ слѣдуетъ рассмотреть животныхъ на тѣхъ мѣстахъ, где они живутъ. — «Они рождаются, живутъ и питаются на однихъ ли и тѣхъ же мѣстахъ или на различныхъ?» — «На различныхъ мѣстахъ, они живутъ или въ домѣ, на дворѣ, или на волѣ, и притомъ на лугу, въ полѣ или въ лѣсу; на землѣ или въ водѣ; въ воздухѣ или въ другой средѣ». — «Животныя, которыя живутъ въ домѣ или при домѣ, находятся при людяхъ или жилищахъ, называются домашними животными». — «Животныя, которыя живутъ преимущественно въ полѣ, называются полевыми животными». — «Животныя, которыя живутъ преимущественно въ лѣсу, называются лѣсными животными». — «Такимъ образомъ есть животныя земныя, водныя, воздушныя, земноводныя и т. п.». Подобно тому, какъ животныя были рассмотрѣны по отношенію къ тѣмъ мѣстамъ, на которыхъ они преимущественно живутъ, такъ и растенія будутъ подраздѣлены учителемъ на домашнія, на парниковыя, садовыя, полевыя, лѣсныя, водяныя, болотныя и чужеядныя. По подобному признаку будутъ подраздѣлены и минералы; но послѣдніе въ этомъ отношеніи даютъ немного матеріала. Такимъ же образомъ и по такому же признаку будутъ разобраны и явленія природы, какъ явленія, происходящія на землѣ, въ воздухѣ, въ водѣ и въ огнѣ.

«Въ какихъ отношеніяхъ и съ какихъ точекъ зрѣнія рассматривались до сихъ поръ предметы природы?»

«Въ отношеніи къ пространству и мѣсту, въ которомъ они создаютъ себя, живутъ и обитаютъ».

«Вслѣдствіе мѣста, въ которомъ предметы природы находятся и живутъ, они становятся чловѣку или ближе или болѣе далекими; проявляются ли въ образѣ жизни и поведенія въ выраженіяхъ и свойствахъ предметовъ природы разница въ зависимости отъ того, близки ли они или далеки людямъ?» — «Да» — «Нѣтъ». — «Отчего да?» — «Отчего нѣтъ». — «Предметы природы, которые ближе къ чловѣку, которые

болѣе подвержены его вліянiю, слабѣе, чувствительнѣе, нуждаются въ большемъ уходѣ; болѣе доступны преобразованiю и т. д., они вообще болѣе домашніе; тѣ предметы природы, которые болѣе отдалены отъ человѣка, менѣе подвержены его воздѣйствiю, болѣе грубы, они дики».

«Назовите мнѣ въ окружающемъ васъ пространствѣ извѣстныхъ вамъ ручныхъ звѣрей?» — «Назовите мнѣ въ окружающемъ васъ пространствѣ извѣстныхъ вамъ дикихъ звѣрей». — Ручные звѣри могутъ разсматриваться также и по отношенiю къ ихъ пользѣ и употребленiю, какъ животныя, приносящія пользу, защиту, удовольствіе, переносящія или перевозящія грузы и т. п. И дикие звѣри могутъ съ этой же точки зрѣнiя разсматриваться, какъ полезные и вредные звѣри.

Такимъ же образомъ разсматриваются растенія.

«Ручныя растенія называются также культурными и т. д.» И о томъ что находится на землѣ, можно сказать нѣчто подобное, напримѣръ лѣсные ручьи и колодезная вода, каменистая почва и пашни и т. п. «Подобно тому какъ до сихъ поръ предметы природы вамъ извѣстнаго, васъ окружающаго пространства разсматривались по отношенiю къ мѣсту, гдѣ они создаются и живутъ, они, конечно, могутъ разсматриваться и съ другой сходной точки зрѣнiя?» — «Да! по отношенiю ко времени, напримѣръ, зимніе и лѣтніе плоды, весенніе, лѣтніе и осевніе цвѣты».

И въ этомъ отношенiи разсматриваются животныя, растенія и явленія природы, напримѣръ, зимою: сѣверное сіаніе; лѣтомъ: сухой туманъ; туманъ весною и осенью; зимою: снѣгъ, ледъ, иней. Такъ для насъ ласточка — лѣтняя птичка; соловей и трясогузка — весеннія, сѣверный гусь — зимняя птица.

Такъ есть бабочки дневныя, ночныя и летающія въ сумеркахъ. Есть майскіе, іюньскіе и іюльскіе жучки. Есть цвѣтки мартовскіе, майскіе, весенніе (колокольчики, подснѣжники).

Но и въ отношенiи къ мѣсту и времени животныя, особенно птицы, могутъ разсматриваться какъ перелетныя и неперелетныя. Особенно важно разсмо-

трѣніе животныхъ по ихъ образу жизни, такъ, напримѣръ, питающіяся мясомъ, хищныя, питающіяся травой или зернами и т. д.

Здѣсь сейчасъ же присоединяется особенное знаніе предмета природы, въ видѣ описанія природы и потомъ естественной исторiи, занимающейся созерцаніемъ и нахожденіемъ болѣе внутреннихъ особенныхъ свойствъ строенія членовъ, въ качествѣ самостоятельнаго учебнаго предмета, подобно тому какъ раньше при разсмотрѣнiи дѣйствій силъ и т. п. зависимыхъ явленій природы — ученіе о природѣ. Точно такъ же и разсмотрѣніе того, что находится на землѣ, необходимо ведетъ насъ къ ученію о природѣ (физикѣ).

Переходъ отъ общаго созерцанія природы, какъ внѣшняго міра, къ изученiю и описанiю природы и естественной исторiи составляетъ разсмотрѣніе животныхъ, ближе всего стоящихъ къ человѣку по своей жизни или по приносимой пользѣ или вреду; а тутъ — различеніе животныхъ, живородящихъ, млекопитающихъ, кладущихъ яйца и высиживающихъ, или только кладущихъ яйца, но «высиживаніе» предоставляющихъ прородѣ.

Изученіе и описаніе природы имѣетъ потомъ дѣло прежде всего съ воспріятіемъ и отысканіемъ различающихъ, раздѣляющихъ и соединяющихъ свойствъ предметовъ природы, ихъ условій и причинъ, дѣйствій и слѣдствій, и въ особенности съ отысканіемъ и познаніемъ вытекающаго отсюда естественнаго порядка и необходимой принадлежности другъ къ другу предметовъ природы съ познаніемъ внѣшнихъ свойствъ, посредствомъ которыхъ яснѣе и своеобразнѣе всего выражается внѣшнимъ образомъ внутренняя сущность предмета.

Благодаря такому восхожденiю отъ особеннаго, единичнаго къ общему и самому общему и благодаря обратному нисхожденiю отъ общаго къ особенному и самому особенному, благодаря этому волнообразному элементу въ преподаванiи и ходѣ ученія, въ особенности при разсмотрѣнiи внѣшней природы, это послѣднее не только соотвѣтствуетъ самой жизни, но и представляетъ возможность исчерпать знаніе предмета для каждой ступени духовнаго развитія и пониманія ученика.

Подобно тому какъ до сихъ поръ разсматривались и воспринимались предметы природы по всѣмъ ихъ внѣшнимъ, легко бросающимся въ глаза свойствамъ, въ отношеніи къ мѣсту, времени, образу жизни и жизненнымъ проявленіямъ, и эти отношенія исчерпывались, — сходнымъ образомъ разсматриваются съ внѣшней стороны и творенія человѣческія.

«Найдите въ окружающемъ васъ пространствѣ, мѣстности, полѣ зрѣнія созданія человѣка, которыя вамъ знакомы и которыя вы знаете, и посмотрите, есть ли у нихъ и какія именно различія». «Домъ, деревня, искусственная дорога, мостъ, городъ, стѣна, плугъ, пограничный камень, телѣга, путеводитель и т. д.» — «Хорошо, какія у нихъ различія?» — «Они различны по своему возникновенію и по своему матеріалу, по своему употребленію и по своей цѣли, назначенію». — «Отыщите творенія человѣческія, различающіяся по своему употребленію и цѣли, назначенію». — «Какія различія представляютъ они въ этомъ отношеніи?» — «Они служатъ человѣку для жилища, или на пользу и защиту, или въ качествѣ орудія и прибора, чтобы посредствомъ или при помощи его что-нибудь сдѣлать, или для удобства и облегченія особенно сообщенія между людьми, или для удовольствія или же это просто продукты человѣческой силы и человѣческаго ума».

«Какія созданія человѣка доставляютъ ему жилище и мѣстопробываніе?»

«Дома, деревни, города». — «Что по преимуществу оригинальнаго въ городѣ?» — «Окружающія стѣны, ворота, улицы, переулки, рынки, ратуша, лавки, мастерскія, вообще очень разнообразныя строенія». — «Чѣмъ особенно различаются городскія постройки?» — «Своимъ употребленіемъ, своимъ назначеніемъ». — «Какое различіе у городскихъ построекъ въ зависимости отъ ихъ назначенія?» — «Есть жилия помѣщенія, торгово-промышленныя зданія, общественныя, увеселительныя и произведенія роскоши», — «Какія бываютъ роды торгово-промышленныхъ помѣщеній?» — «Мастерскія, мануфактурныя и фабричныя зданія, лавки, кладовыя и т. д.» — «Какія мастерскія имѣются въ городѣ?» — «Мастерскія столярныя, кузнечныя, портняжныя, сѣдельныя, кожаныхъ издѣлій, са-

пожныя, каретныя, булочныя, жестяныхъ дѣлъ, ткацкія и т. д.» — «Что въ каждой мастерской своеобразнаго?» — «Приборы (инструменты)». — «Какой инструментъ относится къ столярной мастерской?» — «Какой къ кузницѣ?» — и т. д. — относительно каждой мастерской. «Въ чемъ состоитъ цѣль и назначеніе мастерскихъ?» — «Что-нибудь сдѣлать, создать, образовать» — «Что дѣлается въ столярныхъ мастерскихъ?» — «Что дѣлается и создается въ кузницѣ?» — и т. д. въ каждой мастерской. — «Точно такъ же при различныхъ мануфактурныхъ и фабричныхъ зданіяхъ; во-первыхъ, что въ нихъ за орудія и рабочій матеріалъ, во-вторыхъ, что въ нихъ вырабатывается?» — «Точно такъ же съ кладовыми: къ чему онѣ служатъ, что содержатъ?» — «Различаются ли лавки между собою?» — «Чѣмъ существенно различаются между собою лавки?» — «Тѣмъ, что онѣ содержатъ». — «Какая разница между лавками съ точки зрѣнія содержимаго въ нихъ?» — «Онѣ содержатъ или продукты природы и искусства, матеріалы, которые продаются преимущественно по вѣсу и служатъ главнымъ образомъ предметами питанія людей или онѣ содержатъ продукты искусственныя, продаваемые преимущественно по длинѣ, или онѣ содержатъ различные отдѣльные предметы, мелочи и приборы, полезные и необходимые, для украшенія и нарядовъ и т. п., которые продаются въ зависимости отъ цѣнности каждаго изъ нихъ или въ зависимости отъ числа и т. д.» — «Первыя — торговля матеріалами, вторыя — отрѣзными товарами, третьи въ свою очередь по своему содержанію могутъ быть весьма разнообразны: торговля желѣзомъ, игрушками, нарядами и т. д.» — «Что содержитъ торговля матеріалами по существу?» — «Какое существенное различіе у всѣхъ этихъ товаровъ по отношенію къ мѣсту ихъ созданія?» — «Они или мѣстные или заграничныя». — «Назови мнѣ мѣстные товары». — «Назови мнѣ заграничныя товары».

Точно такъ же подчеркивается и приводится самая существенная особенность каждой лавки.

И общественныя зданія различаются и группируются по ихъ назначенію и употребленію: зданія для ученія, назиданія,

богопочитанія, ухода и благотворенія, порядка и защиты, развлечения и т. д.

Точно такъ же разсматривается содержаніе, которое имѣетъ общественное зданіе въ зависимости отъ своего назначенія, такъ, напримѣръ, зданіе для преподаванія, книжные склады и т. д.

Затѣмъ разсмотрѣніе переходитъ отъ мастерства къ мастеру, отъ производства къ производителю, отъ дѣйствія разсмотрѣніе восходитъ къ основанію и причинѣ; значитъ, отъ твореній человѣческихъ къ человѣку (какъ при разсмотрѣніи природы къ ея творцу, Богу).

«Какъ называются работающіе въ столярныхъ мастерскихъ и приготавлиющіе производимыя въ нихъ вещи?» — «Столяры» и т. д., и т. д. — «Какъ, по большей части, называются всѣ работающіе въ мастерскихъ?» — «Мастеровые». — «Называются ли рабочія помѣщенія другихъ производителей внѣшнихъ предметовъ мастерскими, при чемъ они вовсе не являются ремесленниками?» — «Да! скульпторовъ и т. д.» «Есть ли такіе ремесленники, у которыхъ нѣтъ особыхъ рабочихъ помѣщеній?» — «Да! каменщики, плотники, штукатуры». — «Какъ называются люди, устраивающіе мануфактуры и фабрики и посвящающіе себя ихъ продуктамъ?» — «Мануфактуристы и фабриканты». — «Назовите мнѣ всѣ роды ремесленниковъ, которые вы знаете!» — (точно такъ же всѣ роды мануфактуристовъ и фабрикантовъ). «Соединяются ли различныя ремесла (также мануфактуры и фабрики) ближе другъ съ другомъ въ группы въ зависимости отъ лежащаго въ нихъ самихъ назначенія?» — «Да». — «Съ какихъ точекъ зрѣнія и по какимъ назначеніямъ соединяются другъ съ другомъ ремесленники?» — «По матеріалу, который они обрабатываютъ, и такимъ образомъ по характеру самой работы, какъ, напримѣръ, обрабатывающіе дерево и т. д.» — «Можно ли также различные продукты человѣческой дѣятельности съ точки зрѣнія заключающагося въ нихъ назначенія соединить въ группы или разъединить?» — «Да, или по матеріалу, или по возникновенію, или по ихъ употребленію и назначенію». —

«Какъ можно различать разные внѣшніе продукты людей по ихъ матеріалу?»

«Какъ продукты изъ каменнаго, растительнаго и животнаго царства. Матеріаль по преимуществу или исключительно каменный или земляной — или исключительно и по преимуществу деревянный и растительный или металлическій — или одинаково существенно изъ камня (земляной) и дерева (растительный) или камня и металла, — или дерева и металла — или дерева и камня — или, наконецъ, особенно животныя или смѣшанные и неопределимые матеріалы». —

«Какъ могутъ различныя внѣшніе продукты человѣческой дѣятельности различаться и соединяться, по ихъ употребленію?» —

«Какъ предметы защиты, пользованія, развлечения, искусства, мысли и роскоши». —

«Предметами защиты могутъ разсматриваться: жилища, платья, орудія обороны, оружіе; всѣ они въ свою очередь могутъ различаться съ разныхъ точекъ зрѣнія, такъ, напримѣръ, оружіе различается въ зависимости отъ того, предназначается ли оно для того, чтобы стрѣлять, рубить или колоть».

«Предметы пользованія могутъ быть для сохраненія общественного порядка и сообщенія, какъ, напримѣръ: мосты, искусственно проложенныя дороги, межевыя камни, путеводители и т. п. Или какъ орудія производства: инструменты, орудія, приборы». —

«Инструменты опять могутъ разсматриваться и сопоставляться, какъ орудія для отдѣленія — буравъ и инструменты для колки, — какъ орудія, которыми толкаютъ и ударяютъ, — орудія, которыми вырываютъ и гладятъ, орудія, которыми давятъ и прессуютъ». — «Найдите орудія для отдѣленія». — «Топоръ, клинъ, рѣзецъ, скобель и т. д.» — «Они въ свою очередь могутъ разсматриваться, какъ инструменты для рѣзки и для рубки, какъ инструменты для пилки, расщепки и взлома». — «Назови мнѣ для каждого нѣсколько примѣровъ». — «Найдите инструменты, которыми толкаютъ и ударяютъ». — «Молотокъ, трамбовка, дольня, ко-

лотушка и т. д.». — «Назовите мнѣ инструменты, которыми сверлят и колютъ». — «Буравъ, шило, коловоротъ, желобчатый буравъ, сваебойная машина, иголка и т. д.» — «Назовите мнѣ инструменты, которые вырываютъ и гладятъ (выравниваютъ)». — «Рашпиль, напильокъ, гладильный зубъ, борона, брусокъ, рубанокъ, гладилка» — «Найдите инструменты, которыми давятъ и прессуютъ». — (Какъ всегда совокупность вмѣстѣ найденнаго разбирается вмѣстѣ учителемъ и учениками).

Точно такъ же поступаютъ относительно служебныхъ орудій (утвари).

«Какая разница между орудіями служебными и орудіями ремесла?»

Утварь по большей части разсматривалась, вѣроятно, раньше.

Такимъ же образомъ разсматриваются предметы удовольствія, мысли, роскоши и особенно искусства. — Какъ раньше изслѣдовано было содержаніе общественныхъ зданій, такъ теперь разбирается ихъ назначеніе, употребленіе. — «Къ чему существуетъ городское, областное, полицейское управленіе и что въ нихъ происходитъ?» — «Къ чему существуютъ школы? церкви?» — «Какъ называются люди, которые заняты и работаютъ въ городскомъ, областномъ и т. д. управленіи, въ школѣ, въ церкви, какъ таковой?» — «Члены областного, городского управленія и т. п.» «Школьные учителя». — «Духовные» и т. д. — «Въ чемъ состоитъ обязанность члена областного правленія» и т. д. — «Въ чемъ состоитъ обязанность членовъ городского управленія?» и т. д.

Такъ же вопросъ ставится относительно учителей и духовенства.

«Что, все это имѣется въ городѣ?» — «Что же именно дѣлаетъ городъ городомъ?» — «Существуютъ ли города разнаго рода?» — «Да! Уѣздные, губернскіе, столичные, резиденціи, приморскіе, торговые, лежащіе на горахъ, университетскіе». — «Что является характернымъ и существеннымъ качествомъ cadaго изъ этихъ городовъ?» — и т. д. «и также ихъ жителей?» — «Существуютъ ли еще работы, занятія, дѣятельности

людей, до сихъ поръ еще неупомянутыя?» — «Да, многія». — «Какія?» — «Ручные работники, неремесленники, поденщики, охотники, рыбаки, садовники, землепашцы, скотоводы и т. д.» — «Есть ли между различными родами занятій и дѣятельности людей извѣстное сходство и подобіе, или нѣтъ?» — «Да! замѣчаются извѣстныя объединяющія сходства и подобія». — «Какія?» — «Имѣютъ ли всѣ роды дѣятельности людей цѣли или нѣтъ?» — «Одного ли или разнаго рода различныя цѣли человеческой дѣятельности?» — «Что является конечною цѣлью всѣхъ человеческихъ занятій, всякой человеческой дѣятельности и работы?» — «Такъ какъ конечная цѣль всякой человеческой дѣятельности, всякой человеческой работы только одна, то спрашивается, живутъ и жили ли всѣ люди, какова бы ни была ихъ дѣятельность и стремленіе, въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ?» — «Да, въ семействѣ, въ семейныхъ условіяхъ».

«Такъ какъ всѣ люди безъ исключенія живутъ и жили въ семейныхъ условіяхъ, такъ какъ съ другой стороны высшая и конечная цѣль всѣхъ человеческихъ стремленій, какъ можно полнѣе, выразить и яснѣе сознать данное Богомъ человѣку существо, то гдѣ же для достиженія этой конечной цѣли своей дѣятельности и своего стремленія вѣрнѣе и надежнѣе всего люди должны и будутъ подготавливаться и къ достиженію этой цѣли развиваться?» — «Въ семействѣ». — «Каковы внѣшнія условія семьи и кто — существенные члены cadaго семейства?» — «Отецъ, мать, дѣти, также служащіе». — «Какими же свойствами должно обладать семейство, когда въ немъ и черезъ него человѣкъ долженъ быть развитъ и подготовленъ къ высшей и конечной цѣли жазни, когда человѣкъ въ немъ и черезъ него долженъ достигъ высшей и конечной цѣли жизни?» — «Они должны сознать эту послѣднюю цѣль и средства, ведущія къ ея достиженію, выяснитъ себѣ путь и средства, ведущія къ достиженію ея, и для этого поддерживать другъ друга своими силами, способностями, разумніемъ и средствами, согласно съ требованіями и цѣлями этого высшаго назначенія и руководствуясь исключительно имъ однимъ» и т. д. — «Если бы даже отдѣльное семейство

удовлетворяло всё этимъ требованіямъ, то было ли бы оно въ состояніи въ силу этого само но себя достигнуть высшей и конечной цѣли человѣческихъ стремленій?» — «Нѣтъ». — «Почему нѣтъ?» — «Потому что отдѣльное семейство никоимъ образомъ не можетъ соединить въ себя всѣ силы, способности, средства къ этому». — «Какъ же, значитъ, легче и вѣрнѣе можетъ быть достигнута конечная цѣль человѣка и людей?» — «Если объединится для этой конечной цѣли нѣкоторое количество семей, которыя сознали конечную цѣль человѣческой жизни и стремленій, выяснили себя средства для ея достиженія и взаимно поддерживаютъ другъ друга своими силами, знаніями и средствами». «Только родъ человѣческій, какъ нѣчто цѣлое, единое, можетъ достигъ высшей и конечной цѣли всѣхъ человѣческихъ стремленій: выраженія чистаго человѣчества».

Такимъ образомъ кружными, извилистыми путями ученикъ вернулся опять къ родному дому и домашнему очагу, отъ которыхъ онъ съ самаго начала исходилъ при разсмотрѣніи внѣшняго міра природы, вернулся онъ къ центру всѣхъ человѣческихъ занятій и стремленій, но уже съ другими глазами и чувствами, хотя предметы внѣшняго міра и указывались и созерцались по большей части лишь внѣшнимъ образомъ; онъ нашель человѣка въ его различныхъ отношеніяхъ къ предметамъ внѣшняго міра. онъ нашель самого себя. Этотъ предметъ преподаванія, какъ первый, потому именно такъ подробно и излагался, и приблизительно, проводился такъ, чтобы показать, какъ всякое преподаваніе должно исходить отъ человѣка, отъ ученика, его ближайшей обстановки, не должно въ дальнѣйшемъ терять связи съ человѣкомъ и привести, вернуться къ нему.

Что въ концѣ намѣченные отвѣты не могутъ, да и не должны даваться въ данной полнотѣ и данной связности учениками, даже подвинувшимися впередъ по возрасту въ теченіе преподаванія, нечего и говорить человѣку, мало мальски мыслящему; но мысли, которыя они содержатъ въ себѣ, должны быть развиты у ученика, и, конечно, послѣдній

достаточно развитъ для того, чтобы воспринять ихъ въ себя въ своей еще зависимой ступени сужденія.

Точно такъ же нѣтъ необходимости говорить мыслящимъ людямъ, что такъ какъ преподаваніе должно всецѣло примыкать къ сферѣ, окружающей мальчика и ученика, то вслѣдствіе этого при спеціальномъ примѣненіи все, выходящее изъ жизненной сферы ученика и мальчика, исключается. Имѣлось лишь въ виду намѣтить, какъ это наблюденіе внѣшняго міра и природы, по заключающемуся въ немъ самомъ закону и ходу ученія, охватываетъ въ единствѣ и нераздѣльности все, что даютъ природа и внѣшній міръ наблюдающему. Одинаковыя отношенія могутъ быть найдены, на примѣръ, для торговли или высшей духовной дѣятельности людей, для всѣхъ намѣченныхъ положеній и занятій людей, и чѣмъ рѣже и чѣмъ менѣе ясно они будутъ выступать, тѣмъ необходимѣе ихъ воспринять и удержать, чтобы присоединить къ нимъ высшіе и болѣе отдаленные выводы. Вѣдь кто не понимаетъ, что все дѣлается по-неволѣ предметомъ наблюденія и обсуждения, при все распространяющемся, по крайней мѣрѣ, внѣшнемъ образованіи даже живущаго въ совершенномъ уединеніи обитателя деревни или равнины, такъ какъ не только знакомство, но и проникновеніе и полное усвоеніе соотношеній высшей жизни и природы все больше и больше дѣлаются тѣмъ, чѣмъ онъ должны сдѣлаться: задачей для разрѣшенія всему человѣчеству?

Точно такъ же казалось излишнимъ мыслящимъ людямъ — а только мыслящіе и должны учить и преподавать, — указывать точки отправленія и развѣтвленія для каждаго учебнаго предмета, такъ, на примѣръ, для такъ называемаго ученія о природѣ (физики) при явленіяхъ природы, при бросающемся въ глаза проявленіи внутреннихъ дѣйствующихъ силъ; для химіи также — при извѣстныхъ природныхъ явленіяхъ превращенія веществъ или вслѣдствіе воздѣйствія общихъ дѣйствій природы: свѣта, тепла, такъ, на примѣръ, при окрашиваніи, крѣпкомъ запахѣ нѣкоторыхъ листьевъ осенью, гніеніи и т. п., или вслѣдствіе воздѣйствія веществъ на вещества. Такъ, на примѣръ, точка отправленія и зрѣнія для ознакомленія съ

промышленностью (технологией) при рассмотрении человеческих промыслов и т. д. Вообще хорошо, если учащий все это находить в себе; знакомство является более живым и преподавание выигрывает в истинном интересе. Да и почему бы каждому мыслящему человеку не найти в себе правильного пути, если только он твердо и послушно дает духу своему вести себя, чуждый мудрствования, страсти к сомнению и сомнению, так как во всех людях и во всех существах действует ведь только один данный им всем божественный дух? Таким образом и давно и много учивший, даже уча и снова уча простейшему, будет учиться уча; так, по крайней мере, дело обстоит с пишущим это всегда до сих пор. Да иначе откуда бы взяли силы и мужество учителю, теряющему его, к сожалению, слишком часто вследствие встречающихся на пути его препятствий, созданных произвольно недалекостью и предубеждениями? Поэтому сейчас же возразим на возражение относительно ученика: каким образом мальчик, в особенности в имющемся здесь в виду возрасте от 6 до 8 лет и немного старше, может иметь приведенные здесь познания в отдельных вопросах? Ведь и взрослый-то ими едва ли обладает. Ему и не нужно обладать ими; они должны у него явиться постепенно во время хода учения и они явятся; вернувшееся к точке отправления исследование этого с внешней стороны созданного своими учениками хода учения — доказало это. Кроме того, в мальчике вызывается такая наблюдательность по отношению к предметам природы и внешнего мира, что едва ли что-либо важное ускользнет от его внимания, и он впоследствии несомненно явит доказательство тому, на что обратил его внимание прежний урок. Так человек рано научается тому, что требует от него его назначение: обращать внимание и думать. Кроме того, мальчик, человек знает больше, чем он сознает.

Можно бы еще возразить, что такое преподавание вывело мальчика слишком рано из его естественно ограниченных предель, что разнообразие знаний, воспринимаемых им, может вызвать в нем сомнение. Разнообразие знаний в

необходимой, живой связи никогда не порождает сомнения, потому что оно побуждает человека к размышлению и показывает ему, что в общем он еще мало знает; первое делает человека человеком, второе дает ему его лучшее украшение: скромность.

Но разве вообще можно ответить на все те возражения и все те «но», которые делались и будут сделаны? Поэтому мы предоставляем обсуждению каждого объем, сущность и действие этого учебного предмета, этого хода учения; много, очень много можно было бы еще сказать о его важности; правильно понятый и воспринятый он может применяться и исполняться в самой низшей школе, и он оправдывает себя. Дело в том, что он рано переносит человека простым, живым способом в центр и ставит во внутреннюю связь со всем тем, что представляется внешним образом, даже запрашивается на изучение человека, и таким образом ведет его к размышлению, к познанию, проникновению в сущность, конечную причину, цель и назначение всех вещей; это и соответствующее целому употреблению и применению являются и конечной целью всякого преподавания, как бы разнообразны имена оно ни носило.

5. Усвоение небольших поэтических произведений, посвященных природе и жизни, для пения и песни.

Природа и жизнь в своих явлениях рано, очень рано обращается к человеку; но речь ее тиха, так тиха, что еще неразвитый ум мальчика, еще непривычное ухо человека на этой ступени развития с трудом воспринимают речь и звуки жизни и природы; правда, мальчик воспринимает их и чувствует, но еще не умеет их себе объяснить, перенести на свой язык, выразить на своем языке; и все-таки, как только человек начинает чувствовать и сознавать, что его я нечто отдельное от внешнего мира, в человеке просыпаются жажда понимать жизнь, язык внешнего мира, и предчувствие, что он когда-нибудь да воспримет в себя эту жизнь, которая повсюду сталкивается с ним извне, и делает ее своею.

Время года и дня приходит и уходит. Весна съ своимъ цвѣтомъ и ростомъ уже въ дѣтскомъ возрастѣ наполняетъ человѣка удовольствіемъ и жизнью, и кровь его течетъ быстрѣе и громче бьется сердце; осень со своими падающими цвѣтными и пестрыми листьями и ихъ крѣпкимъ запахомъ наполняетъ мальчика ожиданіемъ и предчувствіемъ; неподвижная, но ясная, прочная и постоянная зима вызываетъ чувство мужества и силы и это чувство мужества и силы, выдержка и самоотречение дѣлаетъ сердце мальчика, чувства мальчика свободными и веселыми; поэтому онъ едва ли съ такою радостью и восторгомъ встрѣчаетъ первые весенніе цвѣты и первыхъ весеннихъ птичекъ, какъ первые хлопья снѣга, которые обѣщаютъ ему мужеству и силѣ равной и быстро одолимый путь къ далекой цѣли. Все это предчувствія будущей, тихой еще, погруженной въ дремоту внутренней жизни; все это правильно понятое и оцѣненное — ангелы, ведущіе человѣка въ жизнь и въ жизни, поэтому все это не должно быть потеряно для человѣка, не должно расплыться въ дымъ и туманъ. И что есть въ нашей жизни, если дѣтство и юность наша были пусты и бѣдны, пусты и бѣдны свѣжими, живыми образами и возвышающими жизнь, чающими и надѣющимися, предчувствующими и вѣрящими чувствами и впечатлѣніями, пусты и бѣдны и чувствомъ и сознаниемъ своего лучшаго я? — Признаемся только: развѣ наше дѣтство и юность, въ особенности время, когда мы были мальчиками, не является неисчерпаемымъ источникомъ, изъ котораго мы въ дальнѣйшей жизни и для нея черпаемъ силу, мужество и выносливость? — Развѣ: «Небеса поютъ славу Божію» и «Благо тому, кто боится Господа» и т. д. при всѣхъ отклоненіяхъ не является основною мыслью въ жизни пѣвца Божія и въ природѣ? — И если это и не выражается въ ранней жизни человѣка словами, то все-таки позднѣйшая его жизнь доказываетъ, что уже въ ранней молодости это дѣйствовало въ немъ, жило и его побуждало; а развѣ первое не вытекало изъ наблюденія природы, а второе — жизни? — Не было ли также основною мыслью въ жизни Спасителя міра: посмотрите на лиліи въ полѣ и на птицъ; Богъ сохраняетъ ихъ; неужели Онъ тѣмъ

болѣе не сохранить людей, своихъ дѣтей, во всѣхъ случайностяхъ жизни? А также: Я долженъ быть въ томъ, что принадлежитъ моему Отцу? — Не основано ли то и другое на разумномъ воспріятіи природы и жизни?

Но не только природа и жизнь обращаетъ рѣчь свою къ человѣку, человѣкъ и самъ желалъ бы охотно высказать предчувствія и впечатлѣнія, которыя проснулись въ немъ, но для которыхъ онъ еще не можемъ найти словъ, а эти-то слова и должны быть ему даны по мѣрѣ развитія его внутреннего міра, его внутреннихъ чувствъ.

Но и отношеніе человѣка къ человѣку вовсе не такое внѣшнее, какъ мнѣть те нѣисоторые, и вовсе не такъ удобно-объяснимо во всей своей внутренней близости, какъ думаютъ другіе; оно, конечно, полно глубокаго смысла и большаго значенія, но едва уловимые проблески его должны развиваться въ мальчикѣ, но больше посредственно, какъ бы въ зеркалѣ, чѣмъ непосредственно, путемъ разглагольствованій и требованій; непосредственное требованіе связываем, задерживаетъ, умерщвляетъ; оно дрессируетъ ребенка и дѣлаетъ его маріонеткой; посредственно затрагивающее мальчика, напримѣръ, въ образѣ пѣсенки, безъ морализирующего, практическаго примѣненія, даетъ чувствамъ и волѣ мальчика внутреннюю свободу, столь необходимую для его развитія и укрѣпленія; только при этомъ — это во всякомъ случаѣ первое и необходимое требованіе — внѣшняя и внутренняя жизнь мальчика должна съ этимъ согласоваться. И чѣмъ рѣже и менѣе замѣтно это встрѣчается въ жизни, тѣмъ больше объ этомъ, гдѣ только возможно, надо заботиться; и даже преподаваніе, которое въ другихъ случаяхъ едва соприкасается съ жизнью, школа, отдѣленная въ другихъ случаяхъ отъ жизни, должны объ этомъ заботиться.

Войдемте въ классную комнату, гдѣ какъ разъ начинается преподаваніе въ этомъ смыслѣ и духѣ.

Около двѣнадцати живыхъ мальчугановъ отъ шести до девяти лѣтъ собралось и знаютъ, что ихъ ожидаетъ сегодня удовольствіе спѣть что-нибудь подъ руководствомъ своего учителя.

Собравшіеся мальчики въ извѣстномъ порядкѣ ожидаютъ начала занятій, урока, какъ они это называютъ.

Учителя случайно послѣ обѣда не было дома; дѣло происходитъ вечеромъ. Онъ входитъ къ нимъ и нѣсколько разъ поетъ имъ: добрый вечеръ. Это спѣтое имъ: «добрый вечеръ» такъ неожиданно близко связано съ ихъ внутренней жизнью, что вызываетъ въ нихъ удовольствіе, радость и смѣхъ.

Затѣмъ учитель говоритъ: «Что же мнѣ въ отвѣтъ не будетъ привѣтствія?» и еще разъ поетъ имъ: добрый вечеръ.

Большинство отвѣчаютъ ему, просто говоря: добрый вечеръ; нѣкоторые: спасибо; немногіе, приближаясь къ пѣнію, говорятъ: добрый вечеръ!

Къ послѣднимъ тогда обращается преподаватель и говорить: «Спойте-ка мнѣ тоже добрый вечеръ». Тихо поетъ одинъ, другой, третій. Другіе, къ которымъ обращается учитель, поютъ совершенно такъ же или очень похоже на учителя: «добрый вечеръ!» Учитель продолжаетъ: «Первый спѣлъ мнѣ такъ: «добрый вечеръ», спойте всѣ вмѣстѣ»; — они поютъ.

«Второй такъ мнѣ спѣлъ «добрый вечеръ!» Спойте мнѣ всѣ вмѣстѣ и это». Они опять поютъ. Затѣмъ учитель, какъ бы рассказывая, продолжаетъ пѣсенкою. «Правде ли это?» спрашиваетъ учитель... «Ну такъ споемте это вмѣстѣ». Учитель и ученики повторяютъ первый стихъ вмѣстѣ. Затѣмъ учитель, рассказывая, продолжаетъ. «Правда ли это?» «Ну такъ споемте и это вмѣстѣ». Потомъ они поютъ всѣ пѣсенку вмѣстѣ.

Теперь поетъ тотъ одинъ, который истину сказаннаго больше всего чувствуетъ и съ своей стороны можетъ выразить.

Держась вызванныхъ временемъ года впечатлѣній и выражая ихъ посредствомъ описанія явленій природы, преподаваніе продолжается посредствомъ пѣсенъ простыхъ и съ раздѣленіемъ на два хора.

Ухо и голосъ должны въ одно и то же время развиваться отъ такого преподаванія; впечатлѣніе, выраженное словомъ

и звукомъ, должно сдѣлаться яснымъ. Вишнія обстоятельства сегодня тѣ же, что и вчера; поэтому и сегодня ученіе начинается и продолжается, какъ вчера. Когда одно и то же будетъ спѣто нѣсколько разъ, одинъ изъ мальчиковъ живо заявитъ: «А что, не услышимъ ли мы тоже скоро пѣсенки о ясномъ солнышкѣ?» — Этотъ вопросъ, конечно, выражаетъ также тайное желаніе мальчика, чтобы послѣ давно ужъ продолжающагося дождя, тумана и вѣтра наступила опять хорошая и ясная погода; учитель отзывается на это чувство ученика и затягиваетъ пѣсенку — призывъ къ красному солнышку, и дѣти весело повторяютъ ее и поютъ ее вмѣстѣ. Это начало ученія приведено здѣсь потому, что оно отнюдь не благопріятно. Холодные, непривѣтливые осенніе дни, дождливый вечеръ — ничто не вызываетъ къ проявленію внутренней жизни. Утро, весна, прогулка въ весеннее время, отдыхъ на откосѣ и т. п. были бы болѣе подходящими для возбужденія внутренней жизни; но зато тѣмъ веселѣе встрѣтятся мальчики, томящіеся въ ожиданіи, первый ясный день, который покажетъ имъ равнину подъ мягкимъ снѣжнымъ покровомъ и первый, ясный, привѣтливый, звѣздный и лунный вечеръ и съ тѣмъ большимъ оживленіемъ и чувствомъ они споютъ при приближеніи весны пѣсенку соотвѣтствующаго содержания. Есть достаточное количество собранныхъ пѣсенъ и пѣсенокъ и небольшихъ поэтическихъ произведеній, изъ которыхъ можетъ почерпать свой матеріалъ учитель, живущій, исполненный и проникнутый своимъ предметомъ; собранія эти достаточно извѣстны и сдѣлаются еще болѣе извѣстными тому, кто ищетъ ихъ знакомства; если ихъ изложеніе и содержаніе слишкомъ просто и кратко, особенно для отдѣльныхъ чувствъ и впечатлѣній, то мало-мальски внимательный и мыслящій учитель легко выразитъ въ живыхъ и образныхъ словахъ минутныя впечатлѣнія и чувства мальчиковъ, какъ и впечатлѣнія природы.

Немало есть пѣсенокъ, содержаніемъ захватывающихъ собственную жизнь дитяти и мальчика или отдѣльную жизнь одного или нѣсколькихъ, животный міръ въ болѣе общихъ и высшихъ его проявленіяхъ, въ особенности отношенія че-

ловѣка къ чловѣку, внутреннюю жизнь дитяти или мальчика. Но не слѣдуетъ забывать при этомъ преподаваніи, если его, такъ какъ оно является изображеніемъ собственной жизни ребенка, желательно называть преподаваніемъ, что оно — это преподаваніе — должно исходить отъ собственной жизни ученика и изъ него, какъ бутонъ, какъ ростокъ. Впечатлѣніе, внутренняя жизнь непремѣнно должны предшествовать, быть прежде, чѣмъ можно дать мальчику слова и звукъ, и это обстоятельство является характерною особенностью этого преподаванія, отличающаго его отъ того, при которомъ дѣти и мальчики только извнѣ (внѣшнимъ образомъ) заучиваютъ маленькія стихотворенія и пѣсенки, не вызывающія поэтому жизни, не воспринимающія и не изображающія поэтому жизни.

Вообще и здѣсь имѣетъ силу все раньше сказанное объ условіи религиозныхъ изреченій, въ особенности сказанное вначалѣ.

6. Упражненія въ рѣчи, исходящія отъ наблюденія природы и внѣшняго міра.

Наблюденіе природы и внѣшняго міра имѣетъ въ виду предметы, вещи и явленія, просто какъ таковыя, по ихъ общему впечатлѣнію и по ихъ совершенно общимъ, особенно мѣстнымъ отношеніямъ; наблюденіе надъ языкомъ, какъ средствомъ выраженія, при этомъ играетъ подчиненную роль, потому что чловѣкъ разсматриваетъ предметы для себя лично и воспринимаетъ въ себѣ ихъ сущность, не говоря, но при преподаваніи языкъ долженъ явиться вспомогательнымъ средствомъ, чтобы явить доказательство, насколько возможно, что ученикъ дѣйствительно наблюдалъ предметъ, разсматривалъ и воспринялъ. Упражненія въ рѣчи, правда, тоже исходятъ отъ самихъ предметовъ, но воспринимаютъ эти предметы по ихъ внѣшнимъ признакамъ и по зависящимъ отъ этого впечатлѣніямъ на чловѣка, на чувства чловѣка, и имѣютъ главнымъ образомъ въ виду обусловленное въ чловѣкѣ и требуемое имъ обозначеніе посредствомъ рѣчи.

Наблюденіе надъ природою и внѣшнимъ міромъ имѣетъ дѣло съ самыми предметами, упражненія же въ рѣчи, преимущественно съ изображеніями предметовъ въ ихъ отдѣльныхъ проявленіяхъ и впечатлѣніяхъ путемъ слышимаго матеріала языка и особенно имѣетъ дѣло съ усвоеніемъ и упражненіемъ въ рѣчи, какъ средствомъ изображенія и представленія, но въ нѣкоторой связи съ самимъ предметомъ. Созерцаніе природы и внѣшняго міра ставитъ вопросъ: что это? упражненіе въ рѣчи: — какъ обозначаетъ рѣчь то, что есть? Какъ созерцаніе природы и внѣшняго міра разсматриваетъ только предметъ самъ по себѣ, такъ упражненіе въ рѣчи разсматриваетъ его дѣйствіе на чловѣка и на чувства чловѣка, и какъ мы правильно и соотвѣтственно обозначаемъ эти впечатлѣнія, эти воспріятія въ рѣчи; этимъ самымъ тотчасъ обусловливается третье наблюденіе: наблюденіе языка самого по себѣ, безъ всякаго отношенія къ обозначаемому предмету, просто какъ созданія чловѣка и употребленія его органовъ рѣчи. Эти упражненія суть упражненія въ произношеніи (въ разговорѣ), которыя опять-таки, значить, непосредственно примыкаютъ и исходятъ отъ упражненій въ языкѣ.

Всесторонняя подготовка къ основательному знанію языка и владѣнію рѣчью требуетъ, слѣдовательно, прежде всего троякаго: во-первыхъ, наблюденія вещественныхъ предметовъ языка, наблюденія внѣшняго міра; затѣмъ, наблюденія языка и предметовъ вмѣстѣ, переходя отъ внѣшняго міра къ внутреннему: упражненія въ языкѣ; наконецъ, разсмотрѣнія языка одного безъ отношенія къ предметамъ, просто какъ вещества: упражненія въ произношеніи.

Ходъ наблюденія внѣшняго міра въ преподаваніи намѣченъ былъ выше.

Ходъ ученія при упражненіяхъ въ языкѣ слѣдующій: онъ исходитъ, какъ было выше сказано, отъ чувственнаго наблюденія внѣшняго міра и поднимается къ внутреннему созерцанію. Учитель начинаетъ.

«Мы находимся въ комнатѣ, вокругъ насъ нѣсколько предметовъ, назови мнѣ нѣкоторые изъ окружающихъ насъ

предметов». «Зеркало, шкапъ, печка и т. д.». — «Могло ли бы еще больше быть предметовъ вокругъ насъ въ комнатѣ?» — «Да». — «Можно ли принести въ комнату столько предметовъ и вещей, сколько кому-нибудь заблагоразсудится и захочется?» — «Нѣтъ». — «Отчего нѣтъ?» — «Потому что тогда не хватило бы пространства и мѣста». — «Отчего въ комнатѣ не хватило бы пространства и мѣста для столькихъ вещей, сколько бы захотѣлось помѣстить?» — «Потому что каждая вещь занимаетъ свое мѣсто и пространство». — «Покажи и докажи мнѣ это чѣмъ-нибудь». — «Тамъ, гдѣ находится моя рука, не можетъ быть въ то же время и моя аспидная доска; или тамъ, гдѣ я нахожусь и пишу, не можетъ въ то же время быть мой сосѣдъ и я съ нимъ — въ одномъ и томъ же мѣстѣ сразу; или тамъ, гдѣ стоитъ печка, не можетъ стоять въ то же время шкапъ». «Что же, слѣдовательно, значить это? каждая вещь занимаетъ свое мѣсто и пространство?» — «На мѣсто, гдѣ она находится, на ея, вещи, мѣстѣ, ничто другое не можетъ быть, дѣйствовать, проявляться» — «Какъ, какимъ образомъ ты воспринимаешь дѣятельность и проявление вещей, предметовъ въ ихъ пространствахъ?» — «Посредствомъ рукъ, глазъ, ушей и т. д.» — (Мы собственно воспринимаемъ вещи и предметы внѣ насъ только такимъ путемъ, что мы воспринимаемъ сущность вещей внѣ насъ, какъ бы въ насъ, дѣлаемъ ее чѣмъ-то внутреннимъ, т. е. воспринимаемъ въ насъ и чувствуемъ.) Поэтому мы называемъ орудія, посредствомъ которыхъ это дѣлается: глаза, уши, руки и т. д. и дѣятельность слуха, зрѣнія и т. д. — чувствами. — «Мы воспринимаемъ значить и узнаемъ предметы внѣ насъ при помощи чувствъ». — Вопросъ: «Посредствомъ чего воспринимаемъ мы и узнаемъ» и т. д. — «Назовите мнѣ чувства, при помощи которыхъ мы узнаемъ, что предметъ дѣйствуетъ и дѣлаетъ». — «Про всякій ли предметъ можно сказать, что онъ дѣйствуетъ и дѣлаетъ?» — «Да». — «Нѣтъ» — «Отчего да?» — «Отчего нѣтъ?» — «Скажите мнѣ о каждомъ изъ окружающихъ васъ предметовъ что-нибудь, что онъ дѣлаетъ, чѣмъ онъ дѣлается замѣтнымъ для васъ?» — «Чернильница стоитъ, перо лежитъ, зеркало виситъ, платье лежитъ, палка при-

слоняется, солнце свѣтитъ, ученикъ сидитъ, канарейка поетъ, часы идутъ, мальчикъ говоритъ, перочинный ножъ рѣжетъ, циркуль колетъ, сапогъ жметъ». — «Одинаковымъ ли образомъ и одними и тѣми же ли чувствами воспринимаются всѣ эти предметы?» — «Нѣтъ, нѣкоторые я вижу, нѣкоторые я чувствую и т. д.» — «Сдѣдовательно, нѣкоторые изъ этихъ предметовъ бы воспринимаемъ въ ихъ дѣйствіи и проявленіи преимущественно посредствомъ зрѣнія, нѣкоторыя преимущественно посредствомъ чувства, въ особенности осязанія». — «Могу ли я только чувствовать и осязать дѣйствія и проявленіе нѣкоторыхъ вещей, не видя ихъ?» — «Да». — «Назови мнѣ предметы и ихъ дѣятельность, которыя могутъ преимущественно восприниматься посредствомъ чувства осязанія, при чемъ они не познаются вслѣдствіе какой-либо другой дѣятельности». — «Чернильница стоитъ, аспидная доска лежитъ, палка прислоняется, одежда лежитъ». — «Могу ли я эти предметы въ ихъ дѣятельности воспринять еще посредствомъ другого чувства, чѣмъ осязанія?» — «Да, путемъ зрѣнія, посредствомъ глазъ». — «Разыщите между знакомыми вамъ предметами тѣ, которые дѣйствительно стоятъ». — «Домъ стоитъ, шесть стоитъ, шкапъ стоитъ и т. д.» — Сначала вмѣстѣ разбирается, какъ было указано, затѣмъ обобщая: домъ, шесть, шкапъ стоятъ; всѣ эти предметы стоятъ. «Найдите предметы, о которыхъ говорятъ, что они стоятъ». — «Вода стоитъ, солнце стоитъ, мельница стоитъ, стрѣлка стоитъ, и т. д.» — «Назовите среди извѣстныхъ вамъ предметовъ тѣ, которые лежатъ, прислоняются, висятъ, торчатъ, сидятъ и т. д.» — «Назовите мнѣ предметы, о которыхъ говорятъ, что они лежатъ, прислоняются, висятъ, торчатъ, сидятъ и т. д.» — «Имѣютъ ли только-что перечисленныя дѣятельности и проявленія предметовъ нѣчто общее, объединяющее?» — «Что они представляютъ общаго?» — «Внутреннюю дѣятельность безъ внѣшняго движенія или при внѣшнемъ спокойствіи». — «Можете ли вы въ васъ самихъ или вообще въ человѣкѣ замѣтить внутреннюю дѣятельность при внѣшнемъ спокойствіи или безъ внѣшняго движенія?» — «Да! человѣкъ отдыхаетъ, человѣкъ спитъ, че-

ловѣкъ бодрствуетъ, онъ мечтаетъ, — мыслить, думаетъ, чувствуетъ и т. д.». — «Назовите предметы, которые дѣйствительно покоятся, спятъ, бодрствуютъ и т. д.».

Предметы съ внѣшнимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ развивающимся движеніемъ, на примѣръ, идти, бѣжать, нестись, течь, летѣть, спать, танцовать, прыгать, скакать, плавать, ѣздить верхомъ, катиться, ѣхать, скользить, падать, опускаться и т. д.

Предметы съ внѣшнимъ видимымъ движеніемъ безъ развитія: волноваться, кипѣть, дышать, вертѣться, цвѣсти, зрѣть.

Затѣмъ, предметы съ внѣшнимъ, развивающимся движеніемъ, на примѣръ, тянуть, ѣхать, поднимать, носить, толкать.

Предметы съ раздѣляющей дѣятельностью, на примѣръ, рѣзать, колоть, буравить, ломать, стругать, пилить, рвать, разсѣкать и т. п.

Предметы съ соединяющей дѣятельностью, на примѣръ, плести, связывать, вязать, шить, штопать, ткать и т. д.

Предметы съ образующей дѣятельностью, на примѣръ, лѣпить, писать (картины), рисовать, писать, работать въ кузницѣ и т. д.

Предметы съ видимой только дѣятельностью, на примѣръ, блистать, виднѣться, мерцать, свѣтиться, темнѣть и т. д.

Предметы съ ощущаемой только дѣятельностью, на примѣръ, грѣть, холодить, причинять боль, радовать и т. д.

Предметы съ слышимой дѣятельностью, на примѣръ, пѣть, свистать, играть на флейтѣ, говорить, смѣяться, восторгаться, плакать, ревѣть, визжать, охать, стонать, хрипѣть, звенѣть, шуршать, скрипѣть, трещать и т. д.

Общія природныя проявленія: гремѣть, мерзнуть и т. д.

Предметы съ внутреннею преимущественно, духовною дѣятельностью: любить, ненавидѣть, хвалить.

Предметы съ возвратною дѣятельностью, на примѣръ, рѣзаться, мыться, чесаться, одѣваться, радоваться, опасаться, бояться, остерегаться и т. д.

«Какія изъ упомянутыхъ дѣятельностей преимущественно, какія исключительно свойственны человѣку?».

«Какую особенность представляютъ всѣ тѣ дѣятельности, которыя преимущественно и которыя исключительно свойственны человѣку?» — «Чернильница стоитъ, зеркало виситъ, перо лежитъ: какимъ образомъ узнаются и узнавались раньше разсмотрѣнные предметы, какъ существующіе въ пространствѣ?» — «Посредствомъ ихъ дѣятельности, ихъ проявленія». — «Передъ тобой стоитъ чернильница, замѣтна ли она тебѣ еще по какому-либо воздѣйствию на твои чувства, кромѣ проявленія какой-либо дѣятельности, кромѣ какого-нибудь рода проявленія?» — «Да, она круглая, она оловянная». — «Передъ тобою лежитъ перо; замѣтно ли оно путемъ другого воздѣянія на тебя, кромѣ проявленія его дѣятельности?» — «Да, оно длинно, оно черно». — «Укажите предметы, которые замѣтны для васъ вслѣдствіе сходныхъ впечатлѣній, какъ чернильница и перо, и определите вмѣстѣ съ тѣмъ впечатлѣнія». — «Карандашъ длиненъ, грифель коротокъ, стулъ коричневый, печка велика, горшочекъ малъ, аспидная доска толста, линейка деревянная, столъ кругль». — «Столъ кругль, укажите мнѣ еще предметы, которые круглы» — «Чернильница круглая, карандашъ кругль, кругъ кругль, шаръ кругль, дискъ кругль, дерево кругло». —

(Пройти надо двоякимъ образомъ, отдѣльно и обобщая, какъ всегда).

«Укажите предметы, о которыхъ говорятъ, что они круглы». —

«Круглый счетъ, круглый невѣжда» и т. д. Являются ли карандашъ, кругъ, шаръ всѣ круглыми одинаковымъ образомъ?

«Найдите предметы кругообразные: что значитъ шарообразный, цилиндрообразный, яйцевидный? что значитъ продолговато-круглый, продолговато-прямой, треугольный, четырехугольный, многоугольный, полый, остроконечный, красивый, безобразный?»

«Какимъ общимъ названіемъ можно назвать всѣ упомянутыя выше впечатлѣнія отъ предметов?».

«Впечатлѣнія формы и фигуры».

Также: широкій, узкій, толстый, тонкій, длинный, корот-

кій, високий, низкий; маленькій, большой и т. д. — впечатлѣнія величины. —

Точно такъ же: одиночный, двойной, тройной, какъ впечатлѣнія числа.

Далѣе: ровный, гладкій, шероховатый; бугроватый, горбатый, чешуйчатый, зернистый, песчаный, щепистый — впечатлѣнія поверхности.

Точно такъ же: деревянный, каменный, серебряный, конопляный, льняной, золотой — впечатлѣнія вещества.

Дальше; твердый, мягкій, хрупкій; крѣпкій, текучій, воздушный, землистый; протяжный и т. д. — впечатлѣнія состоянія, связи.

Дальше: красный, зеленый, желтый, синий, фиолетовый, красновато-желтый, цвѣтной, пестрый, бѣлый, черный, сѣрый, пѣгій, блестящій, сверкающій и т. д. — впечатлѣнія свѣта и цвѣта.

Также: гнилой, вонючій, заплѣснѣвшій, ароматичный — впечатлѣнія испаренія и т. д., и т. д.

Такъ: красивый, некрасивый, приличный, скромный, веселый, хмурый, радостный; терпимый, бережливый, внимательный; переимчивый, разговорчивый, терпѣливый; сердечный, ребяческій, любезный; шутливый, радушный, игривый: и т. д. — впечатлѣнія поведенія, настроенія и расположенія.

Уже наблюдение надъ внѣшнимъ міромъ опредѣленно указало точки отправленія, нуждающіяся въ развитіи, для того, чтобы могло потомъ вступить въ свои права учение о природѣ, физика и химія, какъ самостоятельные предметы ученія; упражненіе въ языкѣ, исходящее отъ разсмотрѣнія внѣшняго міра, особенно природы при изученіи и воспоминаніи дѣятельностей и проявленія, выраженій и впечатлѣній предметовъ и правильнаго и охватывающаго обозначенія ихъ посредствомъ языка, чѣмъ опредѣленнѣе и несомнѣннѣе возвращается къ нимъ, чѣмъ полнѣе было разработано и соотвѣтственно выражено въ языкѣ отысканіе и усвоеніе условій и причинъ тѣхъ вытекающихъ изъ воздѣйствія силъ и веществъ предметовъ и относящихся къ сущности ихъ дѣятельностей и

впечатлѣніи. Физическая и химическая сторона наблюденія надъ природой, столь важная для каждаго человѣка, впоследствии вызываетъ въ ученикѣ тѣмъ большее и тѣмъ болѣе горячее сочувствіе и коренится въ немъ тѣмъ глубже, чѣмъ болѣе исчерпывающимъ было это преподаваніе.

Такъ какъ въ обычной жизни слишкомъ мало обращаютъ вниманія и развиваютъ эти стороны наблюденія надъ природою и языкомъ, то надо обратить на нихъ особое вниманіе при преподаваніи, какъ на подготовку для изученія природы, химіи и физики. Въ противномъ случаѣ будущее преподаваніе въ этихъ областяхъ человѣческихъ знаній будетъ висѣть на воздухѣ, по крайней мѣрѣ, явится на древѣ человѣческаго знанія не живымъ выросшимъ сучкомъ или вѣтвью, а въ лучшемъ случаѣ привитымъ, какъ это часто замѣчается въ отношеніяхъ къ человѣку многихъ предметовъ, особенно естествознанія и, какъ это многіе могли бы, если бы пожелали, подтвердить на себѣ, кому въ этомъ направленіи въ дѣтскомъ возрастѣ не изошряли зрѣнія и чувствъ и кто впоследствии все-таки занимался естественными науками. Этотъ предметъ преподаванія потому такъ детально здѣсь излагается, что все намѣченное сейчасъ очень важно и къ нему возвращается и на него указываетъ само дѣло по существу своему; поэтому такимъ путемъ человѣкъ, мальчикъ не только попадаетъ въ центръ окружающаго его внѣшняго міра, изучая предметы послѣдняго въ разнообразныхъ отношеніяхъ другъ къ другу къ людямъ и къ себѣ, и тѣмъ самымъ не только познаетъ въ дѣйствительности самого себя, но въ особенности устанавливаемъ соотвѣтствіе и согласіе между міромъ природнымъ и предметами и своимъ внутреннимъ и духовнымъ, словеснымъ образованіемъ и понятіями. Свѣдѣнія о числахъ, формахъ и величинахъ, въ цѣломъ своемъ свѣдѣнія о пространствѣ, тоже берутъ свое начало отъ этого предмета и точки отправленія для него ясно обозначены въ предыдущихъ разсужденіяхъ. Въдъ свѣдѣнія о числахъ, формахъ и величинахъ если онѣ впоследствии должны, какъ учение о числахъ, формахъ и величинахъ, какъ общее учение о пространствѣ, живо, дѣятельно и плодотворно вліять въ жизни, должны вернуться

къ тому же и исходить изъ созерцанія и изученія пространственныхъ явленій и условій окружающей дѣйствительности.

Продолжаемъ самый ходъ ученія.

«Вы раньше сказали: дерево листовое, кустъ колючій, стаканъ треснувшій, платокъ дырявый; можете ли вы, дѣти, иначе выразить мнѣ впечатлѣнія отъ дерева, куста, платка?» — «Дерево имѣетъ листья; кустъ имѣетъ колючки; стекло имѣетъ трещины». — «Отыщите еще предметы, гдѣ происходитъ подобное и одинъ какъ бы обладаетъ другимъ?». — «Человѣкъ имѣетъ руки, руки имѣютъ пальцы, пальцы имѣютъ суставы, кончики пальцевъ имѣютъ ногти, рыба имѣетъ чешую, гусь имѣетъ перья, ежикъ имѣетъ иглы, дерево имѣетъ листья». — «Отыщите все, что имѣетъ кожу, все, что имѣетъ чешую, все что имѣетъ перья, все, что имѣетъ иглы, листья, и т. д.» — «Дерево имѣетъ листья, книга имѣетъ листы, цвѣтокъ имѣетъ листья и т. д.» — Обратимся теперь къ разсмотрѣнью и усвоенію предметовъ въ пространственныхъ отношеніяхъ: дерево имѣетъ листья; гдѣ оно имѣетъ листья?». — «На сучьяхъ, на вѣтвяхъ». — «Цвѣты имѣютъ листья; гдѣ они имѣютъ листья?». — «У чашечки, на чашечкѣ, въ чашечкѣ». — «Найдите вещи, которыя находятся у другого». — Царапина у носа» и т. д. — «Найдите предметы, которые дѣйствуютъ, покоясь у другого». — «Доска виситъ у стѣны. Ученикъ сидитъ у стола, палка стоитъ у дверей».

Также разсматриваются и обозначаются предметы въ связи съ другими пространственными отношеніями и прежде всего въ спокойной дѣятельности, напримѣръ: книга стоитъ въ шкапу, ноты лежатъ на рояли, птица летитъ надъ домомъ, кошка стережетъ подъ столомъ, шаръ находится между стульями, ученикъ сидитъ около учителя, и т. д.

На все учениками отыскивается возможно большее число наблюденій.

Затѣмъ, отыскиваются предметы, которые связаны между собою пространственно-развивающеюся дѣятельностью, напримѣръ: мальчикъ смотритъ на доску, учитель приходитъ въ школу, птица летитъ на дерево, воробей ползетъ подъ кровлю, дѣвочка подходит къ матери и т. д.

Затѣмъ сравнивая: сюртукъ виситъ на стѣнѣ, сюртукъ повѣшенъ на стѣну, книга лежитъ въ шкапу, книгу кладутъ въ шкафъ.

Какъ до сихъ поръ предметы наблюдались и познавались въ опредѣленныхъ, пространственныхъ отношеніяхъ другъ къ другу, такъ теперь переходимъ къ наблюденію, восприниманію, обозначенію ихъ въ неопредѣленныхъ общихъ пространственныхъ отношеніяхъ: вверху, внизу, здѣсь, тамъ, внутри, внѣ, по сю сторону, по ту сторону, туда, сюда, наверху внизъ, и т. д.

Дальнѣйшее веденіе дѣла приходится здѣсь прервать, такъ какъ оно слишкомъ перешло бы рамки намѣченнаго здѣсь изложенія хода ученія; прибавимъ только, что этотъ ходъ ученія по заключающемуся въ немъ самомъ закону обнимаетъ всѣ выражаемыя языкомъ условія и отношенія, отъ простыхъ переходя къ болѣе сложнымъ и кончается объединяющимъ, описательнымъ, рассказывающимъ изложеніемъ дѣйствительныхъ явленій вѣшняго міра.

7. Упражненія, направленныя на пространственному представленію тѣл по правилу и закону, переходя отъ простаго къ сложному.

Человѣкъ развивается и образуется и готовится къ достиженію своего назначенія и призванія не только посредствомъ того, что онъ рано, уже мальчикомъ, получаетъ извнѣ и воспринимаетъ извнѣ въ себя, но, если ужъ взвѣшивать и измерять, то въ значительной мѣрѣ больше посредствомъ того, что онъ развиваетъ и представляетъ изъ себя, какъ на это указываютъ и слова: развитіе и образованіе. Кромѣ того, опытъ и исторія учатъ, что люди, больше всего послужившіе истинному благу людей, сдѣлали это больше тѣмъ, что они представляли собою, нежели тѣмъ, что они восприняли въ себя; вѣдь какъ всякій знаетъ, что мы, уча настоящимъ и правильнымъ образомъ, идемъ впередъ въ знаніи и пониманіи, такъ каждый знаетъ также, и природа даже учитъ этому cadaго, что употребленіе силы не

только будить силу, но и въ значительной степени развиваетъ и увеличиваетъ ее. Далѣе, какъ восприниманіе и схватываніе вещи въ жизни и самомъ дѣйствиі гораздо болѣе развиваетъ, образуетъ и укрѣпляетъ, чѣмъ простое восприниманіе и полученіе въ словѣ и понятіи, точно такъ же творчество на матеріалѣ и посредствомъ матеріала въ жизни, дѣйствиі и работѣ, связанное съ обдумываніемъ, мыслями и словомъ гораздо важнѣе для развитія и образованія человѣка, чѣмъ представленіе посредствомъ понятія и слова безъ творчества. Поэтому этотъ предметъ преподаванія съ необходимостью примыкаетъ къ только что разсмотрѣннымъ: изученію внѣшняго міра и языка. Жизнь и дѣятельность мальчика въ сущности цѣлью своею имѣетъ только представленіе своего я внѣ себя; да его жизнь-то собственно и заключается только въ представленіи внѣ себя своего внутренняго міра, своей силы въ собственности на матеріалѣ и посредствомъ матеріала (вещества). Въ созданномъ имъ онъ не видитъ внѣшнихъ созданій, желающихъ и долженствующихъ въ него проникнуть, а онъ видитъ въ нихъ свой духъ, законы и дѣятельность своего духа, которые въ немъ выражаются, хотя и должны выражаться. Поэтому назначеніе ученія и преподаванія: все большей больше развивать нѣчто изъ человѣка, чѣмъ вкладывать въ него, потому что то, что мы можемъ ввести въ чедовѣка, мы уже знаемъ, и оно уже является достояніемъ чедовѣчества, и потому что каждый въ силу того, что онъ чедовѣкъ, по необходимости, разовѣетъ и извлечетъ это изъ себя по законамъ чедовѣчества; но что еще выйдетъ изъ чедовѣчества, что еще хочеть и должно развить чедовѣчество — этого мы не знаемъ, это еще не является достояніемъ рода чедовѣческаго, а въ сущности-то существо чедовѣческое, какъ Божій Духъ, есть нѣчто развивающееся изъ себя вѣчно.

Хотя это и должно было бы быть для насъ вполне очевиднымъ изъ наблюденія жизни, своей и чужой, если бы только мы были искренни сами съ собою и отдавали себѣ ясный отчетъ при разсмотрѣніи и усвоеніи причинъ того что мы такое, темъ не менѣе мы и самые лучшіе изъ насъ

покрыты, какъ растенія у известковаго источника, такимъ слоемъ извнѣ воспринятыхъ предубѣжденій и мнѣній, что мы съ большимъ трудомъ и усиліемъ надъ собою только слушаемъ, да и то въ скромномъ размѣрѣ, болѣе разумное. Сознаемся, по крайней мѣрѣ, что мы, причисляющіе себя къ болѣе благоразумнымъ и желающимъ нашимъ дѣтямъ всего наилучшаго, — мы, когда говоримъ объ образованіи и развитіи нашихъ дѣтей, въ сущности ведемъ рѣчь о формированіи способностей и построеніи, что мы не должны бы даже говорить объ образованіи, связанномъ съ развитіемъ духовнаго начала въ чедовѣкѣ, его желаній и волѣ, но о чеканкѣ и формированіи, хотя мы и мнимъ высокоумно, что мы давно раздѣлались съ этимъ мертвящимъ возрѣніемъ. Поэтому истинный ужасъ должны испытывать тѣ, которымъ мы, не будучи сами по извѣстнымъ причинамъ въ состояніи того сдѣлать, передаемъ нашихъ дѣтей, нашихъ сыновей на воспитаніе. Что имъ дѣлать? Іисусъ, котораго мы по искреннему своему убѣжденію, которое совершенно связано съ нашимъ существомъ, признаемъ нашимъ высшимъ образцомъ, — говорить: «Пустите дѣтей приходить ко Мнѣ и не препятствуйте имъ; ибо таковыхъ есть царствіе Божіе». А не значить ли это: не мѣшайте имъ, потому что въ нихъ полнѣе всего проявляется данная имъ Небеснымъ Отцомъ жизнь, для нихъ возможно еще свободное развитіе этой жизни; развѣ мы не узнаемъ и въ этомъ, какъ во всѣхъ изреченіяхъ Іисуса, годось Бога? Кого же должны слушать воспитатели? Бога, или насъ людей? И если бы они могли это, кого они должны обманывать? Бога или людей? Бога они не могутъ обмануть, а людей не должны обманывать; поэтому они должны Богу больше повиноваться, чѣмъ намъ людямъ, и должны это высказать, что они только Богу желаютъ повиноваться больше, чѣмъ людямъ, и должны такъ поступать; поэтому пусть они лучше вовсе не воспитываютъ, чѣмъ худо воспитывать и портить; потому что Богъ далъ настоящимъ воспитателямъ ихъ дѣло, а не людямъ съ предубѣжденіями, такъ какъ благо чедовѣка и чедовѣчества покоится на всестороннемъ основанномъ на законахъ природы и разума

развитія чело́вѣка и духовныхъ силъ чело́вѣка, и всякій другой ходъ развитія рода чело́вѣческаго задерживаетъ развитіе чело́вѣчества.

Между тѣмъ какъ разъ въ этомъ отношеніи, въ отношеніи всесторонняго, развитія основаннаго на законахъ природы и разума и изображенія нашего въ какомъ-нибудь внѣшнемъ, видимомъ твореніи, посредствомъ внѣшней работы и творчества, наше домашнее и семейное воспитаніе грѣшитъ особенною безсвязностью и безсодержательностью и случайностью; поэтому въ него прежде всего и нужно внести извѣстную систему, т.е. на основаніи внѣшней природы и разума найти точку отправленія и продолженія въ этомъ направленіи.

Представленіе же духовнаго въ чело́вѣкѣ внѣ себя на матеріалѣ и посредствомъ матеріала должно начаться съ того, чтобы онъ одухотворилъ тѣлесно-пространственное, чтобы онъ тѣлесно-пространственному далъ жизнь и духовное отношеніе. Этотъ ходъ развитія вполне выражается въ ходѣ развитія самого рода чело́вѣческаго; но тѣлесно-пространственное, къ которому представленіе духовнаго въ чело́вѣкѣ должно примыкать, развивая и двигая впередъ, должно непремѣнно въ своемъ внѣшнемъ видѣ заключать и какъ бы настойчиво требовать законовъ и условій внутренняго развитія; таковымъ является прямоугольное, кубическое, бревенчатое, плитообразное. Образованія, обуславливаемые этимъ матеріаломъ, суть или внѣшнимъ образомъ скучивающія, строящія, или внутренне-развивающія, формирующія. Строющее, скучивающее и у ребенка, какъ и при развитіи рода чело́вѣческаго и у всего, имѣющаго опредѣленный видъ въ природѣ, является первымъ.

Важность перпендикулярнаго, горизонтальнаго и прямоугольнаго — это первое свѣдѣніе, которому опытъ научаетъ мальчика, внѣ себя представляющаго (выражающаго) тѣлесное построеніемъ; затѣмъ слѣдуютъ равновѣсное и симметричное; такъ восходятъ отъ простѣйшей стѣны безъ скрѣпы или со скрѣпою къ болѣе сложному и къ нахожденію каждой постройки, возможной къ зависимости отъ даннаго матеріала.

Сочетаніе, собственно говоря, складываніе другъ къ другу или другъ подлѣ друга плиточекъ въ пространствѣ, гораздо менѣе привлекаетъ мальчика, чѣмъ накладываніе одного на другое: ясное доказательство уже въ мальчикѣ проявляющагося, всесторонняго стремленія чело́вѣческаго духа, выражающагося въ своихъ дѣятельностяхъ. Линейное сочетаніе явилось, кажется, еще позднѣе. Такимъ образомъ ходъ развитія и образованія чело́вѣка отличается потребностью все больше сбросить съ себя тѣлесное, все больше его одухотворить: на мѣсто сочетаній настоящихъ линій и палочекъ является рисованіе; на мѣсто плоскаго — рисованіе красками, краска; на мѣсто тѣлесно скучивающаго — тѣлесно развивающее изъ кубическихъ основныхъ формъ: настоящее формированіе, твореніе и образованіе.

Несмотря на этотъ, легко бросающійся въ глаза, живо развивающійся, подвигающійся отъ внѣшняго тѣлеснаго къ внутреннему, духовному, установленный Богомъ и природой общій ходъ образованія чело́вѣка, мы все-таки можемъ спросить: какую пользу принесутъ эти упражненія моимъ дѣтямъ и сыновьямъ? А между тѣмъ мы не находились бы на томъ уровнѣ общаго образованія, на которомъ мы стоимъ, если бы ведущее насъ Провидѣніе не направило насъ именно по этому пути, или безъ нашего вѣдома, или же такъ, что мы сами шли по этому пути, несмотря на противоположный дѣйствія и стремленія людей. И чело́вѣкъ долженъ вѣдь, по крайней мѣрѣ, въ себѣ, повторить дѣла (творенія) чело́вѣчества, чтобы они не были для него массаами, не были бы пустыми и мертвыми, чтобы его сужденіе о нихъ не было внѣшнимъ, бессмысленнымъ, точно такъ же, какъ онъ долженъ пробѣжать въ себе пути чело́вѣчества, чтобы научиться понимать ихъ и себя; тѣмъ не менѣе при описанной здѣсь складывающейся дѣятельности мальчика, предназначенной духовнымъ міромъ и Богомъ для опредѣленной цѣли, мы можемъ сказать: этого чело́вѣку не нужно, этого моему сыну не нужно. Этого какъ разъ, можетъ быть, не нужно; можетъ быть, нѣтъ, можетъ быть, да, я этого не знаю; но зато я знаю, что онъ, сынъ вашъ, нуждается въ энергіи, дѣятельности, способности су-

ждения, выносливости, обдуманности и т. д. и нуждается несомненно; и всему этому онъ научается и выигрышь его еще гораздо больше, такъ какъ бездѣйствіе, скука, незнаніе, что дѣлать, въ лучшемъ случаѣ задумчивость — это самые страшные яды для дѣтей и мальчиковъ, а ихъ противоположность — универсальное средство для духовнаго и тѣлеснаго здоровья, домашняго и гражданскаго благосостоянія.

Ходъ преподаванія и здѣсь опредѣляется самъ собою, какъ собственно вездѣ, гдѣ найдена настоящая точка отправленія, гдѣ проникли въ предметъ преподаванія и усвоили его цѣль.

Матеріалъ для строительныхъ представленій (изображеній) заключается въ четырехъ ящикахъ кубической формы, которые отъ болѣе легкаго и простаго переходятъ къ болѣе трудному и сложному. Первый ящикъ содержитъ въ себѣ кубъ, посредникъ во всѣ стороны однажды раздѣленный параллельными линиями, именно на 8 меньшихъ кубиковъ, изъ которыхъ каждый на всѣхъ шести сторонахъ имѣетъ 25×25 миллиметровъ квадратнаго объема. Во второмъ ящикѣ тотъ же кубъ раздѣляется на восемь равныхъ продольныхъ плоскостей, такъ что каждая изъ этихъ плоскостей по кубическому объему равна кубу перваго ящика, полученному отъ дѣленія. Третьй ящикъ, какъ и четвертый, большаго размѣра, чѣмъ оба предыдущіе, раздѣляетъ кубъ по закону дѣленія на три на 27 кубиковъ, которые по величинѣ равны кубикамъ перваго ящика, полученнымъ отъ дѣленія. 21 изъ этихъ кубиковъ остаются цѣлыми, три діагональнымъ дѣленіемъ разсѣкаются на половины («большія крыши»), остальные 3 также на четверти («малыя крыши»). Четвертый ящикъ, наконецъ, содержитъ кубъ, раздѣленный дѣленіемъ на три на 27 плоскостей, изъ нихъ 6 поперечнымъ дѣленіемъ пополамъ распадаются на 12 квадратовъ, послѣдніе три продольнымъ на 6 колоннъ.

Эти четыре строительныхъ ящика употребляются сначала отдѣльно, затѣмъ два, три и четыре вмѣстѣ. Могутъ комбинироваться и два ящика одного рода т.-е. два мальчика могутъ съ одинаковыми ящиками соорудить одну постройку.

Прежде всего мальчики должны научиться различать строительный матеріалъ по величинѣ, называть его и складывать

въ порядокъ, и онъ во время постройки всегда строго долженъ раздѣляться и оставаться сложнымъ по величинѣ. Второе требованіе заключается въ томъ, чтобы то, что случилось и сдѣлано, каждый разъ связывалось съ точно обозначающимъ словомъ и громко произносилось. Напримѣръ: «Я построилъ соединенную нарастающими рядами перпендикулярную стѣну съ отвѣсными концами, одной дверью и двумя симметрично расположенными оконными отверстіями». Отъ стѣны переходъ къ простой прямоугольной четырехсторонней постройкѣ съ одною только дверью; затѣмъ она расширяется по величинѣ, числу дверей и оконъ; наконецъ, съ промежуточными стѣнами и комнатобразными отдѣленіями отъ одноэтажнаго къ двухэтажному зданію и т. д., и т. д.

Сходны съ этимъ постройки съ плитками (дощечками), но во многихъ отношеніяхъ разнообразнѣе.

Образованія изъ прямолинейныхъ палочекъ, по крайней мѣрѣ, отъ 2 — 10 сантим. допускаютъ еще большее разнообразіе въ примѣненіи для письма, рисованія, постройки.

Образованія изъ бумаги и папки каждое имѣетъ свой особый образовательный кругъ и ходъ развитія.

Еще болѣе образовательное и развивающее значеніе имѣетъ формированіе изъ образуемой мягкой массы по даннымъ въ кубической фигурѣ законамъ, но это занятіе годится только для обладающаго уже извѣстною степенью духовной силы; впрочемъ, это и свободное образованіе и творчество изъ этой же массы скорѣе подходитъ къ слѣдующему, болѣе позднему возрасту мальчика.

8. Рисованіе въ сѣти по внѣшне-необходимому закону.

Линія, проходящая черезъ темя, и линія, проходящая поперекъ груди человѣка, вертикальное и горизонтальное, являются, какъ бы слабо мы это ни сознавали и какъ бы мало ни давали себѣ отчета въ этомъ, посредствующимъ звеномъ къ созерцанію и воспріятію всякой формы. Когда мы воспринимаемъ формы, мы все связываемъ съ этимъ и, хотя бы безсознательно, мысленно проводимъ эти направленія внѣ насъ,

въ особенности въ полѣ нашего зрѣнія; и сила нашего зрѣнія и мысли повторяетъ этотъ актъ, а когда это происходитъ, то изъ этого возникаетъ сѣть, проникающая въ наше сознание, чѣмъ строже и рѣзче мы дали себѣ отчетъ въ формахъ видѣннаго. Такъ какъ въ формѣ и въ обусловленномъ ею и посредствомъ ея многосторонне проявляется внутренняя духовная дѣятельность и познание этой внутренней духовной дѣятельности относится къ назначенію человѣка, такъ какъ онъ этимъ путемъ узнаетъ самого себя, свое отношеніе къ окружающему и самую сущность и бытіе, то и развитіе не только къ воспріятію, пониманію формы, но и къ представленію (изображенію) формы относится существеннымъ образомъ къ воспитанію человѣка, является существенною частью человѣческаго воспитанія, преподаванія; и такъ какъ отъ сознанія прямоугольныхъ отношеній увеличивается сознаніе формы, то внѣшнее представленіе (выраженіе) прямоугольнаго для воспитываемаго человѣка является средствомъ развитія къ воспріятію формъ и фигуръ и къ представленію ихъ, имѣющимъ основаніе въ природѣ человѣка и предмета преподаванія.

Если теперь перпендикулярное и горизонтальное повторяется равномѣрно въ обоихъ направленіяхъ, то результатомъ явится сѣть, образующая четырехугольники (квадраты) одинаковой величины. Посредствомъ четырехугольника, какъ посредствующей формы, легче всего дѣлается возможнымъ представленіе въ полѣ зрѣнія, въ особенности увеличенное и уменьшенное представленіе, что еще болѣе оправдало бы, если бы въ такомъ оправданіи была нужда, употребленіе четырехугольника.

Употребленіе треугольника, какъ средства для наглядности и представленія, вытекаетъ, какъ это показываетъ дальнѣйшее обученіе, изъ четырехугольнаго и прямоугольнаго двусторонняго. При употребленіи четырехугольника величина наклоненія опредѣляется измѣримостью какъ бы ея опоры; при употребленіи же треугольника непосредственно отношеніемъ къ прямому углу. То и другое находитъ себѣ примѣненіе, поэтому то и другое должно быть разучиваемо въ пре-

подаваніи, но послѣднее только позднѣе на высшей ступени развитія силъ. Легкая изобразимость и уничтожаемость воспринятаго и изображеннаго является вторымъ необходимымъ условіемъ для этого преподаванія. Этому лучше всего служить аспидная доска и грифель. Поэтому аспидная доска съ сѣтью, состоящею изъ вырѣзанныхъ прямоугольныхъ, равныхъ четырехугольниковъ является первою потребностью этого преподаванія.

Но и величина четырехугольниковъ или промежутковъ между строго параллельными линіями, какъ показываетъ преподаваніе, играютъ роль; вѣдь, если промежутки слишкомъ малы, то и всѣ обусловленные ими изображенія слишкомъ малы; если они слишкомъ велики, то они слишкомъ протяжны и превышаютъ силу ученика на этой ступени все обозрѣть; лучше всего разстояніе въ сантиметръ. Упражняютъ ученика на этой аспидной, покрытой сѣтью доскѣ къ отчетливому изображенію и такимъ образомъ воспріятію основныхъ отношеній формы и обусловленной ею величины — это главная задача этого преподаванія. Ходъ ученія примыкаетъ къ предыдущимъ тѣлеснымъ наблюденіямъ; тамъ мальчикъ узналъ особенно при только-что изложенномъ обученіи для тѣлеснаго пространственнаго изображенія, простую, двойную, тройную длину. Такимъ образомъ и это преподаваніе, какъ это покажетъ примѣненіе, связано съ послѣднимъ и предыдущимъ, потому что, какъ сказано было выше, въ преподаваніи нигдѣ не должно быть пробѣла, нигдѣ въ преподаваніи не должно быть чего-нибудь оторваннаго и одиноко-стоящаго, но все, какъ и сама жизнь, должно представлять нѣчто живое, объединенное причиною и слѣдствіемъ, въ себѣ связанное цѣлое.

Ходъ ученія таковъ, Учитель проводитъ по вырѣзанной сторонѣ четырехугольника въ сѣти вертикальную линію во всю длину стороны, и говоритъ, проведя линію; «Я провожу вертикальную линію». Проведши линію, онъ спрашиваетъ ученика: «Что я сдѣлалъ?» — Ученикъ отвѣчаетъ сказанный учителемъ слова: — «Провели вертикальную линію». — «Ну, проведи по доскѣ рядъ вертикальныхъ линій простой длины».

Когда это исполнено и линии проведены по мнѣнію учителя удовлетворительно, послѣдній спрашиваетъ ученика:

«Что ты сдѣлалъ?»

«Я провелъ нѣсколько вертикальныхъ линій», — отвѣчаетъ ученикъ. Если ученіе начали нѣсколько учениковъ сразу, что вполне возможно, то всѣ ученики, когда ихъ работа разсмотрѣна, на общій вопросъ: «Что вы сдѣлали?» — отвѣчаютъ сообща: «Мы провели и т. д.»

Эти вопросы и отвѣты вслѣдствіе своей многообразной и указанной пользы и въ этомъ преподаваніи являются постояннымъ приемомъ, такъ какъ человѣкъ вѣдь долженъ изображенное умѣть выразить словомъ и мыслью, а слово и мысль изобразить въ представленіи (изображеніи), ибо благодаря этому-то онъ и дѣлается человѣкомъ.

Учитель показываетъ затѣмъ, продолжая преподаваніе, перпендикулярную (вертикальную) линію, равную двумъ сторонамъ четырехугольника, и говоритъ: «Я провожу вертикальную линію». И снова спрашиваетъ:

«Что я сдѣлалъ?».

«Провели вертикальную линію».

«Равна ли эта вертикальная линія предыдущей?»

«Нѣтъ, она еще разъ такъ длинна, или въ два раза такъ длинна, какъ предыдущія линіи».

«Какъ же мы можемъ называть эти линіи въ сравненіи съ прежними по ихъ величинѣ и какъ должны будемъ называть ихъ для отличія?»

«Вертикальными линіями двойной длины».

«Какъ же назовемъ по величинѣ предыдущія линіи въ сравненіи съ только что проведенными?»

«Вертикальными линіями простой длины?»

«Проведи рядъ вертикальныхъ линій двойной длины».

Послѣ того, какъ это исполнено, учитель спрашиваетъ, какъ раньше: «Что ты или вы сдѣлали?» — И ученики отвѣчаютъ: «Мы провели и т. д.»

Точно такъ же учитель проводитъ вертикальныя линіи тройной, четверной, въ пять разъ большей длины и заставляетъ повторить сдѣланное учениковъ и обозначить словомъ,

Что линіи проводятся въ сѣти самими учениками, это многосторонне развиваетъ и укрѣпляетъ силу руки, восприимчивости и изображаемости и по мѣрѣ развивающейся крѣпости дѣлаетъ ее болѣе свободной.

Такъ какъ для пониманія и прочнаго усвоенія чего-либо сравненіе съ менѣе однороднымъ важнѣе, чѣмъ съ однороднымъ, то всѣ до сихъ поръ проведенныя вертикальныя линіи помѣщаются рядомъ. Учитель дѣлаетъ это, говоря:

«Я провожу вертикальную линію простой, двойной, тройной, четверной, въ пять разъ большей длины».

«Что я сдѣлалъ?»

Ученики отвѣчаютъ, какъ всегда.

Учитель проводитъ еще разъ тѣ же пять вертикальныхъ линій разной длины и говоритъ, подводя итогъ: «я провожу вертикальныя линіи отъ простой до въ пять разъ большей длины другъ подлѣ друга».

Вопросъ и отвѣтъ, какъ всегда.

«Проведи тоже вертикальныя линіи отъ простой до въ пять разъ большей длины».

«Исполнилъ ты это?» — «Что ты сдѣлалъ?»

Преподаваніе доходитъ здѣсь до пятиричной разницы, потому что въ пяти первыхъ числахъ даны уже всѣ дальнѣйшія различія, по крайней мѣрѣ, намѣчены; собственно они уже намѣчены въ первыхъ трехъ числахъ, такъ какъ въ нихъ заключаются количественныя, квадратныя, кубическія числа; но эти отношенія повторяются въ рядѣ чиселъ до пяти почти всѣ нѣсколько разъ и поэтому для этой изображающей цѣли дѣлаются достаточно ясными, такъ какъ къ тому же шестерка является двойной тройкой и тройной двойкой, семерка же въ этомъ отношеніи равноцѣнна съ пятеркой; поэтому эти и всѣ слѣдующія подобныя изображающія упражненія восходятъ лишь до пяти.

При этомъ сравнительномъ сопоставленіи учитель можетъ сообразно съ потребностью ученика допустить различныя мелкія разновидности и въ способѣ изображенія, въ особенности, если ученики еще слабы въ восприниманіи (усвоеніи) и изображеніи; можно пять линій, какъ это и

должно дѣлать въ началѣ, удлинять только внизъ, такъ что верхніе концы ихъ останутся на одной горизонтальной линіи, или онѣ могутъ удлиниться вверхъ, такъ что нижніе концы ихъ останутся на одной горизонтальной, или же, подобно тому какъ мы проводили эти линіи, все увеличивая ихъ, можно въ обоихъ случаяхъ проводить ихъ, уменьшая длину, т.-е. исходя отъ пятиричной линіи и кончая простой. Эти видоизмѣненія могутъ примѣняться съ большою пользою въ особенности въ началѣ, когда вещь нужно разучивать въ различныхъ формахъ, чтобы не вызвать скуки въ ученикѣ, но, разумѣется, употребленіе ихъ приходится всецѣло предоставить выбору и рѣшенію преподавателя.

Точно такъ же, какъ здѣсь указано было относительно вертикальныхъ линій, поступаютъ и съ горизонтальными.

До сихъ поръ линіи оставались несоединенными и сравнивались равныя по положенію линіи съ равными же, значить, вертикальныя съ вертикальными и горизонтальныя съ горизонтальными. Слѣдующимъ болѣе важнымъ шагомъ является изображеніе вертикальныхъ сравнительно съ горизонтальными и наоборотъ. Чтобы сдѣлать это сравненіе возможно болѣе нагляднымъ и лучше запечатлѣть его въ памяти, оба рода линій должны быть соединены въ одной точкѣ.

Учитель рисуетъ и говоритъ: «Я соединяю въ одной точкѣ одну вертикальную и горизонтальную, обѣ одинаковой длины, обѣ простой длины».

«Что я сдѣлалъ?»

«Сдѣлайте то же самое». — «Что вы сдѣлали?».

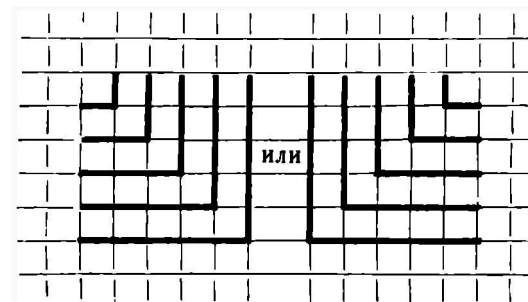
«Сдѣлайте то же во всю длину вашей аспидной доски».

Учитель продолжаетъ, изображая: «Я соединяю одну вертикальную и одну горизонтальную линію, обѣ одинаковой, но двойной длины, въ одной точкѣ и т. д., тройной, четверной и пятиричной длины». Ученики дѣлаютъ то же и каждый разъ выражаютъ сдѣланное словомъ.

И здѣсь все время должно имѣть мѣсто сравненіе, поэтому учитель рисуетъ и говоритъ:

«Я постоянно соединяю въ одной точкѣ и привожу въ соприкосновеніе другъ съ другомъ одну вертикальную и одну горизонтальную, всегда одинаковой длины, каждую простой, двойной, тройной, четверной, пятиричной длины.»

Ученики дѣлаютъ и говорятъ, какъ всегда, то же самое. Какъ раньше дѣлалось при сравненіи вертикальныхъ и горизонтальныхъ линій различной длины, такъ и здѣсь сравнительное рисованіе съ соединеніемъ линій можетъ совершаться въ четырехъ направленіяхъ, именно: такъ такъ , такъ и такъ , но при этомъ двѣ соединенныя линіи пятеричной величины ради ясности сравненія являются заключительными, какъ показываетъ слѣдующій рисунокъ:

Въ этомъ послѣднемъ все время сравнивались вертикальныя и горизонтальныя линіи одинаковой длины другъ съ другомъ; точно такъ же теперь надо сравнить вертикальныя и горизонтальныя линіи разной длины, а именно:

Во-первыхъ, когда горизонтальная вдвое длиннѣе вертикальной.

Учитель рисуетъ и говоритъ: «Я соединяю въ одной точкѣ вертикальную и горизонтальную линію, горизонтальная вдвое длиннѣе вертикальной, вертикальная линія простой величины, значить горизонтальная? — дважды взятой простой величины». (Нецелесообразно въ виду дальнѣйшаго развитія преподаванія сказать вмѣсто «дважды взятой простой» «двойной»).

Результатъ:

Ученики повторяют произнесенное, рисуют его и выражают изображенное словомъ, какъ всегда.

Теперь все время соединяются вертикальныя и горизонтальныя другъ съ другомъ, при чемъ горизонтальная вдвое длиннѣе вертикальной, вертикальная же — двойной, а горизонтальная значитъ дважды двойной длины; или вертикальная тройной, значитъ горизонтальная дважды тройной; или вертикальная четверной, значитъ горизонтальная дважды четверной; наконецъ, вертикальная пятиричной, значитъ горизонтальная дважды пятиричной длины. Наконецъ, всѣ эти отдѣльныя изображенія врисовываются другъ въ друга, какъ въ предыдущемъ рисункѣ.

Во-вторыхъ, горизонтальная линия берется въ три раза длиннѣе вертикальной. Какъ въ предыдущемъ горизонтальная всегда проводилась вдвое длиннѣе, чѣмъ вертикальная, какъ теперь горизонтальная проводится въ три раза длиннѣе, чѣмъ вертикальная; если, значитъ, вертикальная единичной длины, то горизонтальная трижды единичной; если вертикальная двойной длины, то горизонтальная трижды двойной длины и т. д., горизонтальная въ зависимости отъ вертикальной трижды тройной, трижды четверной, и трижды пятиричной длины. Наконецъ, всѣ результаты снова зарисовываются другъ въ друга, а именно, какъ это ясно изъ самой цѣли сравненія, такъ, чтобы здѣсь вертикальныя линіи отстояли другъ отъ друга на три стороны квадрата, а при двойной длинѣ горизонтальной на двѣ, при четверной и пятиричной на четыре и пять, какъ того требуютъ дальнѣйшія упражненія. Дальше пятиричной длины горизонтальной въ зависимости отъ вертикальной не идутъ, какъ уже было сказано.

Чтобы добиться большаго навыка, въ особенности въ схватываніи соотношеній, эти упражненія можно такъ вести, чтобы сравнивать, какъ въ предыдущемъ — горизонтальную съ вертикальной, теперь — вертикальную съ горизонтальной: въ такомъ случаѣ, наоборотъ, сначала проводится горизонтальная, а затѣмъ вертикальная; соотвѣтственно къ этому обратному способу возникновенія примѣняется и способъ выра-

женія; вертикальная линія разсматривается здѣсь, какъ часть горизонтальной, какъ раньше горизонтальная разсматривалась, какъ нѣсколько разъ взятая вертикальная. Эта разница важна здѣсь не изъ за числа, которое тутъ не принимается вовсе во вниманіе, но изъ-за способа возникновенія, котораго очень существенъ при изображеніи посредствомъ рисованія.

Въ предыдущемъ горизонтальная всегда представляла изъ себя нѣсколько разъ повторенную вертикальную, или горизонтальная была больше вертикальной, теперь же надо провести вертикальную больше горизонтальной или горизонтальную представить частью вертикальной.

Учитель, рисуя, представляетъ и говоритъ: «Я соединяю вертикальную и горизонтальную линіи въ одной точкѣ, горизонтальную на половину короче вертикальной, — вертикальную дважды единичной длины, значитъ горизонтальную? — единичной длины».

Результата *).

Затѣмъ — вертикальную дважды двойной, значитъ горизонтальную двойной длины; вертикальную дважды тройной, горизонтальную тройной длины; вертикальную дважды четверной длины, значитъ горизонтальную четверной длины; вертикальную дважды пятиричной, значитъ горизонтальную пятиричной длины.

Какъ въ предыдущемъ, горизонтальная линія проводилась въ половину длины вертикальной такъ она затѣмъ проводится въ треть длины вертикальной, такъ что вертикальная тогда трижды единичной, двойной, тройной, четверной, пятиричной длины.

Такъ же поступаютъ и тамъ, гдѣ горизонтальная является въ четверть, въ пятую часть длины вертикальной.

Если, желательно ученику дать наблюдать вертикальную, какъ взятую нѣсколько разъ часть горизонтальной, то и возникновеніе результата, иное, обратное; горизонтальная будетъ мѣрою, какъ раньше вертикальная, а вертикальная въ такомъ

*). Т.-е., подъ прямымъ угломъ вертикальная вдвое болѣе горизонтальной.

случаѣ измѣряется, какъ раньше горизонтальная. Для развитія руки и глаза эти обратные приемы порою важны.

Эти упражненія имѣютъ различныя послѣдствія для питомца: созерцаніе и воспріятіе формы, развитіе глаза и руки для изображенія и развитія и укрѣпленія изображенія одного и того же результата различными способами: полное единство и приспособленность глаза и руки и при воспріятіи и изображеніи формы.

Результатами ученической работы до сихъ поръ были на этой ступени преподаванія прямые углы, стороны которыхъ или были равны и единичной до пятиричной длины, или стороны которыхъ были неравны, и горизонтальная, при единичной до пятиричной длины вертикальной стороны, составляла двойную, тройную, четверную и пятиричную часть ея, или вертикальная сторона, при единичной до пятиричной длины горизонтальной, была въ два и до пяти разъ больше ея.

Если эти результаты графически соединять въ обратномъ направленіи, то они образуютъ прямые четырехугольники и прежде всего квадраты, къ изображенію которыхъ и рисованію приступаетъ преподаваніе. Учитель изображаетъ и говоритъ: «Я рисую квадратъ, каждая сторона котораго единичной длины».

Повторить, изобразить, выразить словомъ, какъ всегда.

Затѣмъ преподаваніе идетъ отъ рисованія квадратовъ со сторонами двойной длины до квадратовъ со сторонами пятиричной длины. Наконецъ, опять сравнительное изображеніе и врисовываніе одного въ другой.

Затѣмъ рисованіе и изображеніе прямоугольниковъ и при этомъ сначала такихъ, чтобы основаніе было вдвое больше высоты, высота единичной до пятиричной, основаніе дважды единичной до дважды пятиричной длины. Потомъ: прямоугольники съ основаніемъ, въ три, четыре, пять разъ большимъ, чѣмъ высота; высота въ каждомъ соотвѣтствующемъ случаѣ отъ единичной до пятиричной длины.

Какъ здѣсь дѣло велось съ прямоугольниками, въ которыхъ высота меньше основанія, такъ же надо поступить съ прямоугольниками, гдѣ высота больше.

Затѣмъ сравнительное соединеніе прямоугольниковъ того и другого вида; это соединеніе можетъ расширяться или суживаться въ зависимости отъ степени развитія ученика, точно такъ же, какъ и въ предыдущихъ и во всѣхъ послѣдующихъ упражненіяхъ.

Если предыдущія упражненія главнымъ образомъ занимали глазъ, то слѣдующія сейчасъ занимаютъ глазъ и руку, а послѣдующія главнымъ образомъ руку.

Слѣдующій рядъ упражненій въ только-что указанной постепенности изображаетъ квадраты и прямоугольники обоихъ родовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ проводятся поперечныя линіи (діагонали), правая или лѣвая или обѣ вмѣстѣ. Цѣль этого упражненія: точно схватить наклонъ каждой линіи и твердо изобразить.

Отчетливое схватываніе и точное изображеніе длины и наклона линій, какъ онѣ есть на самомъ дѣлѣ или какими онѣ кажутся въ полѣ зрѣнія, въ чемъ вѣдь заключается самая большая внѣшняя сила достаточныхъ изображеній путемъ рисунковъ, стараются еще развить слѣдующими упражненіями. Если предыдущія упражненія посредствомъ четырехугольниковъ и прямоугольниковъ продѣланы, то они сопоставляются также для сравненія и при этомъ такъ, чтобы одинъ уголь сравниваемыхъ прямоугольниковъ совпадалъ въ одной точкѣ и всегда двѣ стороны сравниваемыхъ прямоугольниковъ совпадали бы; изъ угловой точки, общей всѣмъ прямоугольникамъ, проводятся затѣмъ сравниваемыя поперечныя линіи. Изъ рисованія и сравнительнаго наблюденія этихъ поперечныхъ линій, сравниваемыхъ между собою и съ прямоугольниками, въ которыхъ онѣ проведены, выводятся общія наблюденія.

Наклонныя линіи всѣ за исключеніемъ одной приближаются или больше къ горизонтальной или къ вертикальной.

Наклонныя линіи тѣмъ больше приближаются къ вертикальной линіи, чѣмъ больше разъ малая сторона прямыхъ угловъ заключается во второй сторонѣ, или наклонныя линіи тѣмъ менѣе наклонены, чѣмъ меньше одна сторона прямого угла въ сравненіи съ другой.

Наклонъ, значить, линіи зависить отъ взаимоотношенія обѣихъ прямыхъ линіи, которыя являются какъ бы подпорами наклонныхъ.

Меньшая прямая линія или подпора наклонной въ данномъ случаѣ составляетъ $\frac{1}{2}$, или $\frac{1}{3}$, или $\frac{1}{4}$, или $\frac{1}{5}$ большей прямой линіи или большой подпоры.

Путемъ этихъ установленныхъ взаимоотношеній опредѣляется и наклонъ или отвѣсъ линіи въ $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$, или $\frac{1}{5}$. Еще наклонныя, приближающіяся больше къ горизонтальной линіи, различаются какъ лежащія, а приближающіяся къ вертикальной, какъ стоящія. Средняя линія между обѣими прямыми, которая не склоняется ни къ одной изъ нихъ, или которой подпоры одинаковой длины, называется совершенно наклонной линіей.

Какъ для усвоенія этихъ наклоновъ линіи необходимымъ являлось отчетливое и быстрое усвоеніе и увѣренное изображеніе взаимоотношеній высотъ и основанія прямоугольниковъ, такъ въ свою очередь отчетливое и быстрое усвоеніе и увѣренное изображеніе наклоновъ линіи и длины наклонныхъ линіи очень важно для рисованія. Поэтому наклонныя линіи проводятся затѣмъ и безъ нарисованныхъ заранѣе ограничивающихъ четырехугольниковъ, а именно, что и понятно само собою, наклонныя линіи опять разсматриваются, какъ единичной длины (когда меньшая сторона прямого угла равна сторонѣ квадратика въ сѣти), какъ двойной длины (когда меньшая сторона прямого угла равна двумъ сторонамъ квадратика) и т. д., какъ наклонныя пятиричной длины (гдѣ болѣе короткая сторона прямого угла, или меньшая подпора равна пяти сторонамъ квадратика въ сѣти).

«Къ концу каждаго ряда наклонныя линіи единичной и до пятиричной длины для сравненія проводятся рядомъ, какъ сейчасъ же въ началѣ при прямыхъ линіяхъ.

Рисованіе и изображеніе совершенно наклонныхъ линіи начинаемъ рядъ этихъ упражненій; значить, учитель рисуеъ и изображаетъ:

«Совершенно наклонную линію единичной длины».

«Что я сдѣлалъ?» — «Сдѣлайте то же». — «Обозначьте это словомъ.

Точно такъ же съ совершенно наклонными линіями двойной и тройной длины.

Затѣмъ совершенно наклонныя линіи отъ единичной до пятиричной длины рядомъ или проводятся съ наклономъ на правую или на лѣвую стороны и въ обоихъ случаяхъ опять отъ рисующаго или къ рисуемому. Вниманіе къ различному возникновенію одной и той же наклонной линіи, прежде всего идетъ ли она къ рисуемому или отъ рисующаго, и упражненіе въ этомъ въ подготовительномъ видѣ можетъ уже здѣсь начинаться, хотя въ полномъ своемъ развитіи и значеніи оно появляется лишь позже. Точно такъ же разбираются лпніи съ наклономъ въ $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{5}$ и лежащія и стоящія.

Какъ въ предыдущемъ, сравнивались между собою лишь наклонныя линіи съ одинаковымъ наклономъ и положеніемъ, преимущественно по ихъ величинѣ и длинѣ, такъ затѣмъ сравниваются линіи различнаго наклона, а именно сначала только лежащія, и здѣсь опять всѣ единичной, затѣмъ отъ двойной до пятиричной длины; затѣмъ стоящія и здѣсь сначала отъ единичной и продолжая до пятиричной длины.

Далѣе сравниваются стоящія и лежащія наклонныя линіи другъ съ другомъ въ одно время, съ прямыми и совершенно наклонными, и тутъ также сначала въ одну, затѣмъ въ двѣ, и, наконецъ, въ три стороны, каждая линія подъ конецъ пятиричной длины. Результата въ концѣ концовъ: лучеобразныя, начинающіяся въ серединѣ наклонныя линіи со всѣми до сихъ поръ изученными наклонами, каждая пятиричной длины.

Какъ здѣсь всѣ наклонныя линіи проведены лучеобразно исходящими изъ одной середины, такъ ихъ, чтобы исчерпать предметъ, надо провести также вокругъ середины, направляющимися другъ къ другу.

Всѣмъ доселѣ сдѣланнымъ ученикъ приобрѣлъ возможность съ умѣньемъ провести въ сѣти каждую прямую и наклонную линію каждаго разуученнаго наклона и положенія, расходящіяся и сходящіяся, и такимъ образомъ эти подго-

товительныя упражненія, при которыхъ ученикъ проводилъ по опредѣленному внѣшнему закону линіи — и такимъ путемъ развивалъ въ себѣ пониманіе и изображеніе линій въ живомъ единеніи, — окончены.

Также на конецъ упражненій указываютъ сами собою два послѣднихъ изображенія, лучеобразное и охватывающее, которыя отличаются отъ всѣхъ предыдущихъ упражненій объединеніемъ и воплощеніемъ въ себѣ всѣхъ прежнихъ упражненій.

Ученикамъ самимъ бросается въ глаза это заключительное объединеніе изображеній, и учитель къ этому присовокупляетъ свой вопросъ:

«Эти нарисованныя тобою изображенія производятъ на тебя иное впечатлѣніе, чѣмъ предыдущія?»

«Да».

«Въ чемъ оно заключается?»

Всѣ ученики въ своихъ отвѣтахъ, все равно какимъ образомъ, сойдутся въ одномъ, что въ обоихъ изображеніяхъ всѣ линіи имѣютъ отношеніе къ одному и тому же центру, и что этотъ обусловливающий центръ соединяетъ противоположныя равно-наклонныя линіи разной, но одинаковой съ противоположной линіею длины, что эти линіи такимъ образомъ представляютъ изъ себя нѣкое законченное цѣлое. Учитель этому цѣлому даетъ имя фигуры. Нѣкоторые ученики прямо скажутъ, что проведенныя въ концѣ къ центру и отъ центра или вокругъ его линіи въ отличіе отъ прежнихъ представляютъ изъ себя фигуру.

Учитель теперь развиваетъ ученикамъ свойства, сущность цѣлаго, фигуры, какъ нѣчто, въ чемъ соединяются равныя, соотносящіяся, но въ противоположныхъ направленіяхъ, члены, здѣсь линіи, исходя отъ видимой (какъ при изображеніи лучеобразномъ) или невидимой середины (какъ при объединяющемъ) въ одно цѣлое.

Понятіе цѣлаго, здѣсь фигуры, наблюдается и доказывается всесторонне на послѣднихъ двухъ результатахъ и для внутренней и словесной ясности нѣсколько разъ разъясняется. Съ этого момента начинается совершенно новая ступень преподаванія рисованія, которая вмѣстѣ съ тѣмъ обозначаетъ

новую ступень развитія учениковъ: ступень свободнаго изображенія цѣлыхъ линій изъ cadaго отдѣльнаго вида раньше разученныхъ линій, или изъ нѣкоторыхъ соединенныхъ, — изображенія, обусловленнаго основами, заключающимися въ сѣти, — начинается изобрѣтеніе фигуры. Изобрѣтеніемъ называется всякое свободное изображеніе внутренняго на внѣшнемъ и посредствомъ внѣшняго, совершающееся, правда, по совершенно извнѣ даннымъ условіямъ, вытекающимъ однако съ очевидною для ученика необходимостью изъ внутренняго.

Описаніе хода ученія, посвященнаго изобрѣтенію (придумыванію) фигуръ, откладывается до слѣдующей ступени, какъ вообще изложеніе сущности преподаванія рисованія, многообразно и развивающе вліяющаго на образонаніе челоуѣка, приходится приберечь къ концу изложенія всего обученія рисованія. Справедливо оцѣнить вліяніе и сущность этого преподаванія, какъ и вообще всякаго преподаванія, имѣющаго цѣлью вызвать силы и жизнь, ловкость въ изображеніи, увѣренность и пониманіе, можетъ только тотъ, кто не только къ другимъ и съ другими, но въ особенности къ себѣ примѣнялъ его. Для этого усвоенія для себя самого этого преподаванія, по крайней мѣрѣ, для саморазвитія и развитія другихъ, достаточно и этихъ указаній, особенно для того, кто со ступени на ступень самъ будетъ, развивая и изображая, слѣдовать ему и такимъ образомъ найдетъ въ себѣ безмолвно управляющій имъ законъ.

Примѣненіе этого преподаванія восполнило бы одинъ изъ существеннѣйшихъ пробѣловъ въ нашихъ сельскихъ и городскихъ школахъ, такъ что ему должно быть мѣсто въ каждой изъ нихъ, что должно быть ясно всякому разсуждающему и вдумчивому челоуѣку, такъ какъ это преподаваніе одинаковымъ образомъ напрягаетъ чувства, черезъ нихъ мыслительную способность, и такимъ образомъ духовный міръ ученика, а благодаря работѣ рукъ развиваетъ его и внѣшнимъ образомъ, тѣлесно, и тѣмъ удаляетъ отъ той части учениковъ, которой какъ-разъ въ этотъ моментъ учитель не можогъ удѣлить достаточно вниманія, весьма вредную

скуку и праздность и вытекающие отсюда недостатки; это существенно важно для школы, а для жизни оно дает как бы в придачу развитие глаза для познания формы и пропорции и развитие руки для изображения того же. И где же можно найти такое положение и такую деятельность человека в жизни, которая бы существенным образом не нуждалась в применении этого? Кроме того, недостатки, вызываемые недостаточным развитием восприятия и изображения формы и пропорций у нашего горожанина, особенно ремесленника, и крестьянина, уже подвергались достаточно часто всестороннему и серьезному осуждению.

9. Восприятие красок в их различии и однородности, в особенности путем изображения их в образованных уже плоскостях, с предпочтительным обращением внимания на образованные уже формы: вырисовывание красками картин в контурах; потом — с предпочтительным обращением внимания на краски: рисование красками в сѣти.

Что у детей, в особенности у формирующегося мальчика, является потребность дать себе отчет в красках и красочных соотношениях, отнестись к ним сознательно и с пониманием и для этой цели заняться красящими веществами, красками, — это признает всякий, кому не чужда жизнь мальчика, в каком бы состоянии она ни была; он согласится, что жизнь и работа с красками совершенно подходят к раннему возрасту мальчика, хотя, конечно, у различных мальчиков в различной степени. Да может ли и быть иначе? — К этому побуждает общая причина всякой подвижности в ребенке — в каждом отдельном направлении и формах развивать, упражнять, пускать в ход силы и задатки, способности ребенка, т.-е. совокупность жизни, которую он в себе ощущает. К этому однако присоединяется вторая причина, конечно, более важная для внутреннего духовного развития без какого-нибудь определенного направления его: развѣ не обуславливаются всѣ цвѣта (краски) в большей или в меньшей степени влия-

нием повсюду распространенной деятельности свѣта? Значит цвѣтъ (краска) и свѣтъ — в тѣснѣйшей связи; с другой стороны, развѣ цвѣтъ (краска), и свѣтъ не связаны тѣснѣйшим образом с жизненной деятельностью, с возвышением (цѣнности) жизни и изменением жизни? Свѣтъ и жизнь, хотя бы пока только земной свѣтъ, не указывают ли на небесный свѣтъ, в котором все его существование? и т. д. Это замѣченное мальчиком или же незамѣтно чувствуемое высокое значение (краски) цвѣта (как в другом направлении разсмотрѣние формы в природѣ), как бы придающего форму и тѣло земному, солнечному свѣту видимым изображением его сущности; это предчувствие возможности посредством цвѣтовъ (посредством проникновения в сущность и усвоение сущности красок) проникнуть в сущность земного, солнечного свѣта, как бы воспринять его в себя, — вѣроятно, является настоящим, внутренним, еще не сознаваемым самим мальчиком побуждением — столь охотно в дѣтствѣ заниматься цвѣтами (красками); это безусловно может быть названо опытом дѣтскаго возраста. Мы, правда, говорим: краски (цвѣта) пестры, пестрое привлекает мальчиковъ и доставляет имъ удовольствіе. Хорошо! — но что же представляет из себя это пестрое? — Развѣ это не дѣйствіе одной причины (свѣта) в разныхъ проявленіяхъ (краскахъ)? Развѣ это не дѣйствіе одной сущности (свѣта) в различныхъ видахъ (краскахъ)? По-просту пестрое, какъ нѣчто внѣшнее, не привлекает и не радует мальчика; в противномъ случаѣ это пестрое, какъ нѣчто внѣшнее, удовлетворило бы мальчика, когда бы онъ имъ владѣлъ; но оно не доставляет ему этого удовлетворенія, какъ не доставляет его вообще масса и количество; доставляет же его выраженіе, нахождение внутренней связи, сила — одухотворить все это, а то бы дитя, мальчикъ успокоился, окруженной массой и множествомъ, и намъ не пришлось бы такъ часто слышать, какъ говорятъ недовольному мальчику: «Ну, скажи, чего тебѣ еще надо, у тебя есть то-то, то-то и то-то, а ты не спокоенъ?» Единства жизненнаго, выраженія жизни, жизненной связи, вообще ж и з н и ищетъ дитя и мальчикъ; поэтому ребенка

привлекает пестрое, чтобы въ многообразіи найти единство, внутреннюю связь; поэтому онъ любить цвѣта въ ихъ сопоставленіяхъ, соединеніяхъ, чтобы такимъ образомъ прійти къ познанію внутренняго единства. Но, не обращая вниманія на выдающееся значеніе этого стремленія въ дѣтскомъ возрастѣ человѣка, какъ идемъ мы ему навстрѣчу? Мы предоставляемъ чистѣйшей случайности его развитіе, развитіе къ воспріятію и пользованію красками. Правда, мы даемъ мальчику на ряду со многими другими вещами краски и кисть, какъ случайно или изъ сочувствія бросаютъ животнымъ кормъ, но дѣти разбрасываютъ и эти вещи, какъ другія свои игрушки, подобно тому какъ животныя неподходящій имъ кормъ; да и что съ ними дѣлать? — сами они не умѣютъ дать имъ жизнь и единеніе, а мы, мы имъ не помогаемъ въ этомъ.

Какъ ни раздѣлены, какъ ни различны между собою формы и краска (цвѣтъ), для юнаго ума мальчика онъ такъ же нераздѣлены, неотдѣлимы, какъ тѣло и жизнь; мало того, воспріятіе красокъ кажется мальчику, какъ, можетъ быть, и вообще человѣку, являющимся черезъ форму, какъ и, наоборотъ, формы, благодаря краскамъ, болѣе выступают и приближаются къ намъ. Значитъ воспріятіе красокъ должно соединиться съ воспріятіемъ формы, какъ и воспріятіе формы съ воспріятіемъ краски: цвѣтъ и форма въ началѣ недѣлимая единица.

Такъ какъ форма и цвѣтъ сначала кажутся мальчику недѣлимымъ цѣлымъ, но взаимно другъ друга поднимаютъ и содѣйствуютъ каждый указанію другого, то въ стремленіяхъ выработать въ человѣкѣ путемъ наблюденія и самостоятельнаго изображенія въ преподаваніи и ученіи знаніе и чувство красокъ слѣдуетъ имѣть въ виду три требованія: во-первыхъ, чтобы формы были просты и опредѣленны, вполнѣ удовлетворяя тому, что онъ должны обозначить и представить; затѣмъ чтобы краски были возможно чисты и опредѣленно-ясны и возможно близко соотвѣтствовали бы цвѣтамъ предмета, какими они должны быть, особенно предмета природы; наконецъ, чтобы ц в ѣ т а в о с п р и н и -

мались, по возможности, въ своихъ взаимоотношеніяхъ, какъ ихъ въ дѣйствительности являетъ природа, въ ихъ взаимно обусловленныхъ, какъ бы раздѣляющихъ или сходящихся соединеніяхъ. Подобно тому какъ слѣдуетъ цвѣта по ихъ дѣйствию воспринимать въ возможно опредѣленномъ видѣ, точно такъ же ихъ всегда слѣдуетъ возможно точно соединять со словомъ, обозначать словомъ; прежде всего чистый цвѣтъ самъ по себѣ, какъ то: красный, зеленый и т. д., по ихъ внутренней силѣ: темный, яркій, свѣтлый и т. п.; затѣмъ отдѣльныя краски (цвѣта) по ихъ видамъ и смѣшеніямъ; здѣсь мы встрѣчаемся съ двойнымъ различіемъ, во-первыхъ, сравненіе красокъ съ предметами, т.-е. опредѣленіе и названіе видовъ краски посредствомъ предметовъ, на которыхъ они чаще всего встрѣчаются, напримѣръ, розовый, пепельный, небесно-голубой и т. п., или посредствомъ сравненія красокъ между собою: красно-голубой, зелено-желтый, или приблизительно: зеленовато желтый, голубовато-красный. Вообще опредѣленіе красокъ должно исходить отъ такихъ предметовъ природы, которые преимущественно и въ наибольшей неизмѣнности обладаютъ этими красками; если они твердо усвоены, то эти опредѣленія могутъ быть перенесены и на краски другихъ предметовъ. Названія красокъ, взятыхъ отъ предметовъ, должны, возможно, чаще наблюдаться на самихъ предметахъ, напримѣръ, фіалково-голубой. На первыхъ шагахъ этого преподаванія слѣдуетъ разобратъ немногія разнящіяся опредѣленія; надо только слѣдить за тѣмъ, чтобы эти опредѣленія точно и твердо запоминались и постоянно твердо повторялись. Точно такъ же при употребленіи красящихъ веществъ слѣдуетъ мальчику дать немногія, но вполнѣ опредѣленные краски. Промежуточные цвѣта слѣдуетъ получать вполнѣ, насколько возможно, изъ основныхъ цвѣтовъ, и ученикъ долженъ ихъ самъ добыть.

Поверхности, которыя собираются представить, нарисовать въ краскахъ, не должны быть, особенно сначала, слишкомъ малы, и лучше всего, когда онъ примыкаютъ къ наблюденіямъ надъ природою; какъ вообще преподаваніе должно

примыкать, какъ всегда, къ предметамъ, окружающимъ учениковъ, и отъ нихъ исходить, напр., листья, большіе цвѣты, крылья бабочекъ, и, пожалуй, птицъ; четвероногіе звѣри и рыбы отличаются слишкомъ неопредѣленными цвѣтами; впрочемъ, стараніе и стремленіе представить предметы природы въ ихъ своеобразныхъ цвѣтахъ тѣмъ болѣе обратитъ вниманіе учениковъ на цвѣта предметовъ природы въ дѣйствительности; кромѣ того, ихъ можно навести на это ихъ собственными вопросами: «Какъ мнѣ нарисовать стволъ дерева, этотъ цвѣтокъ и т. д.?»

Чѣмъ самостоятельнѣе сдѣлается воспріятіе цвѣта и независимѣе отъ предмета, тѣмъ болѣе слѣдуетъ изобразить цвѣтъ (краску) ради его самого, но еще въ обрисовывающихъ, изображающихъ формахъ. Когда цвѣтъ (краска) дѣлается совершенно самострательнымъ предметомъ наблюденія, и форма какъ бы устраняется, тогда и форма отступаетъ въ преподаваніи, и цвѣтъ (краска) выступаетъ ради себя самого.

Форма изображенія въ силу многихъ соображеній, основательность которыхъ доказывается при употребленіи, связывается опять съ сѣтью квадратовъ. Красочнымъ матеріаломъ лучше всего могутъ служить соковыя и тому подобный краски.

Преподаваніе легко примыкаетъ къ жизни мальчиковъ; въ жизни мальчиковъ имѣются къ тому сотни зачатковъ; каждый кругъ имѣетъ и долженъ имѣть свои своеобразные зачатки; если правильно понять ихъ, то ученіе черезъ нихъ волеется въ жизнь дѣтей, и оно будетъ отличаться жизненностью.

Я напишу, что я видѣлъ и вижу; при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ — болѣе цѣлесообразное начало: обстоятельство нельзя создать, но ими можно воспользоваться. Около дюжины мальчиковъ въ такомъ возрастѣ, какъ тѣ, для которыхъ предназначается это преподаваніе, окружаютъ своего учителя, какъ овцы — пастыря; какъ послѣдній долженъ свести ихъ на свѣжій лугъ, такъ учитель долженъ довести своихъ питомцевъ до доброй дѣятельности; дѣло происходитъ въ среду послѣ обѣда, когда обычныя школьныя занятія окон-

чены и сегодня нѣтъ побужденій къ другой дѣятельности; стоитъ осень и позывъ къ рисованію красками уже не разъ ощущался каждымъ бодрымъ мальчикомъ этого веселаго кружка, потому что осень, пожалуй, больше всего приглашаетъ мальчика къ рисованію красками, къ изображенію красками, потому что краски въ природѣ позднюю осенью въ большихъ массахъ перемѣнчивѣе всего; и каждый уже старался ихъ по своему и на своемъ пути исполнить.

«Давайте-ка, порисуемъ красками», — говоритъ учитель. — «Вы, правда, уже часто и много рисовали красками, но это рисованіе и само нарисованное вами что-то недолго вамъ нравится, потому что оно неясно, нечисто и нетвердо нарисовано; давайте-ка попробуемъ, не удастся ли намъ вмѣстѣ сдѣлать это дѣло лучше. — Но что бы намъ нарисовать нѣчто такое, чтобы оно не оказалось труднымъ? Такъ какъ мы въдь только хотимъ учиться, то оно должно быть простымъ и лучше всего одного цвѣта».

Учитель и ученики вмѣстѣ быстро находятъ, что самымъ легкимъ для рисованія красками являются: листья, цвѣты, плоды.

Выбираются листья; ибо красивыя пестрыя, красныя, желтыя, коричневыя и т. д. деревья и красивые цвѣтные листья, отдѣлявшіеся въ прелестные осенніе дни съ тихимъ шорохомъ отъ вѣтвей и покрывшіе словно пестрый коверъ землю вокругъ деревьевъ, ужъ очень плѣнили мальчиковъ; они сдѣлали изъ нихъ букеты и вѣнки и радостно принесли ихъ домой.

«Вотъ листья въ контурахъ» — учитель собралъ ихъ для этой цѣли; «посмотрите на нихъ, какъ вы ихъ нарисуете?»

«Зелеными» — «красными» — «желтыми» — «коричневыми» «Какіе листья нарисуете вы зелеными, какіе красными, какіе коричневыми?»

«Почему именно эти желтыми?» — «Эти красными?»

Учитель раздѣляетъ затѣмъ краски, цѣлесообразнѣе всего тонкій тушь, натертый на маленькихъ четырехугольныхъ стеклянныхъ дощечкахъ; можно вначалѣ давать ученикамъ краски и въ жидкомъ состояніи въ небольшихъ чашечкахъ.

Прежде всего дѣло идетъ о правильномъ пониманіи цвѣта (краски), но, конечно, нечего и говорить, что здѣсь еще не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы дать листьямъ строго соответственные, а только возможно болѣе подходящіе цвѣта (краски), такъ какъ тутъ не столько имѣется въ виду изображеніе предмета, сколько усвоеніе цвѣтовъ (красокъ) и умѣнье распоряжаться красочнымъ матеріаломъ. Равномѣрное выступаніе красокъ, соблюденіе мѣры и т. п. — вотъ главное, на что еще приходится обращать вниманіе. Само собою разумѣется, слѣдуетъ заботиться о правильномъ положеніи тѣла для свободнаго движенія руки и пальцевъ.

Не слѣдуетъ раньше переходить отъ одной краски къ другой, чѣмъ ученикъ хоть немного, но овладѣетъ матеріаломъ, потому что съ каждой краской надо нѣсколько особенно обходиться.

Отъ листьевъ надо переходить къ цвѣтамъ. Для этого выбираются цвѣты, имѣющіе большіе, однолистные вѣнчики, а также цвѣты, одного или нѣсколькихъ рѣзко ограниченныхъ цвѣтовъ, напримѣръ, голубые колокольчики, желтыя скороспѣлки, желтыя нарциссы и т. д. Точно такъ же выбираются простые цвѣты, вмѣсто махровыхъ, равно какъ цвѣты рисуются во всю передовую сторону или сбоку.

Отъ одноцвѣтныхъ цвѣтовъ и предметовъ затѣмъ надо переходить къ двуцвѣтнымъ; но всегда съ рѣзко-различающимися цвѣтами (краскою) такъ, напримѣръ, вьюнокъ, аврикулы, вика, горошекъ и т. д.

Затѣмъ переходятъ къ трехцвѣтнымъ.

Возможно точное усвоеніе красокъ, возможно отчетливое изображеніе ихъ и возможно опредѣленное обозначеніе ихъ словомъ! — ко всему этому надо, по крайней мѣрѣ, стремиться, хотя на этой степени образованія все это будетъ казаться еще очень несовершеннымъ; это чувство, впрочемъ, только должно быть пока еще пробуждено въ ученикѣ. и пробудить его въ немъ должно стремленіе къ строго опредѣленному обозначенію, возможно ясному пониманію, по крайней мѣрѣ, внѣшнихъ отношеній красокъ другъ къ другу.

Такимъ образомъ краска дѣлается все болѣе независимой

сама по себѣ отъ формы и играетъ болѣе самостоятельную роль и требуетъ болѣе самостоятельнаго вниманія къ себѣ, воспитанникъ тоже желаетъ теперь долѣе заниматься одною краскою, такъ сказать, усвоить себѣ совершенно ея сущность и воздѣйствіе; такъ какъ онъ желаетъ овладѣть ею и чувствуетъ недостаточность своихъ прежнихъ знаній, своего прежняго употребленія, поэтому-то является необходимымъ изображеніе красокъ самихъ по себѣ безъ всякой формы, въ плоскости, обусловленное сѣтью.

Первая задача этихъ упражненій: увѣренно нанести краски на определенное, все увеличивающееся пространство, на непрерывно продолжающихся или прерывающихся поверхностяхъ съ сохраненіемъ одинаковой яркости цвѣта безъ краевъ; поэтому зарисовываются каждою краскою сначала поверхности въ одномъ, двухъ и до пяти квадратовъ въ сѣти, непрерывно-тянущіяся, т.е. соприкасающіяся сторонами, и съ перерывами, т.е. касающіяся углами.

Ученикъ ясно такимъ образомъ узнаетъ особенность каждой краски, затѣмъ употребленіе ея.

Упражненія начинаются съ чисто-краснаго, затѣмъ съ чисто-голубаго и чисто-желтаго.

Къ этому присоединяются упражненія съ частыми промежуточными цвѣтами, чистымъ зеленымъ, чистымъ золотисто-желтымъ, и чистымъ фіалково-голубымъ. Отчего каждый рядъ начать съ краснаго и зеленаго цвѣта? — Опытъ показываетъ, что оба эти цвѣта ближе всего мальчи-камъ и имъ пріятнѣе всего они въ началѣ рядовъ.

Какъ до сихъ поръ постоянно упражнялись въ одной краскѣ на постоянной, продолжающейся или примыкающей одна къ другой, непрерывной поверхности, такимъ же образомъ затѣмъ соединяются двѣ, затѣмъ три, наконецъ, всѣ шесть до сихъ поръ разученныя краски, и при этомъ двумя главными способами, такъ что или основанія въ концѣ возникшихъ пятиквдратныхъ поверхностей служатъ общими поверхностями соприкосновенія различныхъ красокъ, или — лежащія у поперечныхъ линій стороны четырехугольника.

Теперь начинается порядокъ красокъ отъ голубого къ зеленому, къ желтому, къ золотому, къ красному, къ фіалково-голубому, какъ самый привлекательный и совпадающій съ природою, и удерживается въ такомъ видѣ.

Послѣднія явленія на этой ступени развитія суть четыре цвѣтныхъ цѣлыхъ, подобныхъ линейнымъ цѣлымъ при проведеніи линій въ сѣти; онѣ всѣ вытекаютъ изъ самой сути дѣла по одному закону и доставляютъ наблюденію смѣну красокъ, обусловленную центромъ по всѣмъ даннымъ въ сѣти направленіямъ.

Эти четыре цвѣтныя (красочныя) цѣлыя представляютъ прежде всего существенную, двойную разницу.

Различныя равныя, прямоугольныя поверхности непрерывны и большими сторонами соединены, значить, являются рѣзко отдѣленными другъ отъ друга въ вертикальномъ или горизонтальномъ направленіи, или — различныя цвѣтныя поверхности прерываются и: касаются лишь квадраты одинаковаго цвѣта въ точкахъ по направленію поперечной линіи сѣти, и различнаго цвѣта прерывающіяся поверхности помѣщаются по направленію къ этимъ поперечнымъ линіямъ другъ въ другѣ, значить, пересѣкаются въ поперечныхъ направленіяхъ.

Каждое изъ этихъ двухъ цвѣтныхъ (красочныхъ) цѣлыхъ, совершенно, какъ линейное цѣлое, двойно различно: одно относится къ видимому центру, какъ бы исходя изъ него, другое къ невидимому центру, заключая, охватывая его.

Съ изображеніемъ этихъ четырехъ красочныхъ цѣлыхъ оканчивается преподаваніе на этой ступени. Самостоятельное свободное нахожденіе красочныхъ цѣлыхъ по даннымъ самимъ ходомъ преподаванія и самимъ дѣломъ законамъ, совершенно одинаково нахожденію фигуръ въ сѣти; дальнѣйшее усвоеніе красокъ по ихъ яркости и ступенямъ, усвоеніе и подражаніе природнымъ фигурамъ въ формѣ квадратовъ, — это дальнѣйшее изложеніе послѣдующаго хода преподаванія для развитія чувства красокъ, усвоенія красокъ и изображенія красокъ относится къ слѣдующей ступени преподаванія и развитія мальчиковъ.

Какъ ни незначительна еще эта ступень и какъ ни малъ объемъ, до котораго дошло въ самомъ развитіи преподаваніе по этому предмету, тѣмъ не менѣе на практикѣ замѣчается уже вліяніе на ученика: оно дѣлается, какъ пѣніе, образъ мыслей и вообще челоуѣка благороднѣе, оживляетъ чувство воспріятія красокъ въ природѣ; возвышаетъ чувство къ природѣ и жизнь въ ней. Дальнѣйшее вліяніе на остальное преподаваніе, равно какъ и на внѣшнюю жизнь, дѣлается тому яснымъ, кто проникъ глубоко въ требованіе того и другого.

10. Игры — это свободное изображеніе и упражненія всякаго рода.

Къ тому, что уже неоднократно написано было объ игрѣ, здѣсь слѣдуетъ прибавить еще слѣдующее. Игры мальчиковъ въ этомъ возрастѣ, т.-е. свободныя занятія этого возраста представляютъ тройную разновидность: онѣ суть или подражанія жизни и явленіямъ дѣйствительной жизни, или онѣ являются самостоятельнымъ примѣненіемъ изученнаго, преподаванія, школы, или же онѣ совершенно самостоятельныя творенія и изображенія ума всякаго вида и на матеріалахъ всякаго рода, а здѣсь или по законамъ, лежащимъ въ предметѣ или матеріалѣ, играющимъ роль зеркала, разыскивая эти законы и подчиняясь имъ, идя за ними, слѣдуя имъ, или же по законамъ, лежащимъ въ самомъ челоуѣкѣ, въ его мышленіи и чувствахъ; во всякомъ случаѣ, игры этого возраста суть или должны быть чистѣйшимъ проявленіемъ жизненной силы, жизненной энергіи; онѣ продукты бьющей ключемъ въ мальчикѣ жизненной полноты, жизнерадостности. Игры этого періода предполагаютъ, значить, внутреннюю жизнь и бодрость, живую, жизненную силу, предполагаютъ дѣйствительную внѣшнюю жизнь; гдѣ этой жизни нѣтъ или прежде не было, тамъ въ это время нѣтъ и заключающей въ себѣ настоящую жизнь, а потому и вызывающей, питающей и возвышающей игры. На этомъ основано замѣчаніе одного юноши, который, будучи мальчикомъ, игралъ во много такихъ выросшихъ извнутри, какъ ростки и сучки, дѣтскихъ игръ, сдѣланное имъ по отношенію къ мальчикамъ, находив-

шимся въ годахъ такихъ игръ, но жизнь которыхъ была мертва, т.-е. не пробуждена и притушена и которые слонялись постоянно безъ дѣла, какъ бы мѣшая самимъ себѣ: «Я не понимаю; эти мальчики совсѣмъ не умѣютъ играть, а мыто какъ только ни играли въ этомъ возрастѣ!»

Изъ этого ясно видно, что и игра въ этомъ возрастѣ нуждается въ особомъ руководствѣ, и мальчика надо развивать для нея, т.-е. нужно сдѣлать его собственную жизнь, школьную жизнь и его внѣшній опытъ столь богатымъ, чтобы игра выходила по необходимости изнутри, какъ цвѣтокъ изъ разбухающаго бутона, на радость и въ радости; радость — это душа мальчиковъ этого возраста.

Самыя игры могутъ и должны быть: физическія игры, развивающія силы и ловкость, или же являющіяся просто выраженіемъ внутренняго подъема жизненной энергіи и жизнерадостности; игры, связанныя съ внѣшними чувствами, упражняющія слухъ: прятки, напимѣрь, и т. д., упражняющія зрѣніе; стрѣльба, краски; или умственныя игры, игры, требующія обдумыванія и сужденія, игры на доскѣ (шашки) и т. д. Эти послѣднія игры приведены въ различный порядокъ и часто разсматривались, хотя рѣдко понимались и излагались соотвѣтственно съ истинною цѣлью духомъ игры и потребностью мальчика.

11. Рассказываніе исторій и сказаній, басенъ и сказокъ, имѣющихъ связь съ событіями дня, современными происшествіями и явленіями жизни.

Ощущеніе и чувствованіе своей собственной текущей жизни въ собственной груди, собственныхъ мыслей и собственныхъ желаній, выражающихся еще почти безсознательно въ видѣ неясныхъ стремленій — это непосредственныя собственные наблюденія, это высшія и важнѣйшія наблюденія мальчиковъ въ этомъ возрастѣ, важнѣйшія наблюденія, пожалуй, вообще для человѣка; вѣдь человѣкъ понимаетъ другія вещи и жизнь другихъ и дѣйствія силъ другихъ лишь

постольку, поскольку онъ понимаетъ себя, свои силы и свою жизнь.

Но сравненіе предмета съ самимъ собою никогда не можетъ привести къ познанію его, къ проникновенію въ него; значить и собственная жизнь даннаго момента — явленія внутренней жизни, мыслей, чувствъ, ощущеній, — если сравнить ее съ нею самою, не можетъ открыть и разъяснить намъ ея сущности, ея основанія и дѣйствія, ея значенія; она требуетъ, чтобы разобратся въ себѣ, сравненія съ чѣмъ-нибудь другимъ, чужимъ; и, конечно, всякій знаетъ, что сравненіе на нѣкоторомъ разстояніи дѣйствительноѣ, чѣмъ сравненіе съ предметами, слишкомъ близко находящимися. Такія точки сравненія для сознанный собственной жизни, съ которыхъ мальчики особенно живо наблюдаютъ ее, и ея явленія, какъ въ зеркалѣ, и на нихъ измѣряютъ ее, даетъ наблюденіе жизни другого, жизни чужой. Чувство сознанія собственной жизни, жизненной энергіи подавляетъ или невольно и неудержимо увлекаетъ за собою, если мальчикъ не можетъ его схватить, сознать его по его сущности, основѣ и слѣдствіи; а этого ищетъ, желаетъ и требуетъ бодрый умъ дѣльнаго здороваго мальчика; это является для него внутреннею потребностью, какъ бы поддерживающею его внутреннюю жизнь. Вотъ главная причина, почему мальчики такъ охотно слушаютъ исторіи, сказанія, рассказы и сказки, и слушаютъ ихъ съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, чѣмъ больше они носятъ отпечатокъ событій, дѣйствительно когда-то совершившихся или же еще лежащихъ въ предѣлахъ возможной духовной дѣятельности или проявленія силъ, при чемъ правда, для мальчика почти не существуетъ въ этомъ направленіи преградъ. Сила, чуть только распускающаяся въ существѣ мальчика, является ему въ сказаніи, въ сказкѣ, въ рассказѣ въ видѣ совершеннаго растенія съ прекраснѣйшими цвѣтами и плодами, о которыхъ въ немъ были только смутныя предчувствія. Какъ тутъ расширяется сердце и душа, какъ крѣпнетъ духъ! жизнь дѣлается, можно сказать, тѣмъ свободнѣе и сильнѣе, чѣмъ дальше лежитъ сравненіе.

Подобно тому какъ пестрое, не какъ таковое, привлекаетъ

мальчика, но какъ нѣчто духовное, такъ и въ сказкѣ, сказаніи; не пестрыя фигуры, съ которыми онъ тутъ встрѣчается, привлекаютъ его, а духовное и жизнь, являющаяся въ нихъ какъ бы масштабомъ для духа и жизни мальчика; это какъ бы непосредственное наблюденіе раскрытой жизни, свободно дѣйствующей по лежащимъ въ ней самой законамъ силы. Разсказъ выводитъ другихъ людей, другія условія жизни, другія времена и мѣста, совсѣмъ другія лица, и все-таки слушающій ищетъ свой образъ; онъ его видитъ, и никто не можетъ ему сказать: это твой образъ.

Вѣдь многіе навѣрно видѣли и слышали и даже сами испытали, какъ прежде всего мальчики нѣсколько моложе того возраста, котораго развивающуюся силу и жизнь мы теперь наблюдаемъ, слышали отъ своей матери самые простые разсказы, напримѣръ, о поющей, летающей, вьющей свое гнѣздышко и кормящей своихъ дѣтокъ птичкѣ, разъ шесть и снова просили имъ разсказать то же самое. Но и съ мальчиками, жизнь которыхъ мы хотимъ понять и уяснить себѣ, дѣло обстоитъ точно такъ же. «Разскажи намъ что-нибудь», говорятъ часто уже слушавшіе своему собесѣднику, уже не разъ охотно разсказывавшему. «Я больше ничего не знаю, я вамъ все разсказалъ». — «Ну, такъ разскажи вотъ такую или вотъ ту исторію». «Я вѣдь вамъ каждую изъ нихъ разсказывалъ раза два, три». — «Ничего, разскажи намъ ее еще разъ!» — Онъ разсказываетъ, и посмотрите, какъ его слушатели внимательны, какъ они ловятъ всякое слово изъ его устъ, словно они его никогда не слышали. Не склонность къ умственной бездѣтельности влечетъ живого, свѣжаго мальчика къ разсказу; слушаніе настоящаго, дышащаго жизнью и вызывающаго жизнь разсказа не потворствуетъ бездѣтельности ума; посмотрите, какъ все напряжено въ слушатель; вы можете наблюдать, какъ у настоящаго разсказчика въ настоящемъ слушатель проявляется внутренняя жизнь, словно, поднимаясь изъ самой себя, она измѣряетъ себя. Это служитъ доказательствомъ, что въ разсказѣ лежитъ высшее, духовное дѣйствіе, что мальчика привлекаютъ не пестрыя лица, что духъ говорить въ нихъ духу. Зато настоящему разсказчику

открываются уши и сердце, какъ цвѣтокъ открывается весеннему солнышку и майскому дождю; духъ дышетъ духомъ, сила чувствуетъ силу и какъ бы впитываетъ ее въ себя. Разсказъ — это настоящая, укрѣпляющая духовная среда, это школа для упражненія духа и силъ, школа для проверки собственнаго сужденія и собственнаго чувства. Но въ силу этого-то настоящій, такъ дѣйствующій разсказъ не легкая вещь, такъ какъ разсказчикъ долженъ всецѣло воспринять въ себя жизнь, долженъ дать ей въ себѣ цѣльно и свободно жить и дѣйствовать; онъ долженъ передавать ее цѣльно и несокращенно и все-таки стоять выше жизни въ ея дѣйствительномъ проявленіи. Это-то умѣнье стоять выше жизни и все-таки воспринимать жизнь и возбуждаться жизнью и создаетъ настоящаго разсказчика. Поэтому-то обыкновенно хорошо разсказываетъ молодежь или старики; хорошо разсказываетъ мать, которая только и живетъ въ своемъ ребенкѣ и со своимъ ребенкомъ и заботится только объ уходѣ за нимъ. Мужъ и отецъ, захваченный и увлеченный жизнью, мужъ и отецъ, который, долженъ отгонять отъ семьи заботы и недочетки, тяжесть и нужду и т. д., рѣдко въ состояніи будетъ хорошо разсказывать, т.-е. такъ разсказывать, чтобы это плѣняло дѣтей, особенно захватывало бы ихъ жизнь, укрѣпляло и возвышало бы ее.

На нѣсколько лѣтъ только старшій братъ или сестра, не познавшіе еще жизни въ ея суровой дѣйствительности, еще несвязанные ею и не ожесточенные, какъ бы еще стоящіе внѣ ея, и, возвышающійся надъ нею, многоопытный, сбросившій съ себя бремя жизни или полнѣе его познавшій дѣдушка или старикъ и старый испытанный и просветленный слуга, которому сознание честнаго исполненія обязанностей наполняетъ сердце довольствомъ, — вотъ любимцы слушающихъ мальчиковъ. Тутъ излишне прибавлять практическое примѣненіе, или выдвигать мораль: разсказанная жизнь, сама по себѣ, въ какодѣ бы ни было видѣ, даже если она явилась лишь дѣйствующею силою, своими причинами, дѣйствіями и послѣдствіями произвела большее впечатлѣніе, чѣмъ это сдѣлаютъ и могутъ сдѣлать

прибавленное въ разсказѣ практическое примѣненіе или подчеркнутая мораль, потому что кто можетъ знать, что надо было открывшейся душѣ, возбужденной, чувствовавшей только себя жизни. — Мы слишкомъ мало разсказываемъ нашимъ дѣтямъ, въ лучшемъ случаѣ исторіи, герои которыхъ манекены и безжизненные и нами сочиненныя куклы.

Хорошій разсказчикъ — неоцѣненное сокровище; благо тому кружку мальчиковъ, который имъ располагаетъ онъ имѣть большое вліяніе, облагораживающее вліяніе, тѣмъ болѣе облагораживающее, чѣмъ меньше онъ задается, повидимому, этой цѣлью; низко и почтительно кланяюсь я настоящему разсказчику и съ искреннею благодарностью жму ему руку, но у него есть лучший привѣтъ, чѣмъ мой: посмотрите, какія радостныя лица, блестящіе глаза и шумный восторгъ встрѣчаютъ его и какой цвѣтущій кружокъ радостныхъ мальчиковъ толпится вокругъ него, какъ вѣнокъ свѣжихъ цвѣтовъ и вѣтвей вокругъ пѣвца радости и веселья.

Но мальчикамъ этого возраста подобаешь духовная дѣятельность, въ особенности въ соединеніи съ физической; кромѣ того, разбуженная и возбужденная внутренняя жизнь должна тотчасъ имѣть внѣшній предметъ, на которомъ она могла бы выразиться и какъ бы добыть себѣ прочное существованіе. Поэтому мальчики этого возраста всегда выслушивание разсказовъ должны соединять съ производствомъ внѣшняго дѣла.

Но разсказъ, чтобы имѣть значеніе и производить впечатлѣніе, долженъ касаться также жизни, случаевъ и происшествій жизни: самое незначительное на видъ событіе въ жизни сосѣда можетъ затѣмъ превратиться въ происшествіе такой важности, что оно рѣшитъ не только вопросъ о его внутреннемъ мирѣ и покоѣ и внѣшнемъ благосостояніи, но и задѣнетъ жизнь многихъ другихъ лицъ.

Что есть похожаго въ предѣлахъ собственной жизни или случилось со знакомыми ему друзьями, все это присоединяется къ событію дня; и обратите вниманіе, какъ волнуется, превращаетъ въ слухъ дѣйствительное событіе мальчика.

Каждый разъ беретъ онъ его, какъ завоеваніе, стремится къ нему, какъ къ сокровищу, и заключаетъ для своего развитія и поученія то, чему онъ учитъ, въ свою жизнь.

Жизнь на свободѣ, на лонѣ природы, въ особенности важна для молодого человѣка; она развиваетъ и укрѣпляетъ, возвышаетъ и облагораживаетъ; благодаря ей во все вносятся жизнь и высшее значеніе. Поэтому слѣдуетъ высоко цѣнить маленькія путешествія и болѣе далекія прогулки, какъ прекрасное средство воспитанія и обученія уже въ такомъ возрастѣ, когда только-что начнется школьное обученіе для мальчиковъ. Поэтому, если человѣкъ хочетъ достигнуть вполне своего назначенія, если онъ хочетъ развиться до той ступени, которой онъ можетъ достигъ на землѣ, и если онъ хочетъ дѣйствительно сдѣлаться существомъ цѣльнымъ и крѣпкимъ, то онъ долженъ чувствовать, знать и сознавать себя чѣмъ-то цѣлымъ, какъ съ Богомъ и человѣчествомъ, такъ и съ природою. Это чувство цѣлаго, чтобы сдѣлаться цѣлымъ, должно съ раннихъ лѣтъ вырасти съ человѣкомъ; онъ долженъ смутно предчувствовать связь развитія природы и человѣка, явленій природы и человѣческихъ въ ихъ взаимоотношеніяхъ; на примѣръ, различное впечатлѣніе на одного и того же человѣка, обусловленное внѣшними, исходящими изъ природы, или внутренними, исходящими изъ человѣка, условіями, чтобы человѣкъ по возможности могъ проникнуть въ природу по ея явленіямъ и сущности и чтобы она все болѣе становилась ему тѣмъ, чѣмъ должна дѣлаться: путеводительницей къ высшему совершенству.

Въ духѣ такого согласія, единенія и живой принадлежности другъ къ другу всѣхъ явленій природы и въ проникновеніи тою мыслью, съ какою необходимостью, въ силу сущности жизни и силы самой по себѣ, изъ единства возникло и возникаетъ множество, изъ простоты многообразіе, изъ незначительнаго на видъ великое по впечатлѣнію — въ такомъ духѣ должны разсматриваться особенно всѣ болѣе значительныя прогулки и небольшія путешествія въ этомъ возрастѣ и то, что онъ даютъ нашему наблюденію. Поэтому-то во время путешествія всѣ мальчики и стремятся такъ впередъ,

чтобы быстро воспринять нѣчто большое и цѣльное; отысканіе единичнаго приносить тѣмъ больше радости, что относительно большее (но отнюдь не возможно большее) цѣлое уже было воспринято. Эти небольшія путешествія и отдаленныя прогулки должны научить мальчика смотрѣть на мѣстность, въ которой онъ живетъ, какъ на нѣчто цѣльное, и природу чувствовать и сознать, какъ нѣчто постоянно цѣльное. Безъ этого какую бы непосредственную духовную пользу принесли эти прогулки питомцу? Онѣ сдѣлали бы его мертвымъ, а не живымъ, внесли бы пустоту, а не полноту. Какъ человѣкъ разсматриваетъ воздухъ, которымъ онъ окруженъ, какъ нѣчто принадлежащее къ нему, и для физическаго здоровья вдыхаетъ чистый воздухъ, точно такъ же онъ долженъ и природу въ ея чистомъ видѣ, повсюду его окружающую, причислять къ себѣ и дать проникнуть въ себя Божественному Духу, царящему въ ней. Поэтому мальчикъ долженъ рано созерцать и познавать предметы природы въ ихъ истинномъ сочетаніи и основномъ соотношеніи; онъ прежде всего во время своихъ отдаленныхъ прогулокъ долженъ изучить сначала до конца свою долину; онъ долженъ пройти прилежащія долины въ ихъ развѣтвленіяхъ; пусть онъ изслѣдуетъ свой ручеекъ или рѣчку отъ источника до устья и разсмотритъ мѣстныя особенности и ихъ причины; пусть онъ прогуляется по плоскогорію, чтобы ему сдѣлались ясными развѣтвленія горъ; пусть онъ поднимается на самыя высокія вершины, чтобы уяснить себѣ картину всей мѣстности и дать себѣ въ ней отчетъ. Въ какихъ взаимоотношеніяхъ находятся гористая и ровная поверхность и образованіе и теченіе рѣки, — это онъ долженъ почерпнуть изъ созерцанія самихъ предметовъ. Продукты горъ, долинъ и равнинъ, земли и воды онъ долженъ наблюдать на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они созданы; наблюдая въ низинѣ окатыши, рѣчные и полевые камни, пусть онъ поднимется на высоты и разыщетъ тамъ мѣста, гдѣ они раньше лежали и образовались. Животныхъ и растенія мальчики во время этихъ своихъ прогулокъ и путешествій должны созерцать, какъ бы въ ихъ жизни и въ ихъ обычныхъ жилищахъ, какъ одни изъ нихъ какъ

бы впитываютъ въ себя свѣтъ и тепло, а другія ищутъ темноты и тѣни, пролады и сырости; пусть мальчикъ видитъ, какъ предметы природы, ищущіе тѣни, примыкаютъ къ дающему тѣнь, какъ бы имъ производятся, а ищущіе свѣта и тепла примыкаютъ къ тому, что доставляетъ доступъ свѣту и развиваетъ тепло. Пусть на этихъ прогулкахъ мальчикъ всесторонне наблюдаетъ, какъ мѣстопробываніе и питаніе, повидимому, обусловливаютъ цвѣтъ и даже формы предметовъ природы съ высшею жизненною дѣятельностью; какъ, на примѣръ, гусеница и бабочка и насѣкомое съ растенія, какъ по формѣ своей, такъ и по цвѣту связаны съ растеніемъ, къ которому онѣ какъ бы принадлежать; не должно ускользнуть отъ его вниманія, какъ это внѣшнее сходство служить защитою и какъ болѣе развитыя животныя почти-что обдуманно пользуются этимъ сходствомъ для своей защиты; на примѣръ, птицы, зяблики при устройствѣ гнѣздъ почти неразличимы отъ дерева и вѣтвей, на которыхъ они находятся; мало того, какъ время жизни и выраженіе цвѣта, у животныхъ находится въ соотвѣтствіи съ характеромъ времени дня, значить дѣйствія солнца: у дневной бабочки яркіе, живые цвѣта, у ночной темные и т. п., и т. п. Путемъ самостоятельнаго наблюденія, нахожденія, созерцанія постоянной живой связи въ природѣ, посредствомъ непосредственнаго наблюденія вещей и природы, а не посредствомъ словесныхъ объясненій и понятій, для которыхъ у мальчика нѣтъ въ себѣ образовъ, въ немъ рано, сначала смутно, а потомъ все яснѣй и яснѣй будетъ развиваться великая мысль о внутренней, постоянной и живой связи всѣхъ вещей и явленій въ природѣ.

Но и человѣкъ, прежде всего его жизнь, занятія и ремесло его, затѣмъ его общественное положеніе, его характеръ, образъ мыслей и дѣйствій, особенно нравы, обычаи и языкъ: равнина и соотвѣтственныя особенности рѣчи, — все это въ своей естественной связи должно выясниться ему во время путешествій. Впрочемъ, это и въ дѣйствительности и въ указаніяхъ откладывается до болѣе позднихъ ступеней развитія и образования мальчика и юноши.

d) Средства образования, применимые преимущественно в школах.

При предыдущем рассмотрении связанных непосредственно и необходимо с стремлением человека к саморазвитию, как нечто целое с ним, средств обучения и обусловленного этим способа обучения, потребность изучения чисел, пространства, прежде всего формы, упражнений в разговор, письма и чтения ясно и определенно вытекала для мальчика и ученика из наблюдения внешнего мира и упражнений в языке; при этом с необходимостью обозначались точки, когда каждый из этих предметов как бы сам собою вырастает из прежнего более общего, как особенная ветвь, учения.

Так как эти предметы обучения и преподавания по природе своей позже вступают в свои права, чем рассмотренные выше, — тогда, когда обосновывающие и их развивающие предметы доведены до известной точки, то и рассмотренные и изложение их откладывалось до тех пор, пока не было окончено изложение этих последних.

Но указанные предметы преподавания принадлежат еще ко второй половине подлежащего рассмотрению детского возраста, поэтому рассмотрение их по необходимости непосредственно примыкает к рассмотрению только-что пройденных предметов.

1. Учение о числах.

Развитие числа, отвлечение предметного наблюдения и впечатления от числового понятия и умение считать, по крайней мере, до десяти или двадцати — это все ясно из предыдущего, когда представлялся и случай упражняться в раннее рассмотренном. Благодаря этому многостороннему применению числа, у ученика является сознание необходимости более основательного, широкого, многостороннего знания числа; таким образом появление учения о числах, как отдельного

предмета преподавания, для него вещь необходимая и радостная. И так, собственно, всегда должно быть; ученик не должен знакомиться ни с одним предметом преподавания, о связи которого с предыдущим он не имел бы хоть смутного представления, не знал бы его применения и не чувствовал бы, что он необходим человеческому уму.

Число, как множество и величина, сейчас же на первый взгляд обнаруживает свойство, общее с различными предметами, особенно предметами природы, именно двойное возникновение: извне посредством нагромождения и изнутри посредством роста, увеличения, возвышения из себя. Как число разделяет с предметами природы способ возникновения так разделяет оно и свойство проходимости, исчезновения, уничтожения. Но и это уничтожение представляет двойную разницу: уничтожение является как бы разрушением извне, или внутренним уничтожением, как бы разложением изнутри.

Но везде, где есть возникновение и уничтожение, умножение и уменьшение, там есть и равенство, сравнение, и опять-таки одно чисто внешнее другое более внутреннее, сравнение по внешне-видимому или внутренне-обнаруживаемому закону. Таким образом учение о числах распадается на учение

о образовании чисел
по внешнему, по внутреннему закону,
о уничтожении чисел
по внешнему, по внутреннему закону
и
сравнение чисел
по внешнему, по внутреннему закону.

Эта только-что намеченная внутренняя связь природы и числа, законов числа и природы, и теперь, — когда сущность природы повсюду так близко и живо касается человека, что он далее не может отклонить от себя наблюдения всюду выражающихся законов природы — так непреодолимо выступала наружу, что, при рассмотрении и изучении числа по законам природы и разума, уже в продолжение десяти

тильгтій явились какъ бы произвольно выраженія: неорганическое и органическое образованіе, уничтоженіе и сравненіе числа.

Но не только раннему и уже въ дѣтскомъ возрастѣ выражающемуся предчувствію многосторонняго проявленія законовъ природы въ жизни, мышленіи и дѣйствіи челоуѣка, но вообще предчувствію всесторонней, живой и необходимой закономерности во всѣхъ дѣлахъ должно идти навстрѣчу преподаваніе, значить и ученіе о числахъ, а поэтому оно вездѣ должно обращать вниманіе на законы числовые, подчеркивать ихъ и заставлять ихъ ясно сознавать.

Подчеркиваніе, многостороннее живое наблюденіе числовыхъ законовъ, равно какъ и усвоеніе быстрого воспріятія и проникновенія въ числовыя отношенія — то и другое одинаково важно, ни одно не должно отгнаться другимъ; ученики на этой ступени должны имѣть полный навыкъ въ числахъ; они должны себѣ наглядно и живо представлять числовыя отношенія. Поэтому самостоятельное изображеніе и, такимъ образомъ, ясное наблюденіе и усвоеніе числовыхъ отношеній на множествахъ, заучиваніе, повторное примѣненіе ихъ, обозрѣніе цѣлаго, выдѣленіе единичнаго, совмѣстное разъясненіе — все это является существеннымъ въ этомъ преподаваніи, какъ и при всякомъ прохожденіи подобнаго предмета.

Ходъ ученія легко опредѣляется изъ только-что сказаннаго и легко можетъ быть выработанъ дальше по тому, что теперь уже извѣстно. Въ видѣ указаній намѣтимъ только слѣдующее:

1. Связь съ предыдущимъ:

Проуѣрка твердости словеснаго счисленія.

Счетъ отъ одного до двадцати, впередъ и обратно, безпрерывно или съ выпусканіемъ и скачками.

2. Представленіе и наблюденіе числового ряда, какъ постояннаго цѣлаго.

«Считайте отъ одного до десяти и каждый разъ проводите столько вертикальныхъ лиій (единичной длины), сколько

обозначаетъ числительное, т.-е. при одномъ |, при двухъ ||, и т. д. и при этомъ въ вертикальномъ направленіи: одна линія подъ другой:

(одинъ) . . . |
 (два) . . . | |
 (три) . . . | | |
 (четыре) . . | | | | и т. д.

«Сдѣлали ли вы это?» — «Что вы сдѣлали?»

«Мы считали отъ одного до десяти и каждый разъ»... и т. д.

«Хорошо! такимъ образомъ вы изобразили естественный рядъ всѣхъ чиселъ отъ одного до десяти.

«Что вы изобразили?»

Подчеркнуть, наблюсти и сознать взаимоотношеніе между словомъ и множествомъ, самымъ числомъ:

исходя отъ слова:

учитель и ученикъ говорятъ вмѣстѣ, при чемъ указывается на изображенный рядъ:

Одинъ есть | . . . . (одна единица).
 Два — | | . . . (двѣ единицы).
 Три — | | | . . (три единицы)
 и т. д.

Исходя отъ числа или количества:

учитель и ученикъ говорятъ вмѣстѣ съ указаніемъ на изображенный рядъ:

| (одна единица) — одинъ;
 | | (двѣ единицы) — два;
 | | | (три единицы) — три
 и т. д.

Слово и количество переходятъ другъ въ друга, являются однимъ, или число разсматривается въ чистомъ видѣ:

| одинъ есть одинъ;
 | | два есть два;
 | | | три есть три
 и т. д.

Совмѣстный разборъ учителя и ученика, какъ въ предыдущемъ.

3. Разъясненіе и усвоеніе чисель, какъ четныхъ и нечетныхъ.

Учитель и ученикъ, какъ всегда вмѣстѣ, при непосредственномъ наблюденіи предмета:

| одинъ — ни четное, ни нечетное число;
 | | два — четное число;
 | | | три — нечетное число
           и т.д.

Понятія четнаго и нечетнаго числа здѣсь только указываются, обосновываются позже.

Хорошо будетъ сейчасъ же здѣсь обратить вниманіе ученика на важный, имѣющій широкое примѣненіе законъ природы и мышленія; вотъ онъ: между двумя относительно различными вещами и понятіями всегда есть третье, какъ бы объединяющее оба, находящееся въ серединѣ, какъ бы въ равновѣсіи, такъ здѣсь между четными и нечетными числами — число, которое не принадлежитъ ни къ тому, ни къ другому; также въ формѣ между острымъ и тупымъ угломъ — прямой уголъ; въ языкѣ между ударяемыми слогами и согласными звуками простыя гласныя. Мыслящій учитель и побуждаемый къ самостоятельному мышленію ученикъ не можетъ не обращать за частую вниманія на этотъ и другіе важные законы.

Изображеніе всѣхъ четныхъ чисель послѣдовательно до десяти.

«Изобразите всѣ четныя числа въ ихъ послѣдовательности до десяти, и при этомъ такъ, чтобы мѣста для лежащихъ между нечетныхъ чисель оставались свободными и незанятыми»:

| |
 | | | |
 | | | | | и т.д.

Названіе этого последовательная ряда, какъ естественнаго ряда всѣхъ четныхъ чисель послѣдовательно до десяти.

Точно такъ же съ нечетными.

Какъ только отдѣльные ученики изобразили это на своихъ аспидныхъ доскахъ, учитель изображаете то же для всѣхъ на большой доскѣ, и при своихъ отвѣтахъ ученики должны имѣть въ виду эти изображенія чисель на большой или на ихъ доскахъ или же учитель, указывая на нпхъ, долженъ обращать вниманіе учениковъ на эти изображенія.

Отдѣльные вопросы, вытекающіе изъ преподаванія, напримѣръ:

| | | | (показывая на самое число) «четыре, которое четное число?»

| | | | | «пять, которое нечетное число?»

«Сколько четныхъ чисель отъ одного до десяти?»

«Сколько нечетныхъ чисель отъ одного до десяти?»

«Больше ли четныхъ или нечетныхъ чисель въ естественномъ рядѣ всѣхъ чисель отъ одного до десяти?»

«Почему больше четныхъ, чѣмъ нечетныхъ?»

4. Образование числа путемъ присоединенія извнѣ.

«Прибавляйте къ каждому числу естественнаго ряда всѣхъ чисель до десяти | и посмотрите, что каждый разъ выйдетъ».

Совмѣстное разъясненіе съ указаніемъ

| и | составляетъ | |
 | | и | составляетъ | | |
                                   и т. д.

Выдѣленіе отдѣльныхъ вопросовъ...

«Если къ каждому числу естественнаго ряда всѣхъ чисель до десяти прибавить |, что изъ этого опять выходитъ?»

«Опять естественный рядъ всѣхъ чисель, но отъ двухъ до одиннадцати».

«Если вы прибавляете къ числу |, какое получается всегда число?»

«Слѣдующее большее число».

«Прибавляйте къ каждому числу естественнаго ряда всѣхъ четныхъ чисель всегда | и посмотрите, что всегда будетъ получаться».

Совмѣстное прохожденіе:

| | и | составляетъ | | | и т. д.

«Если къ четкому числу прибавляется |, какое тогда число всегда получается?»

«Нечетное число».

«Если къ каждому числу естественнаго ряда всѣхъ четныхъ чиселъ прибавлять постоянно |, что получается опять?»

«Естественный рядъ всѣхъ нечетныхъ чиселъ».

Точно такъ же ведется дѣло съ числами естественнаго ряда всѣхъ нечетныхъ чиселъ.

Выдѣленіе и общее прохожденіе обоихъ законовъ:

Если прибавить къ четному числу |, получается всегда нечетное.

Если къ нечетному числу прибавить | получается всегда четное.

Какъ до сихъ поръ все время прибавлялся |, такъ теперь слѣдуетъ прибавлять къ каждому изъ трехъ различныхъ рядовъ | |.

(Ходъ ученія тотъ же).

Подчеркнуть и вмѣстѣ пройти законы:

Если къ числу прибавляется | |, то получается всегда второе изъ слѣдующихъ за нимъ чиселъ.

Если къ каждому числу естественнаго ряда всѣхъ чиселъ постоянно прибавлять | |, то возникаешь снова естественный рядъ всѣхъ чиселъ отъ трехъ до двѣнадцати.

Если къ четному числу прибавляется | |, то получится опять четное число.

Если къ нечетному числу прибавить | |, то получится опять нечетное число.

Если прибавлять къ каждому числу естественнаго ряда всѣхъ четныхъ чиселъ всегда | |, возникаешь снова естественный рядъ всѣхъ четныхъ чиселъ отъ четырехъ до двѣнадцати;

и т. д.

Точно такъ же присоединяють | | | и | | | | и т. д.

При присоединеніи | | | возникаетъ третье слѣдующее число, а | | | | — четвертое и т. д.

Отсюда общій законъ: если къ какому-нибудь числу присоединить другое число, то полу-

чается слѣдующее число, отстоящее отъ даннаго настолько, сколько единицъ въ прибавленномъ.

«Прибавляйте къ каждому числу естественнаго ряда всѣхъ чиселъ слѣдующее число и посмотрите, что получится? — Изобразите результата на вашихъ доскахъ».

	и		составляетъ	
	и		составляетъ	
	и		составляетъ	и т. д.

Совмѣстный разборъ и выдѣленіе отдѣльныхъ вопросовъ, на примѣръ:

«Третье и четвертое число сколько составляютъ? — или: будетъ которое число?»

Законъ: если къ каждому числу естественнаго ряда всѣхъ чиселъ присоединяется постоянно слѣдующее число, то возникаетъ естественный рядъ всѣхъ нечетныхъ чиселъ отъ трехъ до девятнадцати.

Точно то же продѣлывается съ рядами четныхъ и нечетныхъ чиселъ.

Выдвинуть и совмѣстно разобрать слѣдующіе законы.

Четное число съ четнымъ всегда даетъ четное.

Нечетное число съ нечетнымъ всегда даетъ четное.

Четное число съ нечетнымъ всегда даетъ нечетное.

Общій законъ: два числа одинаковаго свойства всегда даютъ въ результатѣ четное число; два числа неодинаковаго свойства даютъ нечетное число.

Если къ каждому числу естественнаго ряда всѣхъ четныхъ чиселъ прибавлять слѣдующее четное число, то получается увеличивающійся на четыре рядъ четныхъ чиселъ отъ шести до восемнадцати.

Если къ каждому числу естественнаго ряда всѣхъ нечетныхъ чиселъ прибавить слѣдующее, то получается увеличивающійся на четыре рядъ четныхъ чиселъ отъ восьми до шестнадцати.

Подобно тому, какъ до сихъ поръ складывалось только два числа, теперь слѣдуетъ складывать три и больше чиселъ. Напримѣръ:

| | , | | и | сколько составить?

Начинать нужно съ небольшихъ чиселъ и не переходить пока за тридцать. Здѣсь выпрашивание и самостоятельное изображеніе на доскѣ особенно важно. Изъ самостоятельнаго изображенія вытекаютъ и доказательства и «почему».

Важно складываніе

1-го и 2-го, затѣмъ,

1-го, 2-го и 3-го, затѣмъ,

1-го до 4-го числа и т. д. въ естественной послѣдовательности чиселъ.

Затѣмъ совмѣстный разборъ и выдѣленіе отдѣльных вопросовъ: «Сколько составляетъ первое и второе число?» — «Сколько составляетъ первое — до третьяго числа?» — и т. д. «Чему равна сумма всѣхъ чиселъ отъ одного до десяти?» — «Чему равна сумма всѣхъ четныхъ чиселъ до десяти?» — «Чему равны всѣ нечетныя числа до десяти?» —

Очень важны слѣдующіе вопросы: «Чему равна въ естественномъ послѣдовательномъ рядѣ всѣхъ чиселъ отъ одного до десяти сумма перваго и послѣдняго числа?» — «Чему равна сумма второго числа отъ начала и съ конца?» — «Чему всегда равны во всѣхъ этихъ случаяхъ суммы?» —

Также съ рядами четныхъ и нечетныхъ чиселъ.

Общій законъ: суммы двухъ чиселъ, отстоящихъ на равное разстояніе отъ концовъ послѣдовательнаго ряда чиселъ, всегда равны другъ другу.

5. Рассмотрѣніе составныхъ единицъ.

«Изобразите на вашихъ доскахъ естественный (послѣдовательный) рядъ всѣхъ чиселъ отъ одного до десяти».

Учитель дѣлаетъ то же самое на большой доскѣ.

Учитель говоритъ затѣмъ, показывая на доску, куда всѣ смотреть:

| одинъ есть единица,

| | два раза одинъ, какъ цѣлое, есть двойка,

| | | три раза одинъ, какъ цѣлое, есть тройка и т. д.

То, что мы мыслимъ, какъ недѣлимое цѣлое, называется «единица».

Учитель говоритъ; ученики повторяютъ:

| одинъ — простая единица

| | двойка — составная единица

| | | тройка — составная единица и т. д.

«Изобразите на вашей доскѣ нѣсколько двоекъ»

«Изобразите нѣсколько четверокъ» и т. д.

«Изобразите послѣдовательный рядъ всѣхъ двоекъ отъ одной двойки до десяти на вашей доскѣ».

«Можно также изобразить послѣдовательный рядъ троекъ или четверокъ?»

Учитель и ученики совмѣстно:

| | одна двойка — ни четное, ни нечетное число двоекъ.

| | | | двѣ двойки — четное число двоекъ.

| | | | | и т. д.

Съ составными единицами дѣло ведется точно такъ же, какъ съ простыми; тѣмъ не менѣе именно изъ-за этого составнаго слѣдуетъ подольше останавливаться на этихъ упражненіяхъ, особенно съ такими мальчиками, которые нелегко схватываютъ и обобщаютъ сказанное.

Очень важнымъ упражненіемъ, въ особенности съ точки зрѣнія отношенія числа къ природѣ, также съ точки зрѣнія законовъ, скрытыхъ въ самомъ числѣ и въ другихъ числовыхъ отношеніяхъ, является:

6. Изображеніе чиселъ въ разныхъ формахъ.

«Можетъ мнѣ кто-нибудь представить количество «два» различнымъ образомъ? — Кто можетъ, пусть сдѣлаетъ».

«Какъ можно изобразить два?» —

«Посредствомъ двухъ (| |) или двойки (| |)».

«Можно ли и тройку изобразить въ различныхъ видахъ (формахъ)?» —

«Представьте мнѣ всѣ формы»

|| . ||| . |||| .

«Сколькими способами можно изобразить четыре?» —

«Посредствомъ |||| . |||| . |||| . |||| . ||||, т-е. посредствомъ четверки, посредствомъ тройки и единицы, двухъ двоекъ и т. д.».

Съ учениками юными и слабыми не слѣдуетъ идти дальше семи.

Особенно важно разысканіе закона для нахождения всѣхъ формъ, въ которыхъ можно изобразить число.

Законъ этотъ, правда, проявляется самъ собою, если слѣдовать ходу, согласно которому развиваются сами формы, но такъ какъ здѣсь требуются частые выводы и большія обзорѣнія всего, то нахожденіе этого закона естественно, обыкновенно, откладывается до слѣдующей ступени изученія чисель, если, конечно, не имѣемъ на этой ступени дѣла съ особенно развитыми учениками.

Законъ же самый гласитъ: каждое слѣдующее число даетъ всегда вдвойнѣ столько формъ, сколько предыдущее (считая всѣ формы и тѣ, которыя различаются лишь по положенію) или непосредственное опредѣленіе:

количество формъ каждаго числа получается, если помножить 2 столько разъ на себя, сколько опредѣляемое число имѣетъ единицъ безъ одной; напримѣръ, 4 даетъ $(4-1)=3=2^3=8$ формъ.

7. Уменьшеніе и уничтоженіе числа извнѣ проводится совершенно такъ же, какъ образованіе числа извнѣ; собственно наоборотъ, выводятся обратные законы и разъясняются.

8. Образованіе числа изнутри, по внутреннему закону, или образованіе чисель по закону или опредѣленію другого числа, или образованіе числа посредствомъ умноженія на самого себя.

«Изобразите послѣдовательный рядъ всѣхъ чисель отъ одного до десяти на вашихъ доскахъ и повторите каждое

число столько разъ, сколько въ одномъ единицъ, и посмотрите, что изъ этого выйдетъ».

Они изображаютъ:

| . | . |.
|| . | . ||.
||| . | . |||.

и т. д.

Совмѣстный разборъ:

одинъ имѣетъ одну единицу.

|, взятое столько разъ, сколько | имѣетъ единицъ, или взятое | разъ, даетъ |.

||, взятое столько разъ, сколько | имѣетъ единицъ, или взятое | разъ, даетъ ||.

|||, взятое столько разъ и т. д.

и т. д.

Иначе произнесенное:

|, по закону | повторенное, даетъ |,
| » » | » » ||,
||| » » | » » |||,

и т. д.

Еще иначе произнесенное и совмѣстно разобранное:

|, по закону | поименованное, даетъ |,
| » » | » » ||,
||| » » | » » |||,

и т. д.

Иначе произнесенное и вмѣстѣ разобранное:

|, | взятое, даетъ |,
||, | » » ||,
|||, | » » |||,

и т. д.

Дальше:

| . | разъ даетъ |,
 || . | разъ даетъ ||,
 ||| . | разъ даетъ |||,
 и т. д.

Наконецъ:

| разъ | даетъ |;
 | разъ || даетъ ||,
 | разъ ||| даетъ |||,
 и т. д.

«Изобразите опять послѣдовательный рядъ всѣхъ чиселъ отъ одного до десяти на вашихъ доскахъ и возьмите «одинъ» столько разъ, сколько въ каждомъ числѣ единицъ, и посмотрите, что выйдетъ».

Это можетъ быть опять произнесено однимъ или нѣсколькими изъ вышеуказанныхъ способовъ.

Точно такъ же, какъ здѣсь и въ предыдущемъ, дѣло ведется съ | | , | | и каждымъ изъ послѣдующихъ чиселъ и проводится однимъ или нѣсколькими изъ указанныхъ способовъ.

Цѣль этого разнообразнаго разбора заключается въ томъ, чтобы ученикъ созналъ внутреннее значеніе выраженія «разъ» и понялъ бы, что оно предполагаетъ внутреннее опредѣленіе другого числа.

«Повторите | | (двойку) столько разъ, сколько каждое число послѣдовательнаго ряда всѣхъ чиселъ имѣетъ единицъ;

затѣмъ каждое число послѣдовательнаго ряда всѣхъ чиселъ — столько разъ, сколько въ двойкѣ | | единицъ;

посмотрите, что выйдетъ въ обоихъ случаяхъ, и поставьте оба ряда рядомъ».

Они изображаютъ:

| (разъ) | | (составляетъ) | | (два) и
 | (раза) | » | | (два)

| | (раза) | | (составляетъ) | | | | (четыре) и
 | | » | | » | | | | (четыре)
 | | | » | | » | | | | | (шесть) и
 | | » | | | » | | | | | (шесть)
 | | | | » | | » | | | | | | и
 | | » | | | | » | | | | | |
 и т. д.

Отдѣльные вопросы то изъ одного ряда, то изъ обоихъ рядовъ.

«Два раза семь и семь разъ два — сколько каждое?» —

«Чѣмъ отличаются оба образованія четырнадцати?» —

Такъ можно установить и ряды различныхъ способовъ повторенія тройки и четверки и оба ряда сравнить другъ съ другомъ.

Теперь задаются вопросы по всѣмъ направленіямъ.

«Шесть разъ девять, сколько единицъ?» —

«Если ты возьмешь каждое число послѣдовательнаго ряда всѣхъ чиселъ столько разъ, сколько | имѣетъ единицъ, что изъ этого выходитъ?» —

«Всегда само число».

«Когда вы берете каждое число столько разъ, сколько | | имѣетъ единицъ, какого рода число получается?» —

«Всегда четное число».

«Если вы возьмете каждое число столько разъ, сколько четверка имѣетъ единицъ, какого рода число получается?» —

«Всегда четное число».

«Какія числа два и четыре?» —

«Четныя числа».

«Какой отсюда слѣдуетъ законъ?» —

«Каждое число, взятое четное число разъ, въ результатѣ даетъ всегда четное число».

«Возьмите каждое число три, затѣмъ пять разъ и посмотрите, что изъ этого выйдетъ?»

«Четныя и нечетныя числа».

«Значить, — законъ». —

«Каждое число послѣдовательнаго ряда,

взятое нечетное число разъ, даетъ нечетный или четныя числа».

Такъ же слѣдуетъ вывести и слѣдующіе законы.

Каждое четное число, взятое четное число разъ или нечетное число разъ, даетъ всегда четное число.

Нечетное число, взятое четное число разъ, даетъ четное число.

Нечетное число, взятое нечетное число разъ, даетъ нечетное число.

9. О квадратныхъ числахъ.

«Изобразите послѣдовательный рядъ всѣхъ чиселъ отъ одного до десяти на вашихъ доскахъ; возьмите каждое число этого ряда столько разъ, сколько оно имѣетъ единицъ, и посмотрите, какой будетъ результатъ».

Совмѣстное произнесеніе.

|, | разъ даетъ | одинъ,
 ||, || раза » |||| четыре,
 |||, ||| » » ||||| девять, и т. д.

«Что мы сдѣлали?»

«Мы каждое число повторили столько разъ, сколько оно имѣетъ единицъ».

«Или?»

«Мы умножили каждое число по его собственному закону».

Количество или число, которое получается, когда я множу число по его собственному закону, или на самого себя, называется квадратомъ числа».

Отдѣльные вопросы: «Чему равняется квадратъ такого-то или такого-то числа?»

Отъ какого числа то или другое число, напр., 64 является квадратомъ?

«Число, для котораго другое число является квадратомъ, называется корнемъ этого квадрата или квадратнымъ корнемъ».

«Можно ли взять извѣстное число число разъ, равное квадрату какого-нибудь числа?»

«Да, напримѣръ: пять, взятое девять разъ».

«Можно ли квадратное число повторить квадратное число разъ?»

«Да, напримѣръ, девять взятое четыре раза».

Дальнѣйшее явствуетъ изъ самой сущности дѣла.

10. Изображеніе всѣхъ формъ, въ которыхъ число можетъ быть образовано посредствомъ повторенія или изображеніе различныхъ способовъ, какъ каждое число можетъ быть образовано посредствомъ умноженія.

«Подумайте, сколькими способами можете вы получить || посредствомъ умноженія?».

«Двумя способами: или, — беря | | одинъ разъ, или | два раза».

«Изобразите на вашихъ доскахъ всѣ формы, въ которыхъ можетъ быть образовано каждое число послѣдовательнаго ряда всѣхъ чиселъ до десяти посредствомъ повторенія или умноженія, и скажите, что вы при этомъ замѣчаете».

«Всѣ ли числа образуются посредствомъ повторенія однимъ числомъ способовъ?»

«Нѣтъ! Нѣкоторыя числа, напримѣръ, единица, двойка, тройка и т. д. образуются только двоякимъ образомъ посредствомъ повторенія или умноженія».

«Какимъ двоякимъ путемъ образуются всегда эти числа?»

«Или число умножается по закону одного, единицы, или одинъ, единица по закону числа».

«Числа, которыя образуются только двоякимъ путемъ посредствомъ умноженія или повторенія, называются основными или недѣлимыми числами».

«Что такое основныя или недѣлимыя числа?»

«Назови мнѣ всѣ основныя или недѣлимыя числа до тридцати».

«Сколько основныхъ чиселъ до 10? — до 20?».

«Какое число до тридцати можно самымъ различнымъ образомъ изобразить посредствомъ сложения?»

11. Объ уменьшеніи или уничтоженіи чиселъ по внутреннему закону или посредствомъ повторенія.

Это и зависимое отъ него и обусловленное имъ дѣленіе

чисель (не единицы) и содержимость одного числа въ другомъ можетъ быть легко проведено по примѣру только-что изложеннаго.

Точно такъ же:

12, сравненіе чисель по внѣшнему и

13, сравненіе чисель по внутреннему закону

можетъ каждый легко исполнить по изложенному до сихъ поръ и съ имѣющимися вспомогательными средствами.

Только до этого пункта, до сравненія числа по внутреннему закону, или по внѣшней формѣ слѣдуетъ доводить мальчика этого возраста и на этой ступени развитія. Разсмотрѣніе чисель во взаимоотношеніяхъ, которое предполагаетъ болѣе широкій обзоръ и большее обобщеніе чисель, принадлежитъ слѣдующей ступени развитія мальчика, и послѣдняя вмѣстѣ съ тѣмъ характеризуется этимъ.

2. Ученіе о формахъ.

Уже наблюденіе внѣшняго міра и упражненіе въ языкѣ привело, какъ раньше было указано, къ наблюденію, разсмотрѣнію и познанію формы; но предметы внѣшняго міра въ общемъ представляютъ столько разнообразія, запутанности и потому трудны для наблюденія и въ особенности для опредѣленія формы, что дѣло само собою переходитъ дальше къ предметамъ съ простыми формами и фигурами, къ предметамъ съ простою прямою поверхностью, къ ограниченнымъ равными или прямыми углами.

Въ основѣ познанія всякой формы, въ концѣ концовъ, лежитъ познаніе линейнаго, въ особенности формы наблюдаются и познаются при посредствѣ прямолинейнаго; поэтому при наблюденіи и разсмотрѣніи предметовъ, сообразно съ ихъ направленіемъ, криволинейные предметы скоро остаются въ сторонѣ и предметы рассматриваются на основаніи прямолинейнаго, напримѣръ, кривая — поверхность печи, стекло на часахъ, край чернилницы; прямая — поверхность у дверей, обшивка оконная, у оконныхъ и зеркальныхъ рамъ, у оконныхъ поперечниковъ.

Затѣмъ рассматриваются предметы и части и ограничивающія линіи предметовъ по ихъ положенію и направленію другъ къ другу, напримѣръ, два длинныхъ и два короткихъ поперечника оконныхъ параллельны, длинный и короткій поперечникъ образуютъ прямой уголъ, точно такъ же длинная и короткая сторона зеркальной рамы; въ одинаковомъ направленіи идутъ два поперечника двухъ закрывающихся оконныхъ половинъ.

Такъ же рассматриваются ножки стульевъ и столовъ и т. д., различныя поверхности, края, углы столовъ и т. д. по ихъ направленію, положенію, числу, формѣ. — Такъ же ведется разсмотрѣніе комнаты по ея формѣ, положенію, направленію стѣнъ, угловъ и т. д.

Отъ разсмотрѣнія прямыхъ поверхностей составныхъ предметовъ надо переходить къ разсмотрѣнію прямыхъ простыхъ тѣлъ, къ разсмотрѣнію кубическихъ тѣлъ, тѣлъ, имѣющихъ форму бревна, плитки, остроконечныхъ и т. д.

Когда такимъ образомъ ученикъ, мальчикъ, изъ созерцанія поверхностей и реберъ зтихъ тѣлъ узналъ линейное отношеніе, въ которомъ тѣла наблюдаются, и ему стало ясно всякое ребро, какъ созерцаніе линій, и линейное, лежащее въ основѣ каждой формы и какъ бы образующее ея контуръ, ея сѣтъ, тогда-то въ мальчикѣ, въ ученикѣ, развилась потребность разсмотрѣть линейное и отношеніе линейнаго къ самому себѣ. Теперь мальчикъ въ своемъ развитіи дошелъ до той ступени, когда для него дѣлается потребностью настоящее ученіе о формахъ и прежде всего наблюденіе и изученіе формъ на одной плоскости и въ ней.

Ученіе о прямолинейныхъ, образованныхъ на одной плоскости и въ ней, формахъ начинается съ разсмотрѣнія одной и отдѣльныхъ линій, сначала не связанныхъ и не соединенныхъ, по положенію своему и направленію параллельныхъ, идущихъ въ одномъ направленіи, и не параллельныхъ, при чемъ послѣднія образуютъ прямой уголъ и имѣютъ одинаковый наклонъ, и съ разслѣдованія того, какъ число линій и положеніе и направленіе взаимно обуславливаютъ другъ друга; затѣмъ рассматриваются линіи въ связи или въ соединеніи,

прежде всего вообще, смогут ли и сколько могут соединяться и оставаться несоединенными, во-вторых, по числу точек, в-третьих, съ точки зрѣнія отношенія положенія концовъ къ точкамъ соединенія линий, въ точкахъ ли соприкосновенія или внѣ ихъ. Далѣе: разсмотрѣнїе непосредственнаго результата соединенныхъ въ точкахъ, но еще разныхъ линий, разсмотрѣнїе угловъ по ихъ числу и отношеніямъ къ линиямъ и точкамъ соединенія, разсмотрѣнїе по ихъ положенію и формѣ. Далѣе: разсмотрѣнїе линий въ отношеніи къ пространству, которое онѣ обнимаютъ, разсмотрѣнїе самаго пространства, формы его, обусловленной, во-первыхъ, числомъ линий, положеніемъ послѣднихъ, затѣмъ, числомъ, формою и положеніемъ угловъ.

Какъ до сихъ разсматривались ограниченныя пространства или образованныя плоскости, каждая сами по себѣ, такъ теперь надо ихъ разсмотрѣть въ связи, а именно сначала съ линиями, затѣмъ съ углами, наконецъ, съ плоскостями. Соединеніе плоскости и плоскостей, однородныхъ и одноименныхъ и неоднородныхъ и неоднородныхъ и опять-таки только въ точкахъ или въ линияхъ (сторонахъ) или плоскостяхъ, какъ бы пересѣкающихся другъ друга.

Цѣлью и заключеніемъ будетъ: нѣсколько одноименныхъ, но между собою неоднородныхъ плоскостей (и въ особенности нѣсколько квадратовъ и равностороннихъ треугольниковъ), соединить въ одну форму, которая между собою опять во многихъ отношеніяхъ равна, гдѣ, значить, четырехугольники и треугольники, въ другихъ отношеніяхъ совершенно различныя формы, какъ бы заключаются въ третьей формѣ, напимѣръ, три четырехугольника, наложенные одинъ на другого звѣздообразно, образуютъ своими углами двѣнадцатиугольникъ; четыре треугольника (равносторонніе), такъ же соединенные, обуславливаютъ своими углами двѣнадцатиугольникъ. Значить, двѣнадцатиугольникъ есть форма, связующая треугольникъ и четырехугольникъ; двѣнадцатиугольникъ же указываетъ на многоугольникъ, а многоугольникъ самъ въ себѣ или многоугольникъ безъ угловъ есть кругъ. Предѣлъ и цѣль ученія

о формахъ, обусловленныхъ прямыми линиями, будетъ тамъ, гдѣ оно указываетъ на кругъ, требуетъ его и обуславливаетъ.

Провести ходъ этого преподаванія детально и изложить такимъ образомъ живое цѣлое самыхъ своеобразныхъ законовъ, которые наглядно покажутъ это изслѣдованіе и которые въ различныхъ направленіяхъ, особенно въ числѣ и его законахъ, повторяются въ своеобразныхъ видахъ, — не позволяетъ мѣсто, какъ и въ особенности недостатокъ изображеній формъ, исключаемыхъ цѣлью этой книги; но самое существенное о ходѣ ученія, особенно о сущности ученія о пространствѣ будетъ выполнено на слѣдующихъ ступеняхъ образованія мальчиковъ и учениковъ.

Здѣсь остается еще только замѣтить, что ученіе о формахъ на этой ступени развитія мальчиковъ должно больше всего держаться безпрестанно повторяющагося изображенія и дѣйствительнаго созерцанія формъ на предметахъ, а не требовать слишкомъ скоро познанія истинъ въ ихъ обобщеніи и въ отвлеченіи отъ формы независимо отъ единичнаго и самостоятельнаго изображенія.

Избѣгать слѣдуетъ также на этой ступени слишкомъ сложныхъ сочетаній и отношеній и вытекающихъ отсюда слишкомъ сложныхъ выводовъ.

Каждое отношеніе слѣдуетъ наблюдать въ чистомъ видѣ само по себѣ, но въ возможно большемъ количествѣ формъ и въ совершенно простыхъ и понятныхъ сочетаніяхъ.

Разсмотрѣнїе линий одинаковаго наклона приводитъ отъ формы особенно къ свободному рисованію.

3. Упражненіе въ произношеніи.

Мы обращаемся теперь къ совершенно другой сторонѣ преподаванія, противоположной только-что разсмотрѣнной; вѣдь разсмотрѣнный предметъ преподаванія былъ видимъ, осязаемъ; предметъ или собственно матеріаль настоящаго преподаванія слышимый, преходящій; поэтому, хотя оба пред-

мета преподаванія противоположны, но они взаимно дополняютъ другъ друга и потому принадлежать другъ къ другу: познанная и усвоенная форма старается изобразить предметъ, и языкъ старается, — и это задача языка — образно представить предметъ. Упражнения въ языкѣ должны были и имѣли цѣлью правильно и ясно наблюсти предметы, прежде всего, внѣшняго міра и чисто и опредѣленно обозначить ихъ въ рѣчи; упражненія въ произношеніи имѣютъ дѣло съ языкомъ, какъ матеріаломъ, какъ веществомъ для изображенія, съ упражненіями въ знаніи и правильномъ употребленіи этого матеріала, какъ слышимаго, и затѣмъ опять съ знаніемъ, заучиваніемъ и сознаніемъ рода и способа, какимъ человѣкъ при помощи своихъ органовъ рѣчи какъ бы самъ создаетъ себѣ свой матеріаль и вмѣстѣ съ тѣмъ образуетъ его. Поэтому упражненія произношенія разсматриваютъ слово чисто само по себѣ и совершенно независимо отъ предмета.

Слѣдовательно, цѣль упражненій въ произношеніи дать человѣку, мальчику, узнать и ясно сознать рѣчь чисто саму по себѣ, какъ матеріаль. Отсюда вытекаетъ уже раньше намѣченная связь языка, особенно первоначальнаго слова и различныхъ частей его, съ обозначаемыми предметами и ихъ свойствами, или разсмотрѣніе по необходимости соотвѣтственно равнаго и подобнаго въ языкѣ и предметѣ — ученіе о словѣ, какъ новая вѣтвь преподаванія.

Прежде всего мы встрѣчаемся съ различною величиною словъ при разсмотрѣніи слова, какъ такового самого по себѣ, и это должны поэтому уяснить упражненія въ произношеніи. Величина же слова узнается прежде всего по большому или меньшему числу его слоговъ; поэтому различное число слоговъ каждаго слова — это первое, что ученикъ долженъ сознать благодаря упражненію въ произношеніи; послѣднее различаетъ слова односложныя, двух-трех-и многосложныя.

Послѣ числа слоговъ разсмотрѣнію подлежитъ различіе частей каждаго слога. Общимъ замѣчаніемъ является тутъ, что не бываетъ слога безъ гласной. Слѣдующимъ

требованіемъ, которое тутъ является, служить необходимость изучить различныя и разновидности гласныя. Гласныя являются въ видѣ простыхъ и стянутыхъ, а первыя въ видѣ основныхъ и второстепенныхъ.

Различіе и разновидность гласныхъ непосредственно приводитъ къ разсмотрѣнію различнаго употребленія органовъ рѣчи, особенно различнаго положенія рта, и заставляетъ понять, какъ чистота и опредѣленность звука (гласной) зависятъ отъ опредѣленности и соразмѣрности отверстія рта и т. д.

Если гласные звуки познаны по ихъ существу и способу возникновенія, насколько это возможно на этой ступени развитія, тогда привлекаютъ вниманіе части словъ, являющіяся какъ бы тѣлами гласныхъ звуковъ, звуковыя тѣла (согласные); въ нихъ вскорѣ обозначается существенная разница въ томъ, что нѣкоторые изъ нихъ, изображенные и разсматриваемые сами по себѣ, еще слышны опредѣленнымъ образомъ, это звуки; другіе же сами по себѣ почти совершенно неслышны, такъ какъ они какъ бы замыкаютъ употребленіе органовъ рѣчи: замыкатели и заключатели.

Общимъ и характернымъ свойствомъ согласныхъ звуковъ, и замыкателей является преимущественная связанность ихъ съ опредѣленнымъ органами рѣчи: губами, носомъ, языкомъ и т. д., такъ что звуки отличаются прежде всего, какъ носовые, губные, язычные, зубные, небные, горловые, и легочные (придыхательные) звуки. Замыкатели различаются также губные, зубные и небные.

Далѣе однако звуки и замыкатели одинаковыхъ органовъ рѣчи обнаруживаютъ между собою и въ отношеніи къ ихъ возникновенію ту существенную разницу, что при возникновеніи и созданіи ихъ органы рѣчи пускаются въ ходъ съ большею или меньшею, или среднею силою, или вообще различнымъ образомъ, и такимъ образомъ создаются и производятся отличающіеся другъ отъ друга звуки (согласные) и замыкатели одинаковыхъ органовъ рѣчи.

Такимъ образомъ ученику не только все яснѣ дѣлается зависимость чистаго опредѣленнаго произношенія частей слова и, слѣдовательно, всего родного языка отъ опредѣленнаго и твердаго употребленія органовъ рѣчи, но человекъ, мальчикъ, такимъ путемъ начинаетъ ясно понимать эту дѣятельность своихъ органовъ рѣчи, сознавая, какіе органы и какъ обуславливаютъ каждую часть слова и лежатъ въ ея основѣ.

Такъ-то мальчикъ и ученикъ начинаетъ мало-по-малу чувствовать внутреннюю живую связь духовной, физической и природной дѣятельности: языкъ представляется ему продуктомъ духа, созданнымъ при помощи физической дѣятельности и соотвѣтствующимъ, вполнѣ удовлетворительнымъ изображеніемъ какъ внутренняго, такъ и внѣшняго міра. И такимъ образомъ этотъ создающій самъ себя, живой и развивающій ходъ обученія языку, въ своей послѣдовательности, являетъ намъ образованіе рѣчи и развитіе рѣчи, самое говореніе (разговоръ), какъ великое живое цѣлое, какъ жизненное цѣлое; такъ между рѣзко различающимися частями слова, гласными, согласными звуками, и замыкателями нѣкоторые являются какъ бы посредствующими; такъ мягкій-небный звукъ *j* — между гласными и согласными, исходя отъ гласнаго *i*; мягкая губная согласная *w* — между гласными и согласными, исходя отъ *u* (нѣм. *u*); такъ между замыкателями и звуками согласными посредствующимъ является мягкій губной замыкатель *b* (б нѣм.), исходя отъ мягкаго губного *w*; посредствующимъ между согласными и замыкателями являются, непосредственно исходя отъ мягкаго зубного, *x* и *z* и т. д. Такъ въ нашемъ родномъ языкѣ каждому органу рѣчи, невидимому, принадлежатъ всегда три различныхъ части слова, требующихъ одна болѣе твердаго, вторая болѣе рѣзкаго и третья болѣе мягкаго напряженія силъ органа рѣчи.

Гораздо болѣе все это выясняется на самомъ дѣлѣ ходомъ ученія, о которомъ за недостаткомъ мѣста здѣсь будетъ сдѣлано лишь нѣсколько указаній.

Сначала учитель, чтобы вызвать въ ученикѣ представленіе и пониманіе различной величины словъ по количеству

слововъ, произносить односложное слово и совершенно одновременно, чтобы показать число слоговъ, дѣлаетъ правою рукою ударъ, считаетъ затѣмъ разъ и опять вмѣстѣ со счетомъ производитъ ударъ, напримѣръ:

Учитель	{	говорить: шагъ . . . . разъ	}	одновременно
		ударяетъ — —		
		(ударъ) (ударъ)		

Учитель: «Найдите мнѣ слова, при которыхъ также можно сдѣлать лишь одинъ ударъ и сосчитать только разъ».

Точно такъ же, какъ учитель, поступаетъ

ученикъ	{	говорить: носъ . . . . разъ	}	то и другое опять одновременно
		ударяетъ — —		
		(ударъ) (ударъ)		

Это и всѣ слѣдующія упражненія продѣлываются до тѣхъ поръ, пока ученики не будутъ бѣгло исполнять требованія учителя.

Къ внимательному отношенію къ требованію учителя лучше всего можно побудить учениковъ словомъ: «вниманіе». Найденное и произнесенное отдѣльнымъ лицомъ, какъ обыкновенно, разбирается всѣми и дѣлается общимъ достояніемъ.

Дальше:

Учитель	{	окно; разъ, два	}	совершенно одновременно
		— — — —		
		(ударъ, ударъ) (ударъ, ударъ)		

«Найдите и вы слова, при которыхъ можно сдѣлать два удара и считать разъ, два».

«Пальто, добрый, завтра».

Ударъ рукою, чтобы сдѣлать величину и составъ слова внѣшнимъ пространственнымъ образомъ видимымъ, необходимо, такъ какъ при преподаваніи и всякомъ ученіи является глубоко обоснованная, неотвратимая потребность все, что ученику надо познать, и все, съ чѣмъ желаетъ его познакомить познаніе, соединять съ противоположнымъ по существу: слѣдовательно, мертвое, покоящееся, форму — съ живымъ и дви-

гающимъ, словомъ; слово, слышимое, живое — съ пространствомъ, видимымъ, движеніемъ; внутреннее — съ внѣшнимъ и наоборотъ. Чѣмъ опредѣленнѣ противоположность и болѣе соотвѣтствуетъ противоположаемому, тѣмъ надежнѣ и яснѣ впечатлѣніе и способность удержать его со стороны ученика. Въ данномъ случаѣ самостоятельное удареніе собственною рукою особенно важно, потому что настоящая и слышимая величина дѣлается о щ у щ а е м о й .

Точно такъ же, какъ выше описано, поступаюсъ съ трех- и пятисложными словами.

Если ученики окончили правильное наименованіе и опредѣленіе количества слоговъ, то учитель говоритъ:

«Слова, при которыхъ можно сдѣлать одинъ ударъ или сосчитать одинъ, называются о д н о с л о ж н ы м и словами».

«Какъ называются и т. д.» по вышеприведенной схемѣ.

«Назовите мнѣ нѣсколько односложныхъ словъ».

Такъ же съ двухсложными и до пяти-и многосложныхъ.

Теперь ученикамъ предлагаютъ, безъ выбора числа слоговъ, одно- или многосложныхъ слова, чтобы они сами опредѣляли число слоговъ, или учитель безъ выбора опредѣлитъ число слоговъ, а ученики должны соотвѣтственно съ этимъ подобрать слова. Въ концѣ мальчики должны сами и одновременно опредѣлять слова и число слоговъ. Если ученики тверды въ опредѣленіи слоговъ, ученіе идетъ дальше.

До сихъ поръ опредѣлялась величина слова посредствомъ числа слоговъ, но сущность, значеніе слова зависитъ не только отъ величины слова, но и еще больше отъ рода отдѣльныхъ частей его и ихъ соединенія.

Первый выводъ, который получается здѣсь изъ наблюденія, тотъ, что нѣтъ ни одного слога, а слѣдовательно не можетъ быть ни одного слова, въ частяхъ котораго не было бы хоть одной гласной, и что эта гласная является какъ бы душою каждаго слога.

Къ самостоятельному уразумѣнію этого закона языка ученика должно привести нижеслѣдующее.

Учитель произноситъ односложное слово, оканчивающееся гласною, и, произнеся слово, выдѣляетъ самъ гласную особо:

«Du», звукъ u (нѣм. у).

Учитель и ученикъ вмѣстѣ: «Du», звукъ u.

Затѣмъ также берутъ односложныхъ слова, оканчивающихся на гласные: o, e, a, i, ü, ö, ё, и т. д., и эти гласные разсматриваются отдѣльно.

Если ученики настолько уже подвинулись, что легко въ состояніи схватывать гласную отдѣльно отъ другихъ частей слова, тогда учитель можетъ сейчасъ же начать съ слѣдующею ступени, т.-е. онъ можетъ произносить имъ односложныхъ слова, у которыхъ гласная на концѣ, и заставлять ихъ самихъ находить гласную; вотъ такъ:

Учитель говоритъ: «Kuh».

Учитель и ученики вмѣстѣ: «Kuh».

Чтобы ученики ясно и твердо освоились съ словомъ и гласною, хорошо, когда то и другое произносится два-три раза. Затѣмъ учитель (спрашивая) «Kuh» — гласная?

Ученики (вмѣстѣ отвѣчая) «uh».

И этотъ вопросъ и отвѣтъ можетъ быть произнесенъ два-три раза.

Затѣмъ ученики знакомятся, отдѣльно или всѣ вмѣстѣ, съ нѣсколькими словами, въ которыхъ встрѣчается одна и та же гласная, на примѣръ: Ruh, du, zn и т. д.

Затѣмъ такъ знакомятся съ всѣми гласными.

Точно такъ же указываются слова, которыя н а ч и н а ю т с я съ гласной, на примѣръ: «Uhr», «oft», затѣмъ такія слова, у которыхъ гласныя въ серединѣ, на примѣръ: «gut», «roth» «kalt».

Благодаря всему этому, ученикъ долженъ увѣренно разыскивать и опредѣлять гласную, но если бы у нѣкоторыхъ обнаружилась не твердость, то учитель долженъ устранить ее при слѣдующихъ упражненіяхъ и особенное вниманіе обратить на этихъ учениковъ.

До сихъ поръ ученика доводили до того, чтобы онъ твердо могъ опредѣлить гласную въ односложныхъ словахъ. Теперь ученикамъ ставятъ вопросъ:

«Есть ли односложное слово, у котораго нѣтъ ни одной гласной?»

Отвѣтъ: «Не бываетъ односложнаго слова, которое не

имѣло бы ни одной гласной» нѣсколько разъ всѣми произносится.

Такъ же, какъ до сихъ поръ, знакомятъ и усваиваютъ гласныя въ двух-и трехсложныхъ словахъ; чтобы избѣжать при этомъ путаницы, хорошо сохранять гласныя въ первомъ, и даже второмъ слогѣ, перемѣняя ихъ въ прочихъ слогахъ.

Встрѣчающіеся здѣсь законы внимательный учитель замѣтитъ самъ и обратитъ на нихъ вниманіе своихъ учениковъ, если они вообще способны усваивать общіе законы. Если же ученики еще недостаточно развиты для усвоенія этихъ законовъ, то послѣдніе выдвигаются лишь тогда, когда встрѣтятся уже второй или третій разъ. Что вообще болѣе медленное и распространенное или болѣе быстрое и обобщающее усвоеніе зависитъ отъ развитія учениковъ, и что въ зависимости отъ этого же надо то прибавить единичныя упражненія, то ихъ поскорѣе окончить, — это указаніе нужно сдѣлать только развѣ начинающему учителю.

Какъ раньше учитель опредѣлялъ число слоговъ и требовалъ, чтобы ученикъ находилъ подходящія слова, точно такъ же учитель можетъ указать гласныя и ихъ порядокъ и заставить ученика найти соотвѣтствующія слова, на примѣръ:

Учитель: «о—я—и».

Ученикъ: «хозяинъ» и т. д.

Подобнымъ же способомъ ученикъ усваиваетъ согласныя:

Учитель говорить: «Müh».

Ученикъ (вмѣстѣ повторяя нѣсколько разъ): «Müh, Müh».

Попробуйте произнести слово «Müh» безъ гласной «ü».

Они пробуютъ и слышится чистый звукъ 'm.

Приводятся еще другія односложныя слова, начинающіяся или оканчивающіяся на 'm, на примѣръ: «mäh, Mai», и въ нихъ наблюдается отдѣльно звукъ m.

«Похоже ли звучитъ m съ какою-либо изъ извѣстныхъ вамъ гласныхъ?» —

«Нѣтъ».

«m — согласный звукъ» *).

*) Нѣсколько строкъ опущено.

«Скажите «не».

«не, не, не».

«Попробуйте произнести «не» безъ гласной е».

«'n 'n 'n».

Куда мы отнесемъ 'n къ гласнымъ или согласнымъ?»

«Къ согласнымъ».

Вмѣстѣ: «'n — согласный звукъ».

«Произнесите звукъ 'm и посмотрите, какіе изъ вашихъ органовъ рѣчи въ особенности и больше всего при этомъ дѣйствуютъ».

Точно такъ же съ звукомъ 'n и 'ng.

«Какъ мы можемъ и должны называть эти звуки?»

«Носовыми».

«Какъ они могутъ въ свою очередь различаться между собою?».

«Какъ глухой, рѣзкій, мягкій носовой звукъ».

«Почему?»

Какими органами рѣчи и при какомъ ихъ употребленіи создается:

глухой носовой	'm
рѣзкій	» 'n
мягкій	» 'ng?»

Точно такимъ же образомъ ученикъ разсматриваетъ и усваиваетъ себѣ каждый отдѣльный согласный звукъ.

Затѣмъ ученику ставятся отдѣльныя требованія и вопросы въ извѣстной послѣдовательности или безъ опредѣленной связи, на примѣръ:

«Произнеси мнѣ рѣзкій или шипящій язычный звукъ».

«Сложи крѣпко губы, направь воздухъ черезъ носъ и посмотри, что за звукъ получится».

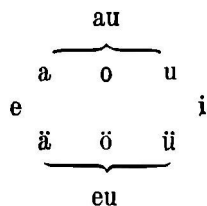
«Какъ ты воспроизведешь мягкій зубной звукъ?»

«Покажи мнѣ дѣятельность твоихъ органовъ рѣчи при мягкомъ, при крѣпкомъ замыканіи губъ» и т. д. и т. д.

Хотя и невозможно посредствомъ мертваго сопоставленія на одной поверхности изобразить внутреннее родство и живую связь коренныхъ частей слова въ языкѣ, какъ ее уче-

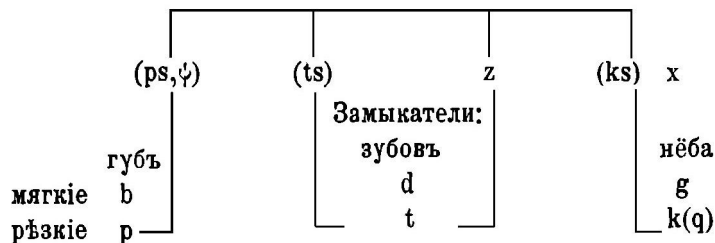
никъ живо воспринимаетъ въ этомъ развивающемъ преподаваніи, тѣмъ не менѣ мы помѣщаемъ нижеслѣдующую краткую таблицу.

ГЛАСНЫЯ (нѣмецкія).

СОГЛАСНЫЯ (нѣмецкія):

	легочный h		ch горловой		
	носовые, губныя, зубныя, язычныя, небныя				
глухія	m	v	sch	r	chi
рѣзкія	n	f	ß	l	g.
мягкія	ng	w	s		j

Предыдущее обученіе привело ученика къ тому, что онъ можетъ:

1, точно и опредѣленно узнать каждую часть слова, обозначить ее и сдѣлать ее доступной слуху и зрѣнію. Затѣмъ ученикъ въ состояніи

2, относительно каждой части слова узнать дѣятельность органовъ рѣчи, посредствомъ которыхъ производится часть слова, и дать въ этомъ отчетъ и объяснить другимъ.

Слѣдующая ступень этого преподаванія заботится о ловкости и увѣренности посредствомъ упражненія; это дѣлается различными способами.

Учитель безъ выбора произноситъ слова и заставляетъ произносить и изображать слоги и части ихъ; онъ заставляетъ обозначать слоги по ихъ порядку описывающимъ словомъ; или учитель произноситъ нѣсколько слоговъ въ опредѣленной послѣдовательности и даетъ ученикамъ образовать изъ этого слова, напримѣръ: «Соедините мягкій губной замыкатель, гласный au (нѣм.) и глухой носовой звукъ; къ концу задачи ученики отвѣтятъ: «Baum».

Эти послѣднія упражненія предпринимаются въ опредѣленной послѣдовательности отъ болѣе простаго и легкаго къ болѣе сложному и трудному; но всякій внимательный и вдумчивый преподаватель самъ установитъ такую послѣдовательность, и чѣмъ болѣе преподаватель проявитъ при этомъ самостоятельности, я бы сказалъ, чѣмъ больше онъ самъ рассчитываетъ и старается еще научиться и стремится самостоятельно двинуть преподаваніе, тѣмъ дороже оно ему сдѣлается и тѣмъ больше пользы принесетъ его ученикамъ.

Съ этой твердостью и навыкомъ, ясностью всѣхъ составныхъ частей слова, какъ по ихъ употребленію, такъ и по составу и особенно по ихъ внутренней живой и необходимой связи преподаваніе заканчивается на этой ступени дѣтскаго развитія, послѣ того какъ, что особенно важно на этой ступени для слѣдующаго письма, сознана разница въ долготѣ и краткости гласныхъ въ слогахъ (не долгота и краткость самихъ слоговъ), напримѣръ: «man» «Mann» «nahm».

На слѣдующей и позднѣйшей ступени преподаванія отъ этой точки расходятся новыя вѣтви обученія, именно разсмотрѣніе, которое учить долготѣ и краткости слоговъ и лежащимъ въ словахъ законамъ движенія и обусловленныхъ ими соединеніямъ, въ двигательныя части и дѣлыя.

Слѣдующее требованіе, которое ощущается на этой ступени и является въ видѣ обученія, — это потребность соединять составныя части словъ съ опредѣленными знаками,

установить для этого опредѣленные знаки, слышимую, переходящую рѣчь сдѣлать видимою и прочною, — словомъ, является необходимость въ письмѣ.

4. Письмо.

Подъ письмомъ и обученіемъ письму никоимъ образомъ здѣсь не подразумѣвается чистописаніе (каллиграфія) и письмо, какъ искусство, а навыкъ и искусство, — запечатлѣвая переходящія слышимыя слова въ соотвѣтствующіе и остающіеся всегда одинаковыми, видимые и прочные знаки, сдѣлать возможнымъ себѣ и другимъ впослѣдствіи при видѣ этихъ знаковъ и ихъ соединеній не только мыслить тѣ же слова и такимъ образомъ и тѣ же представленія, но и произносить ихъ самому или другимъ, чтобы вызвать въ слушающемъ тѣ же первыя представленія, понятія и воззрѣнія, которымъ онѣ обязаны своимъ характернымъ сочетаніемъ; это — чтеніе, о которомъ рѣчь будетъ впослѣдствіи.

Болѣе важное при этомъ преподаваніи есть выборъ письменныхъ знаковъ; они непременно должны обладать слѣдующими качествами: они должны быть характерны для каждой части слова, а потому легко различимы другъ отъ друга, и все-таки они при этомъ, какъ самыя части слова, должны находиться въ извѣстной связи, по крайней мѣрѣ, указывать на нее *).

Обученіе письму, непосредственно примыкающее къ упражненію въ произношеніи (разговорѣ) и собственно вытекающее изъ него, происходитъ слѣдующимъ образомъ.

Учитель развиваетъ сначала въ своихъ ученикахъ сознание необходимости отдѣльныхъ письменныхъ знаковъ, указывая имъ, что для письма требуется не только знаніе опредѣленныхъ знаковъ для отдѣльныхъ частей слова, но и ловкость въ употребленіи и въ сочетаніи ихъ.

Писаніе само происходитъ на часто упоминавшейся доскѣ

*) Пропущено разсужденіе о латинскомъ шрифтѣ и готическомъ, неинтересное для русскаго читателя. *Перев.*

съ сѣтью; начинается оно самымъ легкимъ знакомъ вертикальной линіи, обозначеніемъ гласной *i*.

Учитель начинаетъ: «Произнесите мнѣ нѣсколько разъ гласную *i*».

Ученики исполняются «*i, i, i*».

«Проведите въ вашей сѣтчатой доскѣ три раза вертикальную линію двойной длины и произнесите при каждой: это обозначаетъ гласную *i*».

Ученики поступаютъ такъ: *I* «это обозначаетъ гласную *i*»; *I* «это обозначаетъ гласную *i*» и т. д.

«Вы имѣете теперь три раза обозначеніе гласной *i*».

«Что вы сдѣлали?»

«Обозначьте мнѣ каждый на своей доскѣ еще нѣсколько разъ гласную *i*».

«Проведите на вашей доскѣ перпендикулярную линію двойной длины». Учитель каждый разъ дѣлаетъ тоже самое на большой доскѣ, послѣ того какъ ученики сдѣлали это на своихъ доскахъ. «Отъ верхняго конца этой линіи проведите наклонную двойной длины; отъ нижняго конца этой линіи проведите перпендикулярную кверху».

«Сдѣлали вы это?»

«Что вы сдѣлали?»

«Мы провели» и т. д.

«Хорошо! Вы сдѣлали обозначеніе звука *n*»

«Сдѣлайте на вашей доскѣ три раза этотъ знакъ и при этомъ повторяйте: это обозначаетъ звукъ *n*» (нѣм.).

«Произнесите мнѣ три раза словечко «*in*» (нѣм.).

«Изъ какихъ частей состоитъ слово *in*?»

«Изъ гласной *i* и рѣзкаго носоваго звука '*n*'».

«Можете вы написать знаки для обоихъ?»

«Ну такъ напишите три раза слово *in*».

Они пишутъ *IN—IN—IN*.

Учитель смотритъ, все ли правильно написано; стираетъ затѣмъ все и предлагаетъ ученикамъ написать то же слово еще нѣсколько разъ.

Учитель продолжаетъ: «Проведите перпендикулярную линію двойной длины; отъ верхняго конца ея полунаклонную

простой длины; изъ нижняго ея конца полунаклонную линію направо одинаковой длины; изъ верхняго конца этой послѣдней перпендикулярную двойной длины?»

«Сдѣлали вы это?»

«Что вы сдѣлали?»

«Хорошо! Вы сдѣлали обозначеніе глухого носового звука 'm (нѣм.)».

«Что вы сдѣлали или изобразили?»

«Напишите нѣсколько разъ на вашихъ доскахъ знакъ для глухого носового звука 'm (не *em*) и каждый разъ говорите: это обозначаетъ звукъ 'm; или же произносите каждый разъ, когда вы пишете звукъ 'm (такъ: *M'm*).

Обозначьте нѣсколько разъ звукъ 'n обозначьте нѣсколько разъ звукъ *i*; обозначьте нѣсколько разъ звукъ 'm».

«Скажите мнѣ три раза слово *im*».

«Изъ какихъ частей состоитъ это слово?»

«Можете вы сдѣлать знаки для каждой части слова?»

«Напишите три раза слово *im*».

Они пишутъ *IM—IM—IM*.

Учитель дальше поступаетъ, какъ въ предыдущемъ.

«Сколько письменныхъ знаковъ (или буквъ) у васъ?»

«Можете вы этими тремя буквами написать и другія слова?»

Хотя ученики и не въ состояніи будутъ здѣсь же отвѣтить утвердительно, потому что существуетъ только одно еще слово *nimm*, все-таки хорошо, если уже здѣсь поставить этотъ вопросъ, когда еще такъ мало знаковъ.

«Есть все-таки еще одно слово, именно *nimm*. Произнесите три раза слово «*nimm*».

«Изъ какихъ частей и въ какой послѣдовательности состоитъ это слово?»

«Напишите каждый слово «*nimm*» три раза».

Здѣсь указывается, что ускореніе гласной обозначается удвоеніемъ слѣдующей буквы.

Если бы уже здѣсь стали выдвигаться имена согласныхъ *em*, *en*, то все-таки лучше, пока возможно, оставить ихъ въ сторонѣ, чтобы упрочилось само дѣло, но какъ только явится

имя и съ нимъ надо считаться, тогда сейчасъ же ученики пусть его нѣсколько разъ напишутъ, какъ имя, чтобы ученикъ тотчасъ опредѣленно и ясно понялъ разницу между вещью (гласной, согласной, замыкателемъ), и именемъ вещи (напримѣръ *em*, *en*) и знакомъ ея (напримѣръ, *N*, *M*), чтобы онъ удержалъ эту разницу и не допускалъ смѣшенія; сдѣлать эту разницу заблаговременно ясной очень важно для послѣдующаго.

Учитель продолжаетъ, уча: «*ei*, *ei*, *ei*. — Повторите нѣсколько разъ за мной этотъ звукъ».

«Простой ли звукъ *ei*?»

«Нѣтъ стяженный» (сложный) (это извѣстно изъ упражненій въ произношеніи)».

Такъ какъ это не простой звукъ, то и обозначать его удобно не однимъ простымъ, а составнымъ знакомъ (учитель пишетъ); вотъ знакъ для звука или обозначеніе звука *ei*: *EI*.

«Изъ какихъ линій состоитъ знакъ *EI*, и какъ онѣ соединены?»

«Напишите нѣсколько разъ этотъ знакъ, и выговаривайте при этомъ каждый разъ звукъ *ei*».

«Что вы сдѣлали?»

«Сколько знаковъ или буквъ можете вы теперь написать?»

«Четыре!» *I—N—M—EI*.

«Какія слова можете вы съ ними написать?»

Учитель и ученики находятъ совмѣстно (*in*, *im*, *nimm* уже писались) *ein*, *nein*, *mein*.

«Хорошо! напишемъ ихъ; изъ какихъ частей состоитъ слово *ein*? слово *nein* и *mein*?»

«Напишите каждое изъ этихъ словъ три раза».

«Сколько словъ вы теперь можете написать?»

«Какія слова можете вы теперь написать?»

«Напишите всѣ слова, которыя вы можете написать одинъ, два, три раза».

(При началѣ всякаго новаго урока повторяется написаніе, по крайней мѣрѣ, всѣхъ словъ, которыя вновь были написаны въ послѣдній урокъ).

«Произнесите нѣсколько разъ гласную *u*».

Учитель пишетъ U и вмѣстѣ съ тѣмъ произноситъ: «Это знакъ для гласной u».

«Напишите этотъ знакъ тоже нѣсколько разъ».

«Какія слова можете вы написать съ этимъ и прежними знаками?»

Учитель и ученики находятъ совмѣстно только: u n, n u, n u m, u m.

Всѣ эти слова раздѣляются на свои части и пишутся.

Точно такъ же съ звукомъ o. Эта и гредыдушія буквы не даютъ односложныхъ словъ.

Точно такъ же съ звукомъ a; тутъ есть слова; a n, n a, a m, m a n, m a n n съ звукомъ ah, слово n a h m.

Теперь i e — n i e; e u — n e u.

Дальше оперируютъ съ самыми простыми словами.

«Произнесите мнѣ твердый или шипящій язычный звукъ». «'r, 'r, 'r»

Учитель пишетъ на большую доску: R, говоритъ, какъ выше, и предлагаетъ ученикамъ написать этотъ знакъ нѣсколько разъ.

«Какія слова можете вы написать съ этими новыми и прежними знаками?»

Учитель и ученики совмѣстно находятъ такія слова.

Затѣмъ преподаваніе переходитъ къ v, къ w, къ l, b, t, k и т. д., и т. д., во-первыхъ, руководствуясь закономъ отъ болѣе легкаго къ болѣе трудному, но въ особенности вслѣдствіе присоединенія къ этому чтенія печатнаго текста.

Самое главное, но и самое легкое для познанія и изображенія этого преподаванія заключается въ томъ, чтобы мальчикъ никогда не учился ничему, чего онъ не могъ бы тотчасъ всесторонне примѣнить, такъ какъ законъ этого преподаванія, требуетъ, чтобы всякая выученная буква соединялась со всѣми предыдущими, т.-е. чтобы ученикъ отыскалъ всѣ слова, которыя можно написать съ этой новою и съ прежде выученными буквами; это придаетъ преподаванію всегда новую прелесть и жизнь.

Отъ односложныхъ словъ переходятъ къ двух-и трех-

сложнымъ словамъ по такому же способу обученія, который легко опредѣлить и изобразить.

Если ученики приобрѣли достаточный навыкъ въ видимомъ изображеніи слышаннаго, сказаннаго или задуманнаго слова, то или учитель самъ беретъ нѣсколько словъ безъ особеннаго выбора, чтобы ученики ихъ написали, или предоставляетъ имъ написать слова и небольшія мысли, которыя ихъ интересуютъ. Если мальчики дошли до этого пункта, то ихъ заставляютъ, даже дѣлаютъ это закономъ преподаванія и школы, все написанное на доскѣ и просмотрѣнное учителемъ списать на бумагу. Это вмѣстѣ съ тѣмъ является средствомъ занять мальчиковъ, работа которыхъ уже просмотрѣна учителемъ, въ то время какъ учитель ведетъ исправленіе работъ остальныхъ учениковъ; нечего говорить вѣдь, что исправленіе ведется подъ руководствомъ учителя самими учениками. Очень целесообразно также, если при этомъ и подобномъ обученіи сажать болѣе подвинувшагося ученика, превосходящаго въ извѣстномъ объемѣ и направленіи другого, рядомъ съ послѣднимъ и поручить ему просмотрѣть и исправить работу своего болѣе слабаго товарища. Это приноситъ многостороннюю внутреннюю и внѣшнюю пользу, которую съ трудомъ можно выразить на словахъ; во-первыхъ, теперь всѣ ученики принуждаются къ дѣятельности, во-вторыхъ, болѣе слабый побуждается подражать болѣе сильному; болѣе лее сильный провѣряетъ, что онъ знаетъ и можетъ; онъ сознаетъ то, чего ему еще недостаетъ, такъ какъ не обойдется безъ того, чтобы учитель зачастую не находилъ бы ошибокъ, которыхъ исправляющей ученикъ не досмотрѣлъ, или которыя онъ не признавалъ за таковыя; нечего и говорить, что это обученіе письму непосредственно и само собою приводитъ къ правописанію и потому въ будущемъ исключаетъ это столько же непріятное, сколько трудное обученіе, въ видѣ долговременнаго и самостоятельнаго предмета преподаванія.

Умѣньемъ ученика изображать всѣ лежащія въ кругу его жизни ступени его сознанія, представленія и мысли и какъ бы свою внутреннюю жизнь (это совершенно равно познанной раньше при упражненіяхъ въ линіяхъ, краскахъ и язы-

къ ступени изображенія линейныхъ, цвѣтныхъ и словесныхъ цѣлыхъ) заканчивается это преподаваніе, потому что центръ, общая точка соотношенія (соприкосновенія), — человекъ найденъ и сдѣлалось возможнымъ изобразить его, его внутренній міръ на первой ступени, тамъ посредствомъ линий и красокъ, какъ раньше посредствомъ подвижнаго и образуемаго матеріала, и какъ здѣсь посредствомъ слова; при упражненіяхъ въ рѣчи посредствомъ преходящаго, здѣсь — посредствомъ прочно остающагося элемента. Такъ каждая ступень обученія должна представлять изъ себя нѣчто законченное, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ полное изображеніе человека, внутренняго міра человека, она должна сдѣлать возможнымъ изображеніе какого-нибудь цѣлаго въ отношеніи къ человеку, къ его внутреннему міру.

Посредствомъ только-что высказаннаго требованія, чтобы ученикъ то, что онъ изобразилъ, какъ свою мысль и наблюденіе на сѣтчатой доскѣ, и что ему исправлено болѣе знающимъ товарищемъ, въ этомъ видѣ списалъ бы на бумагу, — посредствомъ этого требованія и упражненія, которое опять-таки приносить многостороннюю и легко понятную пользу, въ мальчикѣ очень скоро возбуждается потребность въ болѣе удобномъ и быстромъ письмѣ. Въ этотъ-то моментъ и является, въ качествѣ вѣтви и предмета обученія, обученіе нашему принятому письму, потому что, какъ уже было сказано, каждое новое ученіе должно примыкать и идти навстрѣчу потребности въ мальчикѣ; задача прежняго и предыдущаго преподаванія, требованіе, которое ему ставится, заключается въ томъ, чтобы оно развивало опредѣленно и живо въ мальчикѣ потребность въ послѣдующемъ и необходимомъ обученіи; задача послѣдующаго, требованіе къ послѣдующему преподаванію — наоборотъ: пойти навстрѣчу по законамъ духовнаго здоровья этой ранѣ пробужденной потребности возможно скорѣе, возможно болѣе исчерпывающимъ и удовлетворяющимъ способомъ.

Въ этихъ двухъ столь простыхъ, но существенныхъ пунктахъ и до сихъ поръ грѣшитъ наше существующее преподаваніе и обученіе и еще въ другихъ очень существенныхъ

пунктахъ, какъ это явствуетъ изъ предыдущихъ разсужденій и положеній. Но только довести до несомнѣннаго сознанія и пониманія этотъ недостатокъ и ошибку, но и выставить тотчасъ ходъ ученія, избѣгающій тѣхъ ошибокъ и дающій необходимое лучшее — вотъ требованіе, которое ставится искусству преподаванія и обученія, въ которомъ нуждается не только мы, но все человечество на ступени мужского развитія, на которой оно находится, и къ которому поэтому стремимся и мы въ сознаніи самихъ себя и времени, въ которомъ мы живемъ.

5. Чтеніе.

Чтеніе въ сущности есть обратный письму актъ. Писать и читать противоположно другъ другу, какъ давать и брать; и какъ «брать» предполагаетъ давать, да строго говоря, какъ нельзя и невозможно брать, какъ мы не умѣемъ брать, взятое принимать и употреблять, присвоить себѣ, если раньше дѣйствительно не дать, такъ съ этой точки разсмотрѣнія въ надлежащемъ отдѣльномъ случаѣ чтеніе должно слѣдовать послѣ письма. Ходъ ученія и преподаванія естественно вытекаетъ изъ природы дѣла и можетъ быть такъ же легко узнавъ, какъ изображень, потому что мальчикъ вѣдь собственно уже умѣетъ читать по первому и подчиненному понятію, которое связываютъ съ этимъ словомъ. Чтеніе было все время вторымъ, неотдѣлимымъ актомъ при каждомъ словѣ, которое мальчикъ до сихъ поръ писалъ, въ которомъ онъ особенно упражнялся при позднѣйшемъ списываніи самостоятельно продуманнаго или наблюденнаго.

Чтеніе въ обыкновенномъ смыслѣ и въ обыкновенномъ школьномъ значеніи, чтеніе буквъ и словъ нашего печатнаго шрифта, легко можетъ быть достигнуто, и, что ранѣе достигалось съ трудомъ въ продолженіе болѣе, чѣмъ года и съ обремененіемъ для мальчика, то съ охотою достигается теперь мальчикомъ очень легко въ нѣсколько дней.

Прежде всего необходимо, чтобы печатныя буквы были указаны въ ихъ одинаковомъ значеніи съ употреблявшимися для письма большими буквами. При этомъ недостаточно

только внѣшнимъ образомъ сопоставить ихъ, напримѣръ, сказать: i есть I или $o=0$ $u=U$ и т. д., но особенно важно показать, какъ главныя линіи однѣхъ буквъ содержатся въ другихъ; какъ наши маленькія печатныя буквы произошли, быть-можетъ, изъ большихъ; это весьма возможно при нѣкоторомъ вниманіи.

Въ качествѣ посредствующаго звена между писаніемъ нѣсколько разъ уже опредѣленныхъ письменныхъ знаковъ и чтеніемъ нашего печатнаго шрифта очень полезно заставлять нѣкоторыя упражненія изъ книжки для чтенія писать на сѣтчатой доскѣ сначала употреблявшимся до сихъ поръ шрифтомъ и затѣмъ, сравнивая, прочесть въ книгѣ для чтенія.

Предѣлъ, до котораго мальчикъ долженъ дойти, благодаря этому преподаванію, на этой ступени своего общаго развитія тотъ, чтобы онъ увѣренно и чисто читалъ, правильно разбиралъ буквы и слова, чтобы онъ обозначалъ и соблюдалъ обусловленный содержаніемъ различныя раздѣленія и соединенія посредствомъ разныхъ по величинѣ промежутковъ (паузъ). Такимъ образомъ мальчикъ развивается до того, что можетъ усвоить себѣ чужія мысли, а собственный мысли и чувства провѣрить на чужихъ и такимъ образомъ подняться до каждой, обусловленной человѣческимъ и его собственнымъ, какъ единицы, существомъ возможной степени развитія. Высшее, какъ бы рисующее и изобразительное чтеніе, по существу своему относится къ слѣдующей ступени.

Обозрѣніе предыдущаго.

Такимъ образомъ человѣкъ съ самаго перваго момента своего существованія и бытія, въ его ростѣ и проявленіяхъ, по всѣмъ сторонамъ, ступенямъ и условіямъ развитія его существа до наступленія возраста мальчика изображенъ въ общихъ чертахъ, и въ общемъ видѣ указаны средства въ ихъ живой связи, необходимомъ взаимоотношеніи и естественномъ развѣтвленіи, во всемъ ихъ значеніи, посредствомъ которыхъ человѣкъ можетъ и долженъ быть развитъ въ подлежащемъ разсмотрѣнію періодѣ, согласно требованію этого періода и

соотвѣтственно его существу, если цѣль его развитія — совершенство.

Если мы бросимъ взглядъ на все познанное до сихъ поръ и высказанное, то мы увидимъ, что многія явленія въ жизни мальчиковъ, правда, еще не имѣютъ опредѣленнаго направленія; такъ, напримѣръ, занятіе красками вовсе не имѣетъ въ виду художника, и также занятіе тонами и музыкой отнюдь не имѣетъ въ виду подготовить музыканта, но эти занятія имѣютъ цѣлью и преслѣдуютъ въ человѣкѣ, въ мальчикѣ, прежде всего всестороннее развитіе и изображеніе его существа; онѣ въ общемъ — столь необходимая пища для его ума; онѣ — тотъ эфиръ, которымъ дышетъ и живетъ духъ человѣка, чтобы пріобрѣсти мощь и силу, я сказалъ бы, объемъ, потому что данныя человѣку Богомъ духовныя задатки, вытекающіе съ непреодолимой необходимостью по всѣмъ направленіямъ, непремѣнно являются въ видѣ многообразія и, какъ таковое, должны быть удовлетворены; имъ, значитъ, непремѣнно надо идти навстрѣчу въ должномъ многообразіи.

Поэтому мы должны бы, наконецъ, сознать, что, вмѣшиваясь въ природу мальчика, мы ей чрезвычайно вредимъ тѣмъ, что слишкомъ подавляемъ или направляемъ по ложному пути эти необходимыя, многостороннія духовныя направленія въ подростающемъ человѣкѣ, и даже думаемъ оказать услугу Богу и людямъ, особенно самому мальчику для его земнаго благоденствія, внутренняго мира и небеснаго блага, отрѣзая тѣ или другія и особенно прививая вмѣсто нихъ другія. Но Богъ не прививаетъ и не окулируетъ, а потому и человѣчскій духъ, какъ духъ божественный, не нуждается въ прививкахъ, но зато Богъ развиваетъ даже самое малое и несовершенное въ постоянно возрастающемъ порядкѣ по вѣчному въ самомъ себѣ основанному, вѣчному изъ себя самого развивающемуся закону; а Божественность должна вѣдь служить высшею цѣлью человѣка въ его мысляхъ и поступкахъ, и въ особенности, гдѣ у него, какъ у Бога къ людямъ, къ дѣтямъ отеческія отношенія. Мы должны относительно воспитанія нашихъ дѣтей и подумать и принять во вниманіе, что царство Божіе есть царство духовнаго и что поэтому духовное

въ чловѣкѣ и — относительно — въ нашихъ дѣтяхъ, по крайней мѣрѣ, есть часть духовнаго царства, царства Божія, и поэтому съ должнымъ вниманіемъ слѣдуетъ отнестись къ общему образованію духовнаго въ чловѣкѣ, въ нашихъ дѣтяхъ, образованію собственно чловѣческаго, т.-е. Божественнаго, какъ единичнаго явленія, въ убѣжденіи, что тогда каждый, кто воспитанъ быть чловѣкомъ, воспитанъ и для каждаго отдѣльнаго требованія, каждой отдѣльной потребности въ гражданской и общественной жизни.

Правда, на все это мы отвѣчаемъ: «Все это очень хорошо, но только неприменимо больше для нашихъ сыновей; для нашихъ сыновей примѣненіе этого и употребленіе слишкомъ поздно, потому что они уже находятся въ послѣдней четверти дѣтскаго возраста; что имъ дѣлать съ этимъ столь общимъ и основнымъ преподаваніемъ? они должны уже учить опредѣленныя частности, получить познанія непосредственно для своей будущей специальности, знанія, касающіяся этой специальности, потому что время ихъ вступленія въ гражданскую жизнь, время, когда имъ самимъ придется подумать о томъ, чтобы заработать себѣ хлѣбъ и пропитаніе или поддержать насъ въ нашемъ дѣлѣ — это время слишкомъ близко».

Мы правы: стары наши сыновья для того, что имъ теперь надо учиться, но — почему мы въ дѣтствѣ, имъ подросткушимъ мальчикамъ, не дали, не дали ихъ духу того, что они, что онъ долженъ былъ требовать? Что же мальчикамъ на всю жизнь терять это развитіе, это образованіе? Мы говоримъ также: «Когда мальчики вырастутъ и сдѣлаются взрослыми, тогда они все это могутъ догнать и догонять, тогда у нихъ найдется достаточно свободнаго времени». Глупцы мы, глупцы! Нашъ внутренній міръ опровергаетъ эти слова наши, если мы только пожелаемъ послушать то, что онъ говорить и углубиться въ значеніе этого; можетъ быть, одно и другое, что не мѣсто здѣсь устанавливать, и можно возмѣстить, но вообще говоря, что пропущено въ дѣтскомъ возрастѣ въ воспитаніи и развитіи чловѣка и чѣмъ въ это время пренебрежено, — этого никогда нельзя возмѣстить. Будемъ, какъ мужи и отцы,

и, можетъ быть, матери, наконецъ, откровенны и не будемъ скрывать отъ себя никогда незаживающія въ продолженіе всей жизни кровавыя раны, или затвердѣвшія, никогда не размягчающіяся мѣста въ нашей душѣ, или вытертыя изъ сердца, благородныя, достойныя чловѣка чувства и мысли, и образовавшіяся темныя пятна въ нашемъ сердцѣ, которыя никогда не сдѣдаются свѣтлыми; неужели мы все это, являющееся результатомъ неправильно поставленнаго юношескаго и дѣтскаго возраста, станемъ скрывать отъ себя? Неужели мы не желаемъ видѣть всѣ благородныя зародыши, которые подавлены, завяли, умерщвлены въ нашемъ существѣ? Неужели мы для блага нашихъ дѣтей не признаемся въ этомъ, не обратимъ на это вниманія? Мы занимаемъ значительное мѣсто, имѣемъ обширный кругъ занятій, имѣемъ доходное дѣло, ловкость въ жизни, наслаждаемся тонкимъ, свѣтскимъ образованіемъ, но развѣ все это можетъ помѣшать, когда мы одни и должны сами себѣ дать отчетъ, сознать пробѣлы и неполноту нашего внутренняго образованія и можетъ лично подавить въ насъ то чувство, которое основу свою по большей части имѣетъ въ неполнотѣ и несовершенствѣ нашего юношескаго воспитанія?»

Поэтому, если мы желаемъ, чтобы наши сыновья и дѣти, если они дѣйствительно уже находятся въ послѣдней трети или даже четверти дѣтскаго возраста сдѣлались дѣльными, настоящими людьми, то, если они до тѣхъ поръ еще не изучили, не развили того, что они должны были изучить и развить дѣтьми или начинающими мальчиками, они должны вернуться непременно къ дѣтскому возрасту, къ начинающемуся или начавшемуся возрасту мальчика, чтобы, хоть теперь, не упустить того, что еще можно сдѣлать, и восполнить то, что еще можно восполнить.

Можетъ быть, дѣйствительно наши сыновья вслѣдствіе этого на годъ или на два позже достигнута своей цѣли; но не лучше ли, если они вообще достигнуть все таки истинной цѣли, чѣмъ въ лучшемъ случаѣ кажущейся цѣли? Мы хотимъ быть людьми жизни и такъ плохо понимаемъ требованія настоящей жизни? Мы хотимъ быть дѣловыми людьми

и людьми, понимающими, свою выгоду, и такъ плохо понимаемъ дѣло, которое каждому такъ близко, и, гдѣ это такъ важно, мы такъ плохо, такъ плохо ведемъ свое дѣло?

Мы хвалимся жизненнымъ опытомъ, и тамъ, гдѣ мы могли бы пожинать отъ него пріятные плоды, мы его не обнаруживаемъ. Мы вообще не бросаемъ критическаго взгляда назадъ на нашу собственную юность, откуда мы могли бы почерпнуть много полезнаго для нашего блага и блага нашихъ дѣтей; вѣдь и слѣдующее требованіе, смыслъ слѣдующихъ словъ: «Вернитесь со вниманіемъ къ вашей юности, воскресите, разогрѣйте и оживите вѣчную юность вашей души», лежитъ въ словахъ и требованіи Іисуса: будьте, какъ дѣти; какъ вообще справедливо, что многое, что Іисусъ говорилъ въ свое время своимъ современникамъ, нашъ духъ говоритъ намъ въ наше время. И какъ во всѣхъ человѣческихъ отношеніяхъ, относительно всего рода человеческого къ достиженію новой ступени челоѳчества и высшая совершенства примѣнимо и, какъ бы теперь, говорится всему роду челоѳческому, то, что сказано было во времена Іисуса, и въ особенности въ отношеніи къ началу совершенно новыхъ житейскихъ взглядовъ, — такъ и теперь намъ говорится:

«Если вы всѣ не исполните на себѣ и въ себѣ, на вашихъ дѣтяхъ и въ нихъ то, что челоѳкъ духовно требуетъ на ступени ребенка и мальчика, если вы этого не дадите вамъ и вашимъ дѣтямъ, то вы не достигнете того, что въ самое счастливое, блаженное время вашей жизни одушевляло и одушевляеть вашу чающую душу, къ чему ваше сердце съ долгими, глубокими, жаждущими вздохами стремится въ лучшія минуты вашей жизни, и что воодушевляеть и когда-нибудь воодушевляло сердца благороднѣйшихъ людей и наполняетъ и исполняло ихъ сердца».

Заключеніе.

Если мы теперь подведемъ итогъ той ступени и цѣли того образованія, котораго челоѳкъ достигъ при помощи изложеннаго до сихъ поръ развивающаго способа воспитанія и

обученія, то съ опредѣленностью выступаетъ слѣдующее: мальчикъ дошелъ до смутнаго пониманія своего самостоятельнаго духовнаго я и своего существа, — онъ чувствуетъ и знаетъ себя за духовное цѣлое; — въ немъ вызвана способность воспринимать въ себя цѣлое, какъ въ своемъ единствѣ, такъ и многообразіи; въ немъ зародилась способность изображать внѣ себя цѣлое, какъ таковое, и въ его необходимыхъ частяхъ, себя самого, свое я въ единствѣ и въ многообразіи его существа на многообразіи и посредствомъ многообразія, лежащаго внѣ его. Мы находимъ и узнаемъ челоѳка, уже когда онъ дѣлается мальчикомъ, способнымъ для самаго высшаго и важнаго, для исполненія своего назначенія, своей цѣли, для пзображенія своего существа, божественнаго существа. Превратить эту способность затѣмъ въ твердый навѣкъ, въ сознаніе, пониманіе и ясность, въ свободно-сложившуюся жизнь, вотъ чему посвящена съ дѣтскихъ лѣтъ будущая жизнь челоѳка на соответствующихъ ступеняхъ его развитія и образованія. Показать пути и средства къ тому и ввести ихъ въ жизнь и дѣйствительность, вотъ чему посвящено продолженіе этого сочиненія и жизнь его автора; и какъ мальчики какъ разъ того возраста, которому принадлежитъ эта книга, исполненные бодрaго духа, жизнерадостности, веселія и счастья, вступившіе, въ то время какъ писалась эта книга, въ тотъ образовательный кругъ, изъ котораго она вышла, и окружавшіе автора во время его писанія, играя и никогда не уставая требовать все новая удовлетворенія и пищи для своего стремленія къ дѣятельности и жизни и такъ образовать изъ себя свое существо, — какъ эти мальчики могли бы служить поручителями, если бы нужно было внѣшнее поручительство, въ томъ, что авторъ писалъ правду, такъ они служатъ порукою, что онъ напишетъ правду.

Оглавление.

	Стр.
Жизнь Фрёбеля	5
Характеристика Фрёбеля	34
Введение	39
I. Грудной ребенок	69
II. Ребенок	74
III. Отрокъ	106
Пороки отрочества	127
IV. Школа.	
A. — Общія замѣчанія	135
B. — Учебные предметы.	140
1. Религиозное обучение	142
2. Естествовъдѣніе	152
3. Знакомство съ формами	163
a) Шаръ	167
b) Кристалловидныя тѣла	169
aa) Кубъ	172
bb) Восьмигранникъ (Октаэдръ)	173
cc) Четырехгранникъ (Тетраэдръ)	174
dd) Сопоставленіе	175
ee) Связующіе члены	176
ff) Ромбоэдръ	179
gg) Сложныя тѣла	181
hh) Обзоръ предыдущаго	182
c) Живые организмы	185
d) Математика	202
4. Языкъ.	
a) Общія соображенія	206
Содержаніе составныхъ частей слова	208
c) Ритмъ	212
d) Чтеніе и письмо	214

II.

	Стр.
5. Искусство	218
C. — Семья и школа.	
a) Общія соображенія	222
b) Обзоръ общихъ образовательныхъ средствъ	226
с) Образовательныя средства.	
1. Жизнь и совершенствованіе религиознаго чувства	230
2. Усвоеніе религиозныхъ изреченій	238
3. Знаніе, совершенствованіе тѣла и внимательное отно- шеніе къ нему	240
4. Изученіе природы и внѣшняго міра	242
5. Усвоеніе небольшихъ поэтическихъ произведеній, по- священныхъ природѣ и жизни, для пѣнія и пѣсни	261
6. Упражненія въ рѣчи, исходящія отъ наблюденія при- роды и внѣшняго міра	266
7. Упражненія, направленныя къ пространственному пред- ставленію тѣлъ по правилу и закону, переходя отъ простого къ сложному	275
8. Рисованіе въ сѣткѣ по внѣшне-необходимому закону	281
9. Воспріятіе красокъ въ ихъ различіи и однородности	296
10. Игры — это свободное изображеніе и упражненія вся- каго рода	305
11. Разсказываніе исторій и сказаній, басенъ и сказокъ, имѣющихъ связь съ событіями дня, современными про- исшествіями и явленіями жизни	306
12. Маленькія путешествія и болѣе далекія прогулки	311
д) Средства образованія, примѣнимыя преимущественно въ школѣ.	
1. Ученіе о числахъ	314
2. Ученіе о формахъ	330
3. Упражненіе въ произношеніи	333
4. Письмо	344
5. Чтеніе	351
Обозрѣніе предыдущаго	352
Заключеніе	356